IMT Nuremberg Archives

H – 1196

International Court of Justice

H1196 – 0002

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 7710 стр. по 8183 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 1 апреля 1946 г. по 5 апреля 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ
МАЙОР (А.ПОЛТОРАК)

"11" декабря 1946 г.
г.Нюрнберг

C E R T I F I C A T E

Official transcript of the International Military Tribunal from 1 April 1946 to 5 April 1946 in the matter of the United States of America, The French Republic, The United Kingdom of Great Britain und Northern Ireland und The Union of Soviet Socialist Republic against Hermann Wilhelm Goering and others contained in the volume under the title:

"Russian Transcripts"

numbered 7710 to 8183 inclusively are herewith certified as an authentic official Russian text, having identical force as the English, French und German texts.

John E. Ray

JOHN E. RAY, Colonel, FA
General Secretary
International Military Tribunal

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что русский текст стенограмм заседаний Международного Военного Трибунала за период времени с 1 апреля 1946 г. по 5 апреля 1946 г. по делу: Соединенные Штаты Америки, Французская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Союз Советских Социалистических Республик против Германа Вильгельма Геринга и других, - содержащихся в данном томе, озаглавленном "Русские стенограммы", пронумерованном с 7710 стр. по 8183 стр. включительно является аутентичным и официальным текстом, имеющим одинаковую силу с английским и немецким текстами.

ПОЛКОВНИК ДЖОН Е. РЕЙ
Генеральный Секретарь
Международного Военного Трибунала

г. Нюрнберг
"11" декабря 1946 г.

H1196 – 0003

H1196-0004

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от I апреля 1946 г.

Утреннее заседание.

Встать, Суд идет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто-либо из защитников хочет задать вопросы подсудимому?

/К микрофону подходит доктор Зайдель, защитник подсудимого Гесса и подсудимого Франка/.

ДОКТОР ЗАЙДЛЬ: Да, г-н председатель. Господин свидетель, вступительная часть тайного соглашения между Советским Союзом и Германией, заключенного 23 августа 1939г. была следующая: "Учитывая напряженные отношения в настоящее время между Германией и Польшей, на случай конфликта стороны договариваются о следующем..." Помните ли Вы о том, что вступительная часть этого тайного соглашения начиналась именно так?

РИББЕНТРОП: Точного текста я не помню, но примерно оно начиналось так.

ЗАЙДЛЬ: Правильно ли, что в переговорах в Москве 23 августа 1939 г. в качестве юридического консультанта принимал участие руководитель имперского отдела министерства иностранных дел посол доктор Гаусс и что он написал проекты договоров.

РИББЕНТРОП: Посланник Гаус частично участвовал в переговорах и вместе со мной составил проекты договоров.

ЗАЙДЛЬ: Я сейчас прочту Вам отрывок из заявления после Гаусса и задам Вам в этой связи несколько вопросов.

H1196-0005

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, какой документ Вы сейчас собираетесь оглашать?

ЗАЙДЕЛЬ: Я собираюсь огласить цитату из письменного заявления посла Гаусса § 3 и затем задам несколько вопросов свидетелю, так как некоторые пункти,относящиеся к этому договору, мне кажется, еще недостаточно выяснены.

/К микрофону подходит генерал Руденко/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, генерал Руденко.

РУДЕНКО: Я не знаю, господин председатель, какое отношение имеют эти вопросы к подсудимому Гессу, которого защищает защитник Зайдль, а также к подсудимому Франку. Я не хочу говорить по существу этих письменных показаний, так как я им не придаю никакого значения. Я хотел только обратить внимание Трибунала на то обстоятельство, что мы здесь не занимаемся исследованием вопросов, связанных с политикой союзных государств, а рассматриваем конкретное дело главных немецких военных преступников, и подобные вопросы со стороны защиты являются попыткой отвлечь Трибунал от вопросов, рассматриваемых на этом процессе. По этим основаниям я бы считал, что следует запретить подобного рода вопросы, как не имеющие отношения к данному конкретному делу.

/Пауза. Совещаются/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, Вы можете задавать вопросы.

ДОКТОР ЗАЙДЛЬ: Посол Гаусс заявил в 3-м пункте своего афидевита следующее: 23 августа 1939 г., примерно, около полудня в Москву прибыл самолет министра иностранных дел, которого я должен был сопровождать в качестве юридического консультанта в виду планировавшихся переговоров по поводу заключения договора. После полудня в тот же день состоялась первая беседа господина фон Риббентропа с господи-

ном Сталиным, в которой кроме министра иностранных дел принимали участие с немецкой стороны также советник посольства Гильгер в качестве переводчика и, кажется, посол граф Шуленбург. Я сам не принимал участия. Министр иностранных дел возвратился с этой длинной беседы крайне удовлетворенным и высказался в том направлении, что безусловно будет заключено такое соглашение, к заключению которого так стремилась Германия. Продолжение переговоров, во время которых должны были быть обсуждены и окончательно составлены документы, которые затем следовало подписать, было назначено на вечер. Я лично участвовал во втором совещании, где кроме меня присутствовали граф Шуленбург и советник посольства Гильгардт. С русской стороны переговоры велись господином Сталиным и господином Молотовым, переводчиком которых был г-н Павлов. Очень быстро и без затруднений пришли к соглашению относительно текста советско-германского пакта о ненападении. Г-н фон Риббентроп лично внес довольно значительные изменения в вступительную часть соглашения, которое было составлено мной. Эти изменения относились к установлению дружественных германо-русских отношений. Против внесения этих поправок протестовал господин Сталин, сказавший, что Советское правительство не может так внезапно выступить перед общественность с заверением о германо-русской дружбе после того как в течение 6 лет национал-социалистское правительство выливало на советское правительство "ушаты помоев". Эта часть вступления после этого была вычеркнута или изменена. Наряду с пактом о ненападении долгое время обсуждался особый секретный документ, который, насколько я помню назывался "тайным протоколом" или "тайным дополнительным протоколом", и содержание которого сводилось к разграничению сфер интересов в тех европейских странах, которые лежат между этими

7712

H1196 – 0006

H1196 – 0007

двумя государствами. Употреблялось ли там выражение "сферы интересов" или какие-либо другие выражения, я не помню.

Германия заявила в этом документе, что она в политическом отношении не заинтересована в Латвии, Эстонии и Финляндии, но напротив включает Литву в свою сферу интересов.

В отношении политической незаинтересованности Германии в названных выше двух прибалтийских странах первоначально возникло некоторое разногласие, когда имперский министр иностранных дел на основании данных ему инструкций хотел включить в сферу своих политических интересов некоторую часть этих прибалтийских стран, но советские представители не приняли подобное предложение, в особенности из-за незамерзающих портов, находящихся на этой территории. Имперский министр иностранных дел, очевидно, уже в первой беседе упоминал об этой проблеме и вынужден был заказать телефонный разговор с Гитлером, который состоялся только во время второй беседы и Гитлер лично дал ему /Риббентропу/ санкцию принять точку зрения Советского Союза.

Для польской территории была установлена демаркационная линия. Была ли эта демаркационная линия нанесена на карту, которая прилагалась к документам, неизвестно, может быть, она была лишь обозначена в самом документе. Этого я сейчас не помню. В остальном в отношении Польши было достигнуто примерно следующее соглашение:

Обе державы при окончательном решении проблемы, касающейся этой страны, будут действовать в полном согласии друг с другом. Однако, возможно, что соглашение, касающееся Польши, было окончательно заключено после того, как были приняты изменения, внесенные в "Тайный протокол и упомянутые в 5-м пункте.

7713

В отношении балканских стран было установлено, что Германия будет преследовать там только экономические интересы.

Пакт о ненападении и секретный документ были подписаны в тот же день, ночью" /Конец цитаты/.

Господин свидетель, в письменных показаниях посла Гаусса, данных под присягой говорится о соглашении, при котором обе державы в области урегулирования польского вопроса будут действовать в полном согласии драг с другом. Скажите, подобное соглашение было достигнуто также 23 августа 1939г.?

РИББЕНТРОП: Да, это правильно. Уже тогда существовал серьезный кризис в отношениях между Польшей и Германией и, конечно, этот вопрос подробно обсуждался тогда, и я хотел бы подчеркнуть, что ни у фюрера ни у Сталина не было никакого сомнения в том, что если все возможности вести переговоры с Польшей будут исчерпаны, то эти области, которые были отторгнуты от этих великих держав насильственным путем, т.е. силою оружия, таким же самым путем могут быть возвращены им. В последствии таким образом и были заняты восточные области советскими войсками, а западные области после победы были заняты немецкими войсками.

Никакого сомнения нет в том, что Сталин не мог упрекать Германию в совершении агрессии или ведении агрессивной войны против Польши без учета своих собственных действий в Польше и если здесь говорят об агрессии, то она имела место как с той, так и с другой стороны.

Д-р ЗАЙДЕЛЬ: Скажите, демаркационная линия в этом тайном договоре только описывалась или же она была нанесена на карту, приложенную к этому договору.

7714

H1196 – 0008

H1196 – 0009

РИББЕНТРОП: Демаркационная линия была в общих чертах нанесена на карту. Она проходила вдоль рек Смирна, Буг, Нарев и Сан. Я помню название этих рек. Это была демаркационная линия, которой нужно было придерживаться в случае возникновения конфликта с Польшей.

ЗАЙДЕЛЬ: Правильно ли то, что на основании этого договора большая часть Польши отошла не к Германии, а к Советскому Союзу?

РИББЕНТРОП: Я точно не помню этих территорий. Во всяком случае дела обстояли так, что все районы, лежащие к востоку от этих рек, отошли к Советскому Союзу; районы, лежащие к западу от этих рек, были заняты германскими войсками, причем вопрос об административном преобразовании этих западных территорий не был еще решен и не обсуждался фюрером и мной. Позднее было создано генерал-губернаторство, а отторгнутые от Германии после I-й мировой войны территории были вновь присоединены к Германии.

Д-р ЗАЙДЕЛЬ: Теперь о другом. В пятницу вы заявили, что вы хотели склонить Россию к присоединению к пакту 3-х держав.

Почему это не удалось?

РИББЕНТРОП: Это не удалось из-за тех требований, которые пред"явила Россия. Предварительно я должен буду сказать, что я договорился с господином Молотовым в Берлине о том, что мы будем по дипломатическим каналам вести дальнейшие переговоры и что я постараюсь сделать у фюрера все для того, чтобы в отношении тех требований , которые Молотов пред"явил в Берлине, было достигнуто какое-либо соглашение или компромисс. Затем граф Шуленбург сообщил нам из Москвы требования России. В этой информации, которую мы получили от него, говорилось о возобновлении требований, касавшихся Финляндии. Фюрер, как извест-

но, сказал господину Молотову, что он не желает того, чтобы после войны зимой 1940 года, там, на севере, опять началась война. Однако, возобновлялись требования в отношении Финляндии, и мы предполагали, что речь будет идти об оккупации Финляндии. Это было затруднительно. Это было требование, которое ранее было отклонено фюрером. Далее русские требования распространялись на Балканы и на Болгарию. Россия, как известно, хотела там получить опорные пункты и вступить в более тесный контакт с Болгарией. Болгарское правительство, с которым мы вступили в переговоры, не пожелало этого и вообще для фюрера, а также и для Муссолини это был трудный вопрос в виду наших экономических интересов на Балканах - зерно, нефть и т.д., Но прежде всего здесь надо было учитывать желание болгарского правительства, которое этого не хотело. Кроме того Россия требовала военных опорных пунктов у выходов к морю, например, в районе Дарданелл, а также хотела - и это желание было высказано мне господином Молотовым еще в Берлине - получить выходы в Балтийское море или по крайней мере обеспечить там свои интересы. Г-н Молотов сам сказал мне тогда, что Россия безусловно очень заинтересована в проливах Скагерак и Каттегат. Я очень подробно сообщил фюреру об этих требованиях и пожеланиях. Фюрер сказал, что нужно установить связь с Муссолини, который очень сильно заинтересован хотя бы в одной части этих требований. Так и было сделано, но как требования в отношении Балкан,

7716

H1196 – 0010

H1196 – 0011

так и требования в отношении Дарданелл не встретили у Муссолини никакого сочувствия. Болгарское правительство также не желало подобного решения вопроса. Что же касается Финляндии, то ни Финляндия, ни сам фюрер не хотели итти навстречу этим требованиям Советского Союза.

Затем в течение месяцев велись переговоры, ия я очень хорошо помню, что я еще раз, получив телеграмму из Москвы, в декабре 1940 года долго беседовал с фюрером. Мне казалось, что если мы добьемся какого-либо компромисса между требованиями Советского Союза и желаниями других стран, то будет создана такая сильная коалиция, которая в конце концов заставит Англию занять мирную позицию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На какой вопрос Вы отвечаете? Если предполагается, что это ответ, то каков же был вопрос?

Д-р ЗАЙДЛЬ: В основном он уже ответил на мой вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, если он уже ответил на вопрос, вы должны его остановить.

Д-р ЗАЙДЛЬ: Хорошо. Тогда я задам другой вопрос: как оценивал Адольф Гитлер военную мощь Советского Союза?

РИББЕНТРОП: Адольф Гитлер сказал мне однажды следующее, при чем это было сказано в то время, когда у него возникли опасения в отношении проводимой в России подготовки, направленной против Германии. Он сказал: "Мы конечно не будем знать, что скрывается за этими стенами, если мы когда-либо будем вынуждены взломать эти стены" Из этого, я также и из других высказываний фюрера, которые он делал в это время, я заключил, что на основании тех сведений, которые он получал о России, у него были

очень большие опасения в отношении военной мощи Советского Союза, а также в отношении распространения господства Советского Союза.

Д-р ЗАЙДЛЬ: Следующий вопрос. Какие обстоятельства вынудили Гитлера к тому, чтобы предвосхитить нападение Советского Союза?

РИББЕНТРОП: Дело обстояло...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разве по этому вопросу не давал обширные и исчерпывающие показания подсудимый Геринг? Вы являетесь здесь защитником Гесса.

Д-р ЗАЙДЛЬ: Если суд считает, что этот момент уже в достаточной степени освещен, то я отказываюсь от этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прежде чем вы займете свое место, я хотел бы спросить вас, доктор Зайдль о следующем, Вы пред"явили письменные показания Гаусса подсудимому как я полагаю с той целью, чтобы он сказал, правильны ли эти показания. Это так?

Д-р ЗАЙДЛЬ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Четвертый абзац, однако, Вы совсем не оглашали подсудимому. Не так ли?

Д-р ЗАЙДЛЬ: Я огласил только пункт третий этого аффидевита. Пункты I-й и 2-й, 4-й и 5-й я вообще не оглашал, для того, чтобы сэкономить время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом, вы положительно отвечаете на мой вопрос? Вы не оглашали его? Разве Вы не должны были огласить подсудимому конец четвертого абзаца, где говорится: "Имперский министр иностранных дел выска-

7718

H1196 – 0012

H1196 – 0013

зывался таким образом, что он представил военное столкновение между Германией и Польшей не как уже окончательно решенный факт, а как возможный исход в недалеком будущем? Советские государственные деятели не делали по этому пункту никаких замечаний, которые заключали бы в себе одобрение такого столкновения или поощрение его. Скорее советские представители в этом отношении ограничивались просто принятием к сведению высказываний германских представителей. Правильно ли это?

Д-р ЗАЙДЛЬ: Да это правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я спрашиваю свидетеля. Правильно ли это?

РИББЕНТРОП: Я должен сказать по этому поводу следующее. Когда я поехал в Москву, не существовало окончательного решения фюрера о том, что следует напасть на Польшу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разве вы не можете прямо ответить на вопрос? Я спросил вас правильно ли заявление в показаниях, данных под присягой? Раз"яснения Вы можете дать позднее.

РИББЕНТРОП: Это не точно г-н председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Теперь вы можете дать раз"яснение.

РИББЕНТРОП: Не точно в том отношении, что никакого решения фюрера в отношении намерения напасть на Польшу или действовать против Польши - в то время еще не существовало. Но, несомненно, во время бесед в Москве стало совершенно ясно, что возможность подобного конфликта существует, в случае, если переговоры ни к чему не приведут.

H1196 – 0014

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не вижу никакой разницы между тем, что вы сказали и тем, что я огласил. Я прочел Вам следующее: "Имперский министр иностранных дел высказывался таким образом, что он представил военное столкновение между Германией и Польшей не как уже окончательно решенный факт, а как возможный исход в недалеком будущем". Я думал, что Ваше об"яснение в точности совпадает с этим. Вот и все.

Д-р ЗАЙДЛЬ: Господин председатель, разрешите мне в этой связи сказать коротко следующее: Свидетель Гаусс принимал участие только во второй беседе. Он, не присутствовал на I-й длительной беседе между свидетелем Риббентропом, с одной стороны, и господином Молотовым и господином Сталиным, с другой стороны. Во время этой беседы присутствовал только советник посольства Гильгер и я прошу поэтому вызвать свидетеля Гильгера, вызов которого уже разрешен судом, и учитывая важность этого вопроса я прошу..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Зайдль, как вам известно, вы можете подавать любые заявления в письменной форме о вызове тех свидетелей, которых вы желаете видеть. Трибунал также просит меня сообщить Обвинению, что если оно желает вызвать сюда свидетеля Гаусса для перекрестного допроса, оно может это сделать.

Д-р ЗАЙДЛЬ: Хорошо, тогда я представляю под № I6 по делу Рудольфа Гесса письменные показания, данные под присягой этим свидетелем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

/К микрофону подходит Додд/

Г-н ДОДД: Господа судьи, насколько я понял, имеется некоторая опасность того, что свидетеля Гауса могут увезти из Нюрнберга. Я хотел бы сказать сейчас, что нам хотелось бы задержать его здесь на достаточно длительный срок для того, чтобы, в случае необходимости, подвергнуть его перекрестному допросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Еще кто-нибудь из защитников хочет задать вопросы свидетелю?

/К микрофону подходит защитник Нельте/.

НЕЛЬТЕ: /Защитник подсудимого Кейтеля/. Подсудимый Кейтель утверждает, что он осенью 1940 года, в момент, когда Гитлером был поднят вопрос о войне с Советским Союзом,поехал в Фушель для того, чтобы поговорить с вами по этому вопросу. Он считал, что и у Вас имеются различные опасения. Помните ли Вы, что Кейтель в конце августа - в начале сентября был у вас в Фушеле?

РИББЕНТРОП: Да, это правильно. Он посетил меня тогда.

НЕЛЬТЕ: Помните ли вы, что Кейтель тогда высказал вам свою точку зрения в отношении возможной войны.

РИББЕНТРОП: Да, это правильно. Он говорил тогда об этом. Мне кажется, он сказал, что фюрер говорил с ним по этому вопросу.

НЕЛЬТЕ: Мне важно следующее: Кейтель утверждает, что он говорил вам о меморандуме, который он намеревался подать Гитлеру. Этот меморандум выражал его опасения, которые, он считал, необходимо будет учесть в случае начала войны с Советским Союзом.

РИББЕНТРОП: Это правильно. Фельдмаршал Кейтель сказал мне тогда, что он намеревается передать фюреру меморандум и высказал свои опасения в связи с возможным конфликтом между Германией и Советским Союзом.

4721

H1196-0015

H1196-0016

НЕЛЬТЕ: Создалось ли у вас впечатление, что фельдмаршал Кейтель в то время был противником этой войны?

РИББЕНТРОП: Да, это правильно. Именно такое впечатление создалось у меня.

НЕЛЬТЕ: Правильно ли, что он просил вас в конце этой беседы о том, чтобы вы, с своей стороны, также поддержали в беседе с Гитлером эти его опасения?

РИББЕНТРОП: Да, это тоже правильно, и я сказал ему тогда, что я это сделаю и поговорю с Гитлером и что он, со своей стороны, также должен сделать это.

НЕЛЬТЕ: Другой вопрос, в отношении побега французского генерала Жиро. Правильно ли, что фельдмаршал Кейтель, когда французский генерал Жиро бежал из Кенигштейна, просил Вас сделать демарш с тем, чтобы добиться от французского правительства добровольного возвращения генерала Жиро?

РИББЕНТРОП: Да, это правильно. Он сделал предложение, чтобы я если это возможно, вступил в переговоры с французским правительством для того, чтобы склонить генерала Жиро добровольно вернуться в плен.

НЕЛЬТЕ: Скажите, после этого при посредничестве посла Абеца состоялась встреча с генералом Жиро в оккупированной Франции?

РИББЕНТРОП: Да, такая встреча состоялась. Мне кажется, что посол Абец встретился с г-ном Жиро, который, насколько я помню, явился вместе с г-ном Лавалем. Посол Абец попытался сделать все для того, чтобы склонить генерала Жиро вернуться в плен. Но это ему в конце концов не удалось. Генералу дали сопровождающих для прибытия на эту беседу и затем он уехал вместе с г-ном Лавалем.

НЕЛЬТЕ: Обвинение представило здесь приказ относительно клеймения советских военнопленных путем надрезов на коже. Подсудимого Кейтеля об"являют ответственным за этот приказ. Он утверждает, что он в главной ставке, которая в то время находилась в Виннице говорил с Вами по этому вопросу и должен был говорить, так как эти вопросы о военнопленных касались также и министерства иностранных дел, а именно отдела, занимающегося вопросами международного права. Помните ли Вы, что фельдмаршал Кейтель в связи с этим спросил Вас, существуют ли такие нормы международного права, которые препятствуют желанию Гитлера ввести подобное клеймение?

РИББЕНТРОП: Дело обстояло следующим образом: Мы услышали о намерении клеймить военнопленных, я услышал об этом и поехал в главную ставку и говорил там с фельдмаршалом Кейтелем на эту тему. Я считал, что подобное клеймение вообще не возможно и фельдмаршал Кейтель разделял эту мою точку зрения, и, насколько, я помню отдал, кажется, приказ о том, чтобы это клеймение, которое намеревались произвести, не было произведено.

НЕЛЬТЕ: У меня больше нет вопросов.

КРАНЦБЮЛЕР /защитник подсудимого Деница/. Господин свидетель, когда Вы познакомились с адмиралом Деницем?

РИББЕНТРОП: Я познакомился с адмиралом Деницем после того, как он был назначен главнокомандующим военно-морским флотом.

7723

H1196 – 0017

H1196 – 0018

КРАНЦБЮЛЕР. Это было в 1943 году.

РИББЕНТРОП. Мне кажется, что да.

КРАНЦБЮЛЕР. Скажите, до этого или после этого адмирал Дениц практически оказывал или пытался оказывать влияние на внешнюю политику Германии?

РИББЕНТРОП. Я никогда не слышал, чтобы адмирал Дениц пытался осуществлять какое-либо влияние на внешнюю политику Германии.

КРАНЦБЮЛЕР. Помните ли вы визит маршала Антонеску в главной ставке фюрера 27 февраля 1944 года?

РИББЕНТРОП. Я помню это, но дату я, конечно, не помню. Маршал Антонеску часто приезжал к фюреру, почти каждое полугодие, а вы говорили сейчас – в начале 1944 года – не так ли?

КРАНЦБЮЛЕР. Да, 27 февраля 1944 года.

РИББЕНТРОП. Да, я думаю, что он был у фюрера в начале 1944 года.

КРАНЦБЮЛЕР. Помните ли вы, участвовал ли маршал Антонеску тогда в обсуждении военной обстановки.

РИББЕНТРОП. Да, я уверен в том, что он присутствовал, ибо когда маршал Антонеску приезжал к фюреру, он всегда, как правило, участвовал в таких обсуждениях. Фюрер всегда обрисовывал ему военную обстановку, т.е. он приглашал его на такие обсуждения положения и маршал Антонеску, несомненно, хотя я этого точно и не помню, в феврале принимал участие в обсуждении обстановки.

КРАНЦБЮЛЕР. Скажите, кроме этих обсуждений обстановки, велись с маршалом Антонеску политические беседы?

РИББЕНТРОП. Да, каждое посещение маршала Антонеску начиналось тем, что фюрер либо говорил с ним один на один,

либо вместе со мной, - но чаще все же с глазу на глаз, т.к. он был главой государства. Они вели друг с другом длительные беседы на политические темы, к которым я привлекался лишь позднее.

КРАНЦБЮЛЕР. Скажите, адмирал Дениц участвовал в таких политических совещаниях?

РИББЕНТРОП. Совершенно определенно не участвовал, ибо фюрер очень редко привлекал к подобного рода совещаниям /беседам/ с маршалом Антонеску кого-либо из военных. Впоследствии это иногда случалось, но я не знаю о том, чтобы адмирал Дениц принимал участие в совещаниях, в которых участвовал маршал Антонеску.

КРАНЦБЮЛЕР. У меня нет больше вопросов.

ЗИМЕРС /защитник подсудимого Редера/. Господин свидетель, обвинение пред"явило документ относительно вашей беседы с японским министром иностранных дел Мацуока 29 марта 1941 года. Этот документ имеет № 1877-ПС, доказательство США № 152. В немецком протоколе на странице 1007 имеется та часть этого документа, которая была оглашена Обвинением. Между прочим там имеется следующая выдержка, которая относится к гросс-адмиралу Редеру. Я читаю:

"Министр иностранных дел еще раз вернулся к вопросу о Сингапуре. Учитывая те опасения, которые высказала Япония в отношении возможности нападения подводного флота со стороны Филиппин и возможных действий средиземноморского флота Англии, а также флота самой Британии , расположенного у острова, он счел нужным еще раз обсудить положение с гросс-адмиралом Редером. Последний заявил ему, что английский флот в этом году будет настолько занят, как в Средиземном море, так и в районе Британских островов, что не сможет направить ни одного корабля на Дальний Восток.

4725

H1196 - 0019

H1196 – 0020

Американские подводные лодки генерал адмирал Редер назвал столь плохими, что Японии вообще не следует беспокоиться из-за них". /конец цитаты/.

Господин свидетель! Скажите, действительно ли вы, будучи министром иностранных дел, как утверждает Редер, никогда не имели возможности беседовать с адмиралом Редером по каким-либо стратегическим вопросам, касающимся Японии, или же о плохом или хорошем качестве американских подводных лодок. Я был бы крайне благодарен вам, если бы вы раз"яснили этот вопрос. Может быть здесь ошибка и названы не те лица?

РИББЕНТРОП. Это очень возможно. Я не помню такого случая, когда бы ~~гроссадмиралом~~ я говорил с гросс-адмиралом Редером о германо-японской стратегии. Ведь дело обстояло так, что мы имели крайне непрочные связи с Японией в этих делах и вполне возможно, что то, что, согласно этому протоколу, я тогда сказал японскому министру иностранных дел Мацуока, я узнал от фюрера, возможно, что фюрер мне это сообщил. Сам я этого не знал. Я знаю, что фюрер часто говорил со мной на такие темы и в особенности в отношении Японии. Так, что вполне возможно, что это было первоначально сказано не гросс-адмиралом Редером, а фюрером. Я не знаю, кем это было записано.

ЭММЕРС. Этот протокол озаглавлен: Протокол беседы между имперским министром иностранных дел и японским министром иностранных дел Мацуока"...

РИББЕНТРОП. Да, я видел этот документ здесь. Возможно, что фюрер и сказал это. Я считаю, что это вполне вероятно. Вполне возможно, что в протоколе это перепутали.

7726

ЗИММЕРС. Господин свидетель! Скажите, говорили ли Вы что-либо подсудимому Редеру о таких политических беседах, которые вы вели с Мацуока или с Оттмой?

РИББЕНТРОП. Нет, я никогда не говорил ничего об этом.

ЗИММЕРС. Скажите, говорили ли вы с адмиралом Редером о других политических вопросах и привлекали ли вы его к переговорам подобного рода и к совещаниям по политическим вопросам?

РИББЕНТРОП. Нет. Этого у нас не было. Это не было у нас принято. Фюрер очень строго разграничивал политические и военные вопросы, так что даже я - министр иностранных дел - не мог обсуждать у себя какие-либо политические, военно-стратегические вопросы и, если бывали какие-либо беседы или совещания по этим вопросам, то они имели место только в штабе фюрера, но, как я увидел из документов, которые были мне здесь представлены впервые, даже и там эти вопросы рассматривались отдельно. Это значит, что если такие собеседования или совещания вообще имели место, - я сам лично не припоминаю такого случая, то они могли иметь место только у фюрера.

ЗИММЕРС. Благодарю вас.

ЛАТЕРНЗЕР /защитник ОКВ и генштаба/. Господин свидетель! Допрошенный здесь в качестве свидетеля статс-секретарь министерства иностранных дел Штейнграхт на мой вопрос о том, информировал ли он высших военных руководителей о текущих политических вопросах, ответил мне, что он этого не делал. Я спрашиваю вас, скажите, вы, будучи министром иностранных дел, ориентировали высших военных руководителей в вопросах внешней политики?

РИББЕНТРОП. Нет, на этот вопрос я должен ответить так же, как и на предыдущий вопрос: это не было у нас

7727

H1196 – 0021

H1196 – 0022

принято. Все политические и военные проблемы обсуждались только у фюрера. Фюрер говорил мне, что я должен делать в области политики и дипломатии, он говорил также и военным, что они должны делать в своей области. Военную информацию я получал иногда от фюрера, но это случалось очень редко. Все то, что военные руководители должны были знать о политике, они также узнавали только от фюрера.

ЛАТЕРНЗЕР. Благодарю вас, у меня больше нет вопросов.

/К микрофону подходит защитник организации СА/.

БЭМ./защитник СА/. Господин свидетель! Скажите, вы имели какой-либо приказ или какое-либо указание, на основании которого руководство СА должно было получать от вас информации в отношении политических и внешне-политических вопросов?

РИББЕНТРОП. СА? Нет. Такого приказа не было и таких указаний я никогда не получал?

БЭМ. Скажите, руководство СА могло ли оказывать какое-либо влияние на внешнюю политику?

РИББЕНТРОП. Нет.

БЭМ. Теперь я хочу задать вопрос от имени моего коллеги господина д-ра Заутера, который сейчас болен. Вы г-н свидетель присутствовали в 1943 г. на беседе Гитлера с Гиммлером, на которой говорилось о том, что Ширах, который тогда был гаулейтером, должен быть предан суду и должен предстать перед народным судом.

РИББЕНТРОП. Да, это верно.

БЭМ. Какие последствия имело бы для Шираха разбирательство его дела в народном суде?

РИББЕНТРОП. Этого я сказать не могу, потому что не знаю

подробностей этого дела. Я знаю только, что Гиммлер в моем присутствии предложил фюреру по каким-то причинам отдать Шираха под суд и рассмотреть его дело в народном суде. Подробности этого мне неизвестны. Я не интересовался этим. Я сказал фюреру, что, по-моему мнению, это произведет неблагоприятное впечатление с точки зрения внешней политики и я знаю, что фюрер не ответил ничего Гиммлеру, во всяком случае, он не отдал приказания. Какие последствия это повлекло за собой, я не знаю, но если такое предложение поступило от Гиммлера, то и последствия были бы очевидно очень серьезными.

БЭМ. Скажите, как же так получилось, что вы были свидетелем этой беседы и какую позицию вы занимали?

РИББЕНТРОП. Это было чисто случайно. Я только что об этом говорил. Я сказал фюреру , а также и Гиммлеру, что это произведет очень плохое впечатление.

БЭМ. Спасибо. У меня больше нет вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У защитников есть еще вопросы? /Пауза./

/К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэл Файф./

Перекрестный допрос:

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Свидетель, когда вы стали давать советы Гитлеру по вопросам внешней политики в 1933 году, вы тогда уже были знакомы с декларацией Лиги Наций 1927 года?

РИББЕНТРОП. Я не знаю, о какой декларации Лиги Наций вы говорите?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве вы не помните декларацию Лиги Наций 1927 года?

РИББЕНТРОП. Лига Наций делала много различных заявлений. Я просил бы сказать мне, какое из них вы имеете в виду?

7429

H1196 – 0023

H1196 – 0024

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Лига Наций приняла одну довольно важную декларацию относительно захватнических войн в 1927 году, не правда ли?

РИББЕНТРОП. Я не помню подробностей этой декларации. Но совершенно ясно, что Лига Наций, как и все другие, была против агрессивной войны, а Германия в то время была членом Лиги Наций.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Германия была членом Лиги Наций и во вступительной части декларации говорится: "Будучи убеждены в том, что агрессивные войны никогда не смогут быть средством урегулирования международных конфликтов и в том, что они, в конечном счете, являются преступлением международного характера..." Вы были знакомы с этим, когда вы ...

РИББЕНТРОП. Подробно нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это был довольно важный вопрос, с которым вы тогда должны были быть знакомы, если вы собирались давать советы в области внешней политики Гитлеру, бывшему тогда канцлером, не правда ли?

РИББЕНТРОП. Это заявление, конечно, правильное и оно вполне соответствовало той точке зрения, которой я придерживался в то время, но дальнейшие события показали, что Лига Наций не может спасти Германию от хаоса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Продолжали ли вы рассматривать эту точку зрения и как свою личную точку зрения?

РИББЕНТРОП. Я не совсем понял ваш вопрос.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Продолжали ли вы рассматривать мнение, которое я цитировал вам из вступительной части, как ваше личное мнение?

РИББЕНТРОП. Это была моя принципиальная точка зрения, но, с другой стороны, я считал, что Германии надо как-то оказать помощь.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Так я и понял. Затем, я хотел

бы знать следующее: если вы не были знакомы детально с той резолюцией, были вы детально знакомы с пактом Бриана-Келлога?

РИББЕНТРОП. Да, я его хорошо знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Были ли вы согласны с мнением, высказанным во вступительной части этого пакта о том, что нужно отказаться от войны, как от орудия национальной политики?

РИББЕНТРОП. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я только хочу, чтобы вы рассказали нам, как вы это осуществляли. Возьмем первый пример. Вы заявляете Трибуналу, что, насколько вам известно, никакого давления, никаких угроз в отношении Шушнига применено не было?

РИББЕНТРОП. Вы говорите о беседе с Гитлером в Оберзальцберге?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, 12 февраля.

РИББЕНТРОП. Во время этой беседы я...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Свидетель, сначала ответьте на вопрос, а потом уже дадите свое об"яснение. Утверждаете ли вы сейчас, что в действительности не было никакого давления и никаких угроз по отношению к господину Шушнигу 12 февраля? Отвечайте да или нет, а позднее мы поговорим об этом подробнее.

РИББЕНТРОП. Я думаю, что так как вы это говорите, это неверно. Мне кажется, что выдающаяся личность Гитлера, а также и те аргументы, которые он выдвинул, произвели на Шушнига такое впечатление, что он в конце концов заявил, что он согласен с предложениями Адольфа Гитлера.

7731

H1196 – 0025

H1196 – 0026

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хотел здесь огласить некоторые выдержки.

РИББЕНТРОП. Разрешите мне дать дальнейшие пояснения? Я лично говорил с господином Шушнигом после его первой беседы с Гитлером и в этой беседе я уловил, какую реакцию вызвала эта первая беседа у Шушнига. Чувствовалось, что личность Гитлера и аргументация, которую он выдвинул в беседе с Шушнигом, произвели на Шушнига очень большое впечатление. Шушниг в беседе со мной, которая проходила в дружественной атмосфере, сказал мне, кажется, буквально следующее: "я рассматриваю дело сближения наших народов как историческую миссию".

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Кто присутствовал тогда в Бертхофе? Я имею в виду не в комнате, а в здании или на территории? Гитлер, вы сами, подсудимый фон Папен, подсудимый Кейтель, генерал Шперль и генерал фон Рейхенау?

РИББЕНТРОП. Мне кажется, что это правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И утром 12-го числа, кажется, Гитлер и фон Шушниг встретились и провели вместе около двух часов до завтрака, не так ли?

РИББЕНТРОП. Я не помню, сколько времени эта беседа продолжалась, но это была продолжительная беседа, это верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. А затем, после завтрака, фон Шушнигу разрешили иметь короткую беседу со своим министром иностранных дел, Гвидо Шмидтом, не правда ли?

РИББЕНТРОП. Я точно не помню этого, но это вполне вероятно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Затем, после этого фон Шушниг и Гвидо Шмидт были вызваны к вам и подсудимому

фон Папену? Разве это не так?

РИББЕНТРОП. Я не помню этого. И мне кажется, что это неверно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы не помните этого? Подумайте еще раз.

РИББЕНТРОП. Что вы имели в виду? Очевидно, я не правильно понял ваш вопрос.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я еще раз повторяю. После беседы Шушнига с Гвидо Шмидтом, он и Шмидт пришли к вам и подсудимому фон Папену для разговора с Вами, который я вам сейчас представлю. Ведь вы и фон Папен встретились с Шушнигом и Шмидтом, не правда ли?

РИББЕНТРОП. Нет, я не думаю. Я думаю, что это неверно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве вы не помните, что вы показывали Шушнигу отпечатанный на машинке проект требований, которые пред"являлись Шушнигу? Подумайте об этом.

РИББЕНТРОП. Это вполне вероятно. Гитлер сам продиктовал протокол и возможно, что я передал именно этот протокол Шушнигу. Подробностей этого я сейчас не помню.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Какова была тема этого меморандума?

РИББЕНТРОП. Я не знаю этого и для того, чтобы подтвердить то, что я действительно был в неведении во время этой первой беседы, я хотел бы еще сказать, что Гитлер сам решал эту австрийскую проблему, и я лишь несколько дней был на посту министра иностранных дел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если вы передаете кому-то меморандум, выработанный, как вы ему говорите на историческом собрании, вы, повидимому, можете рассказать Трибуналу о содержании этого меморандума, хотя бы в общих чертах. Каковы были пункты этого меморандума?

7733

H1196-0027

H1196 – 0028

РИББЕНТРОП. Нет, может быть, это странно, но я действительно не знаю подробностей. Встреча эта была встречей фюрера с Шушнигом, и все то, что там было достигнуто и сделано, либо было продиктовано самим фюрером, либо было предложено не нами, а другой стороной. Я не знаю деталей. Я знаю только, что тогда, прежде всего, речь шла о том, чтобы добиться умиротворения в отношениях между Германией и Австрией, так как в то время в Австрии было арестовано много национал-социалистов. Поэтому отношения между этими двумя государствами обострились.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если я напомню вам, вы, может быть, восстановите это в памяти. Это были следующие три пункта: 1. Реорганизация австрийского кабината с назначением подсудимого Зейсс-Инкварта на пост министра безопасности. 2. Общая политическая амнистия осужденных за преступления нацистов, и 3. Провозглашение равноправия австрийских национал-социалистов и принятие их в "Отечественный фронт". Это те самые пункты, которые вы представили Шушнигу?

РИББЕНТРОП. Точно этого я сейчас не помню, но примерно это было так. Это соответствовало тому, что мне тогда было известно относительно Австрии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Говорили ли вы Шушнигу, что Гитлер сообщил вам, что эти требования, которые вы ему пред"явили, были окончательными требованиями фюрера, и что Гитлер не собирался обсуждать их?

РИББЕНТРОП. Я не помню, как это было, но вполне вероятно, что я что-либо подобное сказал г-ну Шушнигу. Но я сейчас не помню этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Сказали ли вы ему такую фразу: "Вы должны эти требования в целом принять?

РИББЕНТРОП. Нет, я не думаю, что я так сказал ему, и с моей стороны не было оказано никакого давления на г-на Шушнига, так как часовая или полуторачасовая беседа, которую я вел с ним, как я помню, в основном ограничивалась обсуждением общих и личных вопросов и во время этой беседы Шушниг показался мне очень симпатичным человеком, я это даже высказал своим сотрудникам. Я со своей стороны не оказал давления на Шушнига.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, вы это уже раньше говорили. Но я хочу навести вас на следующую мысль: во время того разговора вы пытались заставить Шушнига подписать документ, содержавший эти требования, который, как вы согласились, вы возможно имели. Я хочу, чтобы вы вспомнили ответ; я вам напомню.

Помните ли вы, как г-н фон Шушниг, обращаясь к подсудимому фон Папену, сказал: "Вы мне говорили, что если я поеду в ~~Берхф~~ Берхтесгаден, то мне не будут пред"явлены никакие требования"? А г-н фон Папен начал извиняться и сказал: "это действительно так, я не знал, что вам пред"явят эти требования. Вы этого не помните?

РИББЕНТРОП. Этого я не помню и этого не могло быть.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Сейчас посмотрим. Вы помните, что Шушнига снова вызвали к Гитлеру , а Гвидо Шмидт тогда остался с вами , и вы стали вносить некоторые изменения в представленный вами документ?

РИББЕНТРОП. Да, возможно, что мы вносили некоторые изменения, но я не помню сейчас подробностей.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Слышали ли вы о том, что во время этого разговора с Гитлером, Гитлер сказал Шушнигу,

H1196 - 0029

H1196 – 0030

что он должен дать свое согласие на эти требования в течение трех дней?

РИББЕНТРОП. Нет, это я слышу сегодня впервые. Этого я не знал. Я не присутствовал и на второй беседе.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Будьте немного осторожнее, когда вы говорите, что услышали об этом сегодня в первый раз, так как я сейчас покажу вам один документ. Вы уверены в том, что не слышали как Гитлер сказал Шушнигу, что он должен дать своем согласие в течение трех дней, иначе Гитлер лер даст распоряжение о вступлении войск в Австрию?

РИББЕНТРОП. Я считаю, что такая возможность совершенно исключена.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если он действительно так сказали, то вы должны согласиться с тем, что это было бы самым сильным военным и политическим нажимом. Более сильного нажима, чем угроза вступить в Австрию, и не могло быть, не правда ли?

РИББЕНТРОП. Учитывая, что отношения между этими двумя странами были крайне напряженными, это, конечно, было давлением. Но одно надо себе уяснить, а именно, что ни при каких условиях нельзя было найти на длительный срок решения этой проблемы в том случае, если бы эти страны не сблизились, и я с самого начала – и это я хочу здесь заявить, – придерживался той точки зрения, что следует заключить в какой-либо форме договор, а именно государственный договор о таможенной и валютной унии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы уже раза три высказывали эту точку зрения. Вернемся к той встрече, о которой я вам снова напоминаю и которая имела место 12 февраля. Разве вы не знаете, что Шушниг сказал: "Я всего только канцлер. Я должен обратиться к президенту Миклясу, а я сам могу только подписать протокол в зависимости от решения пре-

зидента Микласа.

РИББЕНТРОП. Нет, этого я сейчас не помню в подробностях.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве вы не помните, как Гитлер открыл дверь и позвал Кейтеля?

РИББЕНТРОП. Нет, я узнал только здесь об этом. Я не знал об этом ничего и услышал об этом здесь впервые.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы ведь знаете, что это правда, да?

РИББЕНТРОП. Нет, не знаю. Я впервые здесь услышал об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы не помните, что Кейтель был вызван к Гитлеру для беседы с ним?

РИББЕНТРОП. Я уже сказал, что я ничего не слышал об этом. Ничего не знаю и ничего не могу сказать.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы знали, что Шушниг подписал этот документ на условии, что эти требования будут выполнены в течение трех дней, иначе германские войска вступят в Австрию?

РИББЕНТРОП. Нет, этого я не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Было бы удобно, чтобы свидетель имел перед собой книгу документов на немецком языке, я принял меры к тому, чтобы большинство страниц совпадало с английским текстом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, сейчас удобно об"явить перерыв на 10 минут.

/Перерыв на 10 минут./

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Посмотрите прежде всего на дневник подсудимого Иодля, запись от 13 февраля. Эта книга документов Риббентропа, стр. 9, США-72, 7278-ПС. Там сделана следующая запись:

7737

H1196-0031

H1196 – 0032

"Вечером генерал К. - это Кейтель" -"попросил адмирала К".- это адмирала Канарис- и меня самого притти на его квартиру. Он сказал нам, что в приказе фюрера говорится, что военный нажим следует продолжать видимостью военных действий до 15 числа. Предложения об этих маскировочных маневрах намечены и переданы фюреру по телефону для утверждения".

Вы в пятницу говорили, что до подсудимого Иодля дошли какие-то слухи или сплетни, ходившие в Бергхофе. Что эти слухи или сплетни ~~ней~~ явились результатом определенного приказа его командира, генерала Кейтеля, это так?

РИББЕНТРОП. Я вообще ничего не знаю ни о каких военных мероприятиях, так что я не могу судить о значении этой записи. Фюрер не информировал меня о каких-либо военных мероприятиях в Австрии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы хотите сказать Трибуналу, что хотя вы были там, принимали участие в выработке документа, Гитлер ни разу не сказал вам ни слова о том, о чем он договаривался с подсудимым Кейтелем, который также там присутствовал?

РИББЕНТРОП. Да, это правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Тогда посмотрите на следующую запись от 14 февраля:

"В 2 часа 40 минут было получено согласие фюрера... Канарис отправился в Мюнхен в отдел иностранной контрразведки, отдел УП, и принял необходимые меры. Результат был быстрым и эффективным. В Австрии создается впечатление, что Германия проводит серьезные военные приготовления".

Вы хотите сказать Трибуналу, что вы ничего не знали ни об этих военных мероприятиях, ни о влиянии их на Австрию?

РИББЕНТРОП. Относительно военных мероприятия я ничего не знал, но я считаю вполне возможным, что фюрер для того, чтобы придать большее значение своим пожеланиям, отдал какие-либо распоряжения [illegible].

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но, свидетель, одну минуту...

РИББЕНТРОП. И что в конечном итоге способствовало решению вопроса.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, я вполне согласен. Именно поэтому я и говорю, что это способствовало решению вопроса, но ведь, несомненно, вы, как министр иностранных дел империи, со всеми доступными вам, как министру иностранных дел, каналами информации, кое-что знали о результатах этого в Австрии, о которых генерал Иодль говорил, что они были быстрыми и эффективными и что создалось впечатление, будто Германия ведет серьезную подготовку к войне. Вы хотите сказать Трибуналу, под присягой, что вы ничего не знали о результатах этого в Австрии?

РИББЕНТРОП. Я хочу еще раз подчеркнуть, что я ничего не знал о военных мероприятиях, а если бы знал о них, то я бы признал это, так как нет причин, по которым я должен был бы это отрицать. Перед встречей Гитлера с Шушнигом и после этой встречи я до такой степени был занят тем, что я принимал дела в министерстве иностранных дел, что я вообще ознакомился с этой австрийской проблемой только в общих чертах.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мы знаем, вы нам уже об этом говорили, что вы занимали пост в министерстве иностранных дел; мой вопрос абсолютно ясен; он заключается в следующем: говорите ли вы сейчас Трибуналу, что вы ничего не знали о результатах всех этих мероприятий в Австрии, вы, министр иностранных дел? Отвечайте сейчас на вопрос:

H1196-0033

H1196 – 0034

Вы знали или вы не знали, о результатах этих действий в Австрии?

РИББЕНТРОП. Да, это правильно. Я ничего не знал об этих результатах и подробно не ознакомился с ними.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И вы хотите, чтобы мы приняли приняли вашу версию за критерий, за пробный камень вашей правдивости или лжи, когда вы рассказываете о том, что, будучи министром иностранных дел, ничего не знали о результатах мероприятий в Австрии, предпринятых Кейтелем по приказу фюрера? Это ваш окончательный ответ?

РИББЕНТРОП. Я могу точно ответить на этот вопрос. Я слышал от фюрера, когда я несколько позже поехал в Лондон, что события в Австрии проходят примерно так, как об этом было договорено в Бертехсгадене. И это вообще первое упоминание об австрийском вопросе, которое осталось у меня в памяти. Каких-либо особых наблюдений в эти дни я не сделал. Возможно, что я сегодня не помню некоторых подробностей, так как прошло уже много лет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Посмотрите только на две следующие записи в дневнике Йодля. "15 февраля. Вечером опубликование официального коммюнике о положительных результатах конференции в Оберзальцберге. 16 февраля. Изменения в австрийском правительстве и общая политическая амнистия". Вы помните, я говорил вам, что господин фон Шушниг подписал документ, и что было поставлено условие о том, чтобы разрешить эти вопросы в течение трех дней. В течение трех дней действительно было созвано совещание о результатах мероприятий, и было об"явлено об изменениях в Австрии в соответствии с Вашим письмом Шушнигу. Вы видите, что это ясно, не правда ли? – в течение трех дней, а вы все продолжаете говорить...

РИББЕНТРОП. Как я вам сказал о трех днях мне ничего неизвестно, но то, что эта встреча будет иметь умиротворяющие последствия, это было совершенно ясно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы называете это "умиротворением"? Вы хотите, чтобы Трибунал принял ваше утверждение, предполагая, что подсудимый Иодль говорит правду, или предполагая, что подсудимый Кейтель сказал ему, как утверждает генерал Идоль, что эта подготовка к военным действиям должна быть реализована,- что все это не представляет собой наиболее сильного политического и военного нажима, какой мог быть сделан на канцлера иностранного государства?

РИББЕНТРОП. Если рассматривать эту проблему с моей точки зрения, то это не так. Здесь речь идет о проблеме, которая при определенных условиях могла бы привести к войне, к войне в Европе, и я считал и говорил в Лондоне лорду Галифаксу, что эта проблема должна быть разрешена и это будет лучше, чем, если в Европе будет существовать такой назревший нарыв.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не хочу подсказывать вам. Подразумеваете ли вы под вашим последним ответом, что было лучше всего оказывать политическое и военное давление на Шушнига до тех пор, пока эта проблема не будет разрешена? Это ваша точка зрения?

РИББЕНТРОП. Я не понял вопроса. Пожалуйста повторите.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я задал такой вопрос: придерживаетесь ли Вы точки зрения, что лучше всего было оказать политическое и военное давление на Шушнига, если таким образом можно было разрешить эту проблему?

РИББЕНТРОП. Если бы таким путем мог быть предотвра-

7741

H1196-0035

H1196 - 0036

щен конфликт, т.е. война, я считаю, что этот путь был бы наилучшим.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Скажите мне только - почему вы и ваши друзья держали Шушнига в тюрьме в течение семи лет?

РИББЕНТРОП. Этого я не знаю. Мне кажется, что тогда г-н Шушниг, очевидно, сделал что-либо такое, что нарушало интересы государства. Подробностей этого дела я не знаю. Но, если вы говорите о тюрьме, то я должен сказать, что я помню, что фюрер часто говорил и особо подчеркивал, что с Шушнигом следует обращаться особенно хорошо и вежливо, и что он находится не в тюрьме, а в обыкновенном доме, и что даже его жена находится вместе с ним и т.д. Больше я ничего не могу сказать.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы хотите сказать "в тюрьме"? Я заменю это слово словами "Бухенвальд" и "Дахау". Он был и в Бухенвальде и в Дахау. Вы думаете, что он наслаждался пребыванием там?

РИББЕНТРОП. Что господин Шушниг находился в одном из концлагерей, я впервые услышал здесь, а об этом я раньше не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Попробуйте, нет, не попробуйте, а попытайтесь, только попытайтесь ответить на мой вопрос: почему вы и ваши друзья держали Шушнига в тюрьме в течение семи лет?

РИББЕНТРОП. Я не могу ничего сказать по этому вопросу. Я могу только повторить, что он, как я слышал, не был в тюрьме, а находился под домашним арестом в вилле // со всеми удобствами, которые вообще можно было создать. Вот что я

слышал тогда об этом и это меня радовало, так как, как я уже сказал, он был мне симпатичен.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но одной вещи, свидетель, он не имел, ибо он не имел возможности в течение семи лет высказать кому-нибудь свое мнение о том, что происходило в Берхтесгадене, и о присоединении Австрии к Германии. Не правда ли? Из всего того, что вы сказали, совершенно очевидно, что он был окружен комфортом и в Бухенвальде и в Дахау, везде, где он был. Но с комфортом или без него, он не имел возможности выразить свое мнение о происходившем внешнему миру, не правда ли?

РИББЕНТРОП. Я не могу судить об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы не можете судить об этом? Да вы прекрасно знаете, что г-ну фон Шушнигу не было разрешено печатать свои высказывания о чем бы то ни было в течение 7 лет, во время которых он был в заключении.

РИББЕНТРОП. Возможно это было в интересах государства.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Ну, это ваша точка зрения. Сейчас переходим к другой теме. Я намеревась задать вам несколько вопросов относительно вашего участия в делах Чехословакии.

Согласитесь ли вы со мной в том, что в марте 1938 года министерство иностранных дел, т.е. вы, через вашего посла в Праге, взяли под свой контроль деятельность партии судетских немцев, возглавляемой Конрадом Генлейном?

7743

H1196 – 0037

H1196 – 0038

РИББЕНТРОП. Это, к сожалению, неправильно. Разрешите мне пояснить это...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: До Вашего об"яснения, - я думаю, что Вы сможете с"экономить время, если Вы взглянете на книгу документов. У Вас это страница 20, в английском тексте - страница 31, и слушайте, когда я буду зачитывать выдержки из письма к Вам от Вашего посла.

РИББЕНТРОП: Какой это номер?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разрешите мне об"яснить Трибуналу что это документ обвинения, а не защиты.

Это письмо от вашего посла в министерство иностранных дел.

РИББЕНТРОП: Содержание мне известно, разрешите мне высказаться.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хотел бы только сослаться на абзац первый. Я сошлюсь и на абзац третий, так что Вам нечего беспокоиться, что я пропущу их. Параграф 1: "Линия германской иностранной политики, как она проводится германской миссией, исключительно решительна в отношении политики и тактики партии судетских немцев. Мои директивы, - т.е. Вашего посла - "должны неуклонно выполняться". Параграф 2: Публичные выступления и пресса также должны быть согласованы со мной. Состав издательства "Цейт" должен быть усилен". Параграф 3: "Партийное руководство должно оставить свою непримиримую линию, что в конечном итоге могло привести к политическим осложнениям и к принятию линии постепенного продвижения интересов судетских немцев. Я должен принимать участие в решении всех поставленных вопросов и они также не могут разрешаться без дипломатических мероприятий с моей стороны". После того, как вы прочли это, согласны ли вы с тем, что я сказал минуту назад, что деятельность партии судетских немцев должна была проводиться в соответствии с вашими директивами?

РИББЕНТРОП: Разрешите мне высказаться по этому вопросу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хотел бы, чтобы Вы прежде ответили на мой вопрос, и я уверен, что Трибунал даст Вам возможность привести Ваши объяснения. Чрезвычайно легко ответить на мой вопрос "да" или "нет". Разве не верно, что это письмо показывает, что партия Судетских немцев действовала по Вашим директивам, разве это не так?

РИББЕНТРОП. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Почему?

РИББЕНТРОП. Вот это я и хочу разъяснить. Как раз это письмо и свидетельствует о том, что дело обстояло иначе. Между партией Судетских немцев и многими учреждениями империи существовала связь. И это вполне естественно, так как среди судетских немцев было сильное движение, направленное к установлению более тесных связей с империей, особенно после того, как Адольф Гитлер пришел к власти. Эти устремления начали оказывать отрицательное влияние на отношения между Германией и Чехословакией. И это письмо как раз является доказательством того, что я стремился эти бесконтрольные связи между судетскими немцами и империей постепенно каким-то образом взять в свои руки.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это не то, что я Вас спросил. Я три раза спрашиваю Вас, как мне кажется, совершенно ясно, показывает ли это письмо, что партия, партия судетских немцев с того времени действовала согласно вашим директивам? Вы все еще отрицаете это?

РИББЕНТРОП. Да, я категорически отрицаю это. Я утверждаю как раз обратное. Это письмо говорит о том, что была сделана попытка как-то упорядочить естественные стремления судетских немцев, направленные на воссоединение с

7745

H1196 – 0039

H1196 – 0040

немецким народом, эти стремления вызывали трудности в отношениях между Германией и Чехословакией, которые также надо было устранить, но это к сожалению не удалось сделать сразу же после письма.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если Вы отрицаете то, что я Вам говорю, то,что же значит письмо Вашего посла, который пишет Министерству иностранных дел, что линия германской политики, как передает германское посольство, имеет решающее значение для политики и тактики партии судетских немцев? Что же это значит, если не то, что Вы сказали - что партия вела свою работу под Вашим руководством? Что же это может быть иное, если это не так?

РИББЕНТРОП. Это как раз и означает то, что я только что сказал. Посольство хотело упорядочить руководство судетскими немцами, так чтобы эта их подпольная работа не вызвала бы затруднений в отношениях между Германией и Чехословакией. Вот каков был смысл этих переговоров с посольством в Праге. Письмо свидетельствует об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Давайте посмотрим, в чем заключалась эта разумная программа, которую Вы предлагали?

На следующий день, 17 марта, Конрад Гейнлейн написал Вам и предложил встретиться лично; Если Вы посмотрите на 26-ю страницу немецкого текста, - 33 страница английского текста,- то Вы найдете записи этой личной беседы, которую Вы имели в министерстве иностранных дел 29 марта с Гейнлейном, Карлом Германом Франком и с двумя другими лицами, имена которых не столь хорошо известны.

7746

Я хочу только чтобы Вы посмотрели на четыре пред - ложения.

"Имперский министр начал с того, что подчеркнул необходимость провести намечаемое совещание в полной тайне",а затем Вы ссылаетесь на совещание фюрера с Кон - радом Гейнлейном, которое имело место накануне днем. Я хочу только чтобы Вы не забывали об этом.

А теперь,если Вы посмотрите на низ страницы, после раздела 1-го и 2-го, Вы увидите абзац, который начинает- ся со слов: "министр иностранных дел"... вот его вторая фраза:

"Очень важно предложить максимальную программу, ко- нечной целью которой будет полная свобода для судетских немцев. Но опасно преждевременно удовлетвориться согла- сием чешского правительства; это, с одной стороны создаст впечатление заграницей, что найдено решение этого вопроса, и, с другой стороны, это лишь частично удовлетворит судет- ских немцев "...

Если Вы посмотрите на следующее предложение, то после нескольких нелестных замечаний по адресу Бенеша, там говорится:

"Целью этих переговоров партии судетских немцев с чехословацким правительством в конце концов, является следующее: избежать вхождения в правительство" - обратите внимание на следующие слова - "расширением и постепенной конкретизацией требований".

А затем Вы вносите ясность в позицию имперского кабинета. "Имперский кабинет"- через одну фразу - " сам должен воздерживаться от выступлений перед правительством

H1196-0041

H1196 – 0042

Праги или перед Лондоном и Парижем в качестве защитника"- обратите внимание на следующие слова - " или умиротвори - теля в отношении требований судетских немцев".

Политика, о которой я Вам сейчас говорю, заключа - лась в руководстве деятельностью судетских немцев. Последние должны были избежать достижения согласия с чехосло - вацким правительством, избежать участия в чехословацком правительстве, а имперский кабинет, в свою очередь, должен был избегать положения, при котором он бы действовал как умиротворитель. Другими словами, свидетель, благодаря Вашему влиянию на судетских немцев, Вы предпринимали всяческие меры и делали все, что было в Ваших силах для того чтобы никакое соглашение не было достигнуто ни в отноше - нии этих трудностей, ни в отношении проблемы меньшинства. Разве это не так? Разве это не то, о чем Вы говорили во время той беседы?

РИББЕНТРОП. Нет, это не соответствует действитель - ности.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Дайте свое объяснение! Что же по Вашему значили эти слова?

РИББЕНТРОП. Я пригласил Конрада Гейнлейна, / мне кажется, это было единственный раз, когда мы виделись, хотя, может быть, я и видел его еще раз; во всяком случае я утверждаю, что Гейнлейна я к сожалению видел всего один - два раза/. Итак, я пригласил его для того, чтобы ска - зать, что проблема судетских немцев должна назревать постепенно и без эксцессов. Требования судетских немцев уже тогда были большими. Они хотели присоединиться к империи. Это оставалось невысказанным или, в некоторых случаях,

11748

открыто высказывалось. Такое разрешение вопроса казалось мне опасным и мне казалось, что надо это как-то взять в свои руки, ибо иначе это могло привести к войне. Гейнлейн пришел ко мне ... но я хотел бы сказать, что это было единственным разом, когда я подробно и в такой форме говорил с Гейнлейном по этому вопросу, вскоре все это опять вышло из-под моего контроля.

Таким образом,вся эта проблема судетских немцев, как это отмечается и в этом протоколе, несомненно заключалась в том, что я хотел: 1/ чтобы эти стремления судетских немцев развивались спокойно, так чтобы мы могли их поддерживать дипломатическим путем, что казалось мне вполне справедливым; 2/ чтобы в результате террористических актов или других дикостей не создалось бы внезапно такое положение, которое бы в итоге привело к германо-чешскому и европейскому кризису. Вот почему я вызвал тогда Конрада Гейлейна.

Что касается отдельных предложений, которые были оглашены г-ном Обвинителем, то совершенно ясно, что партия судетских немцев в то время предъявила очень большие требования, больше всего она, конечно, хотела чтобы Адольф Гитлер предъявил ультиматум Праге: "Вот,что Вы должны сделать и конец". Но мы этого не хотели, и это - вполне естественно. Мы хотели спокойного развития и разрешения всей этой проблемы. Поэтому я тогда говорил с Конрадом Гейнлейном о том, как должна действовать партия судетских немцев для того, чтобы постепенно осуществить свои требования. Эти требования, как я тогда считал, были требованиями широкой культурной и иной автономии.

7749

H1196 - 0043

H1196 – 0044

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Если Вы думали о культурной и социальной автономии, то почему Вы говорили этим джентельменам, чтобы они не должны притти к соглашению с пражским правительством?

РИББЕНТРОП. Я не могу сейчас осветить это подробно. Очевидно, здесь были соображения тактического порядка. Я думаю, что Конрад Гейнлейн сделал такое предложение и я согласился на это, но подробности мне неизвестны. Я предполагаю, что это было следующим образом: г-н Гейнлейн развил свою программу /здесь в записи этого нет/ и я более или менее согласился с ним. Я предполагаю, что из тактических соображений, может быть Гейнлейн не хотел еще вступать в правительство и брать на себя ответственность и т.д. Может быть он хотел действовать пока иным путем.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это было 29 марта, и Вы говорили Трибуналу несколько минут тому назад о своем стремлении к миру. Вы узнали через очень короткое время о том, что нечего было расчитывать на мероприятия мирного порядка, не правда ли? Вы помните об этом? Просто подумайте об этом, Вы ведь, повидимому, думали об этом? Вы помните, когда Гитлер раскрыл Вам, что он ведет военную подготовку к захвату Чехословакии той осенью?

РИББЕНТРОП. Адольф Гитлер очень мало говорил со мной о военных делах. Такого сообщения я не помню, но мне, конечно, было известно, что фюрер принял решение в определенные сроки решить эту проблему и по опыту, полученному Германией в прошлом, ему было ясно, что может быть придется прибегнуть к каким-либо военным мероприятиям для того, чтобы подкрепить свои требования.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разрешите мне помочь Вам в этом отношении. Обратитесь к 31 странице Вашей документальной книги, в английской книге это страница 37.

РИББЕНТРОП. 31-я страница.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, 31 страница Вашей книги документов. Это цитата из речи Гитлера в январе 1939 г., но получилось так, что она вносит ясность в этот вопрос. Видите ли, он говорит - Вы нашли это место, свидетель?

РИББЕНТРОП. Да, я нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. "В связи с этой нетерпимой/провокацией, которая приняла еще более определенные формы в поистине позорных преследованиях и терроре в отношении наших немцев проживающих там, я пришел к решению окончательно и радикально разрешить судетскую проблему. 28 мая я дал приказ, это был первый приказ, о подготовке военных мероприятий против этого государства - т.е. Чехословакии,- которые должны были быть закончены ко 2-му октября. Я приказал решительно и быстро завершить подготовку нашего фронта обороны на Западе."

Я хочу Вам напомнить об этом, так как 28-го мая состоялось совещание, и об этом есть собственное замечание Гитлера. Он сказал: "Моим непреклонным желанием,является стереть Чехословакию с карты мира". А затем он внес ясность в другой вопрос об оборонительном фронте на Западе".

Вы теперь, быть может, вспомнили об этом совещании 28-го мая?

РИББЕНТРОП. Мне кажется,что я здесь видел документ, относящийся к этому совещанию,но я не припоминаю этой встречи.

7751

H1196 - 0045

H1196 – 0046

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Кажется капитан Фриц Ведеманн был еще адъютантом фюрера в то время; это было до его отъезда заграницу. Он говорит, что Вы были там. Вы отрицаете это?

РИББЕНТРОП. Я видел это, но я считаю, что это ошибка г-на Видеманна.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Итак, Вы думаете,что Вы там не были?

РИББЕНТРОП. Я предполагаю,что это ошибка. Я не помню этой встречи. Точно я не могу сейчас сказать. Вообще меня Гитлер не привлекал к решению военных вопросов. Но я знал, что поговаривали о том,что фюрер в течение 1938 г. принял решение,как он сам говорил, о том, чтобы отстоять права судетских немцев и о том,что он именно с этой целью проводил военную подготовку. Это мне было известно, но в какой форме и в каком объеме это проводилось, этого я не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Другими словами, Ваша точка зрения - я ничего не хочу домысливать - такова: Вы знали,что военные приготовления производились,но Вы не знали деталей того,что нам сейчас известно под названием "Зеленого плана".

РИББЕНТРОП. Нет, подробности мне были неизвестны. Я об этом никогда ничего не слышал, но я знал,что в последние недели и месяцы кризиса .....

ХОРН. Г-н председатель, я возражаю против этого вопроса. Я думаю,что для экономии времени необходимо указать на то, что 4 великие державы - Англия, Франция, Италия и Германия, а также и Мюнхенское соглашение, которое явилось завершением германо-судетской политики, санкционировали эту политику. Поэтому я не вижу здесь состава преступления с точки зрения международного права.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что этот вопрос совершенно допустим.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Во всяком случае, Вы знали достаточно для того, чтобы обсуждать с представителями иностранных держав возможный ход развития возможной войны. Посмотрите на 34-ю страницу, в английском тексте страница 40,- это заметки о беседе с итальянским послом. Я не знаю, кто из Ваших официальных лиц принимал участие в этой беседе, но я хочу, чтобы Вы взглянули на этот документ, (это запись от руки) с грифом "Для рейхсминистра, лично": "Аттолико затем заметил, что мы действительно безошибочно показали итальянцам наши намерения в отношении чехов. Что же касается даты, он имел сведения, что он мог уехать в отпуск, возможно на два месяца, но не позднее чем ..."

/ см. следующую стр./

4753

H1196 – 0047

H1196 – 0048

Если Вы взгляните на дату, Вы увидите, что это было 18 июля, а через два месяца после 18 июля было бы 18 сентября. Затем Вы увидите, месяцем позднее, заметку, подписанную, кажется, Вами лично в день 27-го августа: "Аттолико нанес мне визит. Он получил новые письменные директивы от Муссолини с просьбой, чтобы Германия своевременно сообщила возможную дату нападения на Чехословакию. Муссолини просил о таком уведомлении, как Аттолико уверил меня, для того, чтобы иметь возможность своевременно принять необходимые меры на французской границе".

"Я ответил послу Аттолико, так же как это было однажды в прошлом, что я не могу назвать ему какую-либо дату, но что во всяком случае, Муссолини будет первым, кого информируют о любом решении".

Так что вполне ясно, не правда ли, что Вам было известно, что общая подготовка Германии к нападению на Чехословакию началась, но дата указана конкретно еще не была, имелось лишь общее указание Гитлера о завершении подготовки к началу октября. Таково было положение в июле и августе, не правда ли?

РИББЕНТРОП: В августе 27 августа в отношениях между Германией и Чехословакией в связи с этой проблемой уже возник кризис и было ясно, что в это время уже задумывались над тем, чем окончится этот кризис, и этот документ свидетельствует о том, что я говорил с итальянским послом, что в случае, если этот кризис перерастет в военную операцию, безусловно, об этом заранее будет сообщено Муссолини.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И Муссолини должен был быть готов продемонстрировать на французской границе свою готовность помочь в осуществлении Ваших военных планов. Это так?

РИББЕНТРОП: Это написано в документе. Об этом я ничего не знаю. Может быть это сказал Аттолико. Если здесь это записано, значит он это сказал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь обратитесь примерно к тому же самому времени /страницы 36-38, в английском тексте - 41-43/. Я не хочу отнимать время, оглашая весь этот документ. Это - отчет о Вашем совещании с венгерскими министрами Имреди и Каниа, и мне очень бы хотелось, в интересах времени, чтобы Вы попытались ответить на этот общий вопрос. Пытались ли Вы во время этой беседы с Имреди и Каниа обеспечить готовность венгров к нападению на Чехословакию в случае если война разразится.

РИББЕНТРОП. Я не помню точно содержания документа. Разрешите мне еще раз прочитать его.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я Вам только прочту...

РИББЕНТРОП: Может быть, я смогу ответить по памяти. Я не знаю точно, что написано в документе, но я помню, что тогда кризис уже начался и, вполне естественно, что ввиду возможности военного конфликта, в связи с судетской проблемой, Германия и устанавливала бы в какой-либо форме связь с пограничными государствами. Это само собой разумеется.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но Вы зашли несколько дальше установления связи с ними, не правда ли? Документ гласит в конце 6-го абзаца: Фон Риббентроп повторил, что все, стремящиеся к пересмотру данного вопроса, должны использовать удобный случай и принять в нем участие".

РИББЕНТРОП: Да это как раз совпадает с тем, что сказал я. Я не знаю только был ли таков ответ. Но совершенно очевидно, что в тот момент, когда я беседовал с этими господами, такая возможность конфликта была налицо. Это я

7755

H1196 - 0049

H1196-0050

помню. Совершенно очевидно также и то, что в таком случае было необходимо согласовать наши интересы. Я хотел бы упомянуть еще один момент, а именно, что Венгрия всегда самым тягостным для себя пунктом (103) условий мирного договора считала отторжение территорий на севере и была в них, конечно, очень заинтересована.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы предложить пересмотр вопроса. Взгляните на два последних абзаца. Они озаглавлены "29-го числа". В Вашем документе это должно быть страница 38. Они начинаются так... самый конец этого заявления: "В отношении военной готовности Венгрии в случае германско-чешского столкновения, фон Каниа упомянул несколько дней тому назад, что его стране потребуется один-два года для того, чтобы развить соответствующим образом военную мощь Венгрии. Во время сегодняшнего разговора, фон Каниа внес поправку в это замечание и сказал, что военное положение Венгрии значительно улучшилось и что в отношении вооружения, его страна будет готова принять участие в столкновении к 1-му октября текущего года". Понятно?
Я хочу сказать Вам, свидетель, что Ваша позиция была совершенно ясна. Прежде всего, Вы подчинили судетских немцев своему контролю. Затем Вы узнали от Гитлера, что велись военные приготовления, затем Вы привлекли к этому итальянцев, затем венгров. Вы привлекли всех, кто был готов к наступлению на Чехословакию. Вот о чем я сейчас Вам говорю. Я хочу, чтоб Вам это было совершенно ясно, чтоб не было никаких кривотолков. Посмотрите, что ...

РИББЕНТРОП: Разрешите мне ответить на этот вопрос?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, конечно, если Вы желаете.

РИББЕНТРОП: Я уже говорил, что партия судетских немцев не находилась под моим контролем. А в общем я стоял и стою на той точке зрения, что судетские немцы на основании провозглашенного в 1919 году права народов на самоопределение пользовались основным правом решить к кому они хотят присоединиться. Когда Адольф Гитлер пришел к власти, это стремление присоединиться к империи стало очень сильным и Адольф Гитлер решил разрешить эту проблему либо дипломатическим, либо иным путем. Это было совершенно ясно. Я лично принял все меры к тому, чтобы эта проблема была разрешена дипломатическим путем, но,с другой стороны, я делал все для того, чтобы создать такую ситуацию, которая позднее и привела к Мюнхену, поэтому то я и старался сплотить вокруг нас наших друзей для того, чтобы укрепить нашу позицию на этот случай.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы прекрасно знали о "Зеленом плане", не правда ли? О том, что военные планы Гитлера охватывали покорение всей Чехословакии, не правда ли?

РИББЕНТРОП: Нет, этого я не знал, и что касается германо-судетской проблемы, то нужно сказать, что королевское британское правительство само в Мюнхене заключило это соглашение и эта проблема была разрешена так, как я этого хотел с точки зрения немецкой дипломатии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Свидетель, я не собираюсь спорить с Вами на политические темы. Я только напоминаю Вам о том, что "зеленый план" и гитлеровские планы в этом вопросе стали известны правительству Его Величества лишь только по окончании войны, после того, как этот документ был захвачен нами в качестве трофейного материала. Но я Вас спрашиваю следующее: Вы говорите, что, будучи министром иностранных дел империи, Вы не знали об этих

7757

H1196 - 0051

H1196 - 0052

военных планах, о том, что предполагался захват всей Чехословакии? Вы это утверждаете? И Вы хотите, чтобы Трибунал Вам поверил?

РИББЕНТРОП: Я еще раз повторяю, что само название "План Грюн" /зеленый/ я прочел впервые здесь в документах и этого термина до сих пор я не знал и не интересовался им. Конечно, позднее мне стало ясно, что в ходе событий после созвания протектората Богемии и Моравии фюрер хотел решить эту проблему на более широкой основе.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Одну минуту. Мы сейчас подойдем к этому. Я только хочу, чтобы Вы посмотрели на последний акт подготовки, которую Вы проводили, и я предлагаю назвать это явной агрессией; если Вы посмотрите на страницу 45 книги, лежащей перед Вами, Вы увидите следующее письмо министерства иностранных дел посольству в Праге: "Пожалуйста, уведомите заместителя Кундта о требовании Конрада Генлейна немедленно связаться со словаками и побудить их начать завтра выступление за свои требования автономии". Такова была дальнейшая деятельность Вашего министерства? Не правда ли? Затруднить положение правительства в Праге? Вы старались, чтобы Ваши друзья побудили - употребляя Ваши собственные слова - словаков начать выступление за автономию, это так? Этим занималось Ваше министерство?

РИББЕНТРОП: Безусловно, эта телеграмма была послана министерством иностранных дел. Подробно я сейчас этого не могу сказать. Однако, судя по содержанию, можно предположить, что Генлейн попросил нас послать телеграмму и, очевидно, он придерживался в то время того мнения, что ему следует потребовать предоставления автономии у пражского правительства. Подробно о том, как это произошло я

не могу сейчас сказать, но я хотел бы еще раз подчеркнуть, что деятельность Конрада Генлейна, к сожалению, - я повторяю - к сожалению, не находилась под моим контролем. За все это время я видел его всего лишь один или два раза.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я не собираюсь обращать Ваше внимание на все детали. Вы понимаете, что я говорю о том, что Ваше министерство сделало тогда один из своих последних шагов, так как это было в середине кризиса, 19 сентября, пытаясь ослабить чехословацкое правительство подстрекательством словаков к требованию автономии. Вы сказали, что Вы лишь передавали желания Генлейна. Если Вы настаиваете на такой формулировке, я не стану Вас больше утруждать.

Я перехожу сейчас к тому, что произошло весной. Я задам Вам один или два вопроса по этому поводу. Весной, следуя желаниям Гитлера, Вы... /хотел было сказать, проглотив обиду/, но я хочу быть более осторожным в выражениях, - Вы должны были добиться присоединения Богемии и Моравии к империи и заставить Словакию отделиться от Богемии и Моравии. Теперь только взгляните на 65 страницу книги документов, лежащую перед Вами. Это секретная зашифрованная телеграмма от Министерства иностранных дел, т.е. от Вас, посольству в Праве:

"В отношении инструкций, переданных сегодня кодом по телефону: в случае, если Вы получите какие-либо письменные сообщения от президента Гаха, пожалуйста не предпринимайте никаких шагов и не делайте никаких ни письменных, ни устных замечаний, а передавайте их сюда шифрованной телеграммой. Более того, я должен просить Вас и других членов посольства, чтобы правительство Гаха, если они

7759

H1196-0053

H1196 – 0054

оно захочет связаться с Вами, не смогло Вас застать в течение нескольких ближайших дней".

Почему Вы были так заинтересованы в том, чтобы Ваш посол не выполнил своих обычных функций и не устанавливал связи с чешским правительством?

РИББЕНТРОП: Это произошло следующим образом. Я это хорошо помню. Чехословацкий министр иностранных дел Хвалковский в один из этих дней - это, очевидно было в тот же день - пришел к послу в Праге и заявил, что чехословацкий президент Гаха хочет иметь аудиенцию у Фюрера. Я об этом сообщил Фюреру, и Фюрер заявил, что он согласен дать аудиенцию чехословацкому премьер-министру или президенту. Фюрер вместе с тем заявил, что он сам хочет вести эти переговоры и не хочет, чтобы кто-либо из посольства в этом принял участие. Это было основанием для этой телеграммы и послана она была для того, чтобы в Праге ничего не предпринимали, так как принять решение должен был Фюрер. Предварительно я должен заметить, что в отношениях между нами и Прагой уже появились признаки кризиса. Этим и следует объяснить посещение президента Гаха или вернее желание президента Гаха посетить фюрера.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, теперь я хотел бы Вам напомнить, что Вы и фюрер делали в течение того дня. Вы это увидите, если посмотрите на 66 страницу,- 71 стр. английского текста,- книги документов. У Вас было совещание, у Вас и фюрера с Мейсенером и подсудимым Кейтелем, а также с Дитрихом и Кеплером, и у Вас было совещание со словаками, с господином Тисо. Вы помните об этом совещании?

РИББЕНТРОП: Да, я хорошо помню это совещание.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, тогда я задам Вам общий вопрос и, пожалуй, без деталей: На этом совещании

Гитлер и Вы говорили словакам следующее:

"Если Вы не объявите свою независимость от Праги, мы оставим Вас на милость Венгрии". В одной этой фразе содержится неплохое резюме того, что говорил Гитлер и Вы на этом совещании. Не правда ли?

РИББЕНТРОП: Это правильно только в некоторой степени. Но я хотел бы дать разъяснение по этому вопросу. Положение с политической точки зрения было тогда таково: венгры были очень недовольны и хотели снова получить свои территории, которые были отторгнуты от Венгрии по мирному договору и которые были присоединены к Чехословакии, т.е. вошли в Словакию. Поэтому всегда возникали большие трудности между Братиславой /Прессбургом/ и Будапештом и прежде всего между Прагой и Будапештом. Поэтому всегда нужно было учитывать возможность возникновения военного конфликта. И не менее шести раз венгерское правительство нам давало понять, что так не может продолжаться дальше. Оно хотело, чтобы этот договор был пересмотрен. В течение долгого времени Словакия стремилась к независимости. Об этом нам неоднократно сообщал г-н Тука и позднее г-н Тиссо. На этом совещании, о котором здесь говорится, дело обстояло следующим образом. После того, как фюреру стало известно, что словаки хотят добиться независимости, и прошло уже много времени, может быть несколько недель, он /Гитлер/ принял Тиссо будущего президента и сказал ему, что он лично не заинтересован в решении этого вопроса.

Однако, если вообще что-либо должно произойти, то Словакия должна как можно скорее заявить о своей независимости. Не может быть сомнения в том, что мы в то время расчитывали на вмешательство Венгрии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы можете увидеть, как словаки страшно стремились к независимости,и что предпри-

4761

H1196 – 0055

H1196 – 0056

нимал Гитлер и Вы сами, чтобы добиться ее, если Вы попытаетесь найти, вероятно, на странице 67, в конце абзаца, следующее:

"Теперь он разрешил министру Тиссо приехать сюда..."

и несколько ниже, в середине абзаца, говорится о том, что Гитлер сказал, что он не потерпит это неустойчивое положение внутри страны, и поэтому он разрешил Тиссо приехать и выслушать его решение. Это был вопрос не дней, а часов. И он тогда констатировал следующее: если Словакия хочет стать независимой, он будет поддерживать эту попытку и даже гарантировать ее осуществление; он будет держать свое слово до тех пор, пока Словакия будет явно стоять за неависимость. Если же она начнет колебаться или выражать нежелание порвать связь с Прагой, он оставит Словакию на волю судеб и снимат с себя ответственность за нее.

Затем он спрашивает Вас, не хотели ли Вы что-нибудь сказать, - в следующем абзаце, и Вы, как указывается там, ответили:

"Министр иностранных дел империи также подчеркнул, со своей стороны, точку зрения о том, что в данном случае решение было вопросом часов, а не дней. Он показал Гитлеру донесение, которое он получил о том, что венгерские войска двигались на словацкой границе. Фюрер прочем этот доклад и упомянул о нем Тиссо?

Отрицаете ли Вы, свидетель, что Гитлер и Вы сами оказывали сильнейшее давление, какое Вы только могли, на словаков с тем, чтобы они порвали отношения с Прагой и таким образом оставили чехов одних встретить тот нажим на Гаха, который должен был быть осуществлен через пару дней?

7762

РИББЕНТРОП: Нет. Это неправильно. Никакого сильного давления не было оказано. Не может быть никакого сомнения в том, что со стороны Венгрии... и мое замечание относится также к возможности военного конфликта с Венгрией /Фраза не закончена - примечание переводчика/...

Однако, в течение долгого времени словаки говорили нам о том, что они хотят быть независимыми. Возможно, что тогда Тисо - это можно установить по документу - все еще колебался, так как это был очень серьезный шаг. Однако, учитывая, что решение, которое тогда совершенно определенно принял фюрер - в какой-либо форме решить вопрос о Моравии и Богемии - можно сказать, что несомненно в интересах фюрера также было создать независимую Словакию.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Еще один момент. Это последний вопрос, затем я перейду к беседе с Гаха. Помните ли Вы, что за два дня до того господин Беркель- насколько я помню - господин Беркель и другой австрийский национал-социалист, подсудимый Зейсс-Инкварт и несколько немецких офицеров, около 10 часов вечера, в субботу 11 марта, отправились на заседание кабинета в Братиславе и заявили так называемому словацкому правительству, что оно должно объявить независимость Словакии. Вы этого разве не знаете? Об этом сообщал нам консул.

РИББЕНТРОП: Я не помню подробностей, однако, мне кажется, что что-то в этом духе произошло, но подробностей я не помню. Мне кажется, что я в то время почти не занимался этим и не помню теперь подробностей.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я очень коротко...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сэр Дэвид, сейчас без четверти час. Мы сделаем перерыв до 2-х часов.

/Перерыв до 2-х часов/

4763

H1196 - 0057

H1196 – 0058

СТЕНОГРАММА
ВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
от 1-го августа 1946 г.

Вечернее заседание

Встать! Суд идет!

/К микрофону подходит сэр Дэвид Максуэл Файф/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Свидетель, вы присутствовали во время беседы президента Гаха и Гитлера 15 марта 1939 г.?

РИББЕНТРОП. Да, я присутствовал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Помните ли вы, что во время этой беседы Гитлер сказал, что он издал приказ германским войскам вступить в Чехословакию и что в 6 часов утра германская армия вторгнется в Чехословакию вдоль всей границы?

РИББЕНТРОП. Я уже не помню точно текста этого приказа, но я знал, что Гитлер сказал Гаха, что он займет Богемию и Моравию.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Помните ли вы, что он сказал то, о чем я вас спрашивал, - что он издал приказ германским войскам вступить в Чехословакию?

РИББЕНТРОП. Да, это как раз то, что я только что сказал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Помните ли вы, что последний Горнир, или он сам сказал Трибуналу, сообщил президенту Гаха, что он отдал приказ германским военно-воздушным силам бомбить Прагу?

РИББЕНТРОП. Подробно я не могу рассказать об этом, так как во время этой беседы я...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Я не прошу вас рассказывать подробно; я спросил вас, помните ли вы о том, что, я полагаю

представляют довольно интересное заявление, т.е. что подсудимый Геринг сказал президенту Гаха, что он отдаст приказ германской авиации бомбить Прагу, если сопротивление чехов не будет устранено? Вы помните об этом?

РИББЕНТРОП. Нет, этого я не знаю; при этом я не присутствовал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Вы присутствовали все время при этом беседе, не правда ли?

РИББЕНТРОП. Нет, я не присутствовал и если представитель британского обвинения даст мне возможность, то я расскажу как обстояло дело.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Я хочу, чтобы вы сейчас ответили на вопрос. Вы говорите, что вы не помните об этом. Во всяком случае, если подсудимый Геринг сам заявил, что он это сказал, согласитесь ли вы, что это произошло?

РИББЕНТРОП. Если Геринг это сказал, то это действительно было так. Я только заявил, что я не присутствовал на этом совещании между президентом Гаха и рейхсмаршалом Герингом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Помните ли вы, что Гитлер заявил, что в течение двух дней чешская армия прекратит свое существование?

РИББЕНТРОП. В деталях я не помню этого; это была очень длинная беседа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Помните ли вы, что Гитлер заявил, что в 6 часов войска вступят в пределы страны? Ему дано было почти стацию говорить, что на каждый чешский батальон приходится одна германская дивизия.

РИББЕНТРОП. Очень возможно, что что-либо подобное было сказано, но деталей я не помню.

7765

H1196 – 0059

H1196 – 0060

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ «Л». Если это действительно было сказано, тогда согласитесь ли вы со мной, что на президента Гаха оказывалось самое недопустимое давление?

РИББЕНТРОП. Несомненно. Гитлер говорил очень ясно. Но я должен сказать, что президент Гаха со своей стороны прибыл в Берлин для того, чтобы найти решение вместе с Гитлером. Он был ошеломлен тем, что должно начаться вступление войск. Я точно это помню. Но затем он заявил о своем согласии и связался со своим правительством и начальником генерального штаба для того, чтобы германским войскам не оказывалось сопротивления, а затем подписал с Гитлером и министром иностранных дел Чехословакии составленное мной соглашение.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ «Л». Согласитесь ли вы со мной, что этого соглашения добились с помощью угрозы агрессивных действий германской армии и военно-воздушных сил?

РИББЕНТРОП. Верно то, что фюрер сказал президенту Гаха, что германская армия вступит в Чехословакию и что этот документ был подписан под впечатлением этого заявления.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ «Л». Не думаете ли вы, что вы могли ответить прямо, хотя бы на один из моих вопросов. Я вас снова спрашиваю, согласны ли вы со мною, что этого документа добились при помощи самого недопустимого давления и под угрозой агрессии? Это простой вопрос. Согласны ли вы?

РИББЕНТРОП. В такой формулировке – нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ «Л». Какой же еще больший нажим можно было оказать на руководителя страны, если не тот, что ваша армия должна была вступить в его страну, имея большое превосходство сил, и что ваши военно-воздушные силы должны были бомбить его столицу?

7766

РИББЕНТРОП. Ну, например, война. /Смех в зале./

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. А что же это, если это не война? Вы не считаете войной такое положение, при котором армия вступает в пределы другого государства, с соотношением сил - дивизия против батальона и при котором военно-воздушные силы должны бомбить Прагу?

РИББЕНТРОП. Президент Гаха заявил фюреру, что он вручает судьбу своей страны в руки фюрера и фюрер...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Мой вопрос совершенно простой, и я хочу, чтобы вы на него ответили. Вы заявили нам, что этого соглашения добились после того, как были высказаны эти угрозы?

РИББЕНТРОП. Нет, этого я не сказал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Вы это сказали несколько минут тому назад.

РИББЕНТРОП. Нет.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Я говорю вам, что этого соглашения добились при помощи угрозы войны. Разве это не так?

РИББЕНТРОП. Я думаю, что эта угроза была несравненно меньшей, чем те угрозы, под влиянием которых Германия в течение десятка лет находилась из-за Версальского договора и его санкций.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Хорошо. Оставьте сравнения в стороне и ответьте теперь на мой вопрос. Вы согласны с тем, что это соглашение было достигнуто под угрозой войны?

РИББЕНТРОП. Оно было заключено под давлением, т.е. под угрозой вступления в... Прагу. Это не подлежит сом-

7767

H1196 - 0061

H1196 – 0062

нонию. Но решающим во всем этом деле было то, что фюрер об"яснил президенту Гаха причины того, почему он должен это сделать и Гаха в конце концов заявил о своем абсолютном согласии, после того, как он связался со своим правительством и со своим генеральным штабом и узнал их точку зрения. Правда, совершенно верным является то, что фюрер решил при всех условиях разрешить этот вопрос. Причиной было то, что фюрер считал, что здесь в оставшейся части Чехии составляется заговор против германской империи. Рейхсмаршал Геринг заявил уже, что на аэродромах Чехии были русские комиссии. Итак, фюрер это сделал потому, что он думал, что он должен сделать это ради высших интересов и ради защиты Германии. Разрешите привести здесь сравнение: президент Рузвельт, например, заявил о своей сфере интересов в западном полушарии, Англия распространила свои интересы на весь земной шар. Я думаю, что эта заинтересованность в пространстве, сама по себе проявленная фюрером в отношении Чехословакии, не является чем-то порочащим великую державу, о методах можно говорить что угодно. Во всяком случае, верно одно, а именно то, что эти страны были заняты без пролития хотя бы одной капли крови.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Их заняли абсолютно без кровопролития, потому что вы угрожали ввести большое количество войск, бомбить Прагу, если они не согласятся. Так это или нет?

РИББЕНТРОП. Нет, не потому что мы угрожали силой, а потому, что ранее было заключено соглашение о том, что германские войска вступят беспрепятственно в страну.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Я вновь повторяю, что соглашение было достигнуто благодаря угрозе ввести германские войска в страну и бомбить Прагу. Не правда ли?

РИББЕНТРОП. Я Вам уже раз ответил, что дело обстояло не так. Фюрер говорил об этом с президентом Гаха и сказал ему, что он /Гитлер/ вступит в страну. Разговоров между президентом Гаха и рейхсмаршалом Герингом я не знаю. Президент затем подписал соглашение, после того, как он связался по телефону со своим правительством и генеральным штабом в Праге. Не подлежит сомнению то, что личность фюрера усилила его аргументацию и, в конце концов, сама угроза вступления войск в страну побудила президента Гаха подписать это соглашение.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Вы не помните.. /Файф обращается к чехословацкому генералу/. Встаньте, пожалуйста, генерал, на минутку. /К Риббентропу/. Вы помните, что генерал Этот задал вам однажды несколько вопросов. Этот генерал из Чехословакии?

РИББЕНТРОП. Да, конечно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Сказали ли вы ему, что вы считаете, что действия, имевшие место 15 марта, противоречили заявлению Гитлера Чемберлену, но что, собственно, Гитлер видел в оккупации жизненную необходимость для Германии?

РИББЕНТРОП. Да, это верно. этапе В первом пункте я заблуждался, я хочу это открыто признать. Позже я вспомнил это. Относительно этого ничего похожего нет в Мюнхенском соглашении между Гитлером и Чемберленом. Да оно и не было направлено против этого соглашения. По второму пункту я, как мне кажется, заявил, что Гитлер думал, что он действует в интересах своей страны.

7769

H1196 – 0063

H1196 – 0064

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Я хотел бы, чтобы вы сейчас сообщили нам ваши взгляды на один-два общих вопроса в отношении Великобритании. Верно ли то, что когда вы направились в Лондон в качестве германского посла, вы считали, что возможности достигнуть соглашения - минимальны; что, фактически, в пользу взаимного понимания ~~перестали быть шансы~~ с Англией существует один шанс против ста?

РИББЕНТРОП. Когда я просил фюрера послать меня в Лондон...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Я задаю вам простой вопрос. Правильно ли, что когда вы отправились в Лондон в качестве посла, вы считали, что возможности взаимопонимания между Англией и Германией были минимальными и фактически выражались одним шансом против ста?

РИББЕНТРОП. Да, шансов было мало.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Это ваши собственные слова, как вы знаете...

РИББЕНТРОП. Я хотел бы кое-что добавить.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Сначала ответьте на мой вопрос. Это были ваши собственные слова, не правда ли? Что шансы выражались пропорцией один на сто? Вы помните, что вы это сказали?

РИББЕНТРОП. Сто к одному? Я не помню, чтобы я так сказал, но я хотел бы кое-что добавить к этому. Я сказал Гитлеру, что шансы невелики и я также сказал Гитлеру, что я сделаю все, чтобы добиться, несмотря ни на что взаимопонимания между Англией и Германией.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Итак, когда вы покидали Англию, считали ли вы, что война неизбежна? Когда вы выехали из Англии... Когда вы

7770

перестали быть послом, вы считали, что война неизбежна?

РИББЕНТРОП. Нет, я не думал, что война неизбежна, но я был убежден, что существовала возможность возникновения войны при том положении, которое имело место в Англии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Я хочу, чтобы вы действовали осторожно в этом вопросе. Когда вы выехали из Англии, сказали ли вы, что вы не считаете, что война неизбежна?

РИББЕНТРОП. Я не могу сказать, была ли война неизбежна или ее можно было избежать; во всяком случае мне было ясно, что при таком развитии политики Англии по отношению к Германии могли иметь место военные эксцессы.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Теперь взгляните на страницу 211-Е нашей с документами, страница 170 английской книги.

РИББЕНТРОП. Вы сказали 211?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Вы нашли это место?

РИББЕНТРОП. Да. Я нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Теперь взгляните на второй абзац. В нем сказано следующее: "Он, германский министр иностранных дел был больше, чем скептически настроен при приезде в Лондон и считал, что шансы против соглашения были сто против одного. В Англии преобладает мнение подстрекателей войны - сказал он, когда он, имперский министр иностранных дел, покидал Англию, - и война неизбежна". Вы сказали это послу Японии?

РИББЕНТРОП. Я не помню, сказал ли я действительно так. Но, господин представитель обвинения, это дипломатический язык и очень возможно, что мы тогда, исходя из общего положения, считали целесообразным говорить так с послом Японии. Во всяком случае интересно не это. Интересно то, что, как я припоминаю, когда я покинул

7971

H1196-0065

H1196 – 0066

Англию, не было уверенности в неизбежности войны. То, что я может быть сказал, с течением лет не имеет значения для того, что я сказал, когда уезжал из Лондона. Я не думаю, что это являются каким-либо доказательством. Может быть я хотел втянуть его в войну с Англией и поэтому так резко говорил.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Вы, вероятно, сказали ему неправду?

РИББЕНТРОП. Я не знаю. Я также не знаю, было ли это точно вписано. Большой протокол я не знаю откуда он взялся.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Это ваш собственный протокол совещания, имеющийся в захваченном немецком документе.

РИББЕНТРОП. Вполне возможно. Но многие вещи говорятся по дипломатическим причинам и не каждое слово взвешивается. Во всяком случае справедливо то, что, когда я покидал Лондон война не казалась неизбежной, но, несомненно, я, покидая Лондон, был настроен скептически, я не знал, куда все это приведет в будущем и это прежде всего потому, что английская военная партия была очень сильной.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Когда вы покинули Англию, не считали ли вы, что германская политика должна внешне выражаться в дружбе с Англией, а на самом деле проводиться по линии создания коалиции, направленной против нее?

РИББЕНТРОП. Это неверно. Мне было ясно, что, когда я стал министром иностранных дел, осуществление германских устремлений в Европе было очень трудным делом и что прежде всего Англия мешала осуществлению этих желаний. В течение многих лет я, по поручению фюрера, пытался путем дружественного взаимопонимания с Англией осуществить эти планы.

7772

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Теперь я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос: говорили ли вы фюреру, что правильной политикой было внешне поддерживать дружеские отношения с Англией, а в действительности создавать коалицию против нее? Говорили вы это или нет?

РИББЕНТРОП. Нет, в такой формулировке это неверно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Раз вы сказали "нет", взгляните на документ ТС-75, ВБ-28, а также на ваши выводы. Это внизу, § 5, конец третьей страницы.

"Поэтому следует сделать такой вывод: внешне изображать дружбу и взаимопонимание с Англией, защищая интересы наших друзей; а более тайно, но неуклонно создавать коалицию против Англии, т.е. на практике укреплять нашу дружбу с Италией и Японией, а также перетянуть на свою сторону страны, чьи интересы прямо или косвенно совпадают с нашими,- по дипломатической линии осуществлять сотрудничество трех великих держав для достижения этой цели".

И последняя фраза: "Независимо от того, какие политические шаги будут предприняты для сближения с нами - каждый день, когда наши политические решения не основываются главным образом на мысли о том, что Англия является нашим самым опасным противником, идет на пользу нашим врагам". Почему же вы минуту тому назад сказали Трибуналу, что вы не советовали фюреру поддерживать видимые дружеские отношения с Англией, а на самом деле создавать коалицию против нее?

РИББЕНТРОП. Я вообще не знаю, что это за документ. Можно мне взглянуть на него?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Этот документ подписан вами 2 января 1938 г. Это ваш собственный отчет фюреру.

7773

H1196 – 0067

H1196 – 0068

РИББЕНТРОП. Да. Это верно само по себе. Это действительно является реакцией. Только таким путем ~~в-в~~ мы в один прекрасный день могли притти с Англией к соглашению или к конфликту. Ситуация в то время была совершенно ясна: Англия выступала против желания Германии произвести ревизию. Это пожелание фюрер называл мирным и, казалось возможным лишь мне, с помощью сильного дипломатического давления побудить Англию к тому, чтобы дипломатическим, а не военным путем она в конце концов дала на это свое согласие. Таково было, без сомнения, положение в то время.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Я хочу знать, свидетель, почему пять минут тому назад вы сказали Трибуналу, что вы не давали Гитлеру советов содержащихся в вы~~держке~~, которую я зачитал вам?

РИББЕНТРОП. Какой совет, простите, я не понял?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Внешне изображать взаимопонимание с Англией, а втайне создавать коалицию против нее. Я два раза задавал вам этот вопрос? А вы отрицали. Я хочу знать, почему вы отрицали.

РИББЕНТРОП. Я совершенно ясно сказал, что Англия выступала против германских стремлений и что поэтому Германии, если она хотела отстоять свои требования, ничего не оставалось, как только искать себе друзей и с помощью этих друзей побудить Англию начать дипломатические переговоры, в результате которых Англия согласилась бы на выполнение пожеланий Германии, причем все это нужно было достичь дипломатическим путем. Вот в чем заключалась моя задача.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Теперь я хочу, чтобы вы коснулись вопроса об отношениях с Польшей. Я дам вас возможность в общих словах ответить на вопрос, и я наде-

юсь, что мы, таким образом, сэкономим время.

Согласны ли вы с тем, что до момента заключения Мюнхенского соглашения, в речах всех германских государственных деятелей очень много говорилось о любви и уважении к Польше? Вы согласны с этим?

РИББЕНТРОП. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Какова была цель того, что отражено в меморандуме министерства иностранных дел от 26 августа 1938 года? Я вам назову номер страницы. 107-ая страница вашей папки книги документов. Я хотел бы, чтобы вы взглянули на четвертый, кажется, абзац, начинающийся со слов: "Этот метод подхода к Чехословакии..." Можете поверить мне, что метод этот заключается в том, что вы и Гитлер хотели возвращения всех немцев в пределы Германии. Я излагаю этот вопрос совершенно справедливо и об"ективно. Вот что из этого следует. Я хочу, чтобы вы взглянули на этот абзац.

РИББЕНТРОП. Простите, какой абзац вы имеете в виду, я не расслышал?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Четвертый. Он начинается со слов: "Этот метод подхода к Чехословакии..." Четвертый абзац в моем экземпляре.

РИББЕНТРОП. Я еще не нашел его. Параграф пятый. Да, я нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. "Этот метод подхода к вопросу о Чехословакии рекомендуется, ввиду наших отношений с Польшей. Тот факт, что Германия перенесла свои интересы с юго-восточной границы на восточную и северо-восточную границы, неизбежно заставит поляков серьезно призадуматься.

7335

H1196 – 0069

H1196 – 0070

После ликвидации чешского вопроса, общее мнение будет таково, что наступила очередь Польши, но чем позднее мировая общественность это поймет,- тем лучше".

Это правильно отражает намерения германской внешней политики в то время?

РИББЕНТРОП. Без сомнения, нет, ибо, во-первых, я даже не знаю о каком документе идет речь. Как кажется, этот документ был составлен каким-нибудь референтом министерства иностранных дел, где иногда писались такие теоретические работы. Поэтому я не помню, чтобы я его читал. Попал ли он ко мне я также сейчас не помню, но возможно, что такие идеи обуревали некоторых из наших сотрудников. Это возможно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Понятно. Итак, если вы не согласны, то взгляните на страницу 110, где вы найдете выдержку из речи Гитлера, произнесенной в рейхстаге 26 сентября 1938 года. Простите, я сказал в рейхстаге, - я хотел сказать - в спортпалассе.

РИББЕНТРОП. Да, в спортпалассе /во дворце спорта/.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. В конце этой выдержки говорится , что фюрер высказался в отношении Польши после того, как воздал должное маршалу Пилсудскому. "Мы все уверены в том, что это соглашение приведет к длительному умиротворению. Мы понимаем, что здесь речь идет о двух народах, которые должны существовать вместе, и ни один из них не должен покидать другого. Народ из 33 миллионов всегда будет стремиться найти выход к морю. Поэтому необходимо было найти путь к взаимопониманию. Этот путь найден и он все время будет расширяться. Конечно, в этом отношении были трудности. Национальные меньшинства и национальные группы часто ссорились между собой. Но

основное это то, что оба правительства и все благоразумные и дальновидные люди этих двух стран обладают крепкой волей и решимостью улучшить свои взаимные отношения. Это действительно является более ценными усилиями для достижения мира, чем вся болтовня во дворце Лиги Наций в Женеве".

Как вы думаете, это было честное высказывание?

РИББЕНТРОП. Да думаю, что таково было личное мнение фюрера в то время.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Таким образом, в то время все вопросы об обращении с меньшинствами в Польше считались несущественными вопросами. Не так ли?

РИББЕНТРОП. Нет, они не были несущественными. Это был очень трудный пункт отношений между нами и Польшей, который постоянно существовал и фюрер такими высказываниями пытался преодолеть это противоречие. Национальную проблему в Польше я знаю очень хорошо, так как я из соображений личного порядка следил за ней на протяжении многих лет. С того момента, как я взял на себя руководство министра иностранных дел, у нас всегда были большие затруднения, которые с нашей стороны всегда великодушно устранялись.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Во всяком случае, вы согласились со мной, что речи того времени - и вы сказите совершенно откровенно - были полны похвал и дружеских высказываний по отношению к Польше?

РИББЕНТРОП. Да, мы надеялись на то, что мы сумеем удовлетворительно и разумно решить таким образом вопрос о немецком национальном меньшинстве в Польше. Это было нашей политикой, начиная с 1934 года.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. И немедленно после Мюнхена вы впервые поставили вопрос о Данциге в беседе с господином

H1196 - 0071

H1196 – 0072

Липским в октябре, как будто 31-го октября?

РИББЕНТРОП. Да, правильно, 28-го октября.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. 28-го октября. А поляки дали ответ 31 числа, через господина Липского. Вы, вероятно, получили этот ответ днем позже. В нем содержалось - предложение о двухстороннем соглашении между Германией и Польшей, но указывалось, что возвращение Данцига Германии приведет к конфликту.

Я изложил вам этот вопрос в общих чертах. Я только хотел напомнить вам об общем содержании ответа. Вы помните?

РИББЕНТРОП. Насколько я помню, это было не совсем так. Фюрер поручил мне - это было как раз 28 октября - вызвать посла Липского в Берхтесгаден. Это поручение было дано, так как фюрер, повидимому, продолжая придерживаться может быть этой своей речи во дворе спорта, сейчас я уже не помню точно, желая теперь выяснить свои отношения со всеми своими соседями. И именно как раз с Польшей. Поэтому он поручил мне, чтобы я переговорил с господином Липским по вопросу о Данциге и по вопросу о воссоединении с Восточной Пруссией. Я пригласил к себе посла Липского и в очень дружественной атмосфере представил ему эти пожелания. Посол Липский отнесся к ним очень сдержанно, сказав, что Данциг во всяком случае не является простой проблемой, но что он запросит об этом свое правительство. Я просил его это сделать в ближайшее время и сообщить мне об этом. Это было началом

переговоров с Польшей.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ. Хорошо, а теперь перейдите, пожалуйста, к странице 114: там имеется запись беседы г-на Бека с Гитлером 5 января. Я хочу обратить ваше внимание лишь на последний абзац, в котором речь идет о том, что после того, как г-н Бек сказал, что вопрос о Данциге очень сложный, "канцлер заявил в ответ на это, что для того, чтобы разрешить этот вопрос, будет необходимо найти что-то совершенно новое, новую форму, в отношении которой он применил термин "кэперштуг", и которая, с одной стороны, обеспечила бы интересы германского населения, с, с другой стороны - польские интересы. В дополнение канцлер заявил, что министр может быть совершенно спокоен; он не будет поставлен перед совершившимся фактом в отношении Данцига и ничего не будет сделано для того, чтобы усложнить положение польского правительства". Скажите, прочли ли вы это, а затем я задам Вам вопрос.

7979

H1196 – 0073

H1196-0074

РИББЕНТРОП: Да, я читал это.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь взгляните на краткое изложение Вашей беседы с господином Беком на следующий день. Это страница II5, в начале абзаца второго Вы прочтете, что после того, как господин Бек упомянул о Данциге, Вы сказали:

"В ответ господин Риббентроп вновь подчеркнул, что Германия не ищет никакого решения путем применения силы".

Вот почти дословно то, что сказал Гитлер за день до этого. Вы видите это?

РИББЕНТРОП: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь возвратимся к странице II3. Это - распоряжения подсудимого Кейтеля, точнее - передача Кейтелем приказа фюрера о Данциге, датированного 24 ноября, изданного за шесть недель до этого. Он является дополнением к приказу от 2I октября. Там сказано:

"Помимо трех вариантов, упомянутых в инструкции от 2I октября, следует также проводить подготовку, которая дала бы возможность врасплох оккупировать немецкими войсками свободный город Данциг. Оккупирование Данциге. Подготовка будет проведена на следующей основе. Условия оккупации следующие: революционный порядок оккупацииДанцига, использование политически благоприятной обстановки, но не война против Польши". Вам было известно об этих инструкциях?

7380

РИББЕНТРОП: Нет, мне это было неизвестно. Этот приказ или что-то подобное я вижу в первый раз. Разрешите мне кое-что добавить?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Не сейчас. Гитлер должен был знать об этом приказе, неправда-ли? Ведь это приказ фюрера?

РИББЕНТРОП: Безусловно, и поэтому полагав, и как раз хотел это добавить для того, чтобы представителям британского обвинения было ясно, что политика и военные дела здесь две совершенно разных вещи. Нет сомнения в том, что фюрер, учитывая трудности, которые постоянно возникали в связи с Данцигом и коридором, отдавал какие-то военные приказы на всякий случай, и я полагав, что здесь речь идет об одном из таких приказов. Я вижу его сегодня впервые.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Допустим, что Вам было известно об этих приказах, свидетель, и Вы тем не менее, утверждали бы 5 января, что Германия не стремится поставить поляков перед совершившимся фактом или перед решением, навязанным силой. Если бы Вы знали об этом приказе, Вы, тем не менее, сказали бы это?

РИББЕНТРОП: Если бы я знал об этом приказе и рассматривал бы его так, как я и должен был его рассматривать, а именно, как приказ генерального штаба, расчитанный на возможные осложнения, то я бы все равно остался при своем мнении, т.к. я считаю, что задачей генеральных штабов и является принципиальная подготовка к решению всех проблем, которые могут возникнуть. К политике это, в конце концов, не имеет никакого отношения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: К политике не имеет отношения тот факт, что имеется совершенно определенный план, предусматривающий каким образом свободный город Данциг должен

7781

H1196-0075

H1196 – 0076

быть занят германскими войсками врасплох? Никакого отношения к политике не имеет то, что Вы говорите полякам, что они не будут поставлены перед совершившимся фактом? Повидимому, так Вы представляете себе, как надо вести дела? В таком случае, я оставлю этот вопрос.

РИББЕНТРОП: Нет, я должен добавить то, что я знав, а именно то, что фюрер долгое время был озабочен, особенно в 1939 году тем, что Польша может внезапно напасть на Данцир, так что хотя я человек и не военный, однако, мне кажется естественным то, что решение таких проблем, как-то подготавливается. О деталях этого приказа, я, конечно, не могу судить.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Итак, когда Вы узнали о том, что Гитлер решил напасть на Польшу?

РИББЕНТРОП: То, что Гитлер расчитывал и на военные действия в Польше, я услышал в первый раз, насколько я помню, в августе 1939 года. То, что он уже до этого безусловно принял некоторые подготовительные меры какого-либо рода на всякий случай - явствует из самого этого приказа в отношении Данцига. Но об этом приказе я, собственно, не узнал ничего и я не помню, чтобы я в то время получал какие-либо сведения военного порядка. Я помню, что я ничего не знал об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Утверждаете ли Вы перед Трибуналом, что Вам не было известно в мае, что истинные взгляды Гитлера заключались в том, что Данциг не является основным спорным вопросом, а основной целью являлся захват жизненного пространства на Востоке...?

РИББЕНТРОП: Нет, в этом смысле я не знал об этом. Фюрер, правда, говорил иногда о жизненном пространстве, это верно, но я не знал, что он намеревается напасть на Польшу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, тогда взгляните на стр. II7 или II8 Вашей папки. Там имеется запись совещания от 23 мая 1939 года в новой имперской канцелярии...

РИББЕНТРОП: Вы сказали II7 страница?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: II7. Я хочу, чтобы Вы взглянули на ... Это, возможно, II8 страница... Она начинается:

"Данциг вовсе не является предметом спора. Вопрос заключается в том, чтобы расширить наше жизненное пространство на Востоке, обеспечить наши продовольственные ресурсы и решить проблему Балтики. Продовольственные ресурсы можно получить только в таких редко населенных районах, которые настолько плодородны, что после того, как Германия использует их, их плодородие все-же сильно увеличится. Другой возможности в Европе нет".

Вы хотите сказать Трибуналу, что Гитлер никогда не высказывал Вам подобной точки зрения?

РИББЕНТРОП: Может быть, это покажется странным, но я хотел бы прежде всего сказать, что я очевидно не был на этом совещании. Это военное совещание, а фюрер всегда проводил совещания по военным вопросам отдельно от политических совещаний. Правда иногда фюрер в общих чертах говорил о том, что мы должны иметь жизненное пространство, но о намерении напасть на Польшу в то время, т.е. в мае 1939 года я ничего не знал и об этом он мне ничего не говорил. Я думаю, что это было сделано преднамеренно и как мне известно на основании других примеров. Он всегда требовал от своих дипломатов, чтобы они уверенно выступали за разрешение проблемы дипломатическим путем и стремились бы именно к такому дипломатическому решению.

7783

H1196-0077

H1196-0078

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы хотите сказать, что Гитлер намеренно держал Вас в неведении о своих истинных намерениях, о том, что Данциг не являлся предметом спора и о том, что он в действительности желал добиться жизненного пространства. Это Вы хотите сказать?

РИББЕНТРОП: Да, Я полагав, что он делал это сознательно...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Тогда взгляните еще на один, очень краткий абзац, немного далее. Гитлер говорит: "О том, чтобы пощадить Польшу не может быть и речи и перед нами нет другого выбора, чем при первой возможности напасть на нее. Мы не можем ожидать повторения чешских событий. Война будет. Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу".

Вы хотите сказать Трибуналу, что он Вам, как министру иностранных дел, никогда не говорил об этом?

РИББЕНТРОП: Я не совсем понял вопрос.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вопрос очень прост. Вы говорите Трибуналу, что Гитлер Вам никогда не говорил то, о чем я Вам только-что прочел из его речи; задача заключается в том, чтобы ее /Польшу/ изолировать? Вы хотите сказать Трибуналу, что Гитлер никогда не говорил Вам об этом, как министру иностранных дел, который фактически должен проводить внешнюю политику?

РИББЕНТРОП: Нет, в то время он этого не говорил насколько я помню лишь значительно позже, летом 1939 г. Вот тогда он и говорил о том, что он решил разрешить эту проблему - как он сам выразился - тем или иным путем.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И Вы утверждает, что Вам не было известно в мае о том, что Гитлер хотел войны?

РИББЕНТРОП: Что он хотел чего?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В мае Вам не было известно, что Гитлер хотел войны?

РИББЕНТРОП: Нет, в этом я вовсе не был уверен.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Из этого документа явствует, что он хотел войны, не так ли?

РИББЕНТРОП: Этот документ без сомнения говорит о том, что существовало намерение напасть на Польшу, но я знав, что Гитлер часто говорил с военными в очень резком тоне, причем в такой форме, точно он действительно намеревается каким-либо образом атаковать ту или иную страну, но делал ли он это позже в политическом отношении, это совсем другой вопрос. Я знав, что он неоднократно говорил мне, что с военными всегда следует говорить таким языком, как будто завтра где-нибудь начнется война.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь я хочу допросить Вас по другому вопросу. В пятницу Вы заявили, что Вы никогда не высказывали той точки зрения, что Великобритания не примет участия в войне и не выполнит своих обязательств по отношению к Польше. Вы помните, что Вы это сказали?

РИББЕНТРОП: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это правда?

РИББЕНТРОП. Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Тогда взгляните на пару других документов. Вспоминаете ли Вы, что 29-го апреля 1939 г. Вы приняли венгерского министра иностранных дел и премьер-министра в 3 часа 30 минут дня?

РИББЕНТРОП: Нет. Этого я не помню.

4785

H1196 – 0079

H1196 – 0080

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. У нас имеется запись этой беседы, подписанная, кажется, фон Эрдмансдорфом. Сказали ли Вы венгерским премьер-министру и министру иностранных дел следующее:

"Имперский министр иностранных дел добавил, что он твердо убежден в том, что что-бы в Европе не произошло, ни один французский или британский солдат не нападет на Германию. Наши отношения с Польшей в этот период были напряжены".

Вы сказали это?

РИББЕНТРОП: Нет, я думаю, что я этого никогда не говорил. Я считаю это вообще невозможным.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ну, а если у Вас будет экземпляр...

РИББЕНТРОП: Может быть, мне можно взглянуть на этот документ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: О, да, конечно, с удовольствием. Это ВБ-289 док. Д-737.

/Пред"являют документ Риббентропу/.

РИББЕНТРОП: Я не могу, конечно, подробно рассказать что я тогда говорил, но очень возможно, что Венгрия тогда была обеспокоена польской проблемой и ее хотели успокоить. Это очень возможно, но я не думаю, что я в то время мог так сказать. Во всяком случае я уверен в том, что фюрер знал об этом и что я сказал фюреру, что Англия вступит и окажет помощь Польше.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Если у Вас есть какое-нибудь сомнение, то взгляните на документ Д-738, который становится при пред"явлении его ВБ-290. Очевидно, Вы снова встретились с этими двумя джентльменами через два дня.

7786

Посмотрите на последнюю фразу этого документа. "Имперский министр иностранных дел вновь указал на то, что для нас Польша не предоставляет собой военной проблемы. В случае военного сопротивления, Англия хладнокровно оставит поляков в беде". Это довольно откровенное высказывание, не правда ли? "Англичане оставят поляков в беде".

РИББЕНТРОП: Я не знаю, на какой это странице.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это седьмой абзац отчета от I-го мая. Последняя фраза выдержки. Это подписано одним г-ном по фамилии фон Эрдмансдорф. Это, как будто, его подпись. Я спрашиваю Вас о следующих словах: "В случае военного столкновения англичане хладнокровно оставят поляков в беде".

РИББЕНТРОП: На 8 странице? Разрешите спросить на какой странице?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: У меня это находится в 7-м абзаце. Начинается со слов: "Имперский министр иностранных дел после этого вернулся к нашей позиции в отношении Польши и указал, что позиция Польши вызвала величайшее огорчение".

РИББЕНТРОП: Вполне возможно, что я сказал что - нибудь подобное. Но если это и было сказано, то только для того, чтобы как нибудь не обеспокоить Венгрию и держать ее в повиновении. Это же дипломатический разговор, это же ясно...

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разве Вы не считаете, что при разговоре политического характера следует говорить правду?

РИББЕНТРОП: Здесь речь идет о другом. Речь идет о том, чтобы создать такую ситуацию, при которой можно будет

7787

H1196 - 0081

H1196 – 0082

решить этот вопрос, этот польский вопрос дипломатическим путем. И если бы я тогда сказал венграм то же самое относительно и к итальянцам, - что Англия будет воевать из-за Польши и начнется мировая война и т.д., то естественно, создалась бы такая дипломатическая ситуация, при которой эту проблему нельзя было бы вообще разрешить. Несомненно, я в то время должен был говорить очень резко, что всегда предписывал и фюрер, ибо если бы его министр иностранных дел намекнул бы на то, что есть еще и другие возможности, то это создало бы большие трудности и я даже сказал бы неминуемо привело бы к войне. А мы хотели, чтобы Германия заняла сильную позицию для того, чтобы решить эту проблему мирным путем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это в документе ВВ-290 или 289?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: 738, который является 290.

РИББЕНТРОП: Разрешите мне еще добавить, что Венгрия всегда была несколько озабочена политикой Германии и что фюрер с самого начала сказал мне, что я должен выступать по этим вопросам ясно и резко. В таком тоне я очень часто говорил и со своими дипломатами по тем же причинам.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы хотите, чтобы мы предположили, что Венграм Вы лгали, а Трибуналу Вы говорите правду? В основном дело идет к этому, не правда ли? Вы хотите, чтобы мы так считали - что венграм Вы лгали, но что данному Трибуналу Вы говорите правду? Вы хотите, чтобы мы так это поняли, не правда ли?

РИББЕНТРОП: Я не знаю, г-н Обвинитель, можно ли здесь говорить о лжи. Здесь речь идет о дипломатии и если мы хотим занять сильную позицию, то мы, конечно, не должны ходить

вокруг да около и как бы это выглядело, если бы министр иностранных дел Германии говорил так, как будто бы весь мир обрушится на Германию, если она предпримет самый незначительный шаг. Фюрер сам часто говорил резко и требовал этой резкости и от меня. Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что, например, в моем собственном министерстве иностранных дел мне часто приходилось говорить таким языком, дабы все было ясно; если фюрер решил разрешить какую-либо проблему любым путем, то это означало, что он готов вести и войну, ибо единственный шанс заключался в том, чтобы занять решительную позицию, т.к. если это не было бы сделано, то неминуемо началась бы война.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Теперь я хочу, чтобы Вы имели в виду то, что по словам графа Чиано, Вы сказали ему, кажется, II или I2 августа, я полагаю, в Зальцбурге; там были Вы и Гитлер. Помните, что, согласно дневнику графа Чиано, он спросил Вас: "Что Вы хотите - польский коридор или Данциг"? А Вы взглянули на него и сказали: "Нет, мы этого больше не хотим. Мы хотим войны". Вы помните это?

РИББЕНТРОП: Да, это совершенно неверно. Я тогда сказал графу Чиано: "Фюрер решил так или иначе разрешить польскую проблему". Вот установка, которую я получил от фюрера. То, что я якобы сказал, что мы хотим войны, уже потому абсурдно, что всякому дипломату ясно, что такие вещи вообще не говорят, даже самому лучшему и верному союзнику, не говоря уже о графе Чиано.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хотел бы, чтобы Вы взглянули на запись более поздней беседы, которую Вы имели с Муссолини и графом Чиано немного спустя, I0 марта 1940 г., т.е., примерно, через девять месяцев.

7789

H1196 – 0083

H1196 - 0084

Взгляните на документ 2835-ПС, ВВ-291, На 18-й странице, 19-я строка.

РИББЕНТРОП: Вы говорите стр. 18?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я вновь напоминаю Вам. Это беседа между Вами, Муссолини и Чиано 10 марта 1940 года. Она начинается следующими словами:

"Германский министр иностранных дел напомнил, что в Зальцбурге он действительно сказал графу Чиано о том, что он не думает, что Англия и Франция помогут Польше, но, что тем не менее, надо всегда иметь в виду возможность вмешательства западных держав. Теперь он доволен ходом событий, так как во-первых, всегда было ясно, что рано или поздно должны были возникнуть разногласия, так как они неизбежны".

ДАЛЕЕ Вы говорите, что хорошо было бы поскорее закончить с конфликтом пока жив фюрер".

РИББЕНТРОП. Да, это было после того как началась война не правда ли?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да. Я обращаю Ваше внимание на следующие слова: "Он теперь доволен ходом событий, так как ему всегда было ясно, что рано или поздно должны были возникнуть разногласия, так как они неизбежны", а если вы посмотрите где он говорит "во-вторых"...

РИББЕНТРОП: Разрешите мне ответить на это?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да, но я заявляю Вам, что это совершенно очевидно показывает, что граф Чиано прав, и, что Вы были очень довольны, что дело дошлодо войны, так как Вы считали, что это своевременно.

РИББЕНТРОП: Я не могу найти это место. Напротив здесь также сказано, что мы всегда считались с возможностью вмешательства западных держав. Это же здесь ясно сказано.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но я обращаю Ваше внимание на вторую часть. Я не говорю о вмешательстве англичан. Я говорю: "Он был теперь доволен ходом событий", и если Вы посмотрите далее, во втором абзаце в третьей строчке говорится: "Во-вторых, тогда, когда Англия ввела всеобщую воинскую повинность, стало ясно, что отношения между державами, в конце концов, не могли разрешиться благоприятно для Германии и Италии".

РИББЕНТРОП: Разрешите мне спросить, где это место?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это - через несколько строчек. Там подчеркнуто слово "во-вторых".

РИББЕНТРОП: Нет, здесь этого нет... Да, я нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: "Во-вторых, тогда, когда Англия ввела всеобщую воинскую повинность..." Это, примерно, десятая строчка ниже.

РИББЕНТРОП: Да, но что хочет доказать этим представитель британского обвинения. Я не совсем понимаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Перед тем, как Вы ответите на мой вопрос, взгляните на следующую фразу. Это, также как и другое имело решающее влияние на решение фюрера разрешить польский вопрос, даже несмотря на угрозу вмешательства западных держав. Однако, решающим фактором является то, что великая держава не могла примириться с некоторыми существовавшими положениями.

РИББЕНТРОП: Это кажется мне правильным.

7791

H1196 – 0085

H1196 – 0086

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И такова была тогда Ваша точка зрения и точка зрения, которую Вы позже признали Вашей - что Вы были полны решимости разрешить польский вопрос даже, если это означало бы войну? Граф Чиано был прав, когда он сказал, что Вы хотели войны. Вот, что я утверждал по поводу Вас.

РИББЕНТРОП: Нет, это неверно. Я тогда сказал графу Чиано в Берхтесгадене, что фюрер решил разрешить эту проблему тем или иным путем. Это высказывание было нужно уже и потому, что фюрер был убежден, что, как и всегда, то, что становится известно в Риме, немедленно передается в Париж, Лондон и др. города. Поэтому он хотел, чтобы мы говорили ясно, чтобы Италия в дипломатическом отношении стояла на нашей стороне. Если бы фюрер сказал, или, если бы я сказал, что фюрер не полон решимости разрешить этот вопрос, то это несомненно было бы немедленно передано дальше. Но так, как фюрер решил разрешить этот вопрос в случае необходимости даже и военным путем, если нет другого пути, то это бы и означало войну. Поэтому я и занял в Зальцбурге такую решительную дипломатическую позицию. Я только не знаю почему это противоречит тому, что было здесь сказано в зале.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Перейдем к событиям последней недели августа. Коснемся этих событий опять очень кратко, так как материала очень много. В своих показаниях Вы согласились с тем, что 25 августа фюрер отложил нападение, которое было назначено на утро 26-го числа. Вы это помните? Я просто хочу, чтобы Вы запомнили даты.

РИББЕНТРОП: Я очень хорошо помню эту дату.

H1196 – 0087

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы, конечно, слышали, т.к. Вы были, кажется, в суде, когда г-н Далерус давал свои показания?

РИББЕНТРОП: Да, я был здесь.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Разрешите мне напомнить Вам о дате, о том, что вечером 24-го подсудимый Геринг попросил г-на Далеруса на следующее утро отправиться в Лондон для того, чтобы предварительно сообщить о том, что фюрер должен был сказать сэру Невилю Гендерсону 25-го. Вы помните, что он это сказал в своем показании, 25-го, в I ч. 30 мин....

РИББЕНТРОП: Я не помню точно дату, но это вероятно правильно:

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я довольно хорошо знаю эти даты, а Трибунал меня поправит, если я ошибаюсь. Я называю их, так как я их проверил. Это произошло вечером 24-го числа. Утром 25-го г-н Далерус уехал. В I ч.30 мин. 25-го, или как Вы сказали, около полудня, я не буду спорить с Вами о минутах, фюрер виделся с сэром Невиллем Гендерсоном.

РИББЕНТРОП: Да, это правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: И вручил ему так называемую вербальную ноту.

РИББЕНТРОП: Нет, это было вечером. В полдень он только говорил с ним, а вечером я послал к нему посланника Шмидта с этой вербальной нотой и, кажется, с особым поручением, где я еще раз просил его сообщить своему правительству, как серьезно фюрер относился к этому посланию или предложению. Я думаю, это имеется в документах британской "голубой книги".

7793

H1196 – 0087

H1196 – 0088

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Независимо от того, когда Вы фактически вручили ему ноту во всяком случае, Гитлер в устной беседе с сэром Невиллем в середине дня сообщил ему об общем положении.

РИББЕНТРОП: Да, это правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Как Вы сказали, отсрочка нападения, которое было назначено на утро 26-го, была сделана лишь тогда, когда в 3 часа было получено сообщение от синьора Муссолини и стало известно, что около 4 час. вечера будет подписано официальное англо-польское соглашение. Вот, что вы сказали.

Во-первых, я утверждаю следующее: в то время, когда г-н Далерус был послан и в то время, когда фюрер беседовал с сэром Невиллем Гендерсоном, уже в то время Германия намеревалась совершить нападение утром 26-го числа. И я хочу указать на то, что как послание, отправленное с г-ном Далерусом, так и слова, сказанные сэру Невилль Гендерсону, были расчитаны на то, чтобы привести британское правительство в замешательство в надежде оказать на него воздействие и заставить его лишить Польшу помощи, не так ли это?

7794

РИББЕНТРОП. Вы хотите, чтобы я ответил на это?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Конечно, ведь я Вас спрашиваю.

РИББЕНТРОП. Дело обстоит следующим образом: я не знаю поручения Далеруса. Я не могу об этом говорить. О встрече Гитлера с сэром Невиллем Гендерсоном я могу сказать, что я в первую половину дня прочел переписку между Чемберленом и Гитлером, мне кажется, это была переписка от 22-го числа, которая, если так можно выразиться, зашла в тупик. Затем я говорил с фюрером о том нельзя ли еще сделать какую-либо попытку Англии придти к какому-либо решению. После этого фюрер около полудня примерно в час или в 2 часа в моем присутствии принял сэра Невилля Гендерсона и сказал ему, чтобы он на самолете направился в Лондон, чтобы как можно скорее переговорить с британским правительством; он намеревался после разрешения польской проблемы еще раз обратиться к Англии с большим всеоб'емлющим предложением. Тогда в вербальной ноте он в общих чертах представил это предложение. Я сейчас точно не помню этого. Сэр Невилль Гендерсон полетел затем в Лондон. Когда фюрер вел этот разговор, военные мероприятия уже проводились. Я узнал об этом в тот же день, т.к. отказ Муссолини как мне кажется был получен раньше, а не в 3 часа, кажется в полдень или утром. Затем примерно между 4 и 5-ю часами вечера я узнал, что Англия ратифицировала англо-польский договор. Я тот час же отправился к фюреру и предложил ему приостановить те военные мероприятия, которые уже начали проводиться. И, Он, немного подумав, сделал это. Без сомнения, за этот промежуток времени уже начали провдить военные мероприятия. Каков был их об'ем я, к сожалению, не могу сказать, но когда фюрер послал Англии это предложение, эту вербальную ноту, я лично был

7795

H1196 – 0089

H1196 – 0090

убежден и у меня создалось такое впечатление, что если Англия на это будет как-либо реагировать, то дело не дойдет до военного конфликта и таким образом можно будет приостановить эти военные мероприятия, которые, как мне кажется, проводились автоматически. Я не могу рассказать об этом подробно. Но я помню только одно, что когда я получил вербальную ноту от фюрера, это было кажется вечером, то эти военные мероприятия были или уже приостановлены или их хотели приостановить. Я не могу точно указать время, для этого мне необходимы документы, которые сейчас, к сожалению, мне не были предоставлены, во всяком случае, предложение фюрера, которое он сделал Англии, было направлено на то, чтобы попытаться все-таки придти к разрешению польской проблемы. Когда я увидел вербальную ноту, я тотчас же спросил его: "Но каким же будет обстоять дело с разрешением польского вопроса"? Я помню, что он ответил; на это: "Мы сейчас пошлем эту ноту англичанам, и если англичане будут реагировать на это, то мы посмотрим, что делать дальше, у нас еще есть время". Во всяком случае, мне кажется, что проведение военных мероприятий было прекращено до того, как была передана вербальная нота или вскоре после этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы не присутствовали на совещании фюрера со своими генералами 22 августа, но Вы, наверное, неоднократно на этом процессе слышали оглашение протокола этого совещания. Вы помните, что, согласно протоколу, фюрер заявил: "Для того, чтобы об'яснить начало войны, я дам причину пропагандистского характера; неважно - правдоподобна ли эта причина; победителя потом не бу-

дут спрашивать, сказал ли он правду. При развязывании войны имеет значение не право, а победа".

Вот, что было сказано в Оберзальцбурге. Говорил ли Вам Гитлер когда-либо что-нибудь подобное?

РИББЕНТРОП. Вы сказали 27-го?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. 22-го. Я спрашиваю Вас теперь следующее: говорил ли Вам Гитлер что-нибудь подобное?

РИББЕНТРОП. На совещании 22-го я не присутствовал, я думаю, что я тогда был на пути в Москву.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я сказал, что Вы не присутствовали. Вот почему я Вас так и спрашиваю: говорил ли Вам Гитлер что-нибудь подобное? Вы говорите: "Нет". Хорошо. Я хочу, чтобы Вы перешли теперь к 29-му числу.

РИББЕНТРОП. Разрешите сказать еще кое-что по этому вопросу.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Нет. Если Вы скажете, что он не говорил Вам этого, то я Вас по этому вопросу больше не буду спрашивать, так как не следует терять слишком много времени на подробности.

Теперь перейдем к событиям 29-го августа, когда Вы увиделись с сэром Невиллем Гендерсоном. С некоторыми оговорками, принимая предложение о непосредственных переговорах с Польшей, Вы сказали, что такие переговоры возможны при условии, что в течение суток 30-го августа поляки должны послать полномочного представителя. Вы помните это?

РИББЕНТРОП. Да, это было так, что ...

7797

H1196 – 0091

H1196 - 0092

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ (перебивая). Я не хочу Вас прерывать, но я не хочу на этом долго останавливаться.

РИББЕНТРОП. Тогда я должен сказать - нет. Разрешите мне дать об'яснение?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Извините, это все предварительно. Я думал, что общепризнано то, что вы 29-го увиделись с сэром Невиллем Гендерсоном, что Вы выдвинули ряд предложений, в частности то, что полномочный представитель Польши должен приехать к 30-му. Если Вы с этим не согласны, то скажите, что я неправ, ибо я именно так помню все документы.

РИББЕНТРОП. Это верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Итак, 30 августа Вы сообщили нам, что Вы не дали копию условий сэру Невиллю Гендерсону, во-первых, потому, что Гитлер Вам приказал не давать ему копии, и как будто бы в то время Вы выдвинули ту причину, что польский полномочный представитель не прибыл и поэтому не было смысла передавать копию условий. Это правда?

РИББЕНТРОП. Да, это верно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Эти условия, которые были оглашены Вами, не были готовы 29-го потому, что в своем сообщении о требовании приезда уполномоченного Вы сказали, что если он приедет 30-го, вы тогда подготовите условия. Поэтому можно считать, что эти условия были составлены Гитлером с помощью министерства иностранных дел между 29 и 30-м.

РИББЕНТРОП. Да, он лично их продиктовал. Это были, кажется, 16 пунктов, если я не ошибаюсь.

7798

H1196 - 0093

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Итак, Вы действительно думали, что после поступка с Шушнигом, Тиссо и Гаха, поляки захотят послать муху в сеть паука?

РИББЕНТРОП. Мы совершенно определенно рассчитывали на это и надеялись на это. Я думаю, что достаточно было бы одного знака британского правительства и эти делегаты были бы направлены в Берлин.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы надеялись поставить поляков перед дилеммой - либо эти условия, как сказал Гитлер, послужат пропагандистским поводом для войны, либо Вы сможете, оказав нажим на польского представителя, сделать то, что Вы сделали ранее с Шушнигом, Тиссо и Гаха, и заставите поляков капитулировать. Вы это имели в виду?

РИББЕНТРОП. Нет, ситуация была иной. Я должен сказать, что 29-го фюрер сказал британскому послу, что он составит эти условия или пункты соглашения и до прибытия польского представителя предоставит их в распоряжение британского правительства или что он надеется, что эта будет возможно, он, кажется, так выразился. Сэр Невилль Гендерсон принял все это и я должен еще раз упомянуть, что фюрер после того, как 28-го был получен британский ответ, снова, несмотря на невероятно напряженное положение между Польшей и Германией, пошел на переговоры.

Решающее значение в эти критические дни 30 и 31 имеет, стало быть, следующее: фюрер разработал эти условия, Англия знала, что имеется возможность придти к соглашению.

7799

H1196 - 0093

H1196 – 0094

В течение всего 30 августа мы ничего не получили от Англии, во всяком случае, ничего определенного, и лишь в 12 часов ночи явился британский посол для того, чтобы вести эти переговоры. Я должен сказать, что между тем в 7 часов вечера пришло сообщение о польской всеобщей мобилизации, которой фюрер был очень раздражен. Тем самым положение еще более обострилось. Я хорошо помню каково было положение в рейхсканцелярии, куда в то время почти каждый час приходили сообщения о столкновениях, потоках беженцев и т.д. Итак, положение было очень напряженным и наэлектризованным. Фюрер ждал весь день 30-го. Но никаких определенных сообщений не было получено. В ночь на 31 августа имела место эта беседа. Она была описана здесь мной, а также свидетелем переводчиком Шмидтом, который рассказал, как протекала эта беседа, я сделал тогда больше, чем должен был сделать, я зачитал сэру Невиллю Гендерсону все условия. Я надеялся, что Англия после этого все же что-либо предпримет. Фюрер сказал, сэр Невиллю Гендерсону, что с польским представителем будут обращаться как с представителем равноправной державы. Поэтому существовала возможность встретиться где-либо в третьем месте или чтобы кто-либо приехал в Берлин или чтобы на ведение переговоров был уполномочен посол Липский. Таковы были возможности. Я хочу сказать более того. Было только необходимо 30 или 31 числа до поздней ночи или до утра, до момента выступления войск, чтобы по край-

7800

ней мере польский посол Липский получил полномочия вообще принять предложения Германии. Если бы это имело место начались бы, во всяком случае, дипломатические переговоры и тем самым кризис на ближайшее время, по крайней мере, был бы устранен. Мне кажется, что я уже говорил о том, что против этого ничего нельзя было бы возразить, я думаю фюрер приветствовал бы это, если бы в этих переговорах участвовал британский посол, а сама основа переговоров была, как я уже говорил, названа сэром Невиллем Гендерсоном, разумной. Таким образом, если бы британское правительство замолвило слово 30 или 31, то начались бы переговоры, на основе предложений фюрера, которые Англия считала разумными. И не создалось бы такое положение, которое было бы особенно тягостным для Польши. Наоборот, я думаю, что на основе этих разумных предложений, которые придерживались положений Лиги Наций и предусматривали проведение плебисцита на территории Коридора, было бы принято решение, которое Польша, безусловно, смогла бы акцептировать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал об'являет перерыв на 10 минут.

(Перерыв на 10 минут).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, Трибунал просил меня сказать Вам, что он считает, что Ваши ответы и об'яснения слишком пространны, дискусивны и повторяющиеся, и касаются вопросов, которые неоднократно освещались на этом процессе. Поэтому Трибунал просит Вас постараться отграничивать, по возможности, и сокращать Ваши ответы.

7807

H1196 – 0095

H1196 – 0096

РИББЕНТРОП: Хорошо.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛ ФАЙФ: Правильно ли я Вас понял, свидетель, в пятницу, что Вам не было известно о контакте между Квислингом и подсудимым Розенбергом весной и летом 1939 года. Это было задолго до войны... весной и летом, до июня 1939 г.?

РИББЕНТРОП: Да. Это верно, я знал, что Розенберг имел друзей в Норвегии и, конечно, при этом упоминался и Квислинг, но для меня эта фамилия в то время ничего не означала. По желанию фюрера я предоставил г-ну Розенбергу определенные суммы денег для его друзей в Норвегии, для газет, пропаганды и т.п. вещей.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Насколько я понял Ваши показания, Вам не было известно, что некоторые люди Квислинга обучались в тренировочной школе в Германии в августе 1939 года, до войны?

РИББЕНТРОП: Я не помню этого. Я узнал об этом здесь из одного документа. Но насколько я помню в то время я ничего не знал об этом, а если бы я и знал, то не в подробностях.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Было ли Вам известно, что немцы, проживавшие в Норвегии, были использованы для того, чтобы расширить штат различных германских официальных органов, посольств и консульств вскоре после начала войны?

РИББЕНТРОП: Нет, сейчас я этого вообще не помню. Я в то время ничего конкретного не знал об этом, если это и было так.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это цитата из ежегодника НСДАП. Все, что я пока хочу знать, это известно ли Вам, было ли это или нет? Если Вы скажете, что нет...

РИББЕНТРОП: Нет, об этом я ничего не знаю и, к сожалению, ничего не могу сказать.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: В то время, в декабре 1939 года, было ли Вам известно, что Квислинг два раза беседовал с Гитлером - 16 и 18 декабря?

РИББЕНТРОП: Нет, этого я тоже не знал. Скажите, пожалуйста, еще раз дату.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: 16 и 18 декабря 1939 года, через обвиняемого Редера...

РИББЕНТРОП: Нет, об этих беседах я ничего не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом, фактически, первое, что Вы узнали относительно Норвегии, было тогда, когда Вы получили письмо от Редера от 3 апреля?

РИББЕНТРОП: Нет, я думаю, что это было письмо Кейтеля. Здесь наверное недоразумение.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Извините, это моя вина. Простите. Вспоминаете ли Вы об одном письме от Кейтеля, в котором он писал: "Военная оккупация Дании и Норвегии в течение долгого времени подготовлялась по приказу фюрера верховным командованием вооруженных сил. Поэтому у верховного командования вооруженных сил было много времени для того, чтобы заниматься всеми вопросами, связанными с осуществлением этой операции":

Таким образом, свидетель - может быть, я смогу сократить вопрос - Вы не являетесь именно тем лицом, которое следует спрашивать относительно ранней стадии подготовки к вторжению в Норвегию, потому что Вы не принимали участия в этих предварительных обсуждениях с Квислингом, Редером и Гитлером? Правда это? Если так, тогда я больше не буду касаться этого вопроса.

РИББЕНТРОП: Нет, я не участвовал в подготовке. Я хочу лишь коротко пояснить следующее: я не знаю, почему, но я получил это письмо также несколькими днями позднее. Первое сообщение о намерении занять Норвегию, ввиду предстоявшей там высадки англичан, я получил от фюрера за 36 часов до выполнения этого плана. Следовательно, это письмо где то задержалось. Я его увидел позднее.

4803

H1196-0097

H1196 – 0098

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Ну, тогда не будем занимать времени этим вопросом, так как следует коснуться еще многих вопросов. Давайте тогда перейдем непосредственно к вопросу о Голландии.

Вы слышали, как я, и, видимо, другие, неоднократно оглашали заявление Гитлера от 22 августа 1939 года, а именно:

"Другая возможность - это нарушение голландского, бельгийского и швейцарского нейтралитета. У меня нет сомнения в том, что все эти государства, а также Скандинавия, будут защищать свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция не нарушат нейтралитета этих стран".

Это сказал Гитлер 22 августа. Вас там не было, и я вновь Вас спрашиваю: высказал ли он Вам такое же мнение?

РИББЕНТРОП: Нет, он этого не сделал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Но было ли Вам известно, о том, что 7 ноября 1939 года был издан приказ по армейской группе, что армейская группа "В" должна провести полную подготовку для немедленного вторжения на голландскую и бельгийскую территории, если политическое положение этого потребует. Вам было известно об этом приказе от 7 октября.

РИББЕНТРОП: Нет, я думаю, что я только здесь его увидел. Я ранее не знал о существовании такого приказа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: А известно ли Вам было о том, что 9 октября Гитлер издал следующую директиву: "Продолжительный период ожидания может быть не только благоприятен для западных держав, Бельгии и, может быть, также для нейтралитета Голландии, но также укрепит в большой степени военную мощь наших врагов, уменьшит веру нейтраль-

ных стран в окончательную победу Германии. Следует проводить подготовку к нападению на северный фланг Западного Фронта через территорию Люксембурга, Бельгию и Голландию. Это нападение должно быть совершено как можно скорее и с применением большой силы". Вам было известно, что Гитлер издал эту директиву от 9 октября?

РИББЕНТРОП. Нет, я ничего не знал об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Таким образом, что касается Вас, то, как Вы утверждаете здесь на суде, Гитлер делал многочисленные заверения в августе и октябре, не сообщив своему министру иностранных дел о том, что 7-го и 9-го октября он отдал директиву о нападении на Голландию и Бельгию? Вы говорите, что он не сказал Вам об этом приказе или директиве о нападении на Голландию? Вы уверены в этом?

РИББЕНТРОП: Да, я почти что уверен в этом, так как я бы помнил это. Я знаю одно, а именно то, что после окончания войны с Польшей поговаривали о наступлении на Запад. Но я ничего не слышал о каких-либо приказах.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Понятно. Если Вы так говорите, тогда перейдем к вопросам, в отношении которых Вы были немного лучше осведомлены. Помните ли Вы встречу, которую Гитлер и Вы имели с Чиано в Оберзальцбурге 12 августа 1939 года?

РИББЕНТРОП: Да, я видел здесь этот документ, копию этого документа.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хотел бы, чтобы Вы взглянули на этот документ. Это на 181 странице. Я хочу, чтобы Вы следили в то время, как я оглашу выдержку; приблизительно на 182 странице, абзац начинается со следующего:

7805

H1196-0099

H1196 - 0100

"Так как Польша своей позицией дает ясно понять, что в случае конфликта...

РИББЕНТРОП: Я еще не нашел это место.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо, так поищите слова: "Так как Польша своей позицией дает..."

РИББЕНТРОП: На странице второй?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Это должно быть на второй странице. У меня на стр.2-ой, но может быть, это немного дальше в Вашем тексте?

РИББЕНТРОП: Это - начало абзаца?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Да. "Так как Польша дает ясно понять...". Двумя абзацами ниже той строчки, где говорится: "Граф Чиано проявил признаки...".

РИББЕНТРОП: Да, да я нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Теперь взгляните на следующую фразу - предпоследняя фраза: "В общем и целом, лучше будет ликвидировать псевдо-нейтралов одного за другим. Это можно довольно легко сделать, если один партнер оси будет прикрывать тыл другого, в то время, как тот приканчивает одного из таких ненадежных нейтралов. И наоборот, Италия может рассматривать Югославию, как такого ненадежного нейтрала".

"Во время посещения принц-регента Павла, он Гитлер, высказал пожелание, особенно имея в виду Италию, чтобы принц Павел каким-нибудь действием сделал ясной свою позицию в отношении оси. Он имел в виду более тесную связь с осью и то, чтобы Югославия вышла из Лиги наций.

Принц Павел согласился на последнее. И недавно принц-регент посетил Лондон и стремился получить поддержку у западных держав... Произошло то же самое, что и в отношении Гафенку, который также вел себя очень понимающе, когда находился в Германии и отрицал всякую заинтересованность в целях, преследуемых западными демократами".

Такова была гитлеровская формулировка его политики и, как я понимаю, Вы содействовали этой политике - ликвидировать псевдо-нейтралов одного за другим и включить Югославию в число этих нейтралов?

РИББЕНТРОП: Нет, это нельзя так понимать. Я должен по этому поводу сказать следующее: ситуация в то время была такова, что Адольф Гитлер хотел во что бы то ни стало держать Италию в повиновении. Италия всегда была очень неустойчивым партнером. Поэтому фюрер в то время и говорил в такой форме для того, чтобы сказать Италии, что в случае, если с Югославией возникнут трудности, он окажет Италии помощь. Это можно понять, только учитывая создавшееся положение, а положение было таково: Германия с помощью Италии уже добилась некоторых изменений в Европе мирным путем. Это касается Данцига и Коридора, причем Муссолини помогал Адольфу Гитлеру. Я помню какова была ситуация.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Вы даете пространное объяснение, Вы объясняете не те слова, которые я огласил и которые имеют важное значение, слова о том, что "ненадежные нейтралы следует ликвидировать один за

17807

H1196 – 0101

H1196 - 0102

другим". Вы отрицаете, что такова была Ваша политика - ликвидировать неустойчивых нейтралов?

РИББЕНТРОП: Нет, дело обстояло иначе, это нельзя понимать дословно. В дипломатических разговорах часто называют вещи не своими именами... Я думаю, что это делают и в других государствах точно также.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хотел бы ...

РИББЕНТРОП: Это был вопрос относительно Югославии.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Такова была постоянная точка зрения Муссолини, что на Балканы надо напасть при первой возможности?

РИББЕНТРОП: Этого я не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. Взгляните на документ 2818-ПС; это документ ВВ-292 - это дополнительный секретный протокол к совзному договору о дружбе между Германией и Италией, заключенному 22-го мая 1939 года. Здесь имеются некоторые комментарии Муссолини от 30 мая 1939 г. Вы видите?

РИББЕНТРОП: Скажите пожалуйста, на какой это странице?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Я хочу, чтобы Вы взглянули на две выдержки; Вы видите, где начинаются комментарии Муссолини? Под текстом самого пакта, Вы видите комментарии Муссолини?

РИББЕНТРОП: Да, я нашел их.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Хорошо. В §1 говорится: "Война между плутократическими и, поэтому консервативными и эгоистичными нациями, и густо-населенными и бедными нациями - неминуема. Нужно быть готовым к такому положению".

А в абзаце 7-м Вы видите: "Муссолини надеется, что войну можно отложить, но он говорит о том, что должно произойти, если наступит война. Он говорит, что: Война, которую подготавливают великие демократические державы - это война истощения. Поэтому нужно строить план, исходя из наихудших возможностей. Страны оси ничего не получат от остальной части мира. В этом предположении речь идет о трудной ситуации, но стратегическая позиция, достигнутая державами оси, в значительной мере уменьшает трудности и угрозу войны истощения. С этой целью в первые часы войны надо захватить весь район Дуная и Балкан. Нельзя удовлетворяться декларациями о нейтралитете, но необходимо захватить территории и использовать их для обеспечения необходимого продовольствия и военных поставок промышленности".

Вы видите это?

РИББЕНТРОП: Да.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ: Не согласны ли Вы, что Муссолини считал, что на Балканы надо напасть при первой возможности?

7809

H1196 – 0103

H1196 – 0104

РИББЕНТРОП. Эти высказывания Муссолини я слышу здесь впервые. До сих пор они мне были неизвестны.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь перейдем к замечаниям Гитлера, которые Вы видели неоднократно. Вспоминаете ли Вы, что после переворота Симовича, 26 марта, состоялось совещание у Гитлера, где он объявил о своей политике.

"Фюрер полон решимости, не ожидая возможной декларации о лояльности нового правительства, подготовить все для того, чтобы уничтожить Югославию в военном отношении, а также уничтожить ее как национальную единицу. Никакие дипломатические запросы не будут сделаны, ультиматумы не будут представлены. Заверения югославского правительства, которым никак нельзя верить, в будущем будут игнорироваться. Нападение начнется как только будут готовы необходимые средства и войска".

Вы помните, что Гитлер сказал это 27-го марта?

РИББЕНТРОП. Я этого не помню, разрешите мне взглянуть на этот документ?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы не помните этого заявления? Это заявление Гитлера много раз оглашалось в суде.

РИББЕНТРОП. Я не помню дословно этого заявления, но я помню в общих чертах содержание его.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы помните, что смысл был таков. Я прочел его слова. Такова была политика.

РИББЕНТРОП. Я не понимаю, что Вы хотите сказать словами: "смысл был таков"?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Сейчас Вы поймете. Я хочу сказать, что Ваша политика заключалась в том, чтобы напасть на Югославию, не спрашивая у нее заверения, без каких-либо дипломатических действий. Вы приняли решение напасть на Югославию и бомбить Белград. Это правильно?

РИББЕНТРОП. Нет, дело обстояло совершенно иначе. И я прошу дать мне возможность осветить здесь действительное положение вещей.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу, чтобы Вы объяснили те вопросы, которых я именно коснулся и специально их зачитывая Вам /читает/: "Никаких дипломатических запросов не будет сделано ..."

Почему Вы решили или почему Гитлер с Вашей помощью решил напасть на Югославию без каких-либо дипломатичес - ких запросов, и не дали возможности новому правительству дать заверений. Почему Вы это сделали?

РИББЕНТРОП. Потому что новое правительство было образовано в первую очередь Англией. Как это в ходе переговоров признал один из видных английских представителей и поэтому, когда был проведен путч Симовича, фюреру было совершенно ясно, что за правительством Симовича стоят враги Германии и что они мобилизовали армию /об этом были получены сообщения/ для того, чтобы напасть с тыла на итальянские войска. Это была не моя политика, напротив я даже думаю, что на этом совещании, о котором Вы только что говорили, я был вызван позднее. Гитлер тогда совер - шенно ясно заявил о том, какова его позиция и никто не

7811

H1196 - 0105

H1196 – 0106

возражал ему. Я прошу допросить по этому вопросу военных. Я был на этом совещании и у меня тогда было серьезное объяснение с фюрером.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы считали правильным напасть на страну без принятия каких-либо дипломатичес - ких мер,- говоря словами Гитлера "с беспощадной жесто - костью" - и уничтожить столицу налетами бомбардировочных самолетов? Вы считаете, что это правильный порядок дей - ствий? Я задал Вам простой вопрос: Вы считали правильным так поступать?

РИББЕНТРОП. Я не могу ответить на этот вопрос так, как Вы этого хотите, я не могу сказать ни "да",ни "нет", не дав необходимого разъяснения.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Тогда не стоит отвечать. Если Вы не можете ответить "да" или "нет", тогда лучше совсем не отвечайте. Теперь перейдем к следующему пункту- к вопросу о России.

Насколько я Вас понял, Вы заявили, что Гитлер принял решение напасть на Советский Союз после того, как господин Молотов посетил Берлин 12 ноября, кажется 1940 года? Как я Вас понял, одной из причин, которую Вы вы - сказали для того, чтобы оправдать нападение на Советский Союз, являлось то, что сказал господин Молотов во время своего посещения Берлина в ноябре 1940 года. Разве Вы этого не сказали?

РИББЕНТРОП. Это была одна из причин волнений фю - рера, но о наступлении на Россию я в то время ничего не знал.

7812

H1196 – 0107

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вам известно, что подсудимый Иодль говорит, что даже во время кампании на Западе, т.е. в мае-июне 1940 года, Гитлер сказал ему, что он принял основное решение принять меры против этой опасности, т.е. против Советского Союза, "как только наше военное положение сделает это возможным". Вам это было известно?

РИББЕНТРОП. Я об этом только сейчас, в Нюрнберге услышал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это документ за № Л-172, США-34, лекция Иодля.

Известно ли Вам, что 14 августа 1940 года генерал Тома был уведомлен во время беседы с Герингом о том, что фюрер желает, чтобы поставки в срок русским проводились только до весны 1941 года, что после этого нас больше не будет интересовать полное удовлетворение требований русских". Вы знали об этом?

РИББЕНТРОП. Нет, я не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. А было ли Вам известно, что в октябре 1940 года генерал Тома и статс-секретари Кернер, Нейман, Беккер и генерал фон Ханнекен были уведомлены Герингом о действиях, намечавшихся на Востоке?

Вы знали об этом?

РИББЕНТРОП. Нет, я и об этом ничего не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь Вы знаете, что задолго до того, как обсуждались вопросы, поставленные господином Молотовым во время его посещения Берлина, Гитлер принял решение напасть на Советский Союз?

7813

H1196 – 0107

H1196-0108

РИББЕНТРОП. Нет, и об этом я, конечно, ничего не знал. Я знал, что у Гитлера есть некоторые опасения, но я ничего не знал о нападении и ничего не знал о военных подготовительных мероприятиях, так как это не входило в круг моих обязанностей. Эти вещи рассматривались совер - шенно отдельно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Даже 18-го декабря, когда Гитлер издал директиву № 21 о плане "Барбаросса", Гит - лер Вам тоже ничего не сказал?

РИББЕНТРОП. Да. Именно в декабре, как я случайно сейчас припоминаю, я еще раз долго беседовал с фюрером для того, чтобы убедить его в том, что следует включить в пакт трех держав Советский Союз как союзника и сделать из пакта 3-х держав пакт 4-х держав. Адольф Гитлер не совсем был согласен с этим, и я это заметил, но он ска- зал мне: "Мы вместе создали пакт, может быть, мы сдела- ем и это". Это были его слова. Это было в декабре, и я думаю, что здесь имеются по этому вопросу письменные показания, данные под присягой одним из свидетелей, их еще представит защита.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы понимаете, что Вы говорите? Вы говорите, что после того, как подсудимый Геринг сообщил об этом генералу Тома и стате-секретарям, после того, как была издана директива "Барбаросса", Гит- лер позволил Вам попробовать втянуть Советский Союз в пакт трех держав, даже не сказав Вам, что у него уже были приказы о нападении на Советский Союз? Неужели Вы думае- те, что кто-нибудь Вам поверит?

РИББЕНТРОП. Я не совсем понял Ваш вопрос.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вопрос следующий: Вы действительно думаете, что Вам кто-либо поверит, что после того, как неоднократно сообщалось о намерении Германии напасть на Советский Союз и после того, как была дана фактическая директива для нападения, Гитлер позволил Вам сказать ему /очевидно, Молотову. - Примеч. сверщика/, что Вы намереваетесь предложить им /очевидно, Советскому Союзу. - Примеч.сверщика/ присоединиться к пакту трех держав? Смысл Ваших показаний таков?

РИББЕНТРОП. Да, это было именно так. Я еще раз сделал ему это предложение в декабре и получил разрешение вести дальнейшие переговоры. Я ничего не знал в декабре об агрессивной войне против России.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Что касается Вашего министерства, то было совершенно очевидно, что Вы получали самые благожелательные отчеты о Советском Союзе и о том, что было маловероятно, что Советский Союз предпринимал какие-то действия политического характера, направленные против Германии. Правильно ли это, если судить по сообщениям от Вашего собственного посла и от Ваших людей из России?

РИББЕНТРОП. Сообщения такого рода поступали из посольства из Москвы, я их неоднократно, вернее говоря всегда представлял фюреру, но фюрер считал, что дипломаты и военные атташе в Москве - вообще хуже всех информированные люди. Таков был его ответ.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но на основании Ваших сведений, Вы честно верили в то, что со стороны России не угрожала опасность; что Россия будет честно соблюдать соглашение, заключенное с Вами? Вы искренно верили в это?

7815

H1196 – 0109

H1196 - 0110

РИББЕНТРОП. Нет, этого я не говорил. Напротив, я говорил здесь о сообщениях - дипломатов, которые мы получали из Москвы.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве Вы им не верили? Вы не верили своим собственным сотрудникам?

РИББЕНТРОП. Я очень скептически относился к достоверности этих сообщений, так как сообщения, поступавшие к фюреру, а он получал все сообщения, были совершенно иными и политическая установка была совершенно иной.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Во всяком случае весной 1941 года Ваше министерство присоединилось к подготовке к нападению на Советский Союз, не так ли?

РИББЕНТРОП. Я не знаю точно, когда это было, но весной положение очень обострилось и, очевидно, имели место совещания, на которых обсуждался вопрос о возможности конфликта с Советским Союзом, но подробно я этого сейчас не помню.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Понятно, я не хочу занимать этим слишком много времени, но ведь правильно то, что Вы в апреле 1941 года сотрудничали с ведомством Розенберга в подготовке к захвату восточных территорий и что Вы 18 мая издали меморандум относительно подготовки к морской кампании?

РИББЕНТРОП. Что касается подготовки с Розенбергом, то это ошибка. Насколько я помню, я не говорил в то время с Розенбергом на эту тему, я говорил с ним об этом уже после того, как началась война.

Что же касается этого меморандума В.М.Ф., то я могу сказать, что увидел этот документ только здесь, до сего времени я не знал о существовании этого документа. Мне кажется, что это экспертное заключение по вопросам, связанным с международным правом, т.е. по вопросам, которые могли бы возникнуть в связи с военными действиями в Балтийском море. Такое экспертное зак-

лючение несомненно было представлено.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Здесь сказано: "Министерство иностранных дел подготовило к использованию при проведении плана "Барбаросса" прилагаемый проект относительно зоны операций". Об этом Вы что-нибудь помните?

РИББЕНТРОП. Нет, я думаю, что я и тогда не получил этого проекта. Решение принималось другой инстанцией. Конечно, я ответственен за все то, что происходило в моем министерстве.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. А посол Риттер не осуществлял ли связь между Вашим ведомством и германскими вооруженными силами?

РИББЕНТРОП. Да, это правильно.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хотел бы, чтобы Вы также помогли мне разобраться в некоторых других вопросах. Вы сказали нам, что Вы вели переговоры относительно антикоминтерновского пакта в 1936г. И, конечно, в то время - кажется Вы сами это сказали - антикоминтерновский пакт был направлен против Советского Союза. Так это?

РИББЕНТРОП. Да. Это был, конечно, пакт, построенный на мировоззрении, который скрывал в себе некоторые политические моменты. Это правильно.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Он был расширен трехсторонним пактом 27-го сентября 1940 года. Этот второй пакт был продолжением первого?

РИББЕНТРОП. Этот второй пакт сам по себе не имел никакого отношения к первому пакту. Этот второй пакт был чисто политическим и военно-экономическим союзом.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это факт /я об этом скажу очень коротко/, что Вы настаивали на том, чтобы Япония вступила в войну через довольно короткий срок, еще в марте 1941 года, неправда-ли?

7817

H1196 - 0111

H1196-0112

РИББЕНТРОП. Да. Это, очевидно, правильно. Это наступление на Англию.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Я остановлюсь на этом вопросе очень коротко, так как Вы сказали, что Вы воевали с Англией и поэтому имели право считать Японию союзником. Вы так считали, не так ли?

РИББЕНТРОП. Я думаю, что я сделал то же самое, что пытались сделать и другие дипломаты, например в Англии, в Америке и в России, и что им позднее не удалось сделать.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не буду излагать Вам каких-либо положений по поводу этого факта. Но Вы довольно скоро поняли, что если Япония вступит в войну, тогда будет возможно то, что вскоре после этого Соединенные Штаты также можно будет включить в войну? И в апреле 1941г. Вы договорились о том, что, если вступление Японии в войну приведет к конфликту между Японией и Соединенными Штатами, Вы готовы были воевать также с Соединенными Штатами. Не так ли?

РИББЕНТРОП. Нет, это неверно. Напротив, я думаю, что я делал все до самого последнего дня, до Пирл-Харбора делал все для того, чтобы Америка не вступала в войну. Я думаю, что это подтверждается многими документами, которые я здесь частично вижу впервые.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Раз Вы это сказали, я хотел бы, чтобы Вы взглянули на документ 252 Вашей книги, страница 204 английской книги документов.

РИББЕНТРОП. Да. Мне знаком этот документ. Я уже читал его здесь.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Так. Это было за неделю до событий в Пирл-Харбор, 29 ноября и по словам японского посла, Вы ему сказали следующее: /1-й абзац/: Риббентроп: "Важно, чтобы Япония установила новый порядок в Восточной Азии, не

пропустив этой возможности. Не было, и вероятно никогда не будет такого момента, когда так важно более тесное сотрудничество держав при тройственном пакте. Если Япония будет колебаться в настоящий момент, а Германия будет продвигаться и устанавливать новый порядок в Европе, тогда вся мощь Британии и Соединенных Штатов будет направлена против Японии. Как сказал фюрер сегодня: "Между самим правом на существование Японии и Германии и Соединенных Штатов имеется существенная разница". "Мы получили сведения о том, что фактически нет надежды на то, что переговоры между Японией и Соединенными Штатами могут закончиться успешно, так как Соединенные Штаты заняли твердую позицию. Если действительно так, и если Япония примет решение воевать с Великобританией и Соединенными Штатами, то я уверен, это будет не только в обоюдных интересах Японии и Германии, но также приведет к благоприятным результатам для самой Японии"

Принимая во внимание этот документ и это заявление, которое Вы сделали японскому послу, Вы еще утверждаете, что Вы пытались предотвратить войну с Соединенными Штатами? Я считаю, что Вы делали все, чтобы подстрекать Японию к войне против Соединенных Штатов.

РИББЕНТРОП. Господин Обвинитель, это не верно и я должен возразить Вам. Я не знаю этого документа и не знаю также откуда он. Во всяком случае я никогда не говорил так и я сожалею о том, что все документы, которые доказывают, что я все время стремился к тому, чтобы США не вступили в войну, не были здесь еще оглашены. Я все время думал, каким образом попал именно этот документ сюда. Все остальные документы, имеющиеся здесь, а их я думаю дюжина или полторы, доказывают, что я все время старался добиться того, чтобы Америка не вступала в войну. И я могу доказать, что я в течение многих лет старался во всех

7819

H1196-0113

H1196 – 0114

областях ничего не предпринимать против США, несмотря на то, что они занимали непримиримую позицию. Я могу себе об"яснить это только следующим образом: очевидно, японский посол хотел, чтобы его страна что-нибудь сделала, и я знаю, что он от своего имени посылал безчисленное множество телеграмм в Токио для того, чтобы склонить Японию к войне в первую очередь за Сингапур и т.д. Я могу лишь предположить, что это может быть является неверной интерпретацией этого разговора. Я прошу дать защите возможность представить все другие документы этого периода, которые доказывают как раз обратное, т.е. опровергают то, что сказано в одном этом предложении.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это официальный доклад японского посла своему правительству. Вы говорите, что он ошибается, когда он передает Ваши точные слова о том, что Вы уверены, что это не только в интересах Японии и Германии, но и приведет к благоприятным результатам для самой Японии. Если Вы отрицаете этот документ, то взгляните на следующий документ на странице 356-й. Это еще один доклад японского посла. В нем говорится:

"Через день, после нападения на Пирл-Харбор, в час дня я посетил министра иностранных дел Риббентропа и сказал ему, что мы желаем, чтобы Германия и Италия официально и немедленно об"явили войну Соединенным Штатам.

Риббентроп ответил, что Гитлер в данное время проводит совещание в главной ставке о том, как официально осуществить об"явление войны для того, чтобы создать благоприятное впечатление у германского народа, что он передаст Ваше пожелание тотчас же и что он сделает все возможное для оформления всего должным образом."

Теперь посмотрите на последние слова:

7820

"В то время Риббентроп сообщил мне, что утром 8-го числа Гитлер издал приказы по всему германскому флоту нападать на американские суда, где и когда бы их ни встретили".

Это было за три дня до об"явления войны. Вы говорите, что этот доклад японского посла тоже неправилен?

РИББЕНТРОП. Я думаю, что это ошибка.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Что здесь неправильно?

РИББЕНТРОП. Я думаю, что это ошибка. Это было после нападения на Пирл-Харбор.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Правильно. Это было после нападения на Пирл-Харбор?

РИББЕНТРОП. Это был приказ Адольфа Гитлера начать наступление на Америку, которая как известно уже в течение нескольких месяцев атаковала наши корабли.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Когда Вы говорите о нападении на германские суда, то Вы имеете в виду защиту от германских подводных лодок?

РИББЕНТРОП. Нет, насколько мне известно, за несколько месяцев до Пирл-Харбора, точную дату я сейчас не помню, мы подали официальный протест США и мы указывали в этом протесте на то, что два судна Крир и Керне преследовали немецкие подводные лодки и сбрасывали на них глубинные бомбы. Мне кажется, что министр военно-морского флота Нокс на пресс-конференции открыто признал это. Я здесь вчера упомянул о том, что Гитлер в своей речи в Мюнхене сказал, что он не давал распоряжения стрелять по американским судам и нападать на них, но отдал приказ отвечать на залпы американских судов.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я хочу у Вас узнать следующее:

Вы одобряли политику, которая заключалась в том, чтобы за три дня до начала войны приказать всему германскому военно-морскому флоту нападать на американские суда когда бы и где бы

7821

H1196 - 0115

H1196-0116

их не встретили? Вы одобряли это?

РИББЕНТРОП. Я не могу сейчас высказать свою точку зрения по этому вопросу, так как я не помню этого сейчас. И не знаю этого документа.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь я хочу Вам задать вопросы относительно другого. Помните ли Вы, что ...

РИББЕНТРОП. Я хочу только добавить, что это было бы само собой разумеющейся вещью.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы сформулировали свой ответ. Помните ли Вы, что в июне 1944г. состоялось совещание, показания о котором мы слышали, - совещание по вопросу о расстреле так называемых "летчиков-террористов".

Послушайте мой вопрос и постарайтесь на него прямо ответить. Верно ли то, как это указано в докладе, что в категорию летчиков-террористов Вы хотели включить летчиков, которые участвовали во всяких устрашающих налетах на германское гражданское население, т.е. летчиков, которые бомбили города? Правильно ли, что Вы хотели включить летчиков, которые бомбили германские города, в категорию летчиков-террористов?

РИББЕНТРОП. Нет, это не соответствует действительности.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Тогда взгляните на страницу 391-ю. Это доклад, подписанный генералом Варлимонтом, о совещании, состоявшемся 6 июня. Я его зачитаю. На 4-й строчке сказано:

"Обергруппенфюрер Кальтенбруннер сообщил заместителю начальника штаба в Клоссхельме днем 6-го числа о том, что незадолго до этого состоялось совещание по этому вопросу, на котором присутствовали Геринг, Риббентроп и Гиммлер. Вопреки первоначальному предложению Риббентропа, который хотел включить в эту категорию любое нападение на германское гражданское население, то-есть, также бомбардировка городов, - на этом

совещании было решено, что лишь нападение с применением пушечно-пулеметного вооружения должно быть включено в эту категорию".

Вы говорите, что Кальтенбруннер был неправ, когда он говорил, что Вы хотели включить в эту категорию все виды нападения?

РИББЕНТРОП. Я уже говорил об этом вчера. Должен ли я сделать это еще раз сегодня и именно по этому вопросу? Я думаю, что я достаточно подробно осветил этот вопрос вчера, но если Вы хотите я могу еще раз повторить.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я не хочу, чтобы Вы повторяли. Я хочу, чтобы Вы ответили на мой вопрос. Вы говорите, что Кальтенбруннер был неправ, когда он сказал на этом совещании, что Вы хотели включить в эту категорию тех летчиков, которые бомбили города?

РИББЕНТРОП. Это не соответствует действительности. Во-первых, насколько я помню эта конференция вообще не состоялась и во-вторых, я вчера достаточно подробно высказал свою точку зрения относительно обращения с летчиками-террористами.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Ну что-ж, ответьте на мой вопрос.

РИББЕНТРОП. Так, как Вы это представили, это неверно.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Понятно. Теперь ответьте на следующий вопрос. Были ли Вы согласны с тем, что тех, кого Вы называли "летчиками-террористами" следовало оставить населению для линчевания или передавать в СС?

7823

H1196-0117

H1196 - 0118

РИББЕНТРОП. Нет, такого мнения я не придерживался.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь взгляните на страницу 393 - это 214-я страница английского текста. Это, как Вам известно, - меморандум министерства иностранных дел. На странице 396-й говорится: "Генерал Варлимонт сообщил, что посол Риттер передал нам по телефону о том, что министр иностранных дел одобрил этот проект". Проект касается двух мероприятий. В первом параграфе о линчевании говорится следующее: "Германские власти не несут прямой ответственности, так как смерть происходит до вмешательства германских чиновников".

Вы согласны с этой точкой зрения? Такова Ваша точка зрения на линчевание летчиков?

РИББЕНТРОП. Нет, это не моя точка зрения, я подробно говорил об этом вчера, и я уже высказал свое мнение относительно этого документа. Это экспертное заключение министерства иностранных дел. Я не помню сейчас почему был составлен этот документ, по моему ли приказу или по ходатайству военных лиц. Я никогда не утверждал этого экспертного заключения как это сказано здесь. Напротив когда оно мне было представлено, я послал это заключение фюреру и попросил его принять решение. Фюрер, мне кажется, тогда сказал, что это чепуха и таким образом, это экспертное заключение министерства иностранных дел было заброшено и не сыграло никакой роли.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Таким образом, принимая во внимание тот факт, что Варлимонт говорит, что посол Риттер 29 июня сообщил в германским вооруженным силам

о том, что Вы одобряли этот проект, значит, или Варлимонт, или Риттер говорят неправду?

РИББЕНТРОП. Во всяком случае, это не соответствует действительности, так как другой документ, который я также видел здесь, доказывает, что этот документ был послан фюреру и я сказал, что фюрер должен утвердить это. Другого документа я здесь не видел. Это все, что я помню.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо. Раз Вы ссылаетесь на точку зрения фюрера, тогда посмотрим, в чем она заключалась, взгляните на документ 3780-ПС, который представляется под № ВБ-293. Это запись беседы, на которой присутствовали Вы, Гитлер, Ошима, 27 мая 1944 г.

Это 11-я страница, строчки с 9 по 12. Вы помните, что в Вашем присутствии Гитлер советовал Ошиме, чтобы японцы вешали, а не расстреливали каждого американского летчика-террориста и тогда американцы призадумаются прежде, чем совершать такие нападения. С этой точкой зрения Вы были согласны?

РИББЕНТРОП. Нет, я не был согласен с этим и если это здесь написано, то это не моя точка зрения, не моя установка.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Понятно. Хорошо, теперь...

РИББЕНТРОП. Я не знаю, где имеется в этом документе то, что Вы сказали?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это на 11 странице с 9-й по 12-ю строчку.

7825

H1196 - 0119

H1196 – 0120

РИББЕНТРОП. Нет, я не помню этого, но я могу сказать одно, что эта точка зрения Адольфа Гитлера, изложенная здесь сложилась у него в результате ужасных налетов авиации, которые имели место в то время.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я это все уже слышал ранее. Я спросил Вас, согласны ли Вы были с этим или нет; Вы сказали – нет. Я хочу, чтобы Вы теперь коснулись другого вопроса.

РИББЕНТРОП. Я хочу еще добавить кое-что по этому вопросу, так как это является решающим моментом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы это скажете Вашему защитнику после того, как ответите на мой вопрос. Теперь я хочу обратить Ваше внимание на вопрос о лагере № 3 для военнопленных летчиков. Вы, вероятно, слыхали, как я задавал подобные вопросы ряду свидетелей, эти вопросы касались убийства 50 английских летчиков, которые были убиты эссесовцами после попытки к бегству. Вы знаете, о чем я говорю?

РИББЕНТРОП. Я знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы помните, что мой коллега г-н Иден энергично высказался в палате общин, заявив, что эти люди были убиты и что Великобритания потребует, чтобы над убийцами было совершено правосудие? Вы помните, это было в июне 1944 г.?

РИББЕНТРОП. Я слышал об этом, как раз из речи мистера Идена в палате общин.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. А помните ли Вы, что имперское правительство сделало заявление о том, что

британскому правительству через Швейцарию Имперское правительство передало сообщение, в котором резко опровергало это безобразное обвинение министра иностранных дел Великобритании. Это заявление имело место в июле 1944 г. Вы помните, что оно было сделано?

РИББЕНТРОП. Нет, я не помню этого, я помню только, что нам тогда были переданы документы о том, что произошло и я помню, что нам об этом было сообщено нотой одной из нейтральных держав.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вот что я хочу Вас спросить: тогда, когда было издано это заявление, было ли Вам известно, что эти офицеры были хладнокровно убиты?

РИББЕНТРОП. Нет, я этого не знал. Я лишь слышал, что эти люди были, якобы расстреляны при попытке к бегству. Правда, у нас создалось тогда такое впечатление, что здесь не все в порядке. Это я помню.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разберем этот вопрос в два приема. Кто Вам солгал о том, что эти люди были расстреляны при побеге? Кто сообщил Вам эту ложь?

РИББЕНТРОП. Я не помню этого в подробностях. Мы получили эти документы из компетентных учреждений и затем передали ноту швейцарскому правительству.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. От кого Вы получили документы, которые содержали эту ложь - Вы получили их от Гиммлера или Геринга?

РИББЕНТРОП. Этого я не знаю.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы, кажется, сказали нам, что Вы чувствовали, что что-то не в порядке?

РИББЕНТРОП. Да, я это сказал.

7827

H1196 - 0121

H1196 – 0122

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Благодарю Вас. Теперь я хочу, чтобы Вы сказали нам пару слов о своем отношении к СС. Вы на данной стадии процесса не хотите утверждать, что Вы были лишь почетным членом СС. Ваш защитник утверждает, на основании какого-то, видимо, недоразумения, что Вы были лишь почетным членом СС: Это не соответствует действительности, правда?

РИББЕНТРОП. Это не недоразумение, это действительно так и было. Я получил от Адольфа Гитлера форму СС; я никогда никаких функций в организации СС не выполнял, но как посол и затем министр иностранных дел я, как это было принято должен был получить определенный чин СС, я получил чин фюрера - СС.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я утверждаю, что это совершенно неверно; Вы просили, чтобы Вас приняли в СС еще до того, как Вы стали послом чрезвычайным в мае 1933г. Это правильно?

РИББЕНТРОП. Да, это мне известно, я всегда принадлежал к организации СС.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы только что сказали, что принадлежность к СС имела почетный характер, потому что Гитлер хотел, чтобы Вы имели форму? Я Вас спрашиваю: в мае 1933 г. Вы подали заявление о том, чтобы Вас включили в ряды СС обычным путем? Не правда ли?

РИББЕНТРОП. Конечно, надо было подать заявление. Но дело обстояло так: я несколько раз появлялся в своем огромном сером пальто, и после этого Гитлер сказал мне, что мне следует иметь форму, когда это

было, сейчас я не помню. Я думаю, что это было в 1933г. Я и получил, как посол, соответствующий чин, а затем как министр иностранных дел, я получил еще более высокий чин.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И в мае 1933 г., подав ходатайство, Вы вступили в СС и получили не очень высокий ранг. Штандартенфюрера. Не так ли?

РИББЕНТРОП. Да, это правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. А оберфюрером Вы стали лишь 20 апреля 1935 г., бригаденфюрером Вы стали 14 июня 1935 г.; группенфюрером - 13 сентября 1936 г. (это после того, как Вы стали послом) обергруппенфюрером - 20 апреля 1940 г. До того, как Вы стали послом, Вы состояли в СС в течение 3-х лет и получили повышение обычным путем, не правда ли?

РИББЕНТРОП. Да, но я никогда ничего не делал в СС и не выполнял никаких работ. Это правильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Посмотрите, это будет документ ВБ-24, документ Д-744-А, переписка идет под № 744-Б. Вам не обязательно просматривать это подробно. Это Ваше ходатайство со всеми подробностями. Я хотел бы задать Вам в этой связи пару вопросов. Вы просили, чтобы Вас приняли в дивизию "Тотенкопф" - "Мертвая голова" СС?

РИББЕНТРОП. Нет, это неправильно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Разве Вы не помните, что Вы получили от Гиммлера особое кольцо и кинжал дивизии "Мертвая голова". Разве Вы не помните этого?

7829

H1196-0123

H1196-0124

РИББЕНТРОП. Нет, я не помню. Я никогда не принадлежал к дивизии "Мертвая голова". Вы ведь только что говорили об этой дивизии "Мертвая голова" не так ли?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да. О дивизии "Мертвая голова".

РИББЕНТРОП. Нет. Это ошибка. И если об этом здесь говорится, это неверно. Но я помню, что я получил так называемый меч, как и все фюреры-СС.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И кольцо также. Вот письмо от 5 ноября 1935 г. личному штабу управления райхсфюрера СС. "В ответ на Ваш запрос, я сообщаю, что размер кольца Риббентропа № 17. Хайль Гитлер. Подпись: ад"ютант Торнер". Вы помните, что Вы его получили?

РИББЕНТРОП. Я думаю, что это кольцо получал каждый, кто имел чин СС. Но я точно этого не помню сейчас. Несомненно это так.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И Вы постоянно интересовались СС, начиная с 1933 года и долгое время во время войны, не правда ли? Кажется, Ваша переписка с Гиммлером продолжалась по крайней мере до 1941 или до 1942 года.

РИББЕНТРОП. Да, это, вполне возможно. Конечно, мы часто сталкивались с СС в самых различных областях. Это совершенно ясно.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. И в особенности в области концентрационных лагерей, не правда ли? Вы хотите сказать, что Вы не знали о том, что концлагери использовались в огромных масштабах?

РИББЕНТРОП. Я ничего об этом не знал.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Обернитесь (сзади свидетельского пульта - карта). Это увеличение той карты, которая Вам была представлена французским обвинением. Красные пятна - это концлагери. Я бы хотел, чтобы Вы взглянули на нее. Теперь посмотрим, какое имеет значение различное местонахождение Ваших резиденций. Одна резиденция - к северу от Берлина - Зонненбург. Вы видите, где это приблизительно находится на карте?

РИББЕНТРОП. Да из Берлина в Зонненбург на машине надо ехать примерно час.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. К северу от Берлина?

РИББЕНТРОП. Нет, к востоку от Берлина?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Возьмем другую резиденцию. Вы сами недалеко от нее находитесь. Это Ваш замок в Фушле. Это недалеко от границы и очень близко от группы лагерей, которые находились вокруг Маутхаузена. Смотрите вправо, Вы видите группу лагерей Маутхаузена?

РИББЕНТРОП. Я под присягой утверждаю, что я впервые услышал о лагере Маутхаузен здесь, в Нюрнберге.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Теперь возьмем еще одно поместье. Вы говорите, что Вы не часто там бывали, но обычно...

РИББЕНТРОП. Я могу ускорить дело, заявив Вам, что я вообще слышал лишь о двух, нет о трех концентрационных лагерях до того, как я попал сюда. Это - Дахау, Ораниенбург и Терезиенштадт. Все другие я услышал здесь впервые. Терезиенштадт был лагерем, мне кажется, приютом, для престарелых евреев и представители Красного креста

7831

H1196 - 0125

H1196 – 0126

несколько раз посещали этот лагерь. Другие названия лагерей я услышал здесь впервые и это я хочу здесь совершенно точно установить.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Знаете ли Вы, что вблиз Маутхаузена было 33 лагеря в различных местах, в сравнительно небольшом радиусе и приблизительно 45 других лагерей, названий которых сам комендант не мог дать, потому что их было слишком много? И в этих 33 лагерях было более, чем 100 тысяч заключенных? И Вы хотите сказать Трибуналу, что в течение всех Ваших поездок в Фушле, Вы никогда не слышали об этих лагерях в Маутхаузене, где было заключено сто тысяч человек?

РИББЕНТРОП. Это мне совершенно неизвестно и это могут доказать десятки свидетелей.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Мне все равно, сколько свидетелей Вы можете вызвать. Вы сначала вновь посмотрите на эту карту. Вы были ответственным министром правительства этой страны с 4 февраля 1938 года до поражения Германии в мае 1945 года, - в течение семи с четвертью лет. И Вы утверждаете перед этим Трибуналом, что министр этой страны, где существовали сотни концентрационных лагерей, мог знать только о двух лагерях?

РИББЕНТРОП. Это может быть удивительно, но это чистая правда.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я говорю, что это не только удивительно, но что это столь невероятно, что это должно быть неверно. Как могли Вы не знать об этих лагерях? Вы с Гиммлером никогда не встречались?

РИББЕНТРОП. Нет, я никогда не разговаривал с ним о таких вещах. Все это держалось в строгом секрете и мы только здесь услышали, что происходило там. Ни один человек не знал ничего об этом. Я утверждаю, хотя это может быть и удивительно, что все господа, сидящие на скамье подсудимых, ничего не знали об этом.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Когда их очередь наступит - мы и их послушаем. Известно ли Вам, что в одном Освенциме...

РИББЕНТРОП. Нет, я ничего не слышал до сего времени об Освенциме. Я услышал это название здесь впервые.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. В своем письменном показании под присягой один германский чиновник из лагеря Освенцим показал, что в этом лагере было убито 4 миллиона человек. Вы хотите сказать Трибуналу, что Вы об этом ничего не знали?

РИББЕНТРОП. Мне об этом ничего не было известно и я могу утверждать это под присягой.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Имеется еще один вопрос, которым я хочу, чтобы Вы занялись. К счастью, я могу в этом случае освежить Вашу память при помощи некоторых документов. Это вопрос о партизанах. Я хотел бы, чтобы Вы взглянули на несколько документов, на 3 документа, связанные с этим вопросом.

Председатель. Вы сегодня сможете закончить?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд. Я попытаюсь это сделать, если Вы дадите мне сегодня еще пять минут, милорд. Это я и пытаюсь сделать.

(Подсудимому). Вы согласны с тем, что Вы выступали за самое жестокое обращение с населением оккупированных стран?

7833

H1196-0127

H1196 – 0128

РИББЕНТРОП. Я неправильно понял этот вопрос. Пожалуйста повторите его.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вопрос таков: правильно ли будет выразить Вашу точку зрения, сказав, что Вы считали, что с партизанами надо обращаться самым жестоким образом?

РИББЕНТРОП. Я не помню, говорил ли я когда-нибудь что-либо об обращении с партизанами. Во всяком случае я был против этого.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Тогда взгляните на документ Д-735, который является ВВ-295. Это беседа между Вами и Чиано в присутствии фельдмаршала Кейтеля и маршала Кавальеро в ставке фюрера после завтрака 19 декабря 1942г. Если Вы посмотрите на вторую страницу, Вы увидите, место, где фельдмаршал Кейтель говорит итальянцу, что "район Хорватии должен быть очищен совместно действующими германскими и итальянскими войсками еще зимой, ввиду сильного английского влияния в этом районе. Фюрер заявил, что сербские заговорщики должны быть выжжены и что при совершении этого будут приняты жестокие меры. Фельдмаршал Кейтель после этого добавил, что все деревни, в которых будут обнаружены партизаны, должны быть сожжены. После этого министр иностранных дел заявил, что Ротта не должен покидать третьей зоны, но наоборот должен продвигаться, действуя в самом тесном сотрудничестве с германскими войсками. В этой связи фельдмаршал Кейтель попросил итальянца не считать использование хорватских войск в этой операции благоприятным для хорватов. Рейхсминистр иностранных дел заявил в связи с этим, что хорватский фюрер, с которым он побеседовал очень недвусмысленно, на 100 процентов готов договориться с Италией". Такова была Ваша точка зрения на то, чтобы сербских заговорщиков следовало выжечь?

РИББЕНТРОП. Пожалуйста повторите.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это отражает Вашу точку зрения, что "сербских заговорщиков следовало выжечь"?

РИББЕНТРОП. Я не понимаю Вашего выражения "выжечь". Во всяком случае, их следовало держать под замком.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это значит, что дотла надо сжечь их деревни.

РИББЕНТРОП. Где я это говорил? Я думаю, что я этого не говорил.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это было точкой зрения фюрера? А было это также и Вашей точкой зрения?

РИББЕНТРОП. Фюрер был очень строг в подобных делах и я знаю, что время от времени соответствующие инстанции, также и военные инстанции должны были издавать относительно строгие военные приказы. Борьба велась не на жизнь, а на смерть. Этого не следует забывать. Это ведь была война.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы отрицаете ...

РИББЕНТРОП. Во всяком случае, я, по-моему, ничего не говорил о партизанах?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы говорите, что это не было Вашей точкой зрения? Вашей точкой зрения не было, что так следовало обращаться с партизанами? Не смотрите на следующий документ, а отвечайте мне: Такова была Ваша точка зрения?

РИББЕНТРОП. Пожалуйста, повторите вопрос, на который я должен ответить?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Вы говорите, что Вы не стояли за жестокое обращение с партизанами?

РИББЕНТРОП. Я считаю, что с партизанами, которые нападают на войска с тыла, надо обращаться очень строго. Вот моя точка зрения. И я думаю, что такой точки зрения придерживается каждый в армии, а также и каждый политический деятель.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Включая женщин и детей?

РИББЕНТРОП. Нет, ни в коем случае.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Тогда посмотрите на этот документ, если Вы отрицаете, что так обращались с женщинами и детьми. Посмотрите на документ Д-741.

Милорд, он представляется под № 297 ... Простите, под номером ВБ-296.

(Обращаясь к подсудимому). Посмотрите на конец этого документа. Это Ваша беседа с итальянским послом Альфиери 21-го февраля 1943г. В последнем абзаце говорится:

"Продолжая, министр иностранных дел Германии подчеркнул, что политика то, к чему привела Роатта в Хорватии, очень волнует фюрера. Со стороны Германии оценен тот факт, что Роатта хотел сберечь итальян-

7835

H1196 - 0129

H1196 – 0130

скую кровь, но полагает, что он этой политикой как бы старался изгнать темные силы сатаны и Вельзевула. Следовало уничтожить банды, включая мужчин, женщин, детей, чье существование угрожает жизням немцев и итальянцев – мужчинам, женщинам и детям".

И Вы все еще утверждаете, что Вы не хотели, чтобы с женщинами и детьми жестоко обращались?

РИББЕНТРОП. На какой это странице?

(см.сл.страницу)

7836

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Это на страницах с 10 по 13, последний абзац моего переводного экземпляра. "Банды следует уничтожить, включая мужчин, женщин и детей, так как продолжение их существования угрожает жизни германских и итальянских мужчин, женщин и детей".

РИББЕНТРОП. Если я это и сказал, то я сказал это, будучи может быть крайне взволнован. Во всяком случае, это не соответствует моей точке зрения, которая подтверждается моей деятельностью во время войны. В данный момент я ничего не могу сказать.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Я только покажу Вам еще один документ. Это мой последний документ. Это - № Д-740, который представляется под № ВБ-297. Это запись беседы германского министра иностранных дел со статс-секретарем Бастианини в присутствии послов фон Маккензена и Альфиери 8-го апреля 1943 года в замке Клейсхейм. Взгляните на начало этого документа. Вы, кажется, обсуждаете какую-то забастовку в Италии. Вы сказали: "Предположения германского министра иностранных дел о том, что эта забастовка была организована британскими агентами были энергично опровергнуты Бастианини. Это были итальянские коммунисты. Имперский министр иностранных дел ответил, что в этом случае только самые безжалостные методы принесут хороший результат".

Далее, после слов об источнике сведений, говорится: "Он не хотел говорить об Италии, а предпочтительно об оккупированных территориях, где, как было доказано, мягкими методами ничего нельзя было добиться при попытке достичь соглашения. Тогда германский министр иностранных дел развил свою мысль сравнив события в Дании и Норвегии.

7837

H1196 - 0131

H1196 – 0132

В Норвегии были приняты жестокие меры, которые вызвали энергичные протесты, в особенности, в Швеции". Затем Вы продолжаете, и после некоторой критики по адресу д-ра Веста ...

РИББЕНТРОП. Я не могу найти это место; на какой это странице?

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Абзац начинается: "Предположение имперского министра иностранных дел о том, что эта забастовка была организована британскими агентами ..."

РИББЕНТРОП. Да, я нашел.

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Так. Вы видите, что я оглашал Вам. Вы сказали: "Только безжалостные методы принесут хороший результат. В Норвегии были приняты жестокие меры". Далее,в начале следующего абзаца: "В Греции также нужно будет принять жестокие меры,если греки будут сопротивлятся. Он придерживается такого мнения,что демобилизованные греческие войска должны быть немедленно вывезены из Греции и что грекам нужно показать с железной энергией,кто хозяин в стране. Жестокие меры такого рода необходимы,если ведешь войну против Сталина. Это не война джентльменов,а жестокая война уничтожения".

Далее о Франции. После небольшого высказывания о Французах, Вы говорите: "Возвратившись снова к вопросу о Греции, министр иностранных дел еще раз подчеркнул необходимость жестоких мер".

На третьей строчке следующего абзаца говорится: "Фюрер должен будет принять радикальные меры на оккупированных территориях, чтобы мобилизовать местные ресурсы рабочей силы для того,чтобы противодействовать потенциальной мощи американского вооружения равными силами". Вы согласны? Это правильно отражает Вашу точку зрения,что Вы требовали самых строгих мер на оккупированных территориях для того,чтобы мобилизовать рабочую силу и увеличить военный потенционал Германии?

РИББЕНТРОП. Я могу сказать по поводу этого документа только следующее. Я знав, что ...

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Хорошо, Вы можете это сказать, но сначала ответьте на мой вопрос. Отражают ли эти взгляды Вашу точку зрения о том, что ...

РИББЕНТРОП. Нет, не отражают.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. "... Следует принимать суровые меры по отношению к иностранной рабочей силе и к населению оккупированных территорий". Этот документ выражает Вашу точку зрения?

РИББЕНТРОП. Нет, это не выражает моей точки зрения.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Почему же Вы тогда это сказали? Почему Вы это сказали?

РИББЕНТРОП. Потому что я в то время по поручению фюрера должен был держать итальянцев в повиновении, так как во многих областях был полнейший хаос и итальянцы все время пытались изменить положение дел и, таким образом создавали неразбериху в немецкой армии и поэтому я должен был говорить с итальянцами очень строго. Я очень хорошо помню это. В то время велась борьба... Итальянцы об"единились с четниками и частично вели борьбу против германских войск. Там царил полнейший хаос. Поэтому я должен был часто несколько строже говорить с дипломатами и может быть все преувеличивал. В действительности же положение выглядело потом совершенно иначе.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Но ведь это не было преувеличением, ни в Норвегии, ни в Греции? Вы принимали самые жестокие меры на оккупированных территориях.

РИББЕНТРОП. Это неверно. Мы в Норвегии вообще не имели права голоса и мы только пытались изменить положение дел. А в Дании мы также делали все для того, чтобы предотвратить и смягчить эти жестокие мероприятия, хотя отчасти они были и необходимы, потому что было очень много парашютистов и т.д. и я думаю, что на основании многих документов можно доказать, что

7839

H1196 - 0133

H1196 – 0134

я и министерство иностранных дел делали все возможное в различных оккупированных областях, чтобы урегулировать отношения. И я не думаю, что будет тактичным и правильным ограничиваться этим одним или двумя высказываниями, выбранными специально из очень большого количества документов и свидетельствующими о том, что я действительно должен был время от времени прибегать к резким высказываниям.

Я хотел бы напомнить, что и иностранные государственные деятели также резко выступали по отношению к Германии. Но я убежден, что они так не думали. Безусловно в течение 6 лет войны надо было прибегать к таким резким высказываниям.

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Скажите мне одно: сегодня, когда Вам пред"являли документы, в которых было сказано, что Вы разговаривали очень резко или говорили обратное тому, что Вы утверждали здесь, Вы заявляли, что это Вы просто прибегали к дипломатической лжи. Это так? Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сэр Дэвид, все эти документы представлены, как доказательство?

Сэр ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Да, милорд.

/Перерыв до 2-го апреля/

7840

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 2-го апреля 1946 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ.

Встать! Суд идет!

СЭР ДЭВИД МАКСУЭЛЛ ФАЙФ. Милорд, как Вы заметили, я еще не касался вопроса об евреях. Теперь мой ученый коллега, господин Фор, представитель французской делегции, займется этим вопросом.

КАУФМАН /защитник Кальтенбруннера/. Господин Председатель, разрешите мне сказать несколько слов, которые относятся к важному вопросу. Вчера здесь обсуждалась карта, которая и сейчас вывешена в зале суда. Из этой карты Обвинение делает выводы относительно количества концентрационных лагерей в Германии. Подсудимые оспаривают самым энергичным образом достоверность этой карты. При выступлении по делу моего подзащитного, я надеюсь доказать, что лишь немногие из этих обозначений /красных точек/ соответствует действительности. Я сейчас делаю такое заявление для того, чтобы в дальнейшем ходе выступления защиты не сохранилось бы впечатление, что эта карта соответствует действительности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кауфман, это копия карты, которая была уже представлена в качестве доказательства.

КАУФМАН. Да, но я надеюсь, что я смогу доказать ее недостоверность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно, Вы можете это сделать, но нет надобности это делать сейчас. Если Обвинение представило доказательства, Вы можете ответить, но не сейчас.

7841

H1196-0135

H1196 – 0136

Г-н ФОР. Подсудимый, в качестве министра иностранных дел, Вы руководили всеми дипломатическими работниками?

РИББЕНТРОП. Ко мне не поступил перевод.

Г-н ФОР. Будучи министром иностранных дел, Вы руководили всеми дипломатическими работниками?

РИББЕНТРОП. Да.

Г-н ФОР. И они руководствовались Вашими инструкциями?

РИББЕНТРОП. Да.

Г-н ФОР. Вчера Вы заявили, что Вы ответственны за действия, совершенные Вашими подчиненными?

РИББЕНТРОП. Да, это так.

Г-н ФОР. Можете ли Вы мне сказать, доктор Бест, полномочный представитель в Дании, также находился в зависимости от Вашего министерства?

РИББЕНТРОП. Да.

Г-н ФОР. Доктор Бест сообщил Вам, что Гитлер отдал приказ убивать датчан в тех случаях, когда имели место акты саботажа?

РИББЕНТРОП. Пожалуйста, повторите еще раз вопрос.

Г-н ФОР. Согласно документам, которые были пред"явлены Трибуналу, д-р Бест виделся с Вами 30 декабря 1943г. и сообщил Вам, что Гитлер отдал приказ убивать датчан в случае, если в Дании будут производиться акты саботажа. Так ли это?

РИББЕНТРОП. Да. Против тех, кто участвовал в саботаже, нужно было принимать такие меры. Гитлер действительно издал такой приказ.

Г-н ФОР. Разве "казнить без суда лиц, являющихся террористами или не являющихся таковыми",- это слова доктора Беста в документе,- не должно рассматриваться как призыв к убийству?

РИББЕНТРОП. Я и доктор Бест также с самого начала отрицательно относились к таким мерам. Дело зашло так далеко...

Г-н ФОР. Подсудимый, я не утверждаю, что Вы выразили свое удовлетворение по этому поводу, я Вас спросил лишь, были ли Вы об этом информированы. Так ли это?

РИББЕНТРОП. Да, это так. Гитлер хотел этого. Отдельных деталей я не знаю.

Г-н ФОР. Я Вас не спрашиваю о деталях.

РИББЕНТРОП. Какие распоряжения последовали за этим, я не знаю. Насколько мне известно, они проходили через другие инстанции.

Г-н ФОР. Я отмечаю, что Вы были полностью в курсе этого приказа Гитлера, который был отдан в тот день, относительно совершения этих убийств. Таким образом, Вы считали нормальным входить в правительство, главой которого был убийца?

РИББЕНТРОП. Нет, здесь имели место обстоятельства совершенно противоположного характера.

Г-н ФОР. Хорошо, в таком случае я прошу Вас сообщить их.

РИББЕНТРОП. Я уже сказал, что я придерживался совершенно противоположной точки зрения. Фюрер был сам очень недоволен доктором Бестом и приказал другой инстанции заниматься рассмотрением этого вопроса, так как д-р Бест, так же как и я, были против.

Г-н ФОР. Я лишь прошу Вас отвечать короче на мои вопросы. Позже Вы сможете изложить подробности своему защитнику. Теперь о Дании. Здесь были осуществлены мероприятия в отношении депортации евреев из страны. Вы занимались этим?

7843

H1196 - 0137

H1196 - 0138

РИББЕНТРОП. О том, что было с евреями в Дании, я ничего не знаю.

Г-н ФОР. Вы об этом никогда не слышали?

РИББЕНТРОП. Я помню, что я как-то говорил с Бестом об этом. Бест сказал мне, что еврейский вопрос не имеет никакого значения в Дании. Поэтому он не хотел предпринимать ничего особенного в отношении евреев в Дании. Я согласился с ним в этом.

Г-н ФОР. Я попрошу, чтобы Вам дали документ 2375-ПС. Этот документ не был еще пред"явлен Трибуналу. Я пред"являю его под № РФ-1503. Я хотел бы огласить второй абзац этого документа. Документ является письменным показанием под присягой Мильднера, который был полковником полиции в Дании.

"В качестве командующего я являлся подчиненным д-ра Беста. Будучи против преследования евреев из-за соображений практического и морального порядка, я запросил у д-ра Беста об"яснения причины проведения этих мероприятий.

Доктор Бест заявил мне, что министру иностранных дел империи, безусловно, было известно о намерении Гитлера уничтожить евреев в Европе. Он представил Гитлеру доклад по еврейскому вопросу в Дании и ходатайствовал перед Гитлером о высылке евреев из Дании.

Доктор Бест также заявил мне, что Риббентроп выразил опасение, что он не сможет нести ответственность, в том случае, если евреи останутся в Дании. Таким образом Бест сам будет вынужден проводить в жизнь меры, предложенные Риббентропом Гитлеру. О своей беседе с Бестом я могу в заключение сказать, что он поддерживал с Риббентропом непосредственный контакт не лично или по телефону".

Вы прочли это, не так ли?

РИББЕНТРОП. Это чистая фантазия. Все, что здесь стоит - неправильно.

Г-н ФОР. Хорошо. Тогда я попрошу, чтобы Вам передали документ 3638-ПС, который я пред"являю под № РФ-1502. Это - нота от 24 сентября 1942 г., подписанная Люттером, который был Вашим сотрудником. Я хотел бы зачитать Вам два первых абзаца этого документа:

"Господин министр иностранных дел отдал мне сегодня по телефону приказ по мере возможности ускорить эвакуацию евреев из различных стран Европы, в связи с тем, что повсюду евреи настроены против нас и должны рассматриваться, как ответственные за акты саботажа и за покушения.

После общего доклада по вопросу об истреблении евреев, которое производится в настоящее время в Словакии, Хорватии, Румынии и в оккупированных территориях, г-н министр иностранных дел отдал приказ провести теперь эвакуацию евреев из Болгарии, Венгрии и Дании и, в связи с этим, вступить в переговоры с датским, болгарским и венгерским правительствами".

Я считаю, что этот второй документ подтверждает указания первого о Вашем участии в угоне евреев из Дании. Согласны ли Вы с этим?

РИББЕНТРОП. Это правильно. Фюрер тогда намеревался эвакуировать евреев из Европы в Северную Африку и на Мадагаскар. Он дал мне приказ обратиться к некоторым правительствам Европы и обсудить с ними вопрос об эвакуации евреев из Европы. Он также поручил мне вести с ними переговоры об удалении евреев с военных правительственных должностей. Такие указания действительно были даны мною министерству иностранных дел. О них было также сообщено некоторым правительствам. Речь, как известно, шла об эвакуации евреев в одну из частей Северной Африки. Это правильно. Но другое то, что Вы

7845

H1196 - 0139

H1196 – 0140

зачитывали из письменного показания, - это чистая фантазия и совершенно не соответствует действительности. Я имею в виду то, что Вы говорили о полковнике Мильднере.

Г-н ФОР. Во всяком случае вы признаете...

РИББЕНТРОП. Я вспоминаю о том, что д-р Бест говорил со мной однажды по еврейскому вопросу. Он сказал мне, что этот вопрос в Дании не имеет никакого значения, так как там было уже немного евреев. Я ему ответил, что в Дании ничего предпринимать не нужно, что следует оставить все,как есть. Вот как было в действительности.

Г-н ФОР. Таким образом, Вы признаете, что документ, подписанный Люттером, полностью соответствует действительности и что Вы отдали приказ начать эвакуацию евреев из Дании? Ведь в письме говорится именно об этом.

РИББЕНТРОП. Нет, это неправильно. Я не знаю этого документа Люттера. Я первый раз вижу этот документ.

Г-н ФОР. Отвечайте прямо на мои вопросы, чтобы не тратить много времени. Вы придерживаетесь мнения, что оба эти документа не соответствуют действительности, это Вы нам сказали. Следует далее:

Германское посольство в Париже...

РИББЕНТРОП. Нет, этого я не сказал. Это не так. Я сказал, что я не знаю этого документа. Правильно то, что Гитлер дал мне указание сообщить министерству иностранных дел, чтобы оно обратилось к отдельным правительствам с предложением разрешить еврейский вопрос следующим образом: удалить евреев из важных правительственных учреждений и получить согласие на эвакуацию евреев из Европы.

Г-н ФОР. Германское посольство в Париже находилось в Вашем подчинении, не так ли?

РИББЕНТРОП. Германское посольство в Париже, - Вы говорите о германском посольстве при правительстве Виши, получало, конечно, указания от меня.

Г-н ФОР. Перед Трибуналом уже был оглашен документ французского Обвинения 1031, в котором Вы определили задачи, возлагаемые на посла Абеца. Это документ 3614-ПС. Вы слышали цитаты как его оглашали. Я напомню Вам, что Вы поручили Абецу взять под охрану все произведения искусств государственные или частные, как, например, те, которые принадлежали евреям, в соответствии с особыми инструкциями, которые излагаются в этом документе. Абец выполнил эту миссию, разграбив произведения искусств во Франции.

РИББЕНТРОП. Нет, это неправильно.

Г-н ФОР. Тогда я попрошу, чтобы Вам передали документ 3736-ПС, который еще не был предъявлен и который получает номер РФ-1504, РФ-1505. Я хотел бы вместе с Вами ознакомиться с несколькими строками из этого документа. Это - доклад военной администрации, который был распространен в 700 экземплярах. Он озаглавлен: "Доклад по вопросу об изъятии французских произведений искусства германским посольством и штабом Розенберга во Франции". Если Вы обратитесь к 3-й странице /страница 3А/, то увидите, что помещен на полях представляется весьма показательной.

"Германское посольство - попытки изъять картины из Лувра".

4-я страница. Я прочту первую фразу наверху страницы.

РИББЕНТРОП. Скажите, пожалуйста, когда я смогу высказаться по отдельным вопросам. Сейчас или вообще никогда?

Г-н ФОР. Когда я задам вопрос, Вы будете отвечать. Я сейчас оглашаю выдержку.

4847

H1196 - 0141

H1196 - 0142

"Посол Абец предпринял меры для того, чтобы вывезти в Германию..."

РИББЕНТРОП. Простите, я не нашел места, которое Вы зачитываете. Скажите, на какой странице это находится?

Г-н ФОР. Это четвертая страница, наверху.

"Посол Абец, нарушая, таким образом, запрещение военного руководства, предпринял меры для того, чтобы вывезти произведения искусства из Лувра, которые были взяты на сохранение". Вы были в курсе этого?

РИББЕНТРОП. Нет, я утверждаю, что это не так и что посол Абец не из"ял ни одного предмета искусства из Лувра. Это было бы вопреки категорическому приказу фюрера, в котором самым строжайшим образом запрещалось изымать предметы искусства. Ваши сообщения ложны. Я хотел бы здесь упомянуть, что однажды французское правительство хотело подарить мне одну картину Буше, которая находилась в Лувре. Эта картина была послана в Берлин ко мне, но я отослал эту картину.

Вот все то, что мне известно о тех картинах и других предметах искусства, которые находились в Лувре. Я никогда не изымал ни одной картины из Лувра так же, как и министерство иностранных дел.

Г-н ФОР. Вы утверждаете, что этот доклад не соответствует действительности?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что это за доклад, который Вы ему показали?

Г-н ФОР. Это документ 3066-ПС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я знаю номер, но что представляет из себя этот документ?

Г-н ФОР. Это отчет германской военной администрации, который фигурирует в американской документации в серии ПС. У Трибунала имеется общий аффидевит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это захваченный документ, другими словами?

Г-н ФОР. Да, это захваченный документ. Я указывал Трибуналу, что этот отчет содержит другие многочисленные выдержки, касающиеся действий Абеца. Но так как подсудимый заявил, что доклад не соответствует действительности, когда я оглашал первую выдержку, то я не буду оглашать этот документ далее, чтобы не тратить зря времени.

Кроме того...

РИББЕНТРОП. Этот отчет не является захваченным документом.

Г-н ФОР. Я прошу Вас отвечать на мои вопросы. Мы не будем продолжать дискуссию. Ваш защитник сможет допросить Вас впоследствии.

Д-р ГОРН. Я прошу разрешить мне выяснить, что за документы пред"являются сейчас подсудимому. Если утверждают, что этот документ является захваченным документом, а подсудимый заявляет, что этот отчет не является захваченным документом, то сейчас следует выяснить этот вопрос.

Г-н ФОР. Я уже указал, что этот документ входит в документацию серии ПС, это захваченные документы. Трибунал видел очень много подобных документов, я не думаю, что аутентичность его должна подвергаться обсуждению. /К свидетелю./

Я хотел бы задать Вам следующий вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Будете ли Вы задавать дополнительные вопросы в связи с этим документом?

Г-н ФОР. Нет, господин Председатель.

Помимо вопроса о произведениях искусства, Абец также занимался вопросом об обращении с евреями в общем плане, не так ли?

7849

H1196 – 0143

H1196 - 0144

РИББЕНТРОП. У Абеца не было никаких поручений на это. Насколько мне известно, он ничего общего не имел с еврейским вопросом во Франции. Этими вопросами занимались совершенно другие инстанции.

Г-н ФОР. Неправильно ли то, что в октябре 1940 г. Абец связался с Вами, чтобы решить вопрос о положении евреев германского и австрийского происхождения, которые находились во Франции?

РИББЕНТРОП. Этого я не знаю, меня этот вопрос не интересовал.

Г-н ФОР. Я хочу показать Вам документ ЕС-265, который я пред"являю как документ за № РФ-1504.

Это - телеграмма Абеца, датированная 1 октября 1940 г. Я хочу огласить для Вас только первую и последнюю фразы:

"Решение еврейского вопроса на оккупированных территориях Франции требует, помимо прочих различных мер, как можно более скорого вынесения решения в отношении евреев германского происхождения, которые жили в империи перед началом войны".

Последняя фраза:

"Предложенные меры должны рассматриваться лишь как первый шаг к решению всего этого вопроса. Я оставляю за собой право делать дальнейшие предложения. Прошу сообщить Ваше согласие по телеграфу".

РИББЕНТРОП. Я прошу разрешить мне прочитать телеграмму до конца.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /к г-ну Фору/. По-моему, Вы читаете слишком быстро.

РИББЕНТРОП. Если я не ошибаюсь, в этой телеграмме речь идет о том, чтобы австрийские и немецкие евреи были бы отправлены из Франции в Германию и Австрию. Я с этой телеграммой не был знаком. Я вижу ее здесь

H1196 - 0145

впервые и поэтому не могу дать никаких раз"яснений. В телеграмме идет речь об одном мероприятии, рассмотрением которого занималось наряду со всеми другими вопросами министерство иностранных дел. Но эта телеграмма мне не пред"являлась, поскольку в основном этими вопросами занимались другие инстанции.

Г-н ФОР. Если Вы посмотрите на левую часть телеграммы, то Вы увидете список лиц, кому она предназначалась. Всего там указано 19 адресатов, среди которых есть и Вы сами? Не так ли ? Ваша фамилия - на втором месте.

РИББЕНТРОП. Я позволю себе заметить, господин представитель французского обвинения, что каждый день около 400, 500, 600, 800 таких телеграмм и писем прибывали в мое бюро, но лишь два-три процента из этого числа представлялись мне. Во всяком случае эта телеграмма не была мне представлена.

Г-н ФОР. Помимо вопроса о евреях германского и австрийского происхождения Ваши сотрудники и подчиненные в посольстве занимались также и французскими евреями. До того, как я Вам задам вопрос, я хотел бы огласить Вам две фразы из документа, который был пред"явлен Трибуналу, как французский документ № 1207. Это - отчет Даннекера, который был уполномоченным по еврейскому вопросу во Франции. Вот что сообщает Даннекер в заключительной части отчета:

"В этом смысле я не могу говорить по этому вопросу, не упомянув о той, действительно, дружественной поддержке, которая была нам оказана в нашей работе со стороны посла Абеца и его заместителя атташе Шлейера, а также со стороны штурмбанфюрера советника посольства доктора Цейтшеля.

Я хочу уточнить, что германское посольство в

H1196 – 0146

Парижа охотно пошло навстречу и предоставило значительную денежную сумму для финансирования антиеврейского института и будет продолжать сюда свои вклады".

Из этого документа явствует достаточно четко, что Абец, Клейер и Цейтшель оказывали достаточную помощь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Фор, мы не знаем, какую выдержку Вы оглашаете.

Г-н ФОР. Господин Председатель, этот документ не был Вам доставлен в этом досье, поскольку он уже был пред"явлен ранее Трибуналу. Я хотел огласить из него лишь пару фраз.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

Г-н ФОР. Из этого документа со всей очевидностью явствует, что три сотрудника из германского посольства – Абец, Клейер и Цейтшель сотрудничали с Даннекером в решении еврейского вопроса.

Это явствует со всей очевидностью из документа, не так ли?

РИББЕНТРОП. Простите, Вы задаете мне вопрос и я должен на него ответить?

Г-н ФОР. Да – это вопрос.

РИББЕНТРОП. На этот вопрос я должен ответить "само собой разумеется". Они, конечно, занимались во Франции еврейским вопросом, это совершенно ясно. Но я могу здесь также сказать, что французское обвинение, конечно осведомлено о том вопросе, что посол Абец получал указания от меня, но что он также действовал по собственной инициативе. Само собой разумеется, что посольство также участвовало во всем этом в какой-то степени, за что я и беру на себя ответственность. Но я хотел бы еще раз повторить, что деятельность посла Абеца протекала вразрез с моими указаниями. Если учесть антисемитскую позицию и политику германского правительства, то станет совершенно

H1196-0148

ясно, что это отражалось на деятельности всех германских учреждений и что каждое из них в какой-то степени занималось этим вопросом. Задачей министерства иностранных дел /это можно доказать с помощью тысяч документов/ было действовать в духе регулирования всех возникающих трудностей, после того как в министерство поступали соответствующие документы.

Мы часто должны были проводить мероприятия в духе антисемитской политики, но мы также часто пытались решать эти вопросы в компромиссном духе. Таким образом, за проведенные во Франции мероприятия против евреев, германское посольство (французское) не ответственно.

Г-н ФОР. Я хотел бы обратиться к другому документу № 1210, французский документ, который является вторым докладом Лаваля от 22 февраля 1942 г. /стр.3 документа, в немецком тексте - стр. 2/.

РИББЕНТРОП. Я хотел бы сказать, что я не знаю, кто такой Лаваль. Может быть, Вы мне скажете, кто он такой?

Г-н ФОР. Я Вам сказал, что Лаваль был уполномочением по еврейскому вопросу во Франции. Впрочем, эти документы были много дней назад предъявлены Трибуналу и защите. Итак, стр. 3 этого документа /вторая страница немецкого текста/, там имеется выдержка под заголовком: "Мероприятия", из которой я оглашаю лишь одну фразу:

"До настоящего времени были проведены три крупных мероприятия, направленных против парижских евреев".

РИББЕНТРОП. Где это находится, на какой странице?

Г-н ФОР. Это на второй странице немецкого текста под заголовком "Мероприятия".

Я цитирую: "До настоящего времени было проведено три крупных мероприятия, направленных против евреев Парижа".

7853

H1196-0147

H119E – 0148

Если Вы обратитесь к последней странице документа, предпоследний абзац, там находим следующее: "Начиная с половины 1941 г. , каждую неделю по вторникам собирались совещания, в которых принимали участие следующие отделы: 1, 2 и 3 – это военное командование, 4 – германское посольство в Париже, 5 – специальный штаб гауляйтера Розенберга.

В результате этих совещаний, учитывая, разумеется, некоторые, очень редкие исключения в отдельных случаях, была получена возможность осуществления единой политики в отношении евреев на оккупированных территориях.

Из этого документа со всей очевидностью явствует, что Ваши сотрудники были согласны с политикой по еврейскому вопросу, проводимой на оккупированной территории, а эта политика заключалась в аресте евреев. Не так ли?

РИББЕНТРОП. Могу ли я сейчас высказаться по этому вопросу? Насколько мне известно, они выполняли те задания, которые получало германское посольство. И, вполне понятно, что они включались в общую политику, чтобы внести общее спокойствие.

Г-н ФОР. Я хочу далее представить Вам французский документ № 1220, это письмо из германского посольства от 27 мая 1942 г., адресованное начальнику полиции безопасности и СД во Франции. Прежде чем задать Вам вопрос, я оглашаю два первых абзаца из этого письма:

"Как следствие моей беседы с хауптштурмфюрером Данекером от 27 июня, в ходе которой последний указал, что ему необходимо в возможно более короткий срок 50 тысяч евреев из неоккупированной зоны для отправки на восток, и что, с другой стороны, нужно было поддержать мероприятие Лаваля де Пейруа, генерального уполномочен-

H1196 – 0149

ного по еврейскому вопросу, я тут же об этом деле сообщил послу Абецу и советнику Рану.

Господин Советник Ран дол ен после полудня встретиться с президентом Лавалем. Он /Ран/ обещал мне, что тут же переговорит с ним об отправке 50 тысяч евреев , а также о предоставлении специальных полномочий Даркье де Пельпуа, в соответствии с уже изданными законами о немедленном предоставлении ему обещанного доверия.

Теперь я хочу задать вам вопрос, надеюсь, что Вы ответите на него весьма кратко.

Был ли Вам известен этот демарш для получения 50 тысяч евреев?

РИББЕНТРОП. Нет я об этом ничего не знал. Обо всем этом я узнал впервые здесь, когда зачитывались документы.

Г-н ФОР. Если Ваши сотрудники Абец, Ран и Шлейер предпринимали подобные шаги, не информируя Вас о них, то не об"ясняется ли это тем, что они считали, что действуют в духе Ваших общих инструкций?

РИББЕНТРОП. Они в Париже действовали весьма самостоятельно. Но я еще раз заявляю: за все то, что они сделали, я беру на себя полную ответственность. Но о всех мероприятиях, направленных против 50 тысяч евреев, я ничего не знаю. Я не знаю, в чем заключались их действия в этом направлении. Я знаю одно : мои генеральные указания заключались в следующем: - не ускорять проведения мероприятий, а, наоборот, замедлять.

Г-н ФОР. Во время допроса Вашего свидетеля Штейнграхта представитель английского Обвинения пред"явил документ № 3319-ПС, который получил английский номер 287. Я обращаюсь к этому документу в связи с таким вопросом:

В этом документе имеется протокол заседания или совещания, на котором присутствовали все лица, связанные с ~~не~~ решением еврейского вопроса, находившиеся в различных дипломатических миссиях в Европе.

7855

H1196 – 0150

Это совещание состоялось 3-4 апреля 1944 г. в Крумухюбеле. Это совещание было созвано Шлейером. Об этом уже говорилось здесь. Я полагаю, Вы знали об этом совещании?

РИББЕНТРОП. Я об этом слышу в первый раз. Что это за конгресс? Я никогда не слышал, что был созван какой-то конгресс.

Г-н ФОР. Этот документ был уже пред"явлен. Это совещание состоялось...

РИББЕНТРОП. Я не знаю об этом конгрессе. Что это за конгресс? В одно время должен был быть созван конгресс, но я просил фюрера не созывать этого конгресса. Вы же говорите о каком-то конгрессе, который , якобы, состоялся. О таком конгрессе я ничего не знаю. Может быть, Вы сообщите мне подробнее об этом конгрессе?

Г-н ФОР. Документ был уже пред"явлен Трибуналу, и я хочу просто Вам задать один вопрос. Вы показали, что Вам не было известно об этом совещании, на котором присутствовал 31 человек, причем почти все они принадлежали к дипломатическому корпусу. Я Вам указываю, что в ходе этого совещания советник посольства фон Тадден сделал заявление, которое было записано в следующей форме:

"Оратор изложил, почему нужно отказаться от решения еврейского вопроса в связи с Палестиной и от других подобных решений и почему следует осуществить депортацию евреев на восточные территории".

Я утверждаю, что это заявление, которое было сделано советником посольства перед 31 человеком, которые находились в Вашем министерстве, полностью освещает Ваше отношение к этому вопросу.

РИББЕНТРОП. Простите, я не понимаю, о чем Вы сейчас говорите. Я прошу Вас пред"явить сначала документ, на который Вы сейчас ссылаетесь. Я еще раз указываю Вам на то, что я ничего не знаю о конгрессе, который, якобы,

7856

H1196 – 0151

состоялся. Я знаю об одном конгрессе, который должен был быть созван, но который не был созван. А о конгрессе, который Вы имеете в виду, конгрессе дипломатов, - я никогда ничего не слышал. Об"ясните, пожалуйста...

Г-н ФОР. Я не намерен показывать Вам этот документ. Я прочитал Вам одну фразу и спрашиваю Вас просто, представляет эта фраза или нет Вашу точку зрения? Ответьте - да или нет?

РИББЕНТРОП. Тогда я попрошу Вас повторить еще раз предложение. Я утверждаю, что такой конгресс не был созван.

/К микрофону подходит защитник Гори/.

ГОРИ. Господин председатель, я возражаю против этого вопроса, поскольку подсудимый не имеет возможности дать нужный ответ, не познакомившись с документом, на который сейчас ссылаются.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что вопрос был поставлен правильно.

Г-н ФОР. Прошу Вас ответить мне, соответствует ли Вашему мнению фраза, которую я только что огласил?

РИББЕНТРОП. Я прошу Вас повторить еще раз эту фразу, так как я ее не совсем понял.

Г-н ФОР. "Оратор изложил, почему нужно отказаться от решения еврейского вопроса в связи с Палестиной, а также от других подобных решений и почему сейчас следует осуществить депортацию евреев на восточные территории". Это была также Ваша доктрина?

РИББЕНТРОП. Нет, это не была моя доктрина.

Г-н ФОР. Было ли доведено до Вашего внимания то, что итальянские власти во Франции оказывали поддержку евреям в связи с преследованиями их немцами?

РИББЕНТРОП. Да, я помню, что там действительно что-то такое было, но точно я сказать не могу сейчас.

4857

H1196 - 0151

H1196 – 0152

Г-н ФОР. Предприняли ли Вы какие-либо шаги, обратившись к итальянскому правительству в связи с этим?

РИББЕНТРОП. Я помню, что я как-то раз говорил или с Муссолини или с графом Чиано о том, что во Франции в последнее время имели место акты саботажа. Тогда же мы затронули еврейский вопрос.

Г-н ФОР. Я прошу, чтобы Вам показали документ Д-734, который я пред"являю в качестве французского документа 1501. Эта нота озаглавлена – "Отчет о беседе между имперским министром иностранных дел и дуче в присутствии фон Макензена, Альфиери и Бастианини 25 февраля 1943г.". Я хочу огласить второй абзац этого документа:

"Кроме того, министр иностранных дел высказался по еврейскому вопросу следующим образом: "Дуче знает, что в отношении обращения с евреями Германия заняла радикальную позицию. Это стало еще более наглядно вследствие размаха , который приняла война с Россией.

Германия вывезла с немецких территорий и с территорий, оккупированных немцами, всех евреев в резервации на Восток. Он – министр иностранных дел – знает, что эти меры рассматриваются как жестокие, и именно так они рассматриваются противником. Тем не менее их необходимо предпринимать для того, чтобы успешно вести войну".

Я оглашу теперь не следующий, а четвертый абзац:

"Франция также предприняла в отношении евреев исключительно полезные меры. Они носят временный характер. Окончательное решение вопроса будет заключаться в депортации евреев на Восток. Он – министр иностранных дел – знает, что в рядах итальянской армии так же, как иногда и среди немецких военных, еврейский вопрос не всегда бывает понят во всей его значимости. Только таким образом следует об"яснить приказ высшего командования, в

соответствии с которым меры, принятые французскими властями, побуждаемыми к этому немцами, в отношении евреев и направленные против них, не должны были проводиться в жизнь в итальянской зоне Франции.

Дуче возразил, что эти сведения не являются достоверными и заявил, что это лишь особая тактика французов, которые стремятся вызвать разногласия между Германией и Италией".

Теперь я хочу Вас спросить следующее. Только что Вы нам сказали, что Вы хотели вывезти всех евреев на Мадагаскар. Что разве Мадагаскар является резервацией на Востоке, о которой говорится в этом документе?

РИББЕНТРОП. Простите, я не понял...

Г-н ФОР. Вы говорите в этом документе о депортации всех евреев в резервации на Востоке. Сейчас же Вы говорили о том, что евреев следовало отправить на Мадагаскар. Разве в документе идет речь о Мадагаскаре?

РИББЕНТРОП. Нет, это был план фюрера. В этом документе речь шла о следующем. В то время во Франции была открыта очень крупная шпионская организация. Меня фюрер послал в Италию и поручил побеседовать с Муссолини по этому вопросу и о возможностях выявливания евреев, которые являлись членами этой организации. Сейчас я хотел бы остановиться на принципиальном вопросе. Я знал план фюрера. Этот план заключался в следующем: выслать евреев из Европы или на Мадагаскар, или в Северную Африку или поселить в резервациях на востоке. Это было известно всем в Германии. Вот об этом и идет речь в документе. В то время имел целый ряд неприятных событий. Фюрер был убежден в том, что в них были виновны еврейские организации на юге Франции. Я помню, как я говорил об этом во всех деталях с Муссолини и просил его предпринять нужные меры против евреев, которые снабжали

7859

H1196 – 0153

H1196 – 0154

постоянно американскую и английскую разведки информациями.

Г-н ФОР. Вы сказали, что все евреи должны быть вывезены в резервации на востоке? Ответьте, пожалуйста,- да или нет?

РИББЕНТРОП. Был ли я согласен с этим?

Г-н ФОР. "Германия вывезла с немецких территорий и оккупированных территорий всех евреев в резервации на Востоке". Это так?

РИББЕНТРОП. Я не знаю, что там имеется еще в этом документе. Всех деталей, содержащихся в этом документе, я не помню, но я знаю, что Гитлер издал приказ вывезти всех евреев в созданные резервации на востоке. Об этом я знал. По выполнение этих мероприятий не входило в круг моих задач и в круг компетенции министерства иностранных дел. Я знал, что фюрер желал проведения этих мероприятий. Как раз тогда я получил приказ от фюрера вести переговоры в этом духе с итальянским правительством и уговорить последнее предпринять нужные меры против французских и евреев. Я также получил поручение разослать телеграммы в другие страны, которые также должны были решить еврейский вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Фор, Вы прочитали свидетелю второй абзац, который начинается со слов: "Министерство иностранных дел занималось еврейским вопросом". Вы это читали свидетелю?

Г-н ФОР. Да, этот абзац был только что мной оглашен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Третий абзац Вы читали, но я не знаю, читали ли Вы второй абзац... Второй Вы также читали?

Г-н ФОР. Да, я его также читал, господин Председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это новый документ?

Г-н ФОР. Да, господин Председатель, это новый документ, который я пред"явил под № 1501. Это документ серии Д, № Д-734. Документ из английской документации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Признал ли подсудимый то, что документ правильно отражает ход переговоров?

РИББЕНТРОП. Я не могу сейчас точно сказать, что я

H1196 – 0155

тогда говорил. Я только знаю, что я говорил относительно евреев, которые были заняты во французской и американской службе информации во Франции. Я также знаю, что мне Гитлер дал поручение в этой связи поговорить с Муссолини по этому вопросу, так как итальянцы препятствовали в то время проведению отдельных мероприятий во Франции. Я передал тогда Муссолини, что фюрер фюрер желает внести полную ясность в решение этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, подсудимый, Вы это уже сказали, но я задам вопрос – согласны ли Вы с тем, что это более или менее правильная запись беседы?

РИББЕНТРОП. Нет, в некоторых пунктах этот отчет неправильный. Я сейчас изложил, как было в действительности.

Г-н ФОР. Вы сказали также, что Вы и Хорти беседовали по еврейскому вопросу?

РИББЕНТРОП. Да, я должен был несколько раз говорить с венгерским правительством по этому вопросу, чтобы оно предприняло какие-либо меры против евреев. Фюрер настаивал на этом. Я часто говорил по этому вопросу с венгерским посланником. В этих беседах мы обсуждали следующее. Я предлагал ему сконцентрировать все еврейское население в одной части Будапешта, мне кажется даже за Будапештом. Второй вопрос, который мы обсуждали, был следующий: я просил его освободить с видных правительственных должностей евреев, поскольку последние использовали свое влияние для заключения сепаратного мира.

Г-н ФОР. Здесь уже был предъявлен документ, касающийся этих переговоров, которые Вы вели с Хорти. Это было 17 апреля 1943 г. Это документ Д-736, который был предъявлен под № ЕВ-283.

Во время допроса Вашего свидетеля Кацца представитель английского обвинения спросил этого свидетеля, признает ли он, что он сам составлял этот протокол. Это было подтверждено Кацца. Здесь имеется следующее указание в конце первого абзаца.

"Министр иностранных дел заявил, что евреи должны быть либо уничтожены, либо направлены в концлагерь. Другого решения

H1196 – 0156

быть не может". Вы действительно это сказали?

РИББЕНТРОП. Нет, в такой форме я этого не сказал. Эти записи были сделаны посланником Шмидтом, несколько дней спустя после беседы Гитлера с Хорти. У меня действительно тогда было поручение поговорить с венгерским правительством относительно разрешения еврейского вопроса. Во время посещения Хорти фюрера Гитлер начал беседу на эту тему, причем в очень откровенных тонах. После этой беседы я разговаривал с посланником Шмидтом и сказал ему, что я не совсем понял фюрера. Таким образом, я не делал тогда высказываний в такой форме. Очевидно, господин Хорти сказал, что он не может не убить всех евреев. Возможно, что после этого я попытался воздействовать на Хорти в том направлении, чтобы он что-нибудь сделал с будапештскими евреями, чтобы он сконцентрировал ,наконец, евреев в одной части Будапешта , о чем фюрер так давно мечтал. Может быть, в этот момент и я сказал свои возражения, сделал какое-нибудь замечание. Но тут же я должен добавить, что у нас в министерстве иностранных дел неоднократно говорилось и установилась такая точка зрения, что еврейским вопросом в Венгрии мог бы заняться сам Гиммлер, потому что, если мы станем разбирать эти вопросы, может возникнуть ряд политических затруднений. Поэтому в ответ на желание фюрера, который был очень радикален в этом вопросе, я пытался всегда действовать в духе регулирования всех возникающих трудностей и пытался воздействовать на венгров, чтобы они сами занялись разрешением этого вопроса. Приведенное Вами замечание совершенно не соответствует моей установки в этом вопросе. Я никогда не собирался и никогда не защищал той точки зрения, что евреев следует убивать.

Г-н ФОР. Я не понял, ответили ли Вы или нет на мой вопрос и я задаю Вам его снова, правилен ли приводимый протокол или нет?

РИББЕНТРОП. Нет, он не может быть правилен. Я сам лично никогда не видел этих записей , и если бы я видел эти записи, я мог бы сказать, какие неточности там имеются. Я эту запись

увидел впервые только здесь, в Нюрнберге. Я сказал, очевидно, такую фразу: "Нельзя же убивать или уничтожать евреев. Сделайте тогда что-нибудь, чтобы фюрер был доволен. Сконцентрируйте евреев". Мы не хотели обострять положение и не хотели, чтобы другие инстанции занялись этим вопросом, так как для министерства иностранных дел создались бы вследствие этого новые затруднения.

Г-н ФОР. Вы знали уже в то время, что многие евреи были депортированы. Это совершенно ясно следует из Вашего об"яснения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту. Вы переходите к другому документу, господин Фор?

Г-н ФОР. Я продолжаю говорить об этом документе, но касаюсь его в более общем плане.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сказали, что Вы переходите к другому документу?

Г-н ФОР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый! Трибунал хотел бы знать, сказали ли Вы регенту Хорти о том, что евреи должны направляться в концентрационные лагери?

РИББЕНТРОП. Я считаю это вероятным. В то время должен был быть создан концентрационный лагерь для евреев около Будапешта, где все евреи должны были быть сконцентрированы. В то время мне тоже было поручено добиться от венгерского правительства отстранения евреев от видных должностей. Таким образом, разрешение этого вопроса должно было итти по двумя направлениям: размещение евреев в концлагере около Будапешта и удаление от руководящих должностей. Только вот эти два пункта...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Насколько я Вас понял, Вы сказали, что этот документ не точен.

РИББЕНТРОП. Я хотел сказать, что этот документ не точный. Я хотел бы так сказать, господин Председатель. Если прочесть этот документ, то создается такое впечатление, будто

7863

H1196 – 0157

H1196 – 0158

бы я был за убийство евреев. Это же не соответствует действительности. Этот документ следует понимать так: я желал, чтобы в Венгрии что-нибудь предпринималось для решения еврейского вопроса и чтобы другие инстанции не вмешались бы в эти вопросы. Фюрер очень часто говорил мне, что еврейский вопрос в Венгрии должен быть обязательно разрешен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что Вы уже говорили нам об этом... Но я хочу спросить у Вас, что же, по Вашему, Шмидт, составлявший этот меморандум, сам сочинил последние фразы, начиная со слов: "Если евреи, находившиеся там, не хотели работать, то их расстреливали, а если они не могли работать, то они должны были умирать сами, то они должны были погибнуть, с ними нужно было расправляться, как с туберкулезными бациллами, которые могут заразить здоровое тело. Это не жестокость, если вспомнить, что невинных животных, как, например, кроликов и оленей, убивают с тем, чтобы они не могли приносить вреда другим. Почему же мы должны щадить евреев, которые хотели принести большевизм ? Народы, которые не избавились от евреев, разложились сами. Примером такого вырождения являются пацаны когда-то горных персов, которые теперь влачат жалкое существование под названием армяне".

Вы хотите сказать, что Шмидт все это выдумал или это ему показалось ?

РИББЕНТРОП. Господин председатель, я позволю себе сказать, что я тоже был очень опечален этими словами фюрера. Я также не совсем понял его. Но мне кажется, что это следует понимать таким образом: фюрер верил в то,

что виновниками этой войны были евреи и что поэтому у него со временем появилась фанатическая ненависть к евреям. После этой беседы я говорил с переводчиком и этими двумя господами и сказал им, что фюрер здесь впервые употребил такие слова и выражения, когда говорил о еврейском вопросе, которых я сам не мог понять. Конечно, Шмидт не выдумал и не изобрел этих слов, очевидно, фюрер говорил в таком духе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, пожалуйста, вопросы, господин Фор.

Г-н ФОР. Из этого документа явствует, что Вы предполагали о существовании концлагерей в Венгрии. Однако, Вы вчера сказали, что Вы не знали о том, что они имеются в самой Германии, не так ли ?

РИББЕНТРОП. Я не знал о существовании концлагерей в Венгрии. Я сказал о том, что фюрер поручил вести мне переговоры с венгерским правительством и Хорти относительно концентрации евреев в определенных частях города Будапешта. Относительно того, что я знал о концентрационных лагерях в Германии, я уже вчера говорил.

Г-н ФОР. Вы признали, что вам была известна политика Гитлера, заключавшаяся в депортации всех евреев, и Вы признали также, что Вы, будучи министром иностранных дел, содействовали проведению этой политики. Это вещь правильно ?

РИББЕНТРОП. Я, верно, следовал, как и всегда, приказам фюрера, и в этой области, но я всегда пытался смягчить решение вопроса, то могут показать мои свидетели. Еще в 1943 году я составил меморандум, который был предъявлен Гитлеру. В меморандуме я просил фюрера изменить еврейскую политику. В доказательство этого положения я мог бы здесь привести и ряд других примеров.

Г-н ФОР. Если я правильно понял Ваши свидетельские по-

7865

H1196 – 0159

H1196 - 0160

казания, морально Вы были против преследования евреев, но Вы содействовали осуществлению такого преследования ? Это верно ?

РИББЕНТРОП. Я уже в начале своих показаний заявил, что я не был антисемитом в том смысле, в каком здесь говорится, но я был всегда верен Гитлеру.

Г-н ФОР. Помимо еврейского вопроса, Вы также занимались арестами французов, не так ли ?

РИББЕНТРОП. Вы говорите о французах ?

Г-н ФОР. Да. Отдавали ли Вы приказы об арестах французов ?

РИББЕНТРОП. Очень возможно, что это было именно так.

Г-н ФОР. Можете ли Вы дать дополнительные об"яснения?

РИББЕНТРОП. Нет. Я сейчас не могу припомнить никаких деталей, но я помню, что производились аресты французов. В какой степени это исходило от нас, я не знаю. В 1944 году, незадолго до вторжения, фюрер издал приказ арестовать большое число авторитетных лиц, участников движения сопротивления. Он знал, что мы также приняли участие в этих арестах. Но сейчас более подробных деталей я не помню об этих событиях. Я помню, что были арестованы те элементы, которые были участниками движения сопротивления и которые могли бы нанести удар по тылу немецкой армии в случае вторжения. Но отдельных деталей я не могу привести.

Г-н ФОР. Я хочу, чтобы Вам показали сейчас документ, который будет пред"явлен под номером 1506. Это письменные показания доктора Кнохена /пред"является документ Риббентропу/. Я оглашу Вам несколько выдержек из этого документа:

"В конце 1943 г.,- должно быть в декабре,- в министерстве иностранных дел состоялось совещание по вопросу о том, какие мероприятия должны быть проведены во Франции. Так как я находился в Берлине, мне предложили участ-

7866

вовать в этом совещании. На совещании присутствовали: министр иностранных дел фон Риббентроп, государственный секретарь Штейнграхт, посол Абец, другой сотрудник министерства иностранных дел, фамилию которого я забыл, начальник зипо и СД,- повидимому Кальтенбруннер,- представитель военного командования полковник Кессман, если я правильно помню. Министр сообщил следующее:

"Фюрер указывает, что отныне Франции следует уделять более внимания; надо, чтобы силы противника не увеличивались, поэтому все германские службы должны выполнить свои задачи более эффективно!"

Я обращусь к следующему параграфу.

Далее читаем:

"Он видит в случае вторжения, что возрастает угроза со стороны французских кругов, которые не хотят сотрудничать с немцами и ведут нелегальную борьбу с Германией. Эти круги могут представлять серьезную опасность для войск, такие опасные элементы должны быть обнаружены в сфере экономики, в научной сфере, в политической и в военной сфере, а также во всех общественных кругах, с которыми они могут поддерживать связь. Они воображают, что следует поразить оценим ударом и неожиданно. Если надо привести цифры, то можно было бы арестовать 2 тысячи человек или более. В момент, когда речь идет о защите Европы от врага, нет оснований пугаться проведения таких превентивных мер даже во Франции".

На вопрос,- как надо действовать на практике, министр заявил, что посол Абец возьмет на себя лично эту задачу немедленно и соответственно со всеми теми требованиями, которые встают в связи с обстановкой".

На этом я прекращаю оглашение документа. Признаете ли Вы, что он соответствует действительности ?

РИББЕНТРОП. Да, я совершенно точно помню об этом документе. Это был приказ фюрера, в котором говорилось о том, что необходимо принять меры для устранения всех

7867

H1196 - 0161

H1196-0162

опасных элементов, которые могли бы оказывать сопротивление в тылу германской армии. Мне кажется, что это само собой разумеющаяся вещь, что любое правительство на нашем месте также бы произвело эти аресты. В данном случае проявлялась забота о благе своего народа, не больше. После получения этого приказа было созвано это совещание. Фюрер хотел, чтобы были произведены аресты большого числа лиц. На самом деле было арестовано относительно небольшое количество людей. Мы имели относительно мало общего с этими арестами. Они производились затем полицией. Совершенно правильно, что в то время имели место аресты лиц, которые могли быть опасными для германских войск.

ФОР. У меня нет больше вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда об"является перерыв.

/Об"является перерыв на 10 минут/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имеются два вопроса, на которых я хотел бы остановиться. Первый относится к обвинению и второй относится к защите. Желательно, чтобы обвинение представляло документы переводчикам, когда обвинение намеревается использовать документы при допросе или при перекрестном допросе. Документы не обязательно должны быть на языке, на который переводит переводчик, но какие-то документы на каком-то языке должны представляться в распоряжение переводчиков, чтобы оказать им содействие при переводе.

Второе - мне сообщили, что защитники не передают своих документов в отдел переводов в две недели до

предъявления этих документов, как это было установлено Трибуналом. Трибунал постановил, чтобы документы представлялись либо в секретариат Трибунала, либо в Отдел переводов за два недели вперед, если возможно. Эти слова "если возможно" поняты неправильно и иногда документы поступают буквально за два дня до начала допроса обвиняемого, а это приводит к затягиванию дела.

ДОДД. Господа судьи, во время перекрестного допроса этого подсудимого французское обвинение сделало ссылку на документ 3766-ПС. Насколько я понял, доктор Хорн заявил, что этот документ не является захваченным документом. Я не совсем уверен, что он это сказал, именно это, когда он подошел к микрофону, чтобы в стенограмме это было правильно зафиксировано. Я хочу сообщить Трибуналу, что этот документ является захваченным документом и я не знаю, на каком основании делает доктор Горн такое заявление.

/К микрофону подходит доктор Хорн/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн?

ХОРН. Господин председатель, я говорил о том, что, поскольку я не имел возможности предварительно ознакомиться с этим документом, я впоследствии посмотрел на него и увидел, что наверху написано: документ США-366. К сожалению, у меня не было времени проверить, откуда этот документ, и я попросил, чтобы французский обвинитель установил это. Я не оспариваю, что это захваченный документ, но я не мог установить этого факта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто-либо еще из главных обвинителей желает подвергнуть подсудимого перекрестному допросу?

7869

H1196-0163

H1196-0164

/К микрофону подходит полковник Эймен/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал надеется,что вы не будете производить допроса по тем вопросам,по которым он уже производился.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Конечно, нет.../к подсудимому/: Хорошо ли вы говорите по-английски?

РИББЕНТРОП: Нет, но раньше я говорил почти так же хорошо,как по-немецки. С течением времени я уже забыл этот язык.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Знаете ли вы,что на английском языке означает выражение "человек,который говорит всегда да?/т.е. во всем поддакивает/.

РИББЕНТРОП: "Человек,который говорит „да", это такой человек,который утверждает вещи,во всяком случае для меня очень трудно определить, что значит это выражение по-английски. В немецком языке это,во всяком случае, означает, что это такой человек,который в высшей степени послушен и предан, человек,который поддакивает.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: И вы действительно были тем человеком, который всегда "поддакивал" Гитлеру?

РИББЕНТРОП: Я всегда был верен Гитлеру.Я проводил в жизнь его приказы, но часто имел другую точку зрения, чем он, имел довольно серьезные разногласия с ним и даже подавал в отставку. Но когда Гитлер приказывал, я всегда выполнял его приказы, в соответствии с принципом фюрерства нашего государства.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я неоднократно подвергал вас допросу до этого процесса. Не так ли?

РИББЕНТРОП: Мне кажется,это имело место один или два раза.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я хочу огласить некоторые вопросы и ваши ответы на них при допросе. Я хочу,чтобы вы сообщили

Трибуналу, давали ли вы ответы в такой форме, как я сейчас оглашу их вам. Вы можете ответить - да или нет. Понимаете вы меня?

РИББЕНТРОП: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Зачитываю. "Я был предан фюреру до последнего дня. Я не изменял ему никогда. До последнего дня и последнего часа я был лоялен. Но я не всегда был согласен с ним. Иногда, наоборот, я высказывал совершенно противоположные взгляды. Но в 1941 г. я обещал быть верным ему. Я дал ему свое честное слово, что я не вовлеку его ни в какие затруднения. Правильно ли это?

РИББЕНТРОП: Это правильно, насколько я помню, это было так. Я, правда, не видел этот документ и ничего не подписывал, но, насколько я помню, я так говорил.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Что вы имели в виду, когда говорили, что вы никогда не вовлечете его ни в какие затруднения?

РИББЕНТРОП: Я видел в Адольфе Гитлере символ Германии и единственного человека, который может выиграть эту войну для Германии, и поэтому я не хотел создавать ему никаких затруднений и был ему предан до последнего часа, оставаясь всегда с ним.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Не правильнее ли будет сказать, что вы никогда не предадите его и в 1941 г. вы обещали ему это, не правда ли?

РИББЕНТРОП: Да, я сказал, что я не буду создавать для него никаких затруднений и я сказал ему тогда, что я никогда не буду заставлять его переживать какие-либо трудности.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: И в 1941 г. вы сказали ему, что, какие бы ни были разногласия между вами, вы не оставите его и будете следовать его указаниям. Говорите - да или нет.

РИББЕНТРОП: /молчание/.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да или нет.

7871

H1196-0165

H1196 – 0166

РИББЕНТРОП: Нет,не совсем так.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Но приблизительно так,правильно?

РИББЕНТРОП: Нет, я не мог этого так сказать. Я подразумевал,что я об'яснил это затем,сказав,что я не буду создавать никаких осложнений для него,если действительно возникнут какие-либо серьезные разногласия, и что я буду придерживаться его точки врения. Это то,что я ему сказал.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы дали ему свое честное слово в этом, не так ли?

РИББЕНТРОП: Да, это правильно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: И в то же время стали говорить об отставке?

РИББЕНТРОП: Да, мне кажется, это было так.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: И тогда это заставило фюрера выйти из себя и даже заболеть?

РИББЕНТРОП: Заболел - это неправильное выражение,но, во всяком случае, он был очень возбужден.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Он сказал тогда,что это вредит его здоровью и чтобы вы перестали дискуссировать с ним по поводу всех этих вопросов и выполнять все,что он говорил?

РИББЕНТРОП: Я не хотел бы останавливаться на интимных причинах подобной беседы и я не думаю,чтобы это была такая тема, которая может быть интересна суду,то-есть мои личные взаимоотношения с Гитлером.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН:Я сейчас заинтересован только в том, чтобы установить,что вы поклялись Гитлеру в том,что вы никогда не будете выражать или отстаивать мнения,противоположные тем,которых он придерживался. Так ли это?

РИББЕНТРОП: Нет, это абсолютно неправильно и совершенно неверное толкование. Я сказал фюреру, что я никогда не буду делать ему никаких трудностей, и после 1941 г. я имел еще целый ряд разногласий по отношению к нему и всег-

па открыто говорил о своей точке зрения.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо,Риббентроп, какие бы у вас не были противоречия после 1941 г.,вы не имели возможности разрешить их? Да или нет?

РИББЕНТРОП: Я не понял вопроса,повторите вопрос.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я говорю независимо от того,как велики были эти противоречия и ваши разногласия с фюрером по данным вопросам после 1941 г., Вы никогда не проводили каких-либо мероприятий вопреки фюреру? Правильно? Вы всегда с готовностью выполняли то,что говорил фюрер и то,что он желал,несмотря на ваши собственные взгляды?

РИББЕНТРОП: Вы поставили два вопроса. Я отвечаю на первый вопрос. Неправильно то,что Гитлер принимал когда-либо мои предложения.На вопрос номер два следует ответить,что в случае,если Адольф Гитлер высказывал какую-либо точку зрения по отношению ко мне,то я,конечно,должен был проводить это в жизнь,как это у нас было принято.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Говоря иными словами,в конечном счете, Вы всегда отвечали - "да". Правильно ли это?

РИББЕНТРОП: Я всегда проводил его приказы.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Теперь я хочу огласить кое-что еще из ваших показаний. Вы,ссылаясь на Гитлера,говорили: "Он рассматривал меня,как самого своего близкого сотрудника и он имел со мной весьма серьезную беседу, когда я хотел уйти в отставку.Я обещал ему и сдерживал свое обещание до последнего момента. Уверяю вас,иногда мне было очень трудно сдерживать это обещание и сейчас я сожалею,что я тогда дал его. Может быть было бы лучше если бы я его не давал,потому что это обещание ставило меня в такое положение,что я не мог с того времени говорить с Гитлером,в самые решительные моменты войны так,как я бы хотел говорить с ним и как,может быть,я бы мог с ним говорить до этого разговора в 1941 году.,,

7873

H1196-0167

H1196 – 0168

жен об'яснить вам все это. Если вам неизвестны все стороны вопроса,то у вас может сложиться впечатление,что я,будучи министром иностранных дел в течение этих последних лет,мог бы сказать несколько больше. И,пожалуй,действительно можно предоставить более подробную информацию по этому поводу.Но я хочу остаться до конца верным этому человеку даже после его смерти,по крайней мере,верным настолько,насколько это возможно. Однако,я оставляю за собой право показать потомкам то, что я сдержал свое обещание,и пролить свет на ту роль,которую я играл в этой драме."

Делали вы или нет мне такое заявление под присягой? Да или нет? Ответьте,пожалуйста.

РИББЕНТРОП: Это опять два вопроса.На первый вопрос я хочу ответить так - по отношению к вам я не знал.Второй вопрос относительно присяги. Я могу сказать, что я один или два раза давал присягу. Это все заявление, очевидно, неправильно было переведено,так как текст его не вполне соответствует тому, что я сказал. Относительно того,что я был предан Гитлеру,что я иногда имел разногласия с ним и не всегда разделял его точку зрения - это правильно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я задал вам всего один вопрос; отвечайте - да или нет. Давали ли вы или нет эти показания в тех выражениях,в каких я огласил?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что он ответил на этот вопрос.Он сказал, что это не буквально то,что он говорил.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Благодарю,ваша честь,но это буквально то,что он говорил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну,это зависит от личного мнения.Он говорит,что это не буквально то,что он сказал.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Благодарю вас,ваша честь... Во всяком случае,вы видите,что вы в сущности заявили именно то,что я прочел вам?

РИББЕНТРОП: Да, так как я уже сказал, правильно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Однако, в действительности, вы дали именно эти показания на английском языке, не так ли?

РИББЕНТРОП: Это правильно, но я не знаю, насколько точны эти показания на английском языке. Я говорю, что эти показания более или менее понятны мне, как они написаны.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Когда вы давали ваши показания на английском языке, то ведь это было по вашей просьбе, не так ли?

РИББЕНТРОП: Нет, это неправильно, что это было мое личное пожелание.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: По чьей же просьбе?

РИББЕНТРОП: Я, главным образом, говорил по-английски, несколько раз по-немецки, но, кажется, в большинстве случаев по-английски.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я хочу еще огласить некоторые места из ваших показаний, и спросить вас то же само, на что, я надеюсь, вы дадите ответ да или нет. Давали ли вы следующие показания во время вашего допроса?

"Вопрос: Чувствуете ли вы, что на вас лежит обязанность перед немецким народом в историческом отношении сообщать не только о хороших, но и о плохих моментах для пополнения знаний его в будущем?

Ответ: Это трудный вопрос.

Вопрос: Разве это может поколебать ваши верноподданнические чувства по отношению к фюреру.

Ответ: Я не хочу показаться перед германским народом нелойяльным в отношении фюрера. Вы дали такие показания?

РИББЕНТРОП: Это возможно, я не помню, как следует, так как в течение многих месяцев многое говорилось.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Теперь подумайте, может быть вы припомните, что вы показали следующее: "Я всегда открыто высказы-

7875

H1196 – 0169

H1196 – 0170

вал фюреру мое мнение,если фюрер хотел его выслушивать,но я всегда держался в стороне до вынесения решений.Когда же он принимал какое-либо окончательное решение,то я всегда слепо выполнял его приказы и действовал согласно его решений. Однако,по некоторым очень важным политическим вопросам внешней политики,я пытался высказать свое мнение очень настойчиво. Так было по вопросам Польши,России, так как я это считал очень важным и необходимым.Но после 1941 г. мне было очень трудно отстаивать свое мнение перед фюрером".

Помните ли вы это показание?

РИББЕНТРОП: Это,примерно,правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Трибунал уже заслушал очень длинный перекрестный допрос,которому подвергся подсудимый. То,что вы сейчас спрашиваете,ничего не добавляет к тому,что уже спрошено. Подсудимый уже дал такое показание.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Ваша честь,я перехожу к другому комплексу вопросов. /К подсудимому/: Согласно ваших показаний существовало резкое разграничение между областями политической и военной. Правильно ли это или нет?

РИББЕНТРОП: Я не понял вопроса.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы дали показание,что существовало всегда резкое разграничение между политической областью и областью военной?

РИББЕНТРОП: Да,правильно. Фюрер всегда очень резко разграничивал эти области.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: И информация,относящаяся к военным кругам всегда использовалась только для военных кругов и никогда не представлялась,например,в ваше министерство.Так ли это?

РИББЕНТРОП: Я очень мало знал о военных планах и вообще о военных моментах,это правильно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: И наоборот,верно ли то,что информация, которую вы получали,никогда не представлялась в распоряжение военных кругов?

РИББЕНТРОП: Об этом я не могу судить,но я предполагаю, что это было не так, поскольку я не знаю,каким образом поступала информация от фюрера.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы сказали,что фюрер всегда стремился к тому,чтобы военные и политические области были резко разграничены,не так ли?

РИББЕНТРОП: Да,они всегда разграничивались,я уже говорил об этом. По этой причине я узнал о ряде документов военного порядка здесь,на процессе. Это находилось также в связи с приказом фюрера в отношении секретности,в котором говорилось,что одна инстанция должна знать только то,что ей положено знать. Не больше того.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Ну,а в действительности это была неправда, Риббентроп?

РИББЕНТРОП: Я уже дал вам ответ на этот вопрос.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: В действительности,вы имели тайных агентов,которые работали в иностранных государствах,не как только на ваше министерство,но также на армию и флот.Это правильно?

РИББЕНТРОП: Нет,это неправильно.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы вполне уверены,что это неправильно?

РИББЕНТРОП: Я вполне уверен.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: И сейчас под присягой будете говорить, что это не так?

РИББЕНТРОП: О каких агентах вы говорите?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я говорю об агентах,которые добывали информацию для вашего министерства, для армии и для флота одновременно.

7877

H1196-0171

H1196 – 0172

РИББЕНТРОП: Я считаю,что это невероятно.Может быть работал такой агент, как исключение. Но во всяком случае это не было правилом. Служба информации различных инстанций империи работала совершенно раздельно,не имея никакого отношения к нашей службе информации.Можно,конечно,себе представить,что какой-либо человек работал для нескольких учреждений.Например, в посольстве тот или иной человек действительно помогал консулу и поставлял соответствующую информацию.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Таким образом,вы хотите изменить ответ, который вы дали минуту назад.Так?

РИББЕНТРОП: Я не изменял ответа. Я говорю,что с точки зрения организационной дело обстояло так,что мы никогда не имели тайных агентов,которые работали для различных инстанций. Можно себе представить,что та инстанция,которая занималась таким вопросом, - это не так уже важно, - такая инстанция привлекала агентов,которые работали и для других инстанций. Это, конечно,было.

Я хочу еще сказать следующее. Я говорил с Гиммлером в отношении службы информации заграницей, и мы имели очень большие разногласия по этому вопросу.Деятельность Кальтенбруннера сводилась к тому, чтобы он добился такого положения, при котором информация поступала для него и с нашей стороны. Все это практически не могло осуществиться, так как это было слишком поздно. Это было в 1944 году.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Взгляните на документ 3817-ПС. Только прежде скажите,что был Альбрехт Гаусгофер?

РИББЕНТРОП: Альбрехт Гаусгофер - мой бывший сотрудник. Это был человек,который занимался вопросами народностей и т.д. Разрешите мне сначала прочесть это письмо? Скажите это письмо Гаусгофера,не подписанное письмо?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да,это так.

/Риббентроп читает документ/.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы кончили читать?

РИББЕНТРОП: Нет, я еще не прочитал. Скажите, я должен прочитать все письма или только первое письмо?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Через минуту мы перейдем к остальным письмам. Я хотел бы как можно меньше останавливаться на таких письмах. Я хочу, чтобы вы освежили вашу память по поводу пребывания Гаусгофера на востоке, где он собирал информацию по разным вопросам и еще в 1937 году и направлял вам свои доклады.

РИББЕНТРОП: Я не помню сейчас того, что Гаусгофер был в Токио. Но это, конечно, могло быть.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Письмо адресовано вам и к нему приложен один из таких докладов.

РИББЕНТРОП: Тут, очевидно, какое-то недоразумение. Это чужое письмо. Вы говорите, что Гаусгофер написал это письмо и что, возможно, он был в Токио? Я сейчас не помню деталей. Туда я посылал некоего графа Биргоха, но, возможно, был в Токио и Гаусгофер.

ХОРН: Господин председатель, я хочу сказать, что это письмо не имеет подписи и не датировано. По словам полковника Эймена, оно было написано в 1937 году. Я хочу заявить, что Риббентроп тогда еще не был министром иностранных дел, он стал министром в 1938 году в апреле.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: На этом письме имеется дата 3 октября. Документ этот был захвачен вместе с документами Гаусгофера, Альбрехта Гаусгофера.

РИББЕНТРОП: Я вполне признаю, что этот документ может быть письмом Гаусгофера, но я признаю, что я не помню, каким образом обстояло дело. Он был сотрудником, который работал в самые ранние годы вместе с нами. В последние годы я потерял его из виду, так как он занимался совершенно почтими во-

7879

H1196-0173

H1196 -0174

просами - вопросами фолькштурма.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Перейдем к следующему документу от 15 апреля 1937 года, в котором содержится просьба о необходимых денежных средствах для определенной поездки. Вы видите?

РИББЕНТРОП: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Перейдем к следующему документу. Это письмо адресовано заместителю фюрера Рудольфу Гессу, в котором говорится: "Я использую этого дипкурьера, чтобы послать Вам лично краткий отчет, который также одновременно направляется Риббентропу". Здесь в краткой форме содержится суммарный отчет о том, что я мог видеть, наблюдать и слышать в течение четырех недель". Вы видите это?

РИББЕНТРОП: Да, я вижу это письмо.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Затем перейдем к следующему письму от 1 сентября 1937 года, адресованному вам лично.

РИББЕНТРОП: Да.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: К нему приложен отчет за первые четыре недели.

РИББЕНТРОП: Да, я нашел его.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Теперь перелистайте отчет и вы увидите письмо от 17/XII-1937 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эймен, Трибунал считает, что вы ушли очень далеко от тех вопросов, которые Трибунал должен рассматривать.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо, сэр. Мне кажется, что это письмо ясно показывает, что копии такого же отчета, который находится здесь, были им одновременно направлены армии, военно-морскому флоту, т.е. Редеру - а также и Риббентропу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, это правда. Свидетель сначала сказал, что общих агентов у них не было, но в конце концов подтвердил, что иногда у них бывали общие агенты.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Это верно, сэр. Если вы

считаете,что он уже признал этот факт,то я перейду к представлению документа за № 790-США.

РИББЕНТРОП: Я хочу сказать,что здесь речь идет совершенно не об агенте. Это - совершенно легальный сотрудник, который был вообще заинтересован в политических вопросах и,если он действительно был тогда в Токио,я в этом не сомневаюсь и я ему сказал, что он должен там поговорить с рядом людей и сделать мне оттуда сообщение.И он по каким-либо еще причинам с своей стороны посылал эти письма также и другим людям. Во всяком случае, это ни в коем случае не был агент, который работал на различные инстанции,и я думаю, что его вообще никто не знал. Единственный человек, который его знал - это был Рудольф Гесс. Я думаю,что вы себе создали не совсем правильное представление о том,кто был этот человек.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: По-моему,вы сказали Трибуналу,что вы близко не соприкасались с Гиммлером? Правильно я вас понял?

РИББЕНТРОП: Я всегда говорил: я был в довольно хороших отношениях в первые годы с Гиммлером,в последние годы,к сожалению,это не было так. С внешней стороны это было мало заметно,но об этом здесь уже многое говорилось и поэтому мне не хочется детально останавливаться на этом вопросе.У нас с ним были большие разногласия.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Меня не интересует характер ваших разногласий. В течение каких лет вы сотрудничали с ним?

РИББЕНТРОП: Я не понял ваш вопрос.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: В какие годы вы близко соприкасались с ним?

РИББЕНТРОП: Первые разногласия между Гиммлером и мной возникли в 1941 году из-за Румынии, так как тогда возникли трудности в Румынии. Но эти разногласия смягчались и с

7881

H1196 – 0175

H1196 -0176

внешней стороны мы не хотели показать,что это так, и продолжали сотрудничать. Во всяком случае, наши взаимоотношения были уже далеко не теми, какими они были вначале. Я всегда положительно относился к мыслям Гиммлера в отношении создания слоя фюреров .

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Вы,по крайней мере, 50 раз встречались с Гиммлером частным порядком в течение 1940-1941 гг.?

РИББЕНТРОП: Сколько,сколько?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: 50.

РИББЕНТРОП: 50, ну,это уж, наверное,неправильно.Может быть, 5 раз или что-нибудь вроде этого.Во всяком случае, с 1941 года наши взаимоотношения сильно обострились и,мне кажется,другие уже говорили по этому поводу.Мне не следует больше говорить.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо... Я не хочу больше занимать времени,кроме...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите о частных встречах Риббентропа или о чем-нибудь другом?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разве этим вопросом Трибунал должен заниматься?

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Я полагаю,что всякий человек,который так много раз встречался с Гиммлером,конечно,обсуждал вопросы о концентрационных лагерях и другие вопросы,которыми занимался Гиммлер. Но, подсудимый сказал Трибуналу,что он никогда не слышал о концлагерях.

РИББЕНТРОП: Я еще раз повторяю, что мы никогда совсем не говорили на эту тему.Я не говорю,что мы слишком часто с ним встречались, но это,во всяком случае,могло иметь место. Но никогда здесь не может итти речи о каких-то 50-ти встре-

чах,а можно говорить, может быть, о 5 - I0-ти. Но это никакой роли не играет. Мы должны были сотрудничать в целом ряде областей. Но,во всяком случае, я должен сказать,что это было довольно трудное сотрудничество.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: У вас было также довольно много деловых встреч с ним. Не так ли? Взгляните на этот перечень встреч с Гиммлером и скажите соответствует ли это вашему...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полковник Эймен, Трибунал не желает больше заниматься этим вопросом.

ПОЛКОВНИК ЭЙМЕН: Хорошо,ваша честь. Но на этот раз речь шла о деловых встречах, а не частных...

У меня больше нет вопросов.

/К микрофону подходит генерал Руденко/.

РУДЕНКО: Подсудимый Риббентроп, в течение последних заседаний Трибунала вы в пространной форме изложили основы внешней политики Германии. Я задам вам несколько итоговых вопросов и прошу вас дать на эти вопросы лаконичные ответы в форме "да" или "нет".

Считаете ли вы аншлюс германской агрессией? Я прошу ответить.

РИББЕНТРОП: Вы подразумеваете Австрию?

РУДЕНКО: Да.

РИББЕНТРОП: Нет... /перевод/

РУДЕНКО: Считаете ли вы...

РИББЕНТРОП: Позвольте, но после ответа "да" я разве не могу сказать в дополнение...?

РУДЕНКО: Я прошу вас - отвечайте на мои вопросы.Вы слишком пространно отвечали. Я хотел бы суммировать лаконично - именно да или нет?

РИББЕНТРОП: Я прошу... Это зависит от состояния моего

7883

H1196 - 0177

H1196 – 0178

здоровья, что я так говорю. Прошу это учитывать. Я не рассматривал аншлюсс, как агрессию. Я отвечал "нет". Я рассматривал аншлюсс, как использование желания обоих народов, которые всегда? тогда хотели об'единиться, и это было также стремлением правительства, которое существовало до правительства Адольфа Гитлера.

7884

РУДЕНКО. Я еще раз Вас прошу: отвечайте мне да или нет. Вы считали, что аншлюс Австрии не является германской агрессией ? Считаете ли Вы ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, он Вам дал категорический ответ, он сказал, что это не агрессия.

РУДЕНКО. Да, я Вас понимаю, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы уже решили, что нельзя ограничивать свидетеля только тем, чтобы он отвечал "да" или "нет". Он сначала может говорить да или нет, но потом, если желает, может дать короткое пояснение. Но, что касается этого вопроса, он уже дал категорический ответ.

РУДЕНКО. Второе. Считаете ли Вы захват Чехословакии германской агрессией ?

РИББЕНТРОП. Нет. Это не было агрессией в духе того, как Вы говорите. Аншлюс вполне соответствовал праву, как самоопределение народов, которое контролировалось договором Вильсона... также функционировал пакт, заключенный в Мюнхене соответствующими державами.

РУДЕНКО. Вы, очевидно, не поняли мой вопрос. Захват Чехословакии считали ли Вы германской агрессией ? Чехословакии, всей Чехословакии ?

РИББЕНТРОП. Нет, это не является агрессией Германии. Я рассматриваю это, как мне об этом говорил фюрер, и я считаю, что это правильно, что это необходимость, которая проистекала из географического положения Германии. Это положение означало, что остаток Чехословакии, который еще существовал тогда, являлся опорным пунктом против Германии и поэтому фюрер считал, что эти области - Богемия и Моравия - должны быть оккупированы для того, чтобы обеспечить безопасность Германской империи также со стороны воздушных налетов, так как Берлин от периферии этих областей отделяли несколько часов полета. Фюрер говорил тогда о том, что если, например, США, будучи ко-

7885

H1196 - 0179

H1196 – 0180

лоссальной территорией, а также Россия, будучи колоссальной территорией, и Англия, которая хотела бы захватить все территории мира, то со стороны Германии является вполне справедливым рассматривать эти небольшие территории, как территории, необходимые для мира.

РУДЕНКО. Считаете ли Вы нападение на Польшу германской агрессией ?

РИББЕНТРОП. Нет, я должен снова ответить нет, я считаю, что нападение на Польшу было вызвано позицией других держав и это нападение неизбежно, благодаря этой позиции других держав. Было бы возможно добиться мирного решения, это пожелание Германии, и я думаю, что фюрер также пошел бы по этому пути, если бы другие державы пошли по этому же пути. Но положение вещей было таковым, что атмосфера накалялась таким образом, что Германия больше не могла принимать такого положения и, будучи большой державой, больше не могла принимать польской провокации и поэтому возникла война. Я убежден более того, что это не было желанием фюрера завоевать Польшу.

РУДЕНКО. Считаете ли Вы нападение на Данию германской агрессией ?

РИББЕНТРОП. Нет. Нападение на Данию, как это здесь определяется, означает всего лишь вмешательство в дела Дании и это, после того, что говорил фюрер в отношении этой меры, означает всего лишь превентивную меру по отношению к той высадке английских войск, которая готовилась в то время. И действительно, через несколько дней имелись уже бои между английскими и германскими войска-

7886

ми в Норвегии, то-есть это говорит о том,что английские силы уже давно готовились для того, чтобы бороться в Норвегии. И это же можно усмотреть из всех приказов, которые были опубликованы, что все эти высадки английских войск готовились уже давно, и очень внимательно, и фюрер только хотел предотвратить то, чтобы Дания не стала театром военных действий. Я не думаю, чтобы это можно было определить как агрессию.

РУДЕНКО. А захват Норвегии Вы также не считаете агрессией ?

РИББЕНТРОП. Сейчас мы говорили о Норвегии и Дании. Это было совместное мероприятие, которое касалось и Дании, и Норвегии.

РУДЕНКО. Считаете ли Вы нападение на Бельгию, Голландию и Люксембург германской агрессией ?

РИББЕНТРОП. Это тот же вопрос. Я должен опять ответить-нет. Но я хотел бы сделать пояснения ...

РУДЕНКО. Один момент. Я бы просил давать более короткое об"яснение, потому что Вы слишком пространно излагаете основной вопрос. Вы отрицаете, что это было германской агрессией ?

РИББЕНТРОП. Так как я думаю, Вы должны будете признать, что здесь речь идет об очень важных вещах и нельзя не переходя границ, говорить об этом.

РУДЕНКО. Я учитываю это.

РИББЕНТРОП. Я буду говорить очень коротко. После похода в Польшу военные соображения были решающими соображениями. Фюрер не хотел распространения войны. Что касается Бельгии, Голландии и Франции, то мы должны были считаться с тем, что в любую минуту со стороны Франции последует нападение. Мы знали нападения оттуда в Рурскую область. Документы, которые были найдены, совершенно открыто говорят о том,что дело обстояло именно таким образом. И действительно, фюрер не хотел ждать того, когда произойдет нападение на позицию Германии, а должен был принимать превентивные меры.

7887

H1196-0181

H1196 – 0182

РУДЕНКО. Считаете ли Вы нападение на Грецию германской агрессией ?

РИББЕНТРОП. Нападение Германии на Грецию и Югославию здесь уже обсуждалось. Я не думаю, чтобы мне нужно детально говорить по этому поводу.

РУДЕНКО. Я тоже хорошо знаю, что не надо детально говорить, Я Вас спрашиваю, считаете ли Вы нападение на Грецию германской агрессией ?

РИББЕНТРОП. Я считаю, что нет. Те меры, которые были приняты в Югославии, и те меры, которые были приняты в Греции, а именно цепь опорных пунктов и аэродромов противникам Германии, что эти мероприятия дали Германии право вмешаться в эти события, так что и здесь нельзя говорить об агрессии в том духе, в котором Вы подразумеваете.-Это было совершенно-определенно, что Англия собиралась высадить свои войска в Греции, и то вторжение в Югославию, о котором я говорил уже вчера, было сделано в полном согласии с противниками Германии для того, чтобы осуществить оттуда нападение на Германию. Все документы французского генерального штаба, которые были найдены во Франции, совершенно недвусмысленно показали это.

РУДЕНКО. Вы, подсудимый Риббентроп, очень пространно говорите, Вы уже об"яснили вчера об этом. Можно сказать кратко - да или нет.

И последний вопрос: считаете ли Вы нападение на Советский Союз германской агрессией ?

РИББЕНТРОП. Нет. В буквальном смысле этого слова это не была агрессия.

РУДЕНКО. Вы говорите, что в буквальном смысле слова

это не была агрессия, а в каком смысле слова это была агрессия ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дайте ему возможность ответить ...

РИББЕНТРОП. Разрешите мне сделать пояснения по этому вопросу. Агрессия - это очень сложное понятие. Речь идет о превентивной войне, ибо то, что мы напали - действительно нельзя оспаривать. Я надеялся, что все эти вещи будут иным образом, каким-либо дипломатическим путем, урегулированы с Советским Союзом и в этом направлении все политические мероприятия Советского Союза и все сведения, которые поступали оттуда, начиная с 1940-41 г. до начала войны, убедили фюрера в том, что рано или поздно так нельзя. "Восточно-западные клещи" вот придут в действие по отношению к Германии. Это означало, что на Востоке - это Россия, с ее огромной мощью, а на Западе - США и Англия, которые осуществят гигантскую высадку своих сил в Европе. У фюрера существовала тогда очень большая опасность, что это может возникнуть. К этому прибавилось еще то, что фюрер говорил о полученных им сведениях, что между генеральными штабами Москвы и Лондона существует сотрудничество. Я лично этих сведений не получал, но доклады и донесения, которые по этому вопросу делались фюреру, носили вполне правдивый характер и поэтому мы опасались, что вся эта политическая ситуация придет однажды в такое положение, при котором это может окончиться катастрофой для Германии. Фюрер хотел предотвратить поражение Германии и уничтожение равновесия в Европе.

РУДЕНКО. В своих показаниях Вы неоднократно делали

7889

H1196 – 0183

H1196 – 0184

заявления о том, что, преследуя мирные цели, Вы считали необходимым ряд спорных вопросов решить дипломатическим путем. Повидимому, эти заявления являются очевидным лицемерием, поскольку теперь Вы признаете правильными все эти акты агрессии Германии ?

РИББЕНТРОП. Нет. Я этого не говорил. Я никогда не говорил, что вообще речь не идет ни о какой агрессии. Я только пояснял, каким образом возникла война и каким образом она продолжала развиваться. В момент возникновения войны с Польшей я пытался сделать все, чтобы предотвратить эту войну, и я всегда пытался предотвратить распространение войн. Это также может показать история и это можно установить. Возникновение войны было вызвано обстоятельствами, которые, в конце концов, уже даже не находились во власти самого Гитлера, он не мог действовать иначе, он должен был действовать так. При распространении войны складывались такие обстоятельства, которые предписывались создавшимся положением и интересами судьбы его народа.

РУДЕНКО. Ясно.

Теперь я Вас попрошу ответить вот на какой вопрос. Вы представили Трибуналу документ за № 311. Это - характеристика Гитлера, озаглавленная: "Личность фюрера". Вы этот документ написали недавно, я Вам его не буду предъявлять, Вы, очевидно, помните его, так как Вы недавно его написали ?

РИББЕНТРОП. Нет, я его что-то плохо помню. Разрешите мне посмотреть на него.

РУДЕНКО. Это - документ, представленный Вами Вашему защитнику, который имеется под № 311, на странице 5-й этого документа ...

РИББЕНТРОП. Будьте любезны, дайте мне этот документ.

РУДЕНКО. Это документ № три, один, один...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Он не мог поступить в Трибунал, просто как документ № сто одиннадцать. Это сто одиннадцать ПС или сто одиннадцать и еще что-нибудь.

РУДЕНКО. Это документ подсудимого, представленный под № 311. Мы располагаем только русским переводом в связи с полученной книгой немецких документов. Я полагал, что эта книга представлена Трибуналу, господин председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае это не просто 111, а "Р-111" или "Риббентроп-111" ?

РУДЕНКО. Это документ № 311. Господин председатель, это документ № 311.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да. Я сейчас получил этот документ. Он имеется в книге документов за № 9 .

РУДЕНКО. Можно продолжать, господин председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

РУДЕНКО. На странице 5-й этого документа Вы, характеризуя Гитлера, сообщаете о следующем. После победы над Польшей на западе планы Гитлера, вследствие влияния, которое, по моему мнению, следует приписать Гиммлеру, пошли дальше, т.-е. в направлении установления гегемонии Германии в Европе. Вы помните это место из этого документа, подсудимый Риббентроп ? Этот документ написан Вами ?

РИББЕНТРОП. Разрешите мне, пожалуйста, посмотреть на этот документ.

РУДЕНКО. Я попросил бы защитника Риббентропа, гос-

7891

H1196-0185

H1196 – 0186

подана Горна, предоставить документ своему подзащитному.

ГОРН. Господин председатель, речь идет ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подождите минуту. Доктор Горн, Трибунал склонен считать, что этот документ вообще не относится к делу. Это, повидимому, документ, который был составлен подсудимым Риббентропом относительно личности фюрера. Я не знаю, где он был составлен, но нам кажется, что он не относится к делу.

ГОРН. Да, господин председатель. Я считаю, что этот документ не имеет отношения к делу. Я только потому включил его в книгу документов, так как это дало бы возможность господину Риббентропу подробнее остановиться на своих взаимоотношениях с Гитлером. После того, как это имело место, я считаю возможным взять этот документ обратно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, господин Руденко, что этот документ совершенно не относится к делу.

РУДЕНКО. Этот документ был представлен в книге документов защитой. Написан господином Риббентропом в ходе судебного процесса. Все обвинители считали возможным допустить этот документ, так как ряд положений в этом документе, характеристика, которую излагает подсудимый Риббентроп, дают основание для постановки ряда вопросов. Но если Трибунал считает, что этот документ вообще не относится к делу, я, разумеется, не буду использовать его при допросе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы еще не имели возможности вынести окончательное решение, какие из этих документов относятся к делу и какие нет. Эти документы мы увидели впервые сегодня утром. Но мы считаем, что этот документ не относится к делу.

РУДЕНКО. Понятно. Я хочу поставить несколько вопросов в связи с агрессией против Югославии. Я вас попрошу объяс-

комиться с документом ПС-1195. Этот документ называется "Предварительные указания о разделе Югославии". Я обращаю Ваше внимание на четвертый абзац первого пункта этого документа. Там написано: "Фюрер дал по вопросу о разделе Югославии" - Вы нашли это место ?

РИББЕНТРОП. Скажите, пожалуйста, на какой странице ?

РУДЕНКО. На первой странице, четвертый абзац. "Фюрер дал по вопросу о разделе Югославии следующие указания..."

РИББЕНТРОП. Очевидно, мне дали не тот документ.

РУДЕНКО. Документ ПС-1195.

РИББЕНТРОП. В начале, да ?

РУДЕНКО. "Фюрер дал по вопросу о разделе Югославии следующие указания: передача территории Югославии, занятой итальянцами, производится по непосредственному распоряжению министерства иностранных дел". Вы нашли это место?

РИББЕНТРОП. Нет, здесь это не написано.

РУДЕНКО. Не написано, что по непосредственному распоряжению министерства иностранных дел ?

РИББЕНТРОП. Нет, скажите, какой это абзац ?

РУДЕНКО. Четвертый абзац, первая страница, начинается со слов: "Фюрер ... " Есть ?

РИББЕНТРОП. Да.

РУДЕНКО. Я, собственно, огласил уже этот абзац.

РИББЕНТРОП. Этот документ начинается так: "Фюрер дал следующие указания по вопросу о разделе Югославии". Скажите, а где то место, которое Вы цитировали ?

РУДЕНКО. Заканчивается словами: "... производится по непосредственному распоряжению министерства иностранных дел" А дальше следует ссылка: телеграмма ОКХ, квартирмейстер.

7893

H1196 - 0187

H1196 – 0188

РИББЕНТРОП. Нет, очевидно, какое-то заблуждение. Здесь это не написано.

РУДЕНКО. Очевидно, Вы не нашли в этом документе ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, сейчас без четверти час и лучше будет об"явить перерыв.

/Перерыв до 2-х часов/

7894

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

2 апреля 1946 года

Вечернее заседание

Встать! Суд идет!

/К микрофону подходит генерал Руденко./

РУДЕНКО. Подсудимый Риббентроп, Вы ознакомились с содержанием документа?

РИББЕНТРОП. Да, я ознакомился с документом.

РУДЕНКО. Вы ознакомились полностью с документом или только с абзацем четвертым?

РИББЕНТРОП. Я прочел абзац первый, о котором Вы только что говорили.

РУДЕНКО. Вы установили место, где говорится о полномочии министерства иностранных дел по передаче территории Югославии?

РИББЕНТРОП. Да, у меня написано, что передача оккупированной итальянцами области должна быть подготовлена письмом фюрера к дуче и проведена по точным указаниям министерства иностранных дел.

РУДЕНКО. Правильно. Я именно имел в виду это место, раздел второй этого документа, который озаглавлен "Протяженность границ". Там указывается /это — раздел второй, страница 3-я/: "Поскольку протяженность границ не установлена в этом документе, это производится по согласованию с министерством иностранных дел".

РИББЕНТРОП. Так точно.

РУДЕНКО. Я только имею в связи с этим один вопрос. Таким образом, этим документом была регламен-

7895

H1196 – 0189

H1196 – 0190

тирована роль министерства иностранных дел в разделе югославской территории. Правильно это?

РИББЕНТРОП. Это вытекает из того, что министерство иностранных дел, кроме тех границ, которые здесь установлены и которые в общих чертах уже ясны, должно было установить другие границы. – Это правильно.

РУДЕНКО. Ясно.

По Югославии я еще имею к Вам два вопроса.

4 июня 1941 г. /это уже не имеется этого документа/ в германском посольстве под председательством германского посла в Загребе, Зигфрида Канэ, состоялось заседание, которое приняло решение о принудительном переселении словенцев из Словении в Хорватию и сербов из Сербии в Хорватию. Это было разрешено телеграммой министерства иностранных дел за № 380 от 31 мая 1941 года. Вам известно об этом мероприятии?

РИББЕНТРОП. Нет, мне кажется, я не знаю об этом совещании. Однако, разрешите мне прочесть сначала документ.

РУДЕНКО. Пожалуйста.

РИББЕНТРОП. Я вспоминаю, что тогда было предпринято переселение, но деталей я сейчас не помню.

РУДЕНКО. Разумеется, Вам очень трудно сейчас все помнить детали. Но Вы помните, что такое переселение имело место и именно по указанию министерства иностранных дел?

РИББЕНТРОП. Да, здесь написано, что фюрер утвердил решение о переселении. Но я не помню деталей. Во всяком случае мы безусловно играли здесь некоторую роль, так как это заседание происходило в министерстве иностранных дел, – это совершенно точно. Я, однако, не могу

ничего сказать об этом подробнее, так как я не в курсе дела.

РУДЕНКО. Понимаю Вас. Еще один вопрос в связи с этим. Это принудительное переселение?

РИББЕНТРОП. Этого я не знаю и не могу сказать.

РУДЕНКО. Не знаете? Хорошо. И последний вопрос, в связи с Югославией. После нападения Германии на Югославию около 200 югославских дипломатических работников, пытавшихся выехать в Швейцарию, были взяты под стражу, а потом, несмотря на протесты, посольство Вашему министерству, были силой доставлены в Белград, откуда многие из них были направлены в концентрационные лагери и там умерли. Почему Вы не приняли мер, которые Вы должны были предпринять, после этого грубейшего нарушения дипломатического иммунитета?

РИББЕНТРОП. Сейчас я вообще не помню об этом. Однако, насколько я знаю, принципиальное указание давалось мною в том отношении, что с дипломатами следует обращаться, как с дипломатами, и что они должны быть направлены в свои страны. Так что если в этом случае этого не произошло, то я не знаю, почему это не было сделано так. Однако, - Вы сами говорите, что их послали в Белград. Это, во всяком случае, соответствует моим указаниям. Были ли они в Белграде интернированы и почему они были интернированы, - я должен сказать, что я не знаю. Я не думаю, чтобы мы имели какое-либо отношение к этому делу.

РУДЕНКО. О том, что они были заключены в концентрационные лагери, - вы не знаете?

РИББЕНТРОП. Нет, об этом я не знал.

7897

H1196-0191

H1196 – 0192

РУДЕНКО. Хорошо. Следующая группа вопросов. Кем, кроме Гитлера, был подписан указ о Судетской области от 21 ноября 1938 года? Вы можете припомнить?

РИББЕНТРОП. Я не знаю, какой приказ Вы имеете в виду. Разрешите мне прочесть его. /Риббентропу передают документ./ Я вижу, что я также подписал этот приказ. Это - закон относительно воссоединения Судетской области с империей.

РУДЕНКО. Вы припоминаете, что Вы действительно подписывали этот закон?

Риббентроп. Да, безусловно, если здесь есть моя подпись, то, очевидно, это было так. Однако, я детально я не помню об этом.

РУДЕНКО. Ясно. Кем, кроме Гитлера, был подписан указ о протекторате Богемии и Моравии от 16 марта 1939 года, который, по существу, был ликвидирован всякий намек на государственный суверенитет Чехословацкой республики?

РИББЕНТРОП. Мне кажется, что я также подписал этот указ. Во всяком случае я так полагал. Да, здесь это написано, я подписал его.

РУДЕНКО. Кем, кроме Гитлера...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, эти документы, несомненно, говорят сами за себя. Обвиняемый не отказывается от своей подписи на этих документах.

РУДЕНКО. Я понимаю, господин Председатель, я просто хотел бы напомнить подсудимому, поскольку он забывает; я просто представляю эти документы.

Вы также подписали указ от 12 октября 1939 г. об управлении оккупированными польскими областями. Вы помните это?

РИББЕНТРОП. 12 октября 1939 г.? Нет, я не помню. Я подписал очень много документов в эти годы. Подробностей я уже не помню.

РУДЕНКО. От 12 октября.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Генерал Руденко, поскольку он не оспаривает свою подпись, следует ли Вам тратить время на то, чтобы пред"явить ему эти документы? Его подпись имеется на документе. Он не оспаривает ее. Это просто трата времени.

РУДЕНКО. Также значится Ваша подпись на указе от 18 мая 1940 г. о присоединении к Германии бельгийских областей Эупен и Мальмеди. Я поставил эти вопросы в связи с тем, чтобы заключить следующий вопросом. Правильно ли будет констатировать, что всякий раз, когда указом гитлеровское правительство пыталось создать видимость обоснования своих территориальных захватов, под такими указом появлялась подпись рейхсминистра Риббентропа?

РИББЕНТРОП. Мне кажется, что это не так. Если предпринимались какие-либо территориальные изменения, то в этом отношении приказы издавал фюрер; и, как видно из этих документов, министры, которых в какой-либо степени касались эти вопросы, подписывали также эти документы, и, само собой разумеется, что я сам подписывал большинство этих документов.

РУДЕНКО. Я Вас просил бы ознакомиться с документом, который уже представлен Трибуналу в качестве доказательства под № СССР-120. Это-Ваше соглашение с Гиммлером об организации разведывательной работы. Это-пространный документ и я просил бы Вас ознакомиться с пунктом 6-м этого документа.

7899

H1196-0193

H1196 – 0194

РИББЕНТРОП. Простите,–это другой документ. Здесь говорится об информационной службе, Вы только что говорили о принудительном труде, а здесь идет речь об информационной службе.

РУДЕНКО. Это Вам перевели неточно. Я не сказал о принудительном труде, я сказал о разведывательной работе. Обратите внимание на пункт 6–й. Это–пространный документ, не будем занимать время у Трибунала. Здесь говорится, (я цитирую) "Министерство иностранных дел оказывает секретной разведывательной службе всякую возможную помощь. Германский министр иностранных дел будет, поскольку это будет терпимо во внешне–политическом отношении, включать определенных сотрудников разведывательной службы в состав заграничных представительств". Я опускаю еще здесь длинный абзац и читаю заключительный: "Ответственный сотрудник разведывательной службы регулярно информирует главу миссии обо всех существенных вопросах деятельности секретной разведывательной службы в данной стране". Вы подписали такое соглашение, не правда ли?

РИББЕНТРОП. Да.

РУДЕНКО. Таким образом, следует констатировать, что заграничный аппарат министерства иностранных дел Германии являлся шпионажем.

РИББЕНТРОП. Нет, в этом отношении этого нельзя утверждать и, собственно, по следующим причинам. Я сегодня утром говорил во время допроса, что между Гитлером и мной имелись противоречия в отношении разведывательной службы за границей. Затем благодаря усилиям Гельтенбруннера удалось подписать это соглашение, при этом предусматривалось сотрудничество, и я

ни в коем случае не отрицаю, что при этом имелось намерение также использовать лиц, которые относились к разведывательной службе, в нашем аппарате. Практически, однако, до этого не дошло и соглашение не могло быть осуществлено, так как оно было заключено слишком поздно и война была окончена. Мне кажется, что это - в копии отсутствует дата - было в 1944 или даже в 1945 году, когда было заключено соглашение. Поэтому не было достигнуто сотрудничества. Однако такое сотрудничество предусматривалось и при этом я особенно был заинтересован в этом, так как имелся целый ряд противоречий и я хотел устранить их и достичь более единого руководства. Это было основанием. Мне кажется, что это также до деятельности, которая обычно проводится во всех других странах. Мне кажется, что здесь нет ничего необычного.

РУДЕНКО. Я Вас не спрашиваю о деятельности. Я интересовался этим документом. - Правильно ли, что Вы такое соглашение подписали? Вы утвердительно ответили. К по этому документу к Вам вопросов не имею.

РИББЕНТРОП. Да, я утвердительно ответил на этот вопрос.

РУДЕНКО. У меня еще документ из этой серии. Вспомните ли Вы письмо подсудимого Кальтенбруннера, в котором он просит у Вас миллион туманов для покупки в Иране?

РИББЕНТРОП. Один миллион? Что это?Я не понял, повторите, пожалуйста, еще раз. Я не понял последнего слова.

РУДЕНКО. Туманов, это в иранской валюте. Я бы Вас просил ознакомиться с этим документом, он небольшой.

РИББЕНТРОП. Да, разрешите мне посмотреть этот документ.

7901

H1196 - 0195

H1196 – 0196

РУДЕНКО. Конечно.

РИББЕНТРОП. Да, так точно, я вспоминаю об этом. Мне кажется, что тогда при этом была выделена известная сумма.

РУДЕНКО. Предоставлены деньги в распоряжение Кельтенбруннера?

РИББЕНТРОП. Я не помню точно. Но мне кажется, что я дал распоряжение министерству иностранных дел, чтобы была оказана финансовая помощь. Это верно.

РУДЕНКО. Было интересно именно это обстоятельство, документ сам за себя говорит.

Я перехожу к следующей группе вопросов.

Вы показали, что уже в августе-сентябре 1940 года в вашей вилле Вы встретились с подсудимым Кейтелем для обсуждения меморандума о возможном вступлении Германии против Советского Союза. Следовательно, почти за год до нападения на Советский Союз Вы были осведомлены об этом нападении?

РИББЕНТРОП. Нет, это неправильно. Подсудимый Кейтель тогда действительно был у меня в Фушле, говорил со мной о том, что фюрер имеет некоторые сомнения в отношении России, что имеется возможность военного конфликта, что это нельзя оставить без внимания. Он, со своей стороны, написал меморандум и хотел переговорить об этом с фюрером. У него есть опасения в отношении возможности конфликта на востоке, и он просил меня содействовать в этом отношении на фюрера. Я обещал ему это.

Однако, о каком-либо нападении или о планах нападения речи не было. Это было скорее, я бы сказал, совещание, носившее характер совещания в генеральном штабе.

О конкретных вещах он ничего не говорил.

РУДЕНКО. Я не хотел бы задерживать внимание Трибунала на этом вопросе, потому что он достаточно исследован. Вы ответили Кейтелю во время этой беседы, что Вы высказали свои сомнения по поводу войны с СССР Гитлеру. Вы об этом сейчас тоже заявили. Вы имели ли эту тему беседу с Гитлером?

РИББЕНТРОП. Я несколько раз говорил с Гитлером на эту тему и в этом случае я ему говорил об опасности превентивной войны. Гитлер высказал мне свои сомнения, о которых я уже говорил.

РУДЕНКО. Да, это не нужно. Вам было известно, что так называемый "зеленая папка" последнего Генерального штаба, содержавшая указания об ограблении и эксплоатации временно оккупированных областей Советского Союза, была подготовлена задолго до нападения на Советский Союз?

РИББЕНТРОП. Нет, я этого не знал. Названную "зеленая папка" я услышал в первый раз только здесь.

РУДЕНКО. Хорошо - незнание, а содержание папки когда Вы узнали?

РИББЕНТРОП. Ни названия папки, ни ее содержания я не знал.

РУДЕНКО. Не знали. Хорошо. Вам известно, что до войны были разработаны директивы об истреблении мирного советского населения?

РИББЕНТРОП. Нет. Об этом я также не знал.

РУДЕНКО. А когда Вы узнали об этом?

РИББЕНТРОП. О таких планах я вообще ничего не знал.

РУДЕНКО. А о директивах о политике и работе

7903

H1196-0197

H1196 – 0198

"Барбаросса". Вы, очевидно, знали?

РИББЕНТРОП. В отношении чего? Я не понял последнего вопроса.

РУДЕНКО. О документе в районе Барбаросса". Это – приложение к плану "Барбаросса".

РИББЕНТРОП. Я должен сказать, что этой темой я лично никогда не занимался. Возможно, что какой-либо орган моего министерства и занимался этим, но я, насколько помню, не занимался вопросами документов, так как с момента начала военных действий с Советским Союзом министерство иностранных дел не занималось вопросами, связанными с этой областью.

РУДЕНКО. Я прошу бы Вас ознакомиться с телеграммой от 10 июня 1941 года в 14 часов 51 мин. германскому послу в Токио. Вы предъявляли этот документ под номером СССР-446. Вы должны помнить эту телеграмму?

РИББЕНТРОП. Кому направлена телеграмма? Здесь этого не указано.

РУДЕНКО. Германскому послу в Токио.

РИББЕНТРОП. Ах, в Токио, да.

РУДЕНКО. Вы, очевидно, помните ее. Я прошу Вас обратить внимание на последнюю страницу документа. Для удобства это подчеркнуто карандашом.

Нашли это место? Я оглашу только эту часть.

РИББЕНТРОП. Разрешите спросить, какое место Вы имеете в виду? Последнюю страницу?

РУДЕНКО. Это на последней странице.

РИББЕНТРОП. Да, теперь я нашел это место.

РУДЕНКО. Я оглашу это место:

"Я прошу Вас всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами помешать им [illegible], чтобы они ничего

быстрее Япония вступила в войну с Россией. Чем быстрее произойдет это, тем лучше. Конечной целью должно оставаться и в дальнейшем то, что Япония и мы перед наступлением зимы протянем друг другу руки на Сибирской железной дороге. С крахом России позиции держав Оси во всем мире будут настолько гигантскими, что вопрос краха Англии или полного уничтожения английских островов будет являться только вопросом времени".

РИББЕНТРОП. Да, я нашел это место.

РУДЕНКО. Это что-одно из Ваших усилий по локализации войны?

РИББЕНТРОП. Я не понял последнего вопроса.

РУДЕНКО. Я говорю : это Ваши усилия по локализации войны?

РИББЕНТРОП. Война с Россией уже началась, и я тогда пытался - фюрер был того же мнения - втянуть Японию в войну против России для того, чтобы по возможности быстрее закончить войну с Россией. Таково было содержание телеграммы.

РУДЕНКО. Это не только позиция фюрера, но и Ваша позиция, как министра иностранных дел в то время?

РИББЕНТРОП. Да.

РУДЕНКО. Я имею еще несколько вопросов.

Вы подтверждаете, что никогда ничего не слышали о жестокостях, творившихся в концентрационных лагерях?

РИББЕНТРОП. Да, это правильно.

РУДЕНКО. Во время войны, Вы, как министр иностранных дел, знакомились с иностранной печатью, с иностранными газетами. Известно ли Вам было, что сообщалось в заграничной прессе?

7905

H1196 – 0199

H1196 – 0200

РИББЕНТРОП. Нет, это только в некоторой степени правильно. Я каждый день должен был столько читать и работать, что я всегда читал лишь внешне-политические сообщения в иностранной прессе, которые специально подбирались для меня. Таким образом, в течение всей зимы я не /знал ничего о сообщениях из-за границы о концентрационных лагерях, пока однажды советское армии не посетили польский лагерь в Майданеке.

В такой обстановке были получены сообщения из наших посольств. Я ~~приказал~~ приказал принести сообщения прессы по этому вопросу, и я уже говорил здесь о том, что я с этими сообщениями пошел к фюреру и как это кончилось. До этого я не слышал ни о каких ужасах или вообще мероприятиях в концентрационных лагерях.

РУДЕНКО. Известны ли Вам были ноты министра иностранных дел Советского Союза Молотова о злодеяниях немецких фашистов на временно оккупированных территориях Советского Союза, об угоне и работе советских людей, об ограблении?

РИББЕНТРОП. Эта нота, мне кажется, дошла до меня по дипломатическим каналам. Я уже не помню точно, но возможно, что это было мне передано через телеграфные агентства. Во всяком случае, я вспоминаю, что тогда /мне кажется, речь шла даже о нескольких нотах, я одну из них я очень хорошо помню/ и показал ее фюреру. Мы с начала немецко-русской войны в этих областях не могли следить за какими-нибудь мероприятиями или событиями.

РУДЕНКО. Меня прежде всего интересовал один основной факт - установить, что Вы были осведомлены о нотах министерства иностранных дел Советского Союза.

Скажите, Вам известно, что миллионы граждан угонялись в рабство в Германию?

РИББЕНТРОП. Нет, об этом я не знал.

РУДЕНКО. Не знали? А что в Германии эти граждане находились и использовались как рабы, - это Вам известно было?

РИББЕНТРОП. Нет. То, что я сказал, свидетельствует о том, что со всеми иностранными рабочими в Германии обращались хорошо. Я считаю возможным, что имели место и другие случаи, но в общем я считаю, что было сделано очень многое для того, чтобы с рабочими хорошо обращались, и я знаю также, что иногда органы министерства иностранных дел при этом оказывали такую помощь, чтобы ликвидировать имеющиеся недостатки. Но в общем, мы не могли оказывать влияния на эту проблему, так как мы вообще не имели никакого отношения по всем вопросам, связанным с Востоком.

РУДЕНКО. Почему Вы утверждали, что были осведомлены о том, что хорошо обращались с иностранными рабочими, а почему Вы не были осведомлены о том, что с ними обращались, как с рабами?

РИББЕНТРОП. Мне кажется, что это не соответствует действительности. Мы через министерство иностранных дел, например, заботились о французских и других иностранных рабочих - мы содействовали тому, чтобы, например, из Франции приезжали артисты и т.д. Мы советовались по вопросам об обслуживании рабочих. Я знаю, что немецкий трудовой фронт делал все, чтобы, по всякому случаю, в отношении того сектора, с которым мы могли ознакомиться, - хорошо обращаться с рабочими, поддерживать лучшие хорошо работали, хорошо организовать их свободное время.

7907

H1196 – 0201

H1196 – 0202

Во всяком случае, такова была наша цель.

РУДЕНКО. И предпоследняя группа вопросов, связанных с деятельностью батальона Риббентропа. Я Вас прошу ознакомиться с показаниями СС оберштурмбанифюрера Нормана Пауля Ферстера. Этот документ представляется под № СССР-445. Обратите внимание на страницу третью – показание Ферстера. /Там подчеркнуто/. Там говорится:

~~[illegible]~~

"В августе 1941 г. я прибыл по указанному адресу в город Берлин и узнал, что я назначен в зондеркоманду СС министерства иностранных дел. Прежде в команде было 80-100 человек, а потом 300-400 человек личного состава. Позднее зондеркоманда была переименована в батальон особого назначения министерства иностранных дел. Бароном фон Кюнстберг я был принят в помещении, принадлежавшем министерству иностранных дел, где была размещена зондеркоманда. Он мне раз"яснил, что зондеркоманда создана по указанию министра иностранных дел Германии фон Риббентропа. По указанию фон Риббентропа, – говорит Кюнстберг, – наша зондеркоманда должна следовать на оккупированные территории с передовыми частями с таким расчетом, чтобы сохранить культурные ценности /музеи, библиотеки, научно-исследовательские институты, картинные галлереи и т.д./ от разгрома и уничтожения немецких солдат с тем, чтобы затем все эти ценности реквизировать и вывезти в Германию..."

Здесь небольшой пропуск.

~~[illegible]~~

"5 августа 1941 г. вечером в присутствии Ницше, Паульзен, Либер, Крален, Рон... и других, фон Кюнстберг показал, личный приказ фон Риббентропа основательно прочесывать в России все научные учреждения, институты,

библиотеки, дворцы, перетрясти архивы, забирать все, что имеет определенную ценность..."

Вы нашли это место в показаниях?

РИББЕНТРОП. Да. Разрешите мне ответить?

РУДЕНКО. Да. Я просил бы прежде всего ответить на мой вопрос такого содержания. Вы знаете, что существовал такой батальон министерства иностранных дел и что по Вашему указанию он занимался, как говорилось здесь в документе, "сохранением культурных ценностей"? Прошу ответить.

РИББЕНТРОП. Так, как написано в этом документе, - это абсолютно неправильно. Я не могу признать его и должен заявить протест против него. Правильным является следующее:

Господин фон Кюнстберг является человеком, который вместе с некоторыми сотрудниками уже задолго до русской кампании получил поручение /речь шла тогда о Франции/ - собирать важные документы, которые могут иметь значение для нас, реквизировать их. В отношении какого-нибудь поручения... Да, я одновременно хотел бы сказать, что у него было поручение заботиться о том, чтобы здесь не проводилось ненужных разрушений памятников искусств и т.д. Но от меня он не получал задания направлять эти вещи в Германию или грабить их. Я не знаю, каким образом были даны эти показания, во всяком случае, они не соответствуют действительности.

РУДЕНКО. Вы против очень многих документов здесь протестовали, это не означает, что они неправильны. Я не буду цитировать дальше эти показания. Я обращусь к документу - это письмо подсудимого Геринга на имя подсудимого Розенберга, - представленному уже Трибуналу

7909

H1196 – 0203

H1196 – 0204

под № ПС-1985. Я цитирую здесь второй абзац этого документа, он уже пред"являлся, поэтому я оглашу это письмо подсудимого Геринга, адресованное подсудимому Розенбергу. Он пишет:

„После долгих поисков, я особенно приветствовал, когда, наконец, было избрано место для коллекций, хотя я должен указать, что также и другие инстанции ссылаются на полномочия фюрера. Так в первую очередь это относится к имперскому министру иностранных дел, направившему уже несколько месяцев тому назад, циркуляр во все инстанции, которым он между прочим говорит, что ему переданы полномочия на сохранение культурных ценностей в оккупированных областях". Будем полагать, что подсудимый Геринг точнее знает обстоятельства сохранности культурных ценностей. Вы не помните это письмо?

РИББЕНТРОП. Я не знаю, при каких обстоятельствах было написано это письмо фельдмаршалом Герингом. Этого я не знаю. Во всяком случае, если там говорилось о каких-либо полномочиях или о чем-либо другом, то могла речь итти только о том, чтобы эти произведения искусства сохранялись. Нами, т.е. мною и министерством иностранных дел, как я уже показывал, во время войны не реквизировались никакие произведения искусства для меня лично или для министерства. Возможно, что временно некоторые произведения искусства находились под охраной, однако, во всяком случае, в наше распоряжение не поступили никакие произведения искусства.

Таким образом, здесь в этом письме имеется недоразумение, так как речь идет об охране произведений искусства, так, как это делалось во Франции. Во Франции тогда говорилось о том, что там производилось разграбление квартир и галлерей, и я помню, что я даже просил [illegible]

вооруженные силы выставить часовых для того, чтобы охранять эти памятники. Во всяком случае, я в министерстве иностранных дел не занимался этим.

РУДЕНКО. Я думаю, что мы не будем углубляться в детали. Я бы хотел один вопрос поставить в связи с этим. Не считаете ли Вы, что под термином охраны культурных ценностей, по существу, скрывался грабеж культурных ценностей оккупированных территорий?

РИББЕНТРОП. Это ни в коей мере не было нашим намерением и я никому не давал подобных поручений. Я хотел бы категорически заявить это здесь. Разрешите еще добавить, что, когда я услышал, что у Канариса много сотрудников, — я даже дал приказ, чтобы он распустил весь свой батальон, — правда, это не был батальон, — и мне кажется я и ~~даже~~ вспомнил, что я даже уволил его из министерства иностранных дел, так как он делал не то, о чем я говорил. Мне кажется, что он был уволен с должности.

РУДЕНКО. Хорошо. Я замечаю. Вы были министром иностранных дел фашистской Германии с 4 февраля 1938 года. Ваш приход на этот пост совпадал с началом периода, когда Гитлер предпринял ряд военно-политических акций, приведших в конечном счете к мировой войне. Возникает вопрос, почему Гитлер назначил Вас министром иностранных дел, как раз перед началом осуществления широкой программы агрессии? Не находите ли Вы, что он считал Вас самым подходящим человеком для этого, с которым у него не может возникнуть разногласий?

РИББЕНТРОП. О мнении Адольфа Гитлера я ничего не могу сказать. Он ничего мне не рассказывал об этом. Он знал, что я являлся его первым сотрудником и он знал,

H1196 – 0205

H1196 – 0206

что я придерживался того же мнения, что и он, что необходимо создать сильную Германию, что я должен был достичь этого дипломатическим путем. Больше я ничего не могу сказать. Я не знаю, какими соображениями он руководствовался.

РУДЕНКО. Последний вопрос. Чем об"яснить, что даже теперь, когда перед Вами во всей полноте раскрылась картина кровавых преступлений гитлеровского режима, когда Вы убедились в полном краже гитлеровской политики, которая привела Вас на скамью подсудимых, чем об"яснить, что Вы попрежнему защищаете этот режим, возносите похвалы Гитлеру и, более того, заявляете, что правящая преступная клика была группой идеалистов? Чем об"яснить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В этом вопросе заключается, кажется, целый ряд вопросов, и я не думаю, что этот вопрос к свидетелю уместен.

РУДЕНКО. Мне казалось, что-один вопрос, обобщающий. Пожалуйста, подсудимый Риббентроп.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я сказал Вам, генерал Руденко, что Трибунал не считает , что это уместный вопрос.

РУДЕНКО. У меня больше вопросов нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, не хотите ли Вы подвергнуть свидетеля повторному допросу?

ХОРН. У меня нет вопросов к свидетелю, господин Председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В таком случае подсудимый может вернуться на свое место.

Доктор Хорн, как я понимаю, сейчас Вы намереваетесь обратиться к представлению Ваших документов – не так ли?

ДОКТОР ХОРН. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас уже поздно. Пожалуй, мы лучше сделаем перерыв на 10 минут.

/Перерыв на 10 минут./

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал желает, чтобы я об"явил, что в страстные пятницу, субботу, пасхальные воскресенье и понедельник Трибунал заседать не будет.

Г-н БАРРИНГТОН. Господа судьи, я выступаю от имени всех четырех обвинителей для того, чтобы изложить замечания Обвинения по поводу книг документов, представленных подсудимым Риббентропом. Я говорю от имени всех четырех обвинителей, с тем лишь исключением, что французский главный обвинитель желает выступить сам по поводу двух особых групп документов, которые представляют специальный интерес для французской делегации. Если Трибунал сочтет это удобным, я изложу полностью точку зрения Обвинения до выступления доктора Хорна, если это находится в соответствии с его желанием.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Хорн, Вы согласны с тем, чтобы он сначала изложил свою точку зрения? Вам удобно будет, если майор Баррингтон изложит сначала свою точку зрения?

ХОРН. Да.

Г-н БАРРИНГТОН. Всего имеется 9 книг в английском варианте и последние две получены лишь сегодня. Таким образом, поскольку в них содержится приблизительно около 550 документов, я, к сожалению, не смог притти к соглашению по поводу всего списка с самим доктором Хорном, хотя я ознакомил его со всеми замечаниями, которые намеревается сделать Обвинение.

7913

H1196 – 0207

H1196 – 0208

Первые две книги, содержащие в себе документы с первого номера по серию четвертый, были зачитаны в зале суда 27 марта доктором Хорном и, как я понимаю, милорд, Вы не желаете, чтобы мы снова обсуждали эти документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

Г-н ПАРРИНГТОН. Таким образом остаются книги с третьей по девятую, и я подготовил письменный текст замечаний по ним, копии которого я имею. Я не знаю, имеются ли они у членов Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно.

Г-н ПАРРИНГТОН. Вы увидите, милорд, что в левой колонке содержатся те документы, против которых Обвинение возражает, в середине - те документы, с которыми Обвинение согласно, а с правой стороны изложены замечания.

Хотя здесь это не показано, но я разделил для удобства эти документы на 9 групп. Таким образом я полагаю, что нет необходимости детально разбирать все документы, если не возникнет какой-либо специальный вопрос в связи с какими-нибудь из них. Разрешите сделать два общих замечания, прежде чем назвать эти группы. Во-первых, Обвинение считает, что Германские Белые Книги, которые часто фигурируют в этом списке, - Белые книги, изданные правительством нацистских заговорщиков, не могут являться доказательством фактов, изложенных в них, и, во-вторых, среди этих документов значительное количество представляет собой такие документы, в которых лишь обсуждаются вопросы, поставленные в экспериментальном порядке, и очень многие из них, по мнению Обвинения, являются повторяющимися.

Итак, в первую группу из девяти входит ряд документов, включая документы по Чехословакии, и, если Вы заглянете на замечания, которые я вручил Вам, то Вы увидите, что эта группа состоит из ряда документов, начиная от первого по сорок пятый. Простите, милорд, я ошибся. Начинал с сорок пятого документа, имеется в документах "ПС", которые уже представлены в качестве доказательств. Затем номера 46 и 47, а на другой странице имеется еще 7 документов, касающихся Чехословакии.

В отношении этих документов обвинение считает, что в документах "ПС" допустимы так же, как 46-й и 47-й, но против документов №№ 66, 67 и 69 мы возражаем, исключительно на том основании, что они являются повторяющимся, они повторяют, мне кажется, документ № 66.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В какой книге находятся №№ 66 и 69?

Г-н ПАРРИНГТОН. В третьей книге, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Поскольку эти документы уже переведены, то изменит ли положение возражение по поводу того, что они повторяющиеся?

Г-н ПАРРИНГТОН. Это вовсе ничего не меняет, милорд, за исключением того, что защитник, возможно, пожелается зачитывать их для занесения в протокол суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Они все переведены?

Г-н ПАРРИНГТОН. Да, они все переведены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И также и на другие языки?

Г-н ПАРРИНГТОН. Да, милорд, насколько мне известно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Значит, нет необходимости зачитывать их для занесения в протокол.

7915

H1196 - 0209

H1196 – 0210

Г-н ПАРРИНГТОН. Как Вам угодно, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но ведь это правило, – не так ли, что, если они переведены на четыре языка, то их уже не нужно включать для внесения в протокол.

Г-н ПАРРИНГТОН. Тогда это будет относиться ко всем документам из всех этих девяти книг, так как они все переведены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно. Но могут быть другие возражения против документов, кроме того, что они являются повторяющимися.

Г-н ПАРРИНГТОН. Обвинение считает, что вообще очень большое количество документов является повторяющимися.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Таких будет очень большое количество?

Г-н ПАРРИНГТОН. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но дело в том, что если эти документы уже переведены, – они уже считаются приобщенными к материалам суда.

Г-н ПАРРИНГТОН. Да, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо.

Г-н ПАРРИНГТОН. В отношении этих документов Обвинение возражает только на том основании, милорд, что они, по мнению Обвинения, являются повторяющимися. Конечно, доктор Хорн может с этим не согласиться и, по-видимому, он предпочтет бы вынесение решения о том, могут ли они быть приняты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет. Я хотел сказать, что если единственное возражение против них заключается в том, что они – повторяющиеся, то тогда они могут быть допущены и представлены в качестве доказательств, потому что они уже переведены, – этим будет сэкономлено время.

которое иначе было бы залито выступлениями с возражениями по всем этим документам.

Г-н БАРРИНГТОН. Да, милорд, в том случае, если доктор Хори не пожелает зачитывать некоторые из них и особо ссылаться на них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите сказать, что он может зачитать все эти документы и тогда...

Г-н БАРРИНГТОН. Я не знаю, что Вы, милорд, намереваетесь разрешить ему. Насколько я понял, он, возможно, зачитает некоторые из них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если он, предположим, будет зачитывать много повторяющихся документов, то мы остановим его.

Г-н БАРРИНГТОН. Я перейду ко второй группе документов с № 48 по 63 включительно; все они об"единены темой вооружения союзников и их предполагаемыми воинственными намерениями до начала войны. № 54 как будто не имеется в моей папке. И я не знаю не был ли он взят оттуда преднамеренно.

Обвинение возражает против всех этих документов на том основании, что они являются не относящимися к делу. Они помещены в третьей книге, Милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. 59-й документ отличается от других - не так ли? 59 представляет собой речь сэра Малькольма Макдональда о колониях.

Г-н БАРРИНГТОН. Да. Это, строго говоря, не вооружение, но, конечно, некоторым образом это относится к тому же вопросу, - это провокация войны. Он, конечно, относится к несколько другой категории по сравнению с остальными.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

Г-н БАРРИНГТОН. Третья группа касается Польши. И это очень большая группа документов, потому что в нее входят все документы о переговорах до начала войны. - С №

7917

H1196 – 0211

H1196 – 0212

74 по 216. Может быть, будет удобнее разделить эту группу на две фазы. Первая фаза – это документы, относящиеся вопросу немецкости, Данцига и коридора и событий, связанных с этим. Вторая фаза, слегка распространяется по времени, но в основном относится ко первой, – включает в себя дипломатические события, касающиеся других стран, помимо Польши, т.е. весьма приблизительно с 15 марта 1939 года и далее. В первую фазу это группа войдут документы с 74 по 191, а во вторую – с 192 по 216.

В связи с первой фазой возникает два вопроса: во-первых, Обвинение считает, что за очень немногими исключениями, это – не относящиеся к делу документы, так как они касаются событий и проблем, связанных с вопросами немецкости, и Обвинение считает, что они не относятся к делу по двум причинам. Один из документов среди них содержит обмен нотами между германским и польским правительствами 28-го апреля 1939 года, это ТД-72 и 14 в книге № 6. В этих нотах содержится подтверждение того, что обе стороны безусловно отказываются от использования силы на основании пакта Келлога. Это было сделано ранее 26 января 1934 года, как это сказано в других документах. Вы увидите это на второй странице моих заключений, – это документ ТД-81.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Каким числом датирован документ ТД-72?

Г-н ДАРРИНГТОН. ТД-72 и 14 – датирован 28 апреля 1939 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

Г-н ДАРРИНГТОН. И в добавление к тому, что эти две стороны безусловно отказались применять силу на основании пакта Келлога, – это тот факт, что подсудимый Рибентроп сам сказал, что в феврале 1938 года Германия

H1196 – 0213

была в очень хороших отношениях с Польшей. Также имела место декларация, сделанная Германией и Польшей 5 ноября 1937 г. о меньшинствах, – это номер 123 в этом списке документов. Это – в начале четвертой страницы моих замечаний. В силу всего этого Обвинение заявляет, что отчеты об этих событиях и изложение их и проблемы меньшинств являются не относящимися к делу и потеряли свою актуальность. Я думаю, что, пожалуй, я мог бы...

ТРИБУНАЛ, Господин ВИДДЛ /прерывая/. Начиная с № 76, Вы считаете все документы повторяющимися или не относящимися к делу?

Г-н БАРРИНГТОН. Я должен сказать, Ваша честь, что это было составлено, как рабочие записки, и это – очевидная ошибка. Что касается документа ТД-21, – там должно было стоять – "не относящийся к делу".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

Г-н БАРРИНГТОН. Милорд, я намеревался сказать, что я предвижу возражение доктора Хорна, о котором он любезно предупредил меня. Возражение заключается в том, что вчера он утверждал, что мюнхенское соглашение оправдало некоторые события, которые имели место до Мюнхена, ~~[illegible]~~ и что моя сегодняшняя аргументация построена в том плане, что и та, которая была отклонена Трибуналом вчера.

Но, конечно, имеется различие, поскольку мюнхенское соглашение обсуждалось при незнании о "зеленом плане", и, что касается оправдания предыдущих инцидентов, оно имело место не на тех же основаниях, как при договоре, заключенном в результате переговоров, которые велись бы при наличии полных сведений обо всех обстоятельствах.

Таким образом, милорд, в отношении третьей группы – Польши и этой первой фазы – Обвинение предлагает, из

документов, помещенных в среднем столбце на 3-й странице, допустить № 75, польский договор 1919 года, ТЦ-21, о котором я уже упомянул, который вновь подтверждает пакт Келлога, № 123 и ТЦ-72, № 14 и 16, о которых я уже упоминал.

Обо всех других документах, пожалуй, можно сказать, что они являются не относящимися к делу, но, может быть, будет целесообразно допустить № 117, 149, 150, 153, 154, 159, 160, 163 и ТЦ-72, № 18. Это в основном беседы между послами и руководителями государств, которые могут иметь несколько большее значение, чем другие документы этой группы.

Собственно говоря, мне кажется, милорд, что все только что упомянутые мною документы, уже были представлены. Сюда относятся документы до 182. Начиная с № 182 и первые пять документов по 186.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/. Почему Вы возражаете против 155, который касается мобилизации польских резервов, это документы 155-158?

Г-н БАРРИНГТОН. Милорд, мы возражаем против этих документов лишь на том основании, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /прерывая/. По-моему, все они упоминались в беседе, которая изложена в документе № 159, и, может быть, это и является причиной.

Г-н БАРРИНГТОН. Да, я признателен Вам, Милорд, Я думаю, что это так, но я не думаю, чтобы возражение против них могло быть очень сильным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет.

Г-н БАРРИНГТОН. Номера с 182 по 186. Милорд, являются докладами германских поверенных в делах в

7920

H1196 – 0214

H1196 - 0215

различных столицах, и Обвинение считает, что эти документы не могут представлять собой полноценных доказательств.

ТРИБУНАЛ /Г-н БИДДЛ/. Почему нет?

Г-н БАРРИНГТОН. Они являются лишь изложением наблюдений германского поверенного в делах и в большинстве случае его заключения, основанные на фактах, которые передавались им в министерство иностранных дел.

Г-н БИДДЛ. Вы считаете, что они являются не относящимися к делу, как доказательства, основанные на слухах?

Г-н БАРРИНГТОН. Простите - я Вас не понял.

Г-н БИДДЛ. Поскольку они являются доказательствами, основанными на слухах, они не могут быть приняты. - Вы это хотите сказать?

Г-н БАРРИНГТОН. Да, частично они являются основанными на слухах. Также они неясны и опять-таки, они посылались с определенной целью. По крайней мере, Обвинение считает, что они посылались для того, чтобы обрисовать картину с германской точки зрения.

Г-н БИДДЛ. Допустили бы Вы их, если бы они были составлены поверенными в делах других государств?

Г-н БАРРИНГТОН: Если бы они были составлены поверенными в делах других государств?

Г-н ВИДАЛЬ: Да.

Г-н БАРРИНГТОН: Они были бы допустимы, если бы они были представлены, как правительственные доклады союзными нациями в соответствии с Уставом, но они, по существу, недопустимы, если они являются германскими документами.

Г-н ВИДАЛЬ: Простите. Я не знал, что Вы имеете в виду.

Г-н БАРРИНГТОН: статья 21-я Устава...

Г-н ВИДАЛЬ: Простите, может быть, я не совсем ясно сказал Я не совсем понимаю, чем они отличаются от любых других официальных докладов, составленных поверенными в делах любой другой страны. Потому ли, что это германские доклады?

Г-н БАРРИНГТОН: Потому что это германские доклади.

Г-н ВИДАЛЬ: Понимаю. Другими словами, Вы считаете, что германские доклады должны быть исключены?

Г-н БАРРИНГТОН: Я полагаю, что согласно Уставу они должны быть исключены, за исключением, конечно, того случая, когда они используются обвинением, как доказательства против самого германского правительства.

/К микрофону подходит доктор Хорн/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы заслушаем Вас через минуту, доктор Хорн. Во всяком случае, господин Баррингтон, Ваше возражение против документов с 182 по 214 заключается в том, что эти документы были составлены с определенной целью и потому являются неприемлемыми, - это правильно?

Г-н БАРРИНГТОН: Это правильно, милорд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется ли какое-либо другое возражение против них?

H1196 - 0216

H1196 - 0217

Г-н БАРРИНГТОН: Как я уже сказал, эти документы содержат выводы из фактов, составленные наблюдателем заграницей. Кроме того они довольно туманны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: это можно отнести к большому количеству доказательств.

Г-н БАРРИНГТОН: Против документов с № 187 по 192 и документа ТЦ-77 возражений нет.

№ № 193 и 194 представляют собой меморандумы германского министерства иностранных дел и содержат лишь обсуждения в рабочем порядке, имевшие место внутри германского министерства иностранных дел. № 193 представляет собой меморандум статс-секретаря министерства иностранных дел и касается его посещения французского посла. № 194 - аналогичный документ о посещении им английского посла.

№ 195 + представляет собой "Белую книгу" сэра Невиля Гендерсона "Провал миссии", а в книге документов имеется много выдержек из нее. Это-книга, а ряд выдержек из нее имеется в книге документов, и мы утверждаем, что они повторяют уже имеющиеся доказательства и, кроме того, большая часть их имеет провокационный характер. Это касается особенно первой выдержки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы имеете в виду, говоря "провокационный характер"?

Г-н БАРРИНГТОН: Как Вы увидите, милорд, в первой выдержке имеются довольно резко сформулированные мнения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В какой это книге?

Г-н БАРРИНГТОН: В шестой книге, милорд, здесь имеются довольно резко сформулированные мнения о позиции Советской России.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, продолжайте.

Г-н БАРРИНГТОН: Документы 196 и 197 представляют собой германские меморандумы и доклады для использования министерством иностранных дел и относятся к той же категории, что и документы 193 и 194. Один из них-внутренний меморандум министерства иностранных дел, а другой представляет собой меморандум германского поверенного в делах в Вашингтоне.

Против документов с № № 198 по 203 - у нас нет возражений.

Против документа № 204 мы возражаем, так как он не является доказательством. Это - меморандум директора политического отдела министерства иностранных дел в Берлине и здесь лишь говорится об отчете, помещенном в газете "Берлинер Берзенцейтунг" Это является лишь материалом, поступившим из вторых рук.

Против документов 205 и 206 мы не возражаем.

Против следующего документа ТД-72-74 мы не возражаем.

Документ № 207 является таким же, что и предыдущий. Это-простое повторение.

Далее документ № 208, Милорд, состоит из ряда выдержек из британской "Голубой книги" и я боюсь, что я не имел еще времени проверить, какие из этих документов уже представлены в качестве доказательств. Ясно, что большая часть этих документов, очевидно, относится к делу, но мы считаем, что те, которые помещены в колонке слева, содержат ненужные детали, учитывая остальные документы.

7924

H1196-0218

H1196 – 0219

Против № 209 у нас нет возражений.

№ 210 представляет собой беседу подсудимого Риббентропа с сэром Невилем Гендерсоном 30 августа 1939 г. и она, конечно, уже была предоставлена в качестве доказательства, пожалуй, в любом случае, по этой причине, этот документ является повторяющимся.

№№ 211а и 211б являются лишь повторением документов, цитировавшихся из британской "Голубой книги".

№ 212 является записью польской радиопередачи, а № 213 является воззванием к германской общественности и мы утверждаем, что эти документы не имеют доказательной силы.

№ 214 представляет собой выдержку из книги, в которой Трибунал уже отказал подсудимым.

На следующей странице замечаний, милорд, рассматривается следующая группа, касающаяся Норвегии и Дании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это четвертая группа - не так ли? Четвертая группа - это правильно?

Г-н БАРРИНГТОН: Да, Милорд, это четвертая группа.

Документ № 215А и 215Б касаются Исландии и Гренландии. Это не очень об"емистые документы. Обвинение считает, что они являются лишь не относящимися к делу. Против них не может быть выдвинуто сильных возражений.

Обвинение не возражает против документов № 216А и № 216Б, которые, кажется, уже были предоставлены в качестве доказательств, и док. Д-269 также уже предоставлен в качестве доказательства.

Документ № 217 представляет собой просто интервью, которое подсудимый Риббентроп дал прессе, и Обвинение считает, что оно не является настоящим доказательством.

№ 604-Пс уже предоставлен в качестве доказательства.

№ 218 и № 219, мне кажется, также предоставлены в качестве доказательств.

Против № 220 мы также возражаем, так как он представляет собой лишь интервью с прессой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему Вы возражаете против этих двух сообщений Риббентропа прессе?

Г-н БАРРИНГТОН: Это-созданное им самим доказательство, Милорд, Он, предположительно, уже сам дал эти показания. Он не дал их в одно и то же время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: То, что он сказал 6 лет тому назад, может быть относящимся к делу?

Г-н БАРРИНГТОН: Да, если Вы, милорд, так считаете. Но пункт, который я подчеркивал, заключается в том, что это-созданное им самим доказательство и созданное в определенное время с той целью, чтобы произвести впечатление. Это - пропаганда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, Вы можете сказать это.

Г-н БАРРИНГТОН: Затем, Милорд, следующая группа касается Нидерландов. В эту группу включены документы, начиная с № 218 и далее до 240.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это новая группа? Вы говорите о пятой группе?

Г-н БАРРИНГТОН: Это пятая группа, да, Милорд. Она охватывает документы с № 218 по № 245. И я не буду детально останавливаться на ней, потому что Французский Главный обвинитель намеревается выступить по этому поводу. То же самое относится к следующей группе № 6, которая касается Балкан. Французский главный обвинитель будет этим заниматься, - это документы от 246 до 278.

7926

H1196 - 0220

H1196 – 0221

Следующая группа № 7 касается России. В нее входят документы с № 280 по № 295, за исключением, я думаю, № 285а, который попал туда, кажется, по ошибке. Он, кажется, имеет отношение к США.

Я не могу установить, что представляет собой документ 279 на основании английского текста. Может быть, Вы, Милорд, будете добры внести поправку против номеров 282 и 285; они должны быть включены в среднюю колонку, поскольку против них мы не возражаем.

Но против всех остальных документов, относящихся к России, мы возражаем. Вы увидите, Милорд, что все документы, помещенные в конце группы с № 291 по № 295 касаются антикоминтерновского пакта.

Затем, идя снизу вверх по странице, документы № 291 по № 295 представляют собой выдержки из книги, которую Трибунал уже отклонил.

Из документов, помещенных наверху, № 280 представляет собой речь Гитлера о России в октябре 1939 г.

№ 281 является повторением документа, который мы уже имеем за № 274 и который представляет собой пакт трех держав. Он будет рассмотрен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что это воспроизведение того же текста?

Г-н БАРРИНГТОН: Да, Милорд, я думаю,-я прав, говоря, что это фактически воспроизведение того же текста.

ТРИБУНАЛ /Г-н БИДДЛ/ Но почему возникает возражение, если это лишь воспроизведение того же текста? Обвинение передали воспроизведение этого текста.

Г-н БАРРИНГТОН: У нас нет никаких возражений.

Г-н БИДДЛ: Вы имеете в виду, что этот документ находится не в правой колонке?

Г-н БАРРИНГТОН: Я помещал в колонку документов, касавшихся документов союзников, только те документы, которые представляют собой законченный комплект с точки зрения Обвинения.

Г-н БИДДЛ: Относится ли это также и к № 284 - советско-германскому пакту?

Г-н БАРРИНГТОН: Я не знаю, пред"являлся ли он ранее.

Г-н БИДДЛ: Почему Вы возражаете против этого документа в таком случае?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Говоря "Пакт", - Вы имеете в виду германский пакт от 28-го сентября 1939 года?

Г-н БАРРИНГТОН: Да, от 28 сентября 1939 года. Мне сообщили, что Обвинение против него не возражает.

Документ № 285 опять-таки представляет собой немецкий отчет, в котором содержатся некоторые выводы, основанные на фактах, и Обвинение считает, что он не имеет должной доказательной силы. Это очень пространный доклад германского министерства иностранных дел относительно агитации против Германской Империи, проводимой Советским Союзом в Европе, и он в большей части содержит в себе выводы, основанные на фактах и мнениях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это датировано числом после начала войны с Россией.

МАЙОР БАРРИНГТОН: Да, милорд. Это датировано числом после начала этой войны. Против документов №№ 286 и 287 мы возражаем, как против документов, не имеющих доказательной силы. Это-выдержки из "Фелькишер Беобахтер".

H1196 – 0222

H1196 - 0223

Утверждается, что документ № 288, является захваченным советским документом, но в английском тексте имеются некоторые неточности, нет даты и подписи и, по моему, он представляет собой очень сомнительную ценность.

Документ № 289 представляет собой доклад югославского военного атташе в Москве. Обвинение считает, что этот документ также является не относящимся к делу.

Затем идет группа № 8, Милорд. Эта группа касается Соединенных Штатов Америки и в нее входят документы с 299 по 310-А, включая документ 285-А. Первые 10 документов, как Вы увидите, милорд, представляют собой доклады, которые, как мы бы сказали, исходят из очень побочного источника, - текущий доклад польского посла о политическом положении в США в 1939 г. Следующий документ, кажется, исходит из Португалии, следующий вновь от польского посла и следующие два также от польского посла. Документ № 300 представляет собой речь президента Рузвельта о гарантиях в 1937 г. Обвинение считает, что это слишком отдаленное событие для того, чтобы быть должным образом относящимся к делу. Документ № 301 является германским изложением событий в Соединенных Штатах и, по нашему мнению, не относится к делу по причинам, которые я изложил, а именно потому, что это германское изложение, пожалуй, более ненадежное, нежели не относящееся к делу. № 302 представляет собой еще один доклад польского посла. № 303 представляет собой заявление президента Рузвельта, сделанное им в 1936 г., а № 304 - послание президента Рузвельта конгрессу от 4-го января 1939 г. Я не думаю, чтобы против них были возражения.

Документы № 305 по 308 возражений не вызывают. В моей книге имеется два варианта документа № 309. Первый вариант — это германское краткое изложение фактов, без даты и указания каких-либо источников. Он, кажется, не может иметь должной ценности, как доказательство, и второй вариант - документы 309 и 309-А представляют собой декларации панамериканской конференции и ответную ноту Германии. Я не думаю, чтобы Обвинение особенно сильно возражало против этих документов, но, мне кажется, что это не относится непосредственно к делу.

Документы ТЦ-72 № 127 и ТЦ-72 № 124 являются обращениями президента Рузвельта к Гитлеру и против них возражений нет. Документ 310 является другим германским кратким изложением фактов, без указания какого-либо источника.

9-я группа - включает документы разного характера, и если Вы, милорд, возвратитесь обратно к первой странице моих заметок, то вы увидите, что это первые 8 документов до № 45. У нас нет возражений против них. Все они допускаются, за исключением № 12, который представляет собой извещение о результатах выборов в рейхстаг. Будет этот документ предоставлен или нет - это не будет иметь никакого значения.

Документ № 45 представляет собой книгу лорда Ротермира "Предупреждения и предсказания" о предсказаниях и пророчествах, и, я полагая, что Обвинение считает, что эта книга не является относящимся к ~~делу~~ доказательством по этому делу.

На второй странице моих замечаний упоминаются опять-таки разные документы от № 70 до 73-го ~~номера~~. № 71 - это германо-литовский договор относительно Мемеля, против него возражений нет. Документ № 70, нам кажется, не относящимся к делу. №№ 72 и 73 касаются 14 пунктов президента Вильсона и, поэтому, Обвинение против них возражает.

7930

H1196-0224

H1196 – 0225

Следующая группа разных документов находится внизу на последней странице моих замечаний. Документ № 296 представляет собой речь Гитлера о Рейнской области. Если этот документ еще не предоставлен, то, поскольку у Вас имеется большой доказательный материал по этому вопросу, он кажется повторяющимся. Я не проверил еще, был ли он предоставлен.

Документ № 298 - наверху следующей страницы - является, по существу, лишним. Он повторяет № 274. И в конце последней страницы, Милорд, документ 311, - представляет собой изложенное в письменном виде мнение Риббентропа о личности Фюрера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот документ уже был исключен Трибуналом.

Г-н БАРРИНГТОН: Да, Милорд, документ кажется, Вы исключили его сегодня утром. Документ № 312 представляет собой письменное показание г-жи фон Риббентроп. Документ № 313 - письменное показание доктора Готфридзена. Насколько я понял, доктор Хорн, хотя ему было разрешено вызвать Готфридзена в качестве свидетеля, полагает, что он сэкономит время, если зачитает это письменное показание полностью или часть его. Пожалуй, если Вы, милорд, разрешите Обвинению выступить с теми замечаниями, которые оно сочтет нужными, во время самого предоставления документов, это будет наиболее удобным методом в данном случае. Это - все, что я хотел сказать, милорд. Остаются только Нидерланды и Балканы.

Г-н ДОДД: Господа судьи! Господин Баррингтон говорил от имени всех нас и я не намереваюсь касаться каких-либо из этих документов. Но я опасаюсь, что Члены Трибунала могут иметь некоторые сомнения по поводу наших возражений против документов с 76го по 116-й, с 118 по 122 и с 114 по 148 - польских документов. Мы, конечно, также заявляем вместе с

господином Баррингтоном, что они являются повторяющимися, но мне кажется, что имеется и другое, более принципиальное возражение. Все они касаются инцидентов, которые, якобы, имели место в Польше, и все они были опубликованы в этих "Белых книгах". Эти инциденты связаны с плохим обращением с польскими гражданами в самой Польше, которые, возможно, по происхождению являлись немцами. По нашему мнению, эти документы не относятся к делу, поскольку они не представляют собой защиту против выдвинутого обвинения, и мы не можем допустить, чтобы какие либо подсудимые защищались против таких обвинений, как те, которые были предоставлены здесь, попытками доказать, что граждане другого государства, даже если они были немецкого происхождения или какого-нибудь другого происхождения, подвергались дурному обращению в пределах границ этого государства.

Таким образом, сюда относятся документы с 76 до 116-го, со 118 по 122, 114 по 148 и 151 и 152-й, - я ошибся, - с 124 по 148, а не с 114 по 148, я повторяю: с 124 по 148, затем последние 151 и 152.

ШАМПЕТЬЕ ДЕ РИБ: Я прошу у Трибунала разрешения сделать два небольших замечания о документах, которые входят в пятую и шестую группу документов и которые касаются документов исключительно французского назначения - из "Белой германской книги". Французское Обвинение знает об этих документах. Французское Обвинение до сих пор не получило переводов документов, предоставленных докуором Хорном.

В первую часть документов группы № 5 входят документы с 221-го до 245. Это - документы генерального штаба, которыми доктор Хори хочет доказать, что Англия и Франция пытались нарушить нейтралитет Бельгии. Если мы просим

7932

H1196 – 0226

H1196 – 0227

Трибунал отклонить эти документы, то только потому, что мы считаем, что в обратном случае будет только потеряно время Трибунала. Мы думаем, наоборот, что имеются все доказательства в отношении Франции и Бельгии; как одна, так и другая страна сохраняли все обязательства, которые были ими приняты. О чем идет здесь речь? Необходимо главным образом выяснить , то ли это - Германия действительно, то ли Англия и Франция нарушили нейтралитет Бельгии?

Этот вопрос был поставлен подсудимому Риббентропу его защитником, причем подсудимый ответил в прошлую субботу самым ясным образом. Его заявление, конечно, Трибунал еще помнит. Там Риббентроп сказал, что совершенно ясно, что очень трудно в такой войне не нарушить нейтралитет какой-либо страны, и нельзя думать, что мы должны были это сделать по своей собственной воле.

Я Вам скажу следующее - в данном случае мы ясно видим, что Германия нарушила нейтралитет Бельгии, и поэтому совершенно излишне было бы терять время в отношении решения вопроса, являются ли данные 25 документов относящимися к делу?

Я перехожу ко второй группе документов - шестой группе. Сюда относятся документы генерального штаба, которые были захвачены Германией, в отношении событий на Балканах в 1939 и 1940 годах. Обвинение просит, господа судьи, отклонить также и эти документы, предложенные

доктором Хорном,

по следующим двум причинам.

Они не являются документами, которые имеют доказательную силу, они не являются аутентичными документами. Все они являются выдержками из "Белой книги", и с точкой зрения Обвинения по этому поводу Суд уже знаком. Большинство документов - это документы, оригинал которых не был предоставлен, и они даже не были предоставлены полностью.

Во-вторых, эти документы не относятся к делу, так как они являются проектами, которые рассматривались штабами во время последних месяцев 1939-го и первых месяцев 1940 года, (проекты в отношении интервенции Англии в Болгарии и в Греции). Перемирие 1940 г. /июнь/ затрагивало эти вопросы. Трибунал хорошо помнит об этом. Агрессия не против Греции была произведена в 1941 году + в апреле, когда гитлеровскому правительству нечего было опасаться проектов, которые замышлялись в 1939 г.

Эти проекты не имеют никакого отношения к делу и не должны рассматриваться здесь. В этом заключается просьба французского обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /обращается к доктору Хорну/ Пожалуйста, доктор Хорн.

/К трибуне походит доктор Хорн/.

Доктор Хорн, Трибунал считает, что, принимая во внимание те показания, которые дал подсудимый Риббентроп, Вы найдете возможным изъять некоторые из этих документов, учитывая то количество времени, которое уже было потрачено. Я хочу сказать, что подсудимый Риббентроп дал очень подробные показания и поэтому Вы будете в состоянии изъять некоторые из документов для того, чтобы сэкономить время.

Д-р ХОРН: Так точно, господин председатель. При подаче ходатайств об истребовании доказательственных документов я исключу все кумулятивные документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если Вы сообщите нам, какие документы Вы собираетесь исключить....

Д-р ХОРН: Конечно, господин председатель. Можно ли мне высказаться по некоторым основным вопросам, а именно о доказательной силе "белых книг" и докладов послов. Я должен указать на то, что эти документы сделали многое для создания политического мнения как у Гитлера, так и у Риббентропа.

7934

H1196 - 0228

H1196 – 0229

Я должен сказать, что обвинение само в достаточной мере основывалось на подобных документах, поэтому я прошу дать это право защите. Затем я хочу сказать несколько слов о документах французского генерального штаба. Здесь речь идет о документах, найденных в период похода во Францию в городе Ля Шарите, и если суд разделяет сомнение французского обвинения, то я прошу допросить в качестве свидетеля командующего фронтом 10 фельдмаршала Леба по вопросу о том, что эти документы были найдены в городе Ля Шарите. Польские документы, на которые я ссылался, были найдены в Варшаве. Об этом может дать показания генерал-фельдмаршал или генерал-полковник Бласковиц. Если у Суда возникнут сомнения, то я вызову в качестве свидетеля генерал-полковника Бласковица. Далее, разрешите уточнить мнение защиты. Мне кажется, что только тогда можно возражать против документов, если их недостоверность вытекает из самого содержания или если будет доказано, что этот документ - фальшивый. Все другие документы, которые содержат "Белые книги", сообщения посольств - я прошу суд допустить.

Что касается документов о польских меньшинствах, то я хочу сказать, что премьер-министр Чемберлен сам рассматривал вопрос о национальных меньшинствах, как самый решающий вопрос в отношениях между Германией и Польшей, который явился причиной войны. После провала этих переговоров, главным вопросом которых, наряду с вопросом о Данциге и коридоре, был вопрос о национальных меньшинствах, вспыхнула война; вопрос о меньшинствах был одной из причин войны, и я прошу допустить документы, относящиеся к этому вопросу, так как они показывают, как нарушались права меньшинств в Польше.

Если Трибунал будет согласен, я начну предоставлять документы и буду зачитывать наиболее важные места и при этом буду сообщать о том, какие документы я буду опускать.

Д-р ДИКС: Я был бы благодарен Трибуналу, если бы я мог сказать несколько слов, не относящихся к защите Риббентропа, к которой я никакого не имел никакого отношения, - об этом говорит господин Хорн, - но вообще об'ективно и не только с точки зрения защиты, а вообще высказать свою принципиальную точку зрения по отношению к различным проблемам, которые стоят здесь перед Трибуналом, когда он принимает решение по вопросу о вызове свидетелей или о предоставлении документов.

Я прошу дать мне это разрешение не потому, что я люблю выступать, а потому, что я надеюсь этим самым сократить время дебатов, так как я надеюсь, что Трибунал согласится с основными положениями моего высказывания и защитникам не нужно будет больше говорить по этому вопросу. Я предоставляю Трибуналу решить, должен ли я сделать это сейчас, или я должен подождать, пока мой коллега, доктор Хорн, представит свои документы. Во всяком случае, я охотно изложу эти вопросы, пока еще не приняты предложения Обвинения и доктора Хорна. Я хочу спросить Трибунал, могу ли я коротко изложить свою точку зрения по этим вопросам, которые мне кажутся очень важным в данный момент. Можно ли мне это сделать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

Д-р ДИКС: Я думаю, не говоря о ценности тех заявлений, которые здесь были только что сделаны, я думаю, что здесь были смешаны некоторые понятия. Мы должны различать совершенно точно: первое - относятся ли доказательства к делу, - это касается как свидетелей, так и документов; второе - подлежит ли этот документ, как таковой, использованию; третье - кумулятивен ли этот документ и следует ли его поэтому отклонить?

7936

H1196 – 0230

H1196-0231

Если Трибунал ответит на все эти три пункта отрицательно, а в последнем случае скажет, что это - кумулятивный документ, то он должен отклонить соответствующее ходатайство уже на данной стадии процесса.

Вопрос не о достоверности доказательства, т.е. можно ли верить показаниям свидетеля, или вопрос о том, можно ли верить документу, содержанию его, например, можно ли верить всему тому, что сказано в "Белых книгах" или нет - в то по моему мнению вопрос, который может быть разрешен только в том случае, если этот документ будет пред"явлен Трибуналу. Трибунал ознакомится с его содержанием и тогда примет решение - достоверен ли этот документ, или нет, следует ли ему верить или нет. Поэтому я думаю, что в данный момент вообще не следует говорить о том, что этот документ подлежит использованию, так как он является частью "Белой книги" - сборника документов германского правительства. Что "Белая Книга", т.е. вообще официальная книга документов всякого государства, может являться доказательством документальным - об этом никто не будет спорить. Можно ли верить приводимой цитате - этом вопрос может быть разрешен только после предоставления этого доказательства, т.е. если суд после предоставления этого документа ознакомился с содержанием соответствующих мест.

Я возвращаюсь к вопросу о доказательственной силе и возможности использования документов. Английский обвинитель сказал, что сообщения германских послов своему министру иностранных дел сами по себе не могут быть использованы. Так я, по крайней мере, понял. Только в том случае, если Обвинение хочет их предоставить, - они могут быть предоставлены; т.е., если Обвинение хочет предоставить эти документы в качестве доказательства виновности подсудимых, они имеют силу доказательства. Мне кажется, что эта точка зрения совершенно неверна. Английский обвинитель в связи с этим

H1196-0232

цитировал ст. 21-ую Устава. Она не имеет вообще ничего общего с этим вопросом. Статья 21-ая говорит, насколько я помню ее содержание - у меня нет под рукой Устава, но я кажется хорошо помню его, - только, что все документы, все расследования правительств стран-победителей, свидетельствующие о военных преступлениях в данных государствах, могут быть не рассмотрены здесь специально, а переданы суду как официальные документы. Но это ничего общего не имеет с достоверностью документов, предоставляемых германским послом своему министерству иностранных дел. Можно ли пред"являть все эти сообщения, мне кажется, это можно решить рассмотрев вопрос о том, что должно быть доказано этим документом и считает ли его суд важным доказательством и что этот документ должен быть обоснован одной стороной или обеими сторонами. Мне кажется, что эти сообщения посольств должны быть пред"явлены суду и затем нужно будет рассмотреть достоверность этих документов, т.е. оценить их об"ективную и суб"ективную достоверность.

Это все, что я хотел сказать о различии между понятиями достоверность, допустимость и доказательственная сила, т.е. между об"ективной и суб"ективной достоверностью доказательства предоставляемых документов.

К переходу к вопросу о кумулятивных документах. Конечно, все юристы в этом зале считают, что кумулятивных документов не следует представлять, но вопрос о том, является ли документ кумулятивным, ни в коем случае не должен быть разрешен формально, так сказать, механически.

Я вполне могу представить себе, что вопрос, который дословно совпадает с другим вопросом, поставленным до этого, не всегда является кумулятивным по причинам, о которых я буду сейчас говорить, и наоборот, что вопрос, который с внешней стороны совсем не похож на другой поставленный вопрос, все-таки является кумулятивным, т.к. он тре-

бует от свидетеля одного и того же показания, только выраженного другими словами. То, что один вопрос, который дословно соответствует уже поставленному вопросу, ~~не он~~ несмотря на это, не всегда является кумулятивным, не значит еще, что эти вопроса кумулятивны, и этим доказывает латинская пословица: Сидуо фактум идем иои вот идем". Если я, например, спрашиваю ~~кого~~-либо о личном мнении свидетеля, который является фанатиком - приверженцем нацистского режима, и тот же вопрос я задаю другому свидетелю, являющемуся фанатиком - противником нацистского режима, то эти оба вопроса отнюдь не являются кумулятивными, так как суду очень важно знать, каково мнение двух совершенно различных людей по одному и тому же вопросу. Поэтому нужно рассмотреть этот вопрос с точки зрения самого свидетеля, если вы хотите решить вопрос, является ли этот вопрос кумулятивным.

Другой пример тому, что вопрос, который абсолютно похож на уже поставленный вопрос, не всегда является кумулятивным, например, в том случае, если я поставлю этот вопрос обвиняемому свидетелю и свидетелю, на которого не падает обвинение. Я не хочу этим умалять ценность показания, данного самим подсудимым под присягой. Я далек от этого. Принципиально эти показания свидетелей совершенно одинаковы, но существует разница, - чтобы не быть многословным, я приведу один пример о внутреннем процессе, который хорошо известен подсудимому, - спрашиваю ли я свидетеля, который имеет представление о внутренних переживаниях подсудимого, или я спрашиваю самого подсудимого, внутренние переживания которого составляют часть внутренней сущности дела его преступления. На этом я кончаю, чтобы не занимать время суда своими теоретическими доказательствами. Целью этих доказательств является то, что я хотел бы только попросить Три-

7939

H1196 - 0233

H1196 – 0234

бунал при вынесении решения строго различать, я повторяю, два понятия: относится ли документ к делу и ценность этого документа, как доказательства, которое определяется после того, как документ будет допущен к рассмотрению. И я прошу суд при проверке вопроса, является ли этот документ кумулятивным, не придерживаться внешней стороны дела в этом вопросе, а необходимо проверить, не содержит ли он правдивых показаний и не подтверждает ли он решение, задать один и тот же вопрос различным лицам, или установить, подтверждает ли он одинаковые вопросы, освещенные различными документами. Я прошу Трибунал извинить меня за мою лекцию, но я надеюсь, что этим заявлением, которое мне частично удалось, я сокращу время дебатов по этим вопросам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Хори, Трибунал хотел бы знать, сколько времени Вы намереваетесь занять представлением этих документов, так как мы все более и более затягиваем процесс. Сколько времени Вы предполагаете занять? Вы уже решили, какие именно документы Вы готовы на"ать, если такие имеются?

ХОРИ: Господин председатель, мне нужно приблизительно два часа, в том случае, если обвинение не будет иметь ничего против. И я думаю, что за эти два часа здесь я успею сказать все, что я хочу, и зачитать необходимые мне цитаты. Итак, если обвинение не будет возражать, то я займу 2 часа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы уже слышали возражения Обвинения. Мы уже слышали их.
Мы рассмотрим эти возражения, а также любой Ваш ответ на эти возражения, но на данной стадии, учитывая, что еще нужно заслушать дела всех других подсудимых, мы не желаем, чтобы Вы детально рассматривали эти документы и зачитывали их. Мы надеемся, что Вы не сочтете необходимым цитировать эти документы после того, как Вы ответили на возражения Обвинения против некоторых из этих документов.

ХОРН: Я намереваюсь...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Закончили ли Вы свою аргументацию, отвечая на возражения Обвинения, или нет? Намереваетесь ли Вы далее рассматривать вопрос о допустимости каких либо из этих конкретных документов или нет?

ХОРН: Я намереваюсь, как этого пожелал Трибунал, по группам представить мои документы с соответствующими комментариями, а также сделать несколько замечаний в отношении возражений обвинителей. Больше у меня нет никаких намерений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Хорн, видите-ли, положение таково. Обвинение возразило против некоторых документов на определенных основаниях и мы хотим дать Вам полную возможность ответить на эти возражения. После того, как Вы полностью ответите на эти возражения, мы сочтем нужным об"явить перерыв и вынести решение по поводу этих возражений и представленных Вами доводов. Мы должны вынести решение, т.е. после того, как Вы ответите на эти возражения, мы об"явим перерыв и вынесем решения о том, какие из этих документов мы сочтем возможным принять в качестве доказательств.

ХОРН: Если Трибунал хочет принять решение после того, как я выскажу свои соображения в отношении возражений защиты и я прошу еще дать мне возможность разобрать принципиальные вопросы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту, д-р Хорн. Как Вы видите, сейчас 5 часов и сегодня мы не сможем закончить это. /Пауза, совещается/.

7941

H1196 – 0235

H1196 – 0236

Д-р ХОРН: если бы Вы могли закончить Вашу аргументацию в ответ на принципиальные вопросы, поднятые Обвинением, то мы считали бы, что наиболее удобным было бы, если бы Вы заняли для этого немного времени. Я хочу сказать, что Вы слышали то, что сказало обвинение об этих различных группах, и нам кажется более удобным, если-бы Вы смогли ответить на них сейчас в течение четверти часа.

Д-р ХОРН: Сначала я сошлюсь на документы № 48 по № 62. По поводу этих документов я хочу сказать следующее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

Д-р ХОРН: Документы № 48 до 61. Я буду основываться на заявлениях обвинения по этому поводу. Документы с № 48 по 61 были отклонены, ввиду того, что они не относятся к делу.

Здесь говорится о вооружении и подготовке противной стороны к войне. И только, если я сравню действия противников и Германии, я вникну мотивы, которые побуждали подсудимого фон Риббентропа и Гитлера решать принципиальные вопросы таким образом. Я не могу вообще судить о противозаконности действия, если я не знаю всех обстоятельств дела. А к обстоятельствам дела относится также и отношение противной стороны. Поэтому я считаю эти документы крайне важными.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

ХОРН: Следующую важную группу представляет собой документы по вопросу о национальностях в Польше. Обвинитель установил, что польско-германским соглашением от 5 ноября 1937 года со стороны обеих стран санкционирован вопрос о национальностях, т.е. это значит, что все нарушения международного права в отношении вопроса о национальностях были разрешены. Это совершенно неверно, так как какой-нибудь договор не санкционирует уже допущенных ранее нарушений.

В остальном при заключении немецко-польского соглашения 1934 г., как я докажу на основании документов, было согласовано, что после общей политической договоренности должна была последовать договоренность по вопросу о нацменьшинствах, о Данциге и о коридоре. Таким образом, эти вопросы должны были быть разрешены впоследствии путем договоренности и, если только не будет достигнута эта договоренность, польза будет ~~этого~~ на основании этого соглашения отменить. Документы, которые касаются нарушения международного права в вопросе о нацменьшинствах, так как это соглашение, как я уже сказал, содержит также соглашение по урегулированию вопросов о нацменьшинствах. Второе возражение против этой группы документов заключается в том, что вопрос о нацменьшинствах вообще не относится к делу. Я уже говорил, что даже английский премьер-министр Чемберлен признавал необходимость разрешения именно этого вопроса о нацменьшинствах. Я предоставлю документ и по этому вопросу. Это документ № 200 в моей книге документов. Все заинтересованные в этом политические круги считали необходимым разрешить этот вопрос, и эти документы, следовательно, относятся к делу. Поэтому я прошу допустить эти документы. Эти документы не могут быть отклонены по соображениям их кумулятивности. Я хочу доказать этими документами, что с 1919 года все время нарушались договора о нацменьшинствах и я предоставлю документы международного суда в Гааге, а также документы Лиги Наций в Женеве, свидетельствующие о том, что нарушения прав нацменьшинств производились в течение свыше 20 лет.

С возражением против документов с 286 по 289 со стороны русской делегации я согласен и исключаю документы с 286 по 289. Ввиду того, что Трибунал отклонил книгу "Америка в борьбе континентов", я исключаю документы под № 290 I-5. Кроме того, и в других документах я ссылался на эту

7943

H1196 – 0237

H1196-0238

книгу. Я исключаю все документы, которые относятся к этой книге "Америка в борьбе континентов".

Что касается сообщений послов, то я еще раз сошлюсь на мои заявления и заявления моего коллеги доктора Дикса. Я думаю, что чисто принципиально, исходя из правовых соображений, а также и из того факта, что Обвинение использовало эти документы, следует и защите дать возможность использовать эти сообщения, тем более, что эти сообщения являются основой мировоззрения политических деятелей Германии.

По той же причине я не могу отказаться от документов французского генерального штаба. Здесь было сказано о документах с 221 по 269, что они не относятся к делу. Они относятся к делу, так как с этими странами мы имели договоры о нейтралитете и в этих договорах было сказано, что Германия уважает нейтралитет этой страны только в том случае, если эта страна будет уважать ее нейтралитет. Поскольку существует возможность доказать, что противная сторона не уважала его, можно установить, намеревалась ли Германия вести агрессивную войну против этих стран.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вопрос, поднятый господином Шампетье де Риб - один из вопросов, (которых) заключался в том, что Франция не участвовала в войне к 1940 году. Поэтому документы, составленные французским генштабом в 1940 году, не имели отношения к событиям 1941 года - не так ли? Он поднял именно этот вопрос.

ЛОРД: Вы имеете в виду французского обвинителя?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, французского обвинителя.

ХОРН: Да, да. Но тот факт, что со стороны Франции имели место известные Германии нарушения нейтралитета, совершенно изменяет положение, так как нельзя в таком случае сказать, что Германия вела агрессивные войны с этими странами, когда нам было известно, что противная сторона хотела сама занять эти государства и уже осуществляла это намерение путем посылки офицеров генерального штаба. Поэтому нейтралитет нарушает сама Франция своим собственным желанием, и обнаруженные документы французского генерального штаба только подтверждают эти сообщения. Вследствие этого нельзя обвинять Германию в нарушении нейтралитета. Поэтому я прошу Трибунал допустить эти документы к рассмотрению.

Относительно других документов я прошу разрешить мне говорить тогда, когда я их буду представлять Трибуналу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Видите ли, доктор Хорн, мы хотим принять решение по этому вопросу после того, как мы заслушаем Ваши аргументы. Мы не хотим принимать решения по каждому документу в отдельности, мы хотим, чтобы вы их сгруппировали также, как это сделано Обвинение, с тем, чтобы мы могли составить суждение о них и вынести решение.

ХОРН: Вот это-заключительные соображения, которые я хотел бы сделать по поводу возражений обвинения. Я еще раз прошу Трибунал сделать различие между принципиальными соображениями доктора Дикса и моими заявлениями относительно отдельных групп документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо, сейчас мы об"являем перерыв.

/Об"является перерыв до 10 ч. утра 3 апреля/

7945

H1196 – 0239

H1196 – 0240

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
от 3 апреля 1946 года.

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал рассмотрел каждый из документов, представленных доктором Хорном - защитником подсудимого Риббентропа, и выносит следующее решение. Я буду упоминать только те документы, против которых Трибунал не принял возражений и которые Трибунал отклоняет, т.е. те документы, против которых не были приняты или разрешены возражения за некоторыми исключениями, о которых я скажу позднее.

Что касается документов, против которых имеются возражения, то Трибунал отклоняет документы, идущие за следующими номерами: 12, 45, 48, с 48 по 61 включительно-эти номера документов отклоняются. Трибунал разрешает документ № 62 и отклоняет документы за №№ 66, 67 и 69. Трибунал разрешает документ 70 и отклоняет документы: 72, 73, 74. Трибунал отклоняет документы с 76 по 81-й включительно и разрешает документ 82. Трибунал отклоняет документ 83 и разрешает документы с 84 по 87 включительно. Трибунал отклоняет документы с 88 по 116 включительно. Трибунал отклоняет документы с 118 по 126 включительно и разрешает документ 127. Трибунал отклоняет документы со 128 по 134 включительно. Трибунал отклоняет документы со 135 по 148 включительно. Трибунал отклоняет документы 151 и 152. Трибунал разрешает документы 155 и 156. Трибунал отклоняет документы 157 и 158. Трибунал отклоняет документ 161 и разрешает документ 162. Трибунал разрешает документ 164. Трибунал разрешает документы с 165 по 183 включительно и отклоняет документ 184. Трибунал разрешает документы 185 и 186 и отклоняет документ 191. Трибунал разрешает документ 193 и 194 и отклоняет документ 195

/параграфы I-И, 2-И, 3-И и 4-И/ и разрешает документ 195 /параграфы 5-И, 6-И, 7-И, 8-И и 9-И/. Трибунал отклоняет документы 196, 197 и 198. Трибунал отклоняет документы 204 и 207 и разрешает весь документ 208. Трибунал разрешает документ 210 и отклоняет документ 211/а/ и /в/ и документ 212. Трибунал разрешает документ 213 и отклоняет документы 214, 215-А и Б. Трибунал разрешает документы 217 и 220, а также документы с 221 по 245 за исключением документа 238, а также исключает все комментарии, содержащиеся в этих документах. Трибунал отклоняет документы с 246 по 269 и отклоняет 270 и 271. Трибунал отклоняет документы 275 и 276 и разрешает 277 и 278.

Что же касается документа № 279, то Трибунал хотел бы, чтобы доктор Хори об"яснил, что это за документ, так как тот экземпляр, который имеет Трибунал, не заверен. Этот документ № 279, д-р Хорн, находится, по-моему, в 8-й книге документов.

ХОРН: В документе № 279 содержится пакт о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик от 23 августа 1939 года. Разрешите представить мне суду заверенную копию этого пакта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторите, пожалуйста, то, что Вы сказали. Я Вас не понял.

ХОРН: В документе содержится германо-русский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года. Текст пакта о ненападении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Тогда этот документ будет разрешен. 280 и 281 разрешаются, 282, 283, 284 разрешаются, 285 отклоняется, с 286 по 289 были из"яты,

H1196-0241

H1196 – 0242

290 также из"ят, 291 разрешается, 292 отклоняется, 293, 294, 295 отклоняются, 296 разрешается, с 298 по 305 включительно отклоняются, 306 разрешается, 307 отклоняется, 308 разрешается, 309 и 309-А - оба отклоняются, 310 отклоняется, 311 уже был отклонен, 313 разрешается, 314 отклоняется, 317 разрешается, 318 отклоняется, 312 разрешается. Против него не было возражений.

Д-р Хорн, у меня нет документов 315 и 316, Вы хотите их представить?

ХОРН: 315-й, господин председатель, является аналогичным номеру ПС-1834, т.е. он был уже предоставлен и поэтому его не надо представлять вторично.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это относится также и к 316, д-р Хорн?

ХОРН: № 316; это тоже № ПС и поэтому его больше не надо предоставлять.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кажется, теперь мы обсудили все Ваши документы?

ХОРН: Г-н председатель, от 312-го я сам отказываюсь и прошу взамен этого принять документ № 317. В нем имеется письменное показание под присягой...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я сказал, что 317 разрешается.

ХОРН: Спасибо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Теперь, д-р Хорн, хотите ли Вы сказать что-либо о тех документах, которые мы разрешили. Если желаете комментировать те документы, которые мы разрешили Вам представить, то можете сделать это сейчас. Мы не настаиваем на том, чтобы Вы это делали, но, если желаете, то Вы это можете сделать.

ХОРН: Мои комментарии будут краткими, но можно мне просить Вас, чтобы я сделал эти замечания во время, назначенное судом для того, чтобы я мог перегруппировать документы, но не занимал лишнее время у Суда, ибо сейчас

эти документы все еще подшиты и это займет более длительное время, если я буду сейчас представлять их, чем если я смогу немедленно представить разрозненные документы. Поэтому я прошу Суд назначить мне время, когда я должен буду предстовить эти документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ваша просьба будет удовлетворена.

ХОРН: Да, тогда я закончу свое дело и мне будет нужно очень немного времени, чтобы сделать к некоторым, не ко всем документам некоторые краткие комментарии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если д-р Нельте готов представлять доказательства по делу подсудимого Кейтеля, то Трибунал думает, что Вы, возможно, вкратце сможете коснуться Ваших документов в 2 часа. Будет ли это удобно для д-ра Нельте?

ХОРН: Я спрошу моего коллегу.

/Д-р Хорн совещается с д-ром Нельте/.

Г-н д-р Нельте сообщил мне, что он сейчас принесет свои документы и немедленно начнет свое дело.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

/К микрофону подходит доктор Нельте/.

Д-р Нельте, Трибунал Вам очень признателен за то, что Вы сейчас можете начать предстовление Ваших доказательств.

Д-р НЕЛЬТЕ: Господин председатель, я начинаю изложение дела Кейтеля тем, что прошу Вас вызвать подсудимого к свидетельскому пульту. Я допрошу его, а вчера я передал со списком те документы, которые я использую при допросе. Я надеюсь, что эти документы находятся в Вашем распоряжении, так что Вы сможете следить за вопросами, как это желательно в интересах беспрепятственного разрешения вопросов.

H1196 – 0243

H1196 - 0244

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит, Вы вызываете подсудимого Кейтеля?

НЕЛЬТЕ: Да.

/Подсудимый Кейтель подходит к свидетельскому пульту/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ/обращаясь к подсудимому/. Как Ваше имя и фамилия?

КЕЙТЕЛЬ: Вильгельм Кейтель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повторяйте за мной слова присяги: "Клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю."

/Кейтель повторяет слова присяги/.

Вы можете сесть, если желаете.

/Кейтель садится/.

НЕЛЬТЕ: Я прошу Вас дать нам краткое описание Вашей военной карьеры.

КЕЙТЕЛЬ: В 1901 г., в начале марта, я вступил в один из артполков прусской армии в качестве кандидата на офицерскую должность. В начале первой мировой войны я был полковым адъютантом этого полка. После ранения в сентябре 1914 г. я с ноября был командиром батареи в своем полку. С весны 1915 г. я занимал различные посты в штабах соединений, вначале в штабах соединений действующей армии, а позже в качестве офицера штаба дивизии. В конце войны я был начальником штаба морского корпуса во Фландрии. Затем я добровольно вступил в

рейхсвер. С 1929 г. я был руководителем отдела в организационном управлении сухопутных сил в министерстве рейхсвера. После перерыва с 1933 по 1935 г., я 1октября 1935 г. стал начальником отдела вооруж.сил имперского военного министерства, то-есть начальником штаба военного министра. Во время моей службы на фронте, я стал генерал-майором. Я тогда командовал пехотной бригадой. 4 февраля 1938 г. я был неожиданно назначен начальником штаба при фюрере или начальником главного командования вооруженных сил ОКВ. 1 октября 1939 г. я стал генералом пехоты, а после западной кампании в 1940 г. - фельдмаршалом.

НЕЛЬТЕ: Вы были членом национал-социалистской германской рабочей партии?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я не был членом этой партии и по Закону о всеобщей воинской повинности не мог им быть или стать.

НЕЛЬТЕ: Но Вы получили золотой партийный значок? По какому случаю Вы его получили?

КЕЙТЕЛЬ: Это верно. В апреле 1939 г. Гитлер вручил мне золотой почетный значок партии, одновременно с командующим сухопутными силами генералом фон Браухичем. Фюрер сказал, что это должно быть воспоминанием о вступлении немецких войск в Чехословакию. На золотом почетном значке было выгравировано 16 и 17 марта.

НЕЛЬТЕ: В 1944 г. Закон о всеобщей воинской повинности был изменен так, что и солдаты действующей армии могли стать членами партии. Что Вы сделали тогда?

7951

H1196 – 0245

H1196 – 0246

КЕЙТЕЛЬ: Это верно, что в конце лета или осенью 1944 г. Закон о всеобщей воинской повинности был изменен в том смысле, что и солдаты, проходящие действительную службу, могли быть членами партии. Мне тогда предложили сообщить свои личные данные для вступления в члены партии. Одновременно мне было предложено пожертвовать деньги для партии. Тогда я сообщил свои личные данные руководству партии и перевел также на его счет денежную сумму. Однако, членом партии, насколько я знаю, я не стал, членского билета я никогда не получал.

НЕЛЬТЕ: В какой степени вы участвовали в мероприятиях партии?

КЕЙТЕЛЬ: В связи с занимаемым мной постом и в связи с тем, что я постоянно сопровождал фюрера, я неоднократно участвовал в официальных мероприятиях партии. Так, например, я участвовал в партийных с"ездах в Нюрберге, далее в открытии ежегодной кампании зимней помощи. И, наконец, я должен был, согласно приказу, ежегодно 9 ноября вместе с представителем партии участвовать в траурной процессии в память о павших 9 ноября 1923 г. Это должно было играть символическую роль в отношении борьбы 9 ноября между вооруженными силами и партией. В особых заседаниях и совещаниях партийного руководства, носившим по вопросам внутрипартийный характер, я никогда не участвовал. Фюрер говорил мне, что он этого не желает. Так, например, я 9 ноября ежегодно бывал в Мюнхене, но никогда не принимал участия во встречах так называемых ответственных руководителей партии.

НЕЛЬТЕ: Какие ордена Вы получили во время войны?

КЕЙТЕЛЬ: Во время войны, зимой 1939/40 года я получил рыцарский крест к Железному кресту. Иных германских военных орденов у меня не было.

НЕЛЬТЕ: Есть у вас сыновья?

КЕЙТЕЛЬ: У меня было три сына, и все три служили офицерами на фронте во время войны. Младший погиб в 1941 году в России, второй-майор-пропал без вести в России, и старший сын - майор - взят в плен.

НЕЛЬТЕ: Фельдмаршал Кейтель, я хотел бы в известной степени перед началом допроса по вашему делу задать вам принципиальный вопрос: Какую основную позицию занимали вы, как солдат, офицер и генерал, в проблемах, с которыми вы сталкивались по своей профессии?

КЕЙТЕЛЬ: Я был солдатом, я могу сказать, по склонности и убеждению. Я свыше 44 лет непрерывно служил своему отечеству и своему народу, как солдат, и я всегда стремился отдать все свои силы на службу своей профессии Я верил, что я должен это делать ради выполнения долга в беспрерывном труде и в полной преданности тем задачам, которые поручались мне на моих многочисленных и различных постах.

Я делал это с одинаковым рвением при кайзере, президенте Эберте, фельдмаршале фон Гинденбурге и фюрере Адольфе Гитлере.

7953

H1196-0247

H1196 – 0248

НЕЛЬТЕ: Какова Ваша позиция сегодня?

КЕЙТЕЛЬ: Как германский офицер, я считаю само собой разумеющимся долгом отвечать на то, что я сделал, даже, если это было неверным. Я благодарен, что мне дана возможность здесь и перед немецким народом дать отчет о том, кем я был и о моем участии во всех событиях. Было ли это моей виной или случайным стечением обстоятельств, - это не всегда можно определить ясно. Только одно я считаю невозможным, - сваливать вину на солдат с передовой линии, командиров подразделений и частей на фронте и заявлять, что высшее руководство уклоняется от ответственности.

По моему мнению, это неверно и я считаю это также и недостойным. Я убежден в том, что широкие массы наших смелых солдат в принципе были честными и что повсюду, где выходили за границы допустимого, наши солдаты действовали, будучи глубого уверены в военной необходимости и правильности отданных приказов.

НЕЛЬТЕ: Обвинение в связи с предоставлением документов о военных преступлениях и преступлениях против человечности всегда указывало на письма, приказы и т.д., подписанные вашим именем. Здесь были предоставлены многие так называемые приказы Кейтеля, директивы Кейтеля. Следует проверить, находились ли и в какой степени Вы и Ваша деятельность в первоначальной связи со всем тем, что явилось следствием этих приказов. Что Вы можете

сказать
(по этому общему обвинению?

КЕЙТЕЛЬ: Верно, что большое количество приказов, распоряжений и директив находится в связи с моим именем, и следует также признать, что такие приказы содержали в себе различные отклонения от существующего международного права. С другой стороны, имеется также группа распоряжений и приказов, которые не основываются на военных соображениях, а основываются на соображениях идеологического порядка. Я имею в виду целый ряд директив, которые были изданы перед началом похода против Советского Союза и которые постоянно издавались также и в последующее время.

НЕЛЬТЕ: Что вы можете сказать в свое оправдание относительно этих приказов?

КЕЙТЕЛЬ: Я могу только сказать, что я в принципе за все те действия, которые были совершены в соответствии с этими приказами и которые связаны с моим именем и подписью, я несу всю ту ответственность, которая связана с моим служебным положением, и далее, что я несу ответственность за все отделы и управления верховного командования вооруженных сил, которые подчинялись мне, в той степени, в какой они были обоснованы с точки зрения морали и права.

НЕЛЬТЕ: На основании чего можно судить о значении вашего поста и об"еме вашей правовой ответственности?

7955

H1196 – 0249

H1196 – 0250

КЕЙТЕЛЬ: Это сказано в уже часто упоминавшемся приказе фюрера от 4 февраля 1938 года.

НЕЛЬТЕ: Я передав вам этот приказ для того, чтобы у вас перед глазами был его текст. В этом приказе фюрера в абзаце первом говорится:

"Командную власть над всеми вооруженными силами я беру с настоящего момента лично и непосредственно на себя".

Что означало это в связи с тем положением, которое существовало ранее?

КЕЙТЕЛЬ: Ранее у нас имелся главнокомандующий вооруженными силами, это был фельдмаршал фон Бломберг, и, кроме того, был Верховный главнокомандующий вооруженными силами, которым, согласно конституции, был глава государства, в данном случае - Гитлер. С уходом в отставку главнокомандующего вооруженными силами фон Бломберга остался лишь один высший командующий, это был сам Гитлер, и с этого момента он сам обладал командной властью над всеми тремя частями вооруженных сил: сухопутными силами, военно - воздушными и военно-морскими силами. Ведь здесь сказано: "с настоящего момента непосредственно". Этим ясно сказано, что не должно было быть никакой промежуточной инстанции, имевшей право издавать приказы,

7956

Итак, что приказы Гитлера, как Верховного главнокомандующего вооруженными силами, непосредственно отдавались частям вооруженных сил и их командующим. Там сказано еще " непосредственно" и " лично"_, это тоже имело тот смысл, что " лично" означало, что, так сказать, заместителя на этом посту у него не было и не должно было быть.

Нельте: На основании этого я полагаю, что Вы никогда не подписывались буквами " И.Ф." " За" ?

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Я не помню ни одного случая, когда я подписался -бы " за ", и по нашим военным принципам, если бы был поставлен вопрос о замещении, то только старший по рангу командующий частями вооруженных сил имел-бы на это право.

НЕЛЬТЕ: В абзаце 2-м приказа от 4 февраля 1938 года говорится: "Бывший отдел вооруженных сил имперского военного министерства со своими задачами подчиняется непосредственно мне, как ОКВ и как мой военный штаб ". Какое это имеет отношение к штабу, который был тогда создан ?

КЕЙТЕЛЬ: Верховный командующий вооруженными силами имел свой военный штаб в виде отдела вооруженных сил, то-есть в виде отдела вооруженных сил в военном министерстве. И этот отдел вооруженных сил Гитлер, как верховный командующий, взял под свое руководство в качестве своего военного штаба и тем самым этот штаб должен был работать под его руководством как его личный рабочий штаб. Одновременно с ликвидацией должности главнокомандующего вооруженными силами была ликвидирована также должность военного министра, то - есть больше не было военного министра и военного министерства в том смысле, в каком это понималось до того, и тем самым стало ясно, что хотел Гитлер, а именно, чтобы между мной и

H1196 – 0251

H1196 - 0252

частями вооруженных сил, как по инстанции, так и в ведомственных функциях, не было никакой промежуточной инстанции, которая бы имела какие либо собственные функции.

НЕЛЬТЕ: Этим приказом Вы были назначены на новый пост под наименованием" начальника ОКВ ". Я хочу выяснить, верно ли это наименование " начальник ОКВ " , т.е означает ли оно действительно то, что можно предположить, согласно этому наименованию?

КЕЙТЕЛЬ: Я должен сказать, что лишь теперь мне ~~собственно~~ стало ясно, что это наименование в своей сокращенной форме, собственно , не совсем соответствует действительности. Точно говоря, следовало-бы сказать: - "начальник штаба ОКВ", а не сокращенно: " начальник ОКВ ", так как из выступлений обвинения - я неоднократно должен был заключать, что понятие "~~начальник~~ шеф-" было здесь понято в том смысле, что он является командующим, начальником учреждения с правом давать приказы, а это, конечно, ошибочный вывод. Это не было ни постом, в смысле начальника-командующего, ни также , что, пожалуй, можно было предположить, постом вроде поста начальника генерального штаба. Это тоже наверно. Я никогда не был начальником генерального штаба вооруженных сил. Гитлер хотел в этих вопросах все права, всю командную власть об"единить у себя, и это не только констатация фактов после всего совершившегося, но он мне давал ясно это понять при случае, частично в связи с тем, что он говорил мне: " Этого я никогда не добился-бы при Бломберге ".

НЕЛЬТЕ: У меня здесь имеется представленное обвинением заявление фельдмаршала фон Браухича.

КЕЙТЕЛЬ: Разрешите мне кое-что еще добавить. Я говорил о том факте, что это не было постом, соответствовавшим посту начальника генерального штаба, так как принципиальная установка Гитлера заключалась в том, чтобы

H1196 – 0253

командующие частями вооруженных сил , каждый в отдельности, имели свой собственный генеральный или оперативный штаб, и что вовсе он не хотел того, чтобы главное командование вооруженных сил вместе со штабом оперативного руководства взяло на себя функции генерального штаба. Таким образом, на практике работа велась при участии генеральных штабов частей вооруженных сил, тогда как в главном командовании вооруженных сил имелся небольшой штаб оперативного руководства, который являлся рабочим штабом Гитлера по стратегическим вопросам и особым поручениям.

НЕЛЬТЕ: Тогда то, что сказал фельдмаршал фон Браухич в своем письменном показании под присягой, о котором я уже говорил, пожалуй, верно ? Здесь сказано: " Если Гитлер решил добиться своих политических целей путем военного давления или использования военных средств, то главнокомандующий сухопутными силами получал, если он имел к этому отношение, сначала, как правило, устную информацию или соответствующий приказ, а вслед за тем в командовании сухопутных сил разрабатывались планы развертывания войск и операций. После того как они , как правило, устно были представлены Гитлеру и были им утверждены , издавался письменный приказ ОКВ частям вооруженных сил ". Такое положение верно?

КЕЙТЕЛЬ: Да. В принципе это верно в той степени, ~~хо~~ что окончательная формулировка данного поручения командующему сухопутными силами давалась в форме указания , как мы говорили, и притом на основании уже доложенных и утвержденных планов в целом. Эта работа производилась в штабе оперативного руководства и, таким образом, штаб оперативного руководства не был такой инстанцией, которая действовала самостоятельно , или которая , при издании приказа, исключительно занималась этими вопросами, а, наоборот , оперативный штаб и я принимали участие в этом

H1196 – 0254

принципиальном урегулировании или признании предложений и придавали им форму, которая утверждалась затем Гитлером, как верховным командующим. Таким образом, эти приказы затем, выражаясь технически, передавались нами дальше.

НЕЛЬТЕ: У меня также имеются письменные показания под присягой генерал-полковника Гальдера по тому-же вопросу. Вы знаете эти показания за № 1. Я думаю отказаться от оглашения их и только в целях доказательства я хочу на них сослаться, т.к. они были представлены обвинением. Обвинение, однако, передало также другие показания без особого номера. Показания озаглавлены: " Принципы организации германских вооруженных сил. "

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это тот документ, который, как Вы говорите, Обвинение представило в качестве доказательства, но не присвоило этому документу соответствующего номера ?

НЕЛЬТЕ: Этот документ был передан мне Обвинением и притом я думаю, что он был передан американским обвинением 26-го ноября 1945 года. Я не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите сказать, что этот документ никогда не был представлен обвинением в качестве доказательства ?

НЕЛЬТЕ: Я не думаю, что я могу это решить, я полагаю, что документы, которые представляются нам, защитникам, одновременно передаются суду, если не как документальное доказательство, то, по крайней мере, для сведения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что за документ? Это что-письменное показание под присягой или нет ?

НЕЛЬТЕ: Это не письменные показания под присягой, а лишь тезисы американского обвинения, которые, как я полагаю, были использованы в качестве основы для

для Обвинения против организации ОКВ и т.д.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот документ находится в вашей книге документов ?

НЕЛЬТЕ: В моей книге документов его нет, т.к. я полагал, что этот документ имеется у суда. Это во всяком случае, г-н председатель,—это очень короткий документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, господин Додд может сказать, что это за документ ?

Г-Н ДОДД: Я попытаюсь помочь. Это, вероятно, один из документов, которые мы передали в суд, но не представили в качестве доказательства. Это неоднократно имело место на начальной стадии процесса.

НЕЛЬТЕ: Я лишь хочу сослаться на небольшой отрывок, небольшой раздел этих тезисов, который я хочу процитировать Тем самым я, может быть, избегну представления этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотите представить в качестве доказательства полностью письменное показание, данное под присягой? Я не имею ввиду сейчас, а вообще Вы собираетесь представить это показание, да ?

НЕЛЬТЕ: Я полагаю, что Обвинение уже представило этот документ. Я лишь хочу сослаться на него.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Письменное показание полностью ? Но под каким номером идет этот документ, если он был уже представлен?

НЕЛЬТЕ: И на этом письменном показании под присягой нет номера. Обвинение...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как-же обвинение может знать, что он был представлен, если он не имеет номера ?
Этот документ представляет собой письменное показание Гальдера, которое, возможно, и было представлено в качестве доказательства, но отклонено было судом .

H1196 – 0255

H1196-0256

НЕЛЬТЕ: Нет, тогда было предоставлено большое количество письменных показаний под присягой: фон Браухича, Гальдера, Хайзингера и еще многих других генералов, которые находятся в Нюрнберге. Все эти письменные показания не имеют номера, как доказательство.

Г-н ДОДД: эти письменные показания были предоставлены обвинением США. У меня нет сейчас номера, но, по-моему, документ этот был представлен в то время, когда полковник Тейлор представлял от имени американского обвинения дело верховного командования и генерального штаба. Первый документ, на который сослался доктор Нельте, не является письменным показанием. Этот документ был предоставлен Трибуналу и Защите полковником Тейлор. В этом документе были изложены основные принципы организации верховного командования и ОКВ и он был представлен до того, как Тейлор начал представлять эти материалы по этому делу. Это-работа, собственно, нашего аппарата в Нюрнберге.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, в виду того, что документ, на который Вы ссылаетесь, не является письменным показанием Гальдера, а представляет собой компиляцию, ~~то~~ Трибунал считает, что Вы не можете представить этот документ в качестве доказательства, но можете задать вопросы свидетелю по поводу этого документа.

НЕЛЬТЕ: В этих тезисах Обвинение говорит следующее: После 1938 года, таким образом, существовали четыре отдела, т.е. ОКВ-главное командование вооруженных сил, ОКХ - командование сухопутных сил, ОКЛ - командование военно-воздушных сил, ОКМ - командование военно-морских сил, и каждое командование имело собственный генеральный штаб. Что вы можете сказать по этому поводу?

КЕЙТЕЛЬ: Я могу только сказать, что это неверно и противоречит показаниям, которые я уже дал относительно функций командования частей вооруженных сил и ОКВ. Не существовало четырех таких учреждений, их было лишь три, а именно: ОКХ, ОКЛ и ОКМ.

Главное командование вооруженных сил, как личный непосредственный рабочий штаб, в этом смысле не являлось самостоятельным учреждением, имеющим командные функции, как я уже сказал ранее. Командующие частями вооруженных сил были командующими, имели командную власть и осуществляли ее по отношению к войскам, подчинявшимся им. Главное командование вооруженных сил не имело командной власти и ему также не подчинялись никакие войска, которым оно могло бы давать приказы.

Я вспоминаю из выступлений Обвинения, что однажды было сказано, что "Кейтель был главнокомандующим вооруженных сил". Это тоже неверно. Я это говорю лишь для того, чтобы подчеркнуть это здесь. Далее я хотел бы в отношении этого предоставленного мне документа обратить внимание на последнюю страницу, где имеется схема.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, эта схема является диаграммой, озаглавленной "Вооруженные силы". Это -

7963

H1196 – 0257

H1196 – 0258

схематическое изображение всех главнокомандующих вооруженных сил и частей вооруженных сил.

КЕЙТЕЛЬ: Таким образом, я считаю, что мне следует лишь коротко указать на то, что именно эта диаграмма явилась основанием для этого ошибочного утверждения, так как ОКВ показано здесь как особое командное учреждение, это неверно.

НЕЛЬТЕ: Какие задачи имели вы в этом военном секторе, как начальник ОКВ?

КЕЙТЕЛЬ: Сначала важная задача состояла в том, чтобы предоставлять фюреру все документы, затем все требуемые им справки и вопросы, + все это должно было представляться в общем при участии штаба оперативного руководства вооруженных сил. Разрешите сказать, что штаб оперативного руководства вооруженных сил в этом отношении исполнял функции, которые можно охарактеризовать тем, что Гитлер имел непосредственную и тесную связь с генеральными штабами частей вооруженных сил благодаря этому штабу. Кроме этого предоставления бесконечного количества таких документов, которые требовались ежедневно,

второй функцией было то, что я должен был присутствовать на всех совещаниях с командующими частями вооруженных сил и начальниками генеральных штабов так же, как и начальник штаба оперативного руководства, так как в этих случаях немедленно отдавался ряд устных приказов и эти приказы в соотношении с военными принципами должны были позже получить письменное подтверждение. Только таким образом можно было избежать появления ошибок или недоразумений, т.е. путем подтверждения устных приказов письменными приказами. Это - цель и смысл приказа.

НЕЛЬТЕ. Каким образом вы подписывали приказы, проекты которых в большинстве случаев вы составляли?

КЕЙТЕЛЬ. Верно, что именно подобные приказы и указания почти исключительно подписывались мною. В действительности это были уже ранее данные приказы, которые уже давно были переданы по инстанциям. Из этого следует, а также это можно видеть из массы представленных здесь документов, что форма, которую я обычно применял, заключалась в том, что я писал в начале, или после короткого вводного предложения: "фюрер приказал". В большинстве случаев эти приказы для адресата не были неожиданностью и не представляли собой ничего нового. Это было лишь подтверждение. В аналогичной форме я также издавал не оперативные приказы, значительное количество организационных и иных приказов, которые разрабатывались под моим руководством и затем передавались дальше. Причем особо следует указать на то, что я почти ни в одном случае не отправлял приказов без того, чтобы еще раз при ежедневном докладе не показать их моему верховному командующему для того, чтобы удостовериться, что я ни в коей степени и ни в какой форме не понял его неверно, и не написал ничего такого, что, я подчеркиваю это, не было одобрено им текстуально.

7965

H1196 – 0259

H1196 – 0260

НЕЛЬТЕ. Существовала также другая категория приказов и распоряжений...

КЕЙТЕЛЬ. Разрешите мне еще кое-что сказать по этому вопросу?

НЕЛЬТЕ. Пожалуйста.

КЕЙТЕЛЬ. Я хочу раз"яснить. Из представленных здесь документов, те документы, которые подписывал лично Гитлер, были изданы под грифом "Фюрер и главнокомандующий вооруженными силами". Есть несколько исключений, когда такие указания подписывались также мной "по поручению". По этому поводу как раз я и хотел дать свои об"яснения.

Здесь имеет силу то же самое соображение, а именно, что указания, которые обычно неоднократно просматривались Гитлером, в случае необходимости, должны были быть изданы срочно и вследствие трудности получения подписи верховного главнокомандующего было необходимо подписать приказ в этой форме. Но я подписывался не "за", а "по поручению".

В иных случаях это делалось так, как я уже описал ранее, а именно в форме указаний, которые затем подписывались мною.

Я хотел бы при этом также упомянуть, что, если здесь имеется ряд документов под грифом "командующий, верховный главнокомандующий вооруженными силами" , а иногда иначе - "главное командование вооруженных сил" и на них имеется подпись "По поручению Йодль", то я хотел бы сказать, что почти автоматически можно доказать, что меня случайно не было в данный момент на месте, иначе подписал бы я, так как я был начальником штаба, который по военным принципам должен был подписывать такие приказы.

НЕЛЬТЕ. В представленной здесь памятной записке имеется следующее предложение: "ОКВ об"единяло в себе деятельность штаба и деятельность министерства. Речь идет о делах, которыми ранее ведало имперское военное министерство как таковое и которые также перешли к ОКВ". Как обстояло дело

H1196 – 0261

с этими министерскими функциями ОКВ?

КЕЙТЕЛЬ. Да. Эта формулировка, которая здесь содержится, не является неправильной, но, по крайней мере, не слишком ясна, ибо ни в коем случае положение не было таковым, что главнокомандование вооруженными силами выполняло все те функции, которые выполнял ранее военный министр. Имелось значительное количество функций и вопросов, которые военный министр, как министр, а также тем самым как ответственное лицо, мог решать и решал в отношении главнокомандующих частями вооруженных сил, которые никогда не были переданы начальнику ОКВ, т.е. мне.

Тогда создалось следующее положение: все те функции, на основании которых существовало право отдачи приказов и которые фюрер не хотел сам взять на себя, – все они в той степени, в какой они давали право отдавать приказы и принимать решения, были переданы главнокомандующим частями вооруженных сил.

Чтобы обрисовать это положение, я хотел бы из своих воспоминаний назвать несколько важных примеров: например, личные дела офицеров, принятие решений по всем жалобам, основные вопросы бюджета и экономические вопросы, судопроизводство и т.д., которые были подведомственны военному министру, были переданы командующим. Все вопросы и права набора служащих; я мог бы назвать еще многое, но я считаю, что это должно быть лишь примером того, что в тех случаях, когда надо было принимать решения, например, об увольнении какого-либо чиновника или служащего или его приеме, – решение выносил не начальник ОКВ, а командующие частями вооруженных сил, которые получили эти права в дополнение к своим прежним правам, которые ранее относились к кругу обязанностей военного министра. Только фюрер мог принять эти решения по тем

вопросам, которые он сам особо оговорил.

Так же и в других областях деятельности главного командования вооруженных сил в последующие годы дело дошло до ограничения его задач: вследствие ликвидации отдела военной экономики было создано министерство вооружений; вследствие ликвидации управления разведки и контрразведки, т.е. службы информации, из которой у главного командования вооруженных сил осталась войсковая контрразведка,—все остальные функции были из"яты. Я мог бы привести много подобных случаев.

Мои права, таким образом, заключались в следующем: во всех принципиальных вопросах, которые охватывали этот сектор внутриведомственной работы, я был обязан в каждом случае получать решения фюрера. Решать я мог только текущие вопросы, и, если между заинтересованными сторонами по какому-либо административному вопросу, между частями вооруженных сил, существовало полное согласие, в таком случае не требовалось никакого решения.

Поэтому, обобщая, я хотел бы еще раз констатировать, что главное командование вооруженных сил не имело никаких собственных полномочий, и можно только сказать, что Гитлер фактически совмещал функции главнокомандующего вооруженных сил и функции военного министра, чтобы тем самым, я еще раз повторяю, можно было при всех обстоятельствах исключить всякие промежуточные инстанции между ним и командующими частями вооруженных сил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об"является перерыв до 2 часов.

/Об"является перерыв до 14.00/

7968

H1196 – 0262

H1196-0263

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 3 апреля 1946 года.

Вечернее заседание.-

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, хотя Трибунал и заявил, что в два часа он заслушает д-ра Горна, но, однако, мы не хотели бы прерывать перекрестного допроса подсудимого Кейтеля, если вы желаете продолжить его. Таким образом, вы должны решить этот вопрос сейчас.

НЕЛЬТЕ: Доктор Горн согласен с тем, чтобы я продолжал допрос Кейтеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

/К микрофону подходит Додд/.

Г-н ДОДД: Господа судьи. С целью оказания помощи Трибуналу, я установил, что первое письменное показание, данное под присягой Гальдером, на которое сегодня утром ссылался д-р Нельте, было представлено за № США-531 полковником Тэйлором I января. Второе письменное показание Гальдера, на которое также ссылался д-р Нельте, было представлено за № США-533 полковником Тэйлером 5 января.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю Вас.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, господин Додд был столь любезен, что он предоставил мне соответствующее количество экземпляров статьи: "Принципы организации германской армии" для того, чтобы я мог передать их суду, я сейчас это сделаю.

/Прямой допрос Кейтеля д-ром Нельте/.

H1196-0264

Вы/обращаясь к Кейтелю/ в конце Вашего ответа говорили о том, что 4 февраля 1938 года часть полномочий, доныне принадлежавших военному министерству, была передана составным частям вооруженных сил. Другая же часть их была передана ОКВ. В упомянутом приказе относительно этой передачи сказано: "Верховное командование вооруженными силами принимает на себя функции военного министерства. Начальник штаба ОКВ, по моему поручению, выполняет те функции и осуществляет те полномочия, которые доныне принадлежали военному министру".

Скажите мне коротко, каковы были эти функции и полномочия? Я сам передам суду схему, которая была передана в отдел переводов для того, чтобы ее перевели, но, к сожалению, я не знаю, была ли эта схема переведена или нет.

КЕЙТЕЛЬ: Те функции министерского характера, которые действительно в рабочем порядке были переданы ОКВ, были распределены на ряд управления и осуществлялись там, вернее, соответствующие вопросы разрабатывались, и я сейчас коротко охарактеризую наиболее важные из управлений и их функции.

Сначала несколько слов о штабе оперативного руководства, который существовал как управление или отдел ОКВ и тем самым находился, с точки зрения подчиненности, в таком же положении, как и все прочие отделы ОКВ, но все-таки занимал среди них в вопросах подчинения некоторое привилегированное положение. Как уже явствует из самого названия, - штаб военного оперативного руководства был органом, который находился в личном распоряжении самого фюрера. На этот отдел не распространялись также и некоторые административ-

ные полномочия.

Затем имелось общее управление вооруженных сил, которое занималось преимущественно административными вопросами и вопросами министерского порядка. Тот отдел можно было бы назвать маленьким военным министерством.

Затем управление разведки и контрразведки; его задачи- административного порядка в основном и частично оперативного порядка.

Затем управление вооружения и военной экономики, причем я должен сказать, что в 1940 году это управление было ликвидировано и после него осталось существовать только небольшое военно-экономическое управление. Это управление занималось вопросами тыла, всеми областями снабжения армии, о которых я не хочу сейчас говорить, такими, как обеспечение армии оружием, углем, горючим и т.д.

Затем было большое управление, в круг задач которого входили вопросы, связанные с обеспечением армии резервами и которое занималось вопросами набора в армию. Затем жкрижж центральное управление, которое занималось всякого рода вопросами относительно штатов внутри ОКВ; затем юридическое управление и разного рода другие незначительные отделы, о которых здесь не стоит подробно рассказывать.

Таким образом осуществлялась административная деятельность ОКВ. Я хотел бы эту часть...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, я думаю, что Трибунал придерживается того различия между генеральным штабом верховного командования и ОКВ, о котором говорил подсудимый. Однако, считаете ли Вы необходимым для Трибунала заниматься всеми

H1196 - 0265

H1196 – 0266

этими подробностями?

НЕЛЬТЕ: Я уже закончил этот раздел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

НЕЛЬТЕ: Я хотел бы задать подсудимому...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прежде чем Вы закончите с этим документом, который Вы только что представили Трибуналу, - я имею в виду диаграмму, - намереваетесь ли Вы представить этот документ Трибуналу в качестве документального доказательства?

НЕЛЬТЕ: Я прошу принять этот документ в качестве документального доказательства, и в самое ближайшее время этот документ будет представлен в переводе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если действительно Вы представляете этот документ, то какой номер будет этого документального доказательства? Вы должны все Ваши доказательства представлять под номерами.

НЕЛЬТЕ: Пожалуйста, примите этот документ под № К-I-А.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто составил эту диаграмму?

НЕЛЬТЕ: Эта схема была подготовлена защитниками и технический отдел обвинения изготовил ее в нескольких экземплярах. Обвинение также имеет эту схему.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Спрашивали ли Вы подсудимого о том, может ли он подтвердить правильность этой схемы?

НЕЛЬТЕ: Фельдмаршал Кейтель, пожалуйста, посмотрите эту схему и установите, правильно ли она составлена.

КЕЙТЕЛЬ: Да, я узнаю эту диаграмму.

РУДЕНКО: Обвинение не получило этой схемы и поэтому обвинение желало бы, прежде чем дать заключение, ознакомиться с этой схемой.

H1196 – 0267

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, имеются у Вас еще копии этой диаграммы?

НЕЛЬТЕ: Да, ее сейчас же принесут и мы раздадим. Тогда я прошу отложить ваше решение по этому вопросу, пока эти схемы не будут в достаточном количестве переданы Обвинению.

КЕЙТЕЛЬ: Я признаю эту схему правильной. Она не содержит тех небольших изменении, которые произошли с начала существования ОКВ до того момента, о котором я только что говорил, который наступил вследствие реорганизации министерства вооружения и т.д. Эта схема показывает характер деятельности его в течение последних лет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, продолжайте, доктор Нельте.

НЕЛЬТЕ: Для того, чтобы покончить с этим комплексом вопросов, я хочу сказать следующее: правильно ли то, что все представленные Обвинением приказы Кейтеля и декреты Кейтеля фактически являются приказами фюрера, т.е. приказами, которые базируются на основе данных фюрером указаний и пожеланий и составлены по его поручению и по его приказанию?

КЕЙТЕЛЬ: Да. Это правильное определение положения. Я хотел бы еще раз в заключение суммировать и сказать лично от себя и констатировать, что, как это было сказано мною в начале, поскольку они находятся в связи с моим именем, я также нес и несу ответственность за них, ибо положение было таковым: я, конечно, знал содержание этих приказов, которые я подписывал, в тех документах, которые были мне представлены, я узнаю, конечно, свою подпись и тем самым признаю аутентичность документа; я хочу добавить,

что в случае, если они шли в разрез с моими понятиями, как солдата, или у меня было какое-либо другое возражение по поводу этих приказов, то я говорил об этом и старался предотвратить осуществление тех приказов, которые я не считал совершенно правильными. Но я считаю своим долгом заявить, что если это было в конечном счете решение Гитлера, то тогда эти приказы издавались мной и передавались по инстанции без какой-либо дополнительной проверки.

НЕЛЬТЕ: Прежде чем я приступлю к следующему разделу моих вопросов, я хотел бы добавить следующее: обвинение по вопросу об участии Кейтеля во многих указанных здесь преступлениях исходило из самых различных фактов. Эти факты сами по себе не всегда находятся в связи друг с другом и зачастую довольно противоречивы. Обвинение, в частности, заявило, что Кейтель пользовался огромным авторитетом и занимал важный пост. Затем оно заявило, что он был послушным оружием в руках других и что взаимоотношения между Кейтелем и Гитлером были интимными. Вы поймете, конечно, что подсудимый, который хочет раз"яснить или опровергнуть эти заявления, должен подробно рассказать о взаимоотношениях между ним и Гитлером.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте! Сейчас подсудимый именно это и делает. Он об"ясняет свои взаимоотношения с Гитлером, а если Вы хотите, чтобы он продолжил свои об"яснения далее, Вы должны задать ему дополнительные вопросы.

НЕЛЬТЕ: Я только хотел спросить его дополнительно о его личном отношении к Гитлеру, до сих пор он говорил о служебном. Расскажите, пожалуйста, что-либо о вашем сотруд-

H1196 – 0268

H1196 – 0269

ничестве с Гитлером. Пожалуйста, говорите очень кратко, говорите только самое необходимое, но все-таки так, чтобы создалось правильное представление.

КЕЙТЕЛЬ: Мое сотрудничество с Гитлером можно охарактеризовать только как работу, которая имеет место между большим военачальником и его подчиненным. Другими словами, эти были такие же взаимоотношения, какие были у меня со всеми военными начальниками, под началом которых я служил в штабах во время всей моей службы в армии. Мое отношение к Гитлеру никогда не выходило за рамки этого строго военного, чисто солдатского отношения по службе. Я, конечно, был вправе и был обязан высказывать мою точку зрения. Насколько трудно это было, об этом может судить только тот, что знает, что Гитлер привык к тому, чтобы уже после нескольких слов дальнейшее обсуждение проводить лично и тем самым исчерпывающе освещать намеченную для обсуждения тему со своей точки зрения. Поэтому после этого вообще было очень трудно вернуться к той теме, о которой шла речь.

Я должен сказать, что я научился во время моей службы в высоких военных штабах, так сказать, обращению со старшими военными начальниками. Но те отношения, которые я встретил здесь, были совершенно непривычными для меня, они поразили меня и зачастую заставляли меня сомневаться в необходимости своих высказываний. Это вполне понятно, если знаешь, что Гитлер в важных военных вопросах, осторожно выражаясь, был человеком с самыми широкими замыслами реформационного характера, которым я противостоял как солдат с 37-летним стажем старой школы.

НЕЛЬТЕ: Скажите, во время войны это тоже имело место или Вы говорите о довоенном времени?

КЕЙТЕЛЬ: Во время войны эти противоречия, если хотите, несколько смягчились благодаря тем событиям, которые имели место, так как все действия были чрезвычайно актуальны и поэтому взаимоотношения всех несколько изменились. Поэтому все эти элементы противоречий не выступали в такой яркой форме. С другой стороны, дело обстояло так, что Гитлер на всех совещаниях по текущим вопросам собирал вокруг себя довольно большой круг/около 20 человек/ и, с точки зрения солдата, беспощадно выдвигал обвинения в виде порицании и критики, как правило, тех лиц, которые даже не присутствовали на совещании.

Я выступал в защиту отсутствующего, который не мог сам оправдать себя. Вследствие этого упреки и обвинения направлялись против меня и мое солдатское воспитание, в конечном итоге, принуждало меня воздержаться от дальнейших возражений, так как офицеру не подобает возражать начальнику в присутствии младших чинов или протестовать против чего-либо
в их присутствии
или не соглашаться с мнением своего начальника. Фюрер вообще не терпел возражений со стороны начальника и авторитетных лиц, независимо от их чина. Можно было лишь сделать попытку, поговорить с ним об этом с глазу на глаз.

НЕЛЬТЕ: Скажите, были ли Вы уверены в том, что Вы пользуетесь полным доверием у Гитлера?

КЕЙТЕЛЬ: Я не могу ответить на это утвердительно, но должен буду честно сказать, что это доверие со стороны Гитлера ни в коей мере не было безоговорочным. И сегодня я

H1196 – 0270

H1196 – 0271

знаю достаточно хорошо, что было очень много таких вопросов, по которым он никогда не высказывался в моем присутствии и по которым он никогда не доверял мне.

Дело было в том, что Гитлер по отношению к старым и пожилым генералам, по крайней мере, питал какое-то чувство недоверия. Они для него являлись людьми устаревшей, ушедшей в прошлое военной школы и в этом смысле он был для нас, старых солдат, человеком, который хотел внести в армию и в методы воспитания армии новые революционные мысли. Это обстоятельство зачастую приводило к очень тяжелым обострениям во взаимоотношениях. Я думаю, мне не нужно об этом подробно говорить. Но самым неприятным было то, что недоверие выражалось в одной форме, а именно в том, что он всегда думал, что я всегда сговариваюсь за его спиной с генералами сухопутных войск и поддерживаю их против него. На эту мысль, может быть, его наводило то обстоятельство, что я их всегда защищал, когда они отсутствовали, и это тоже часто приводило к очень большим и серьезным разногласиям.

НЕЛЬТЕ: Следует установить, как надо расценивать Ваше сотрудничество с Гитлером и особенно, в какой степени Вас можно рассматривать как его ближайшего сотрудника, ближайшего советника и т.п. Скажите мне, пожалуйста, обсуждал ли с Вами Гитлер свои планы, как это обычно делают при тесном сотрудничестве, и советовался ли он с Вами относительно их?

КЕЙТЕЛЬ: Я должен буду в целом ответить отрицательно на этот вопрос. Это ни коим образом не соответствовало характеру Гитлера иметь советника такого порядка, если

под словом советник следует понимать человека, который дает советы. Советником такой человек мог быть только в том смысле, что он сообщал ему на основании своего опыта, как старого солдата, какие-либо сведения военного порядка, но не был ни в коем случае советником в том смысле, чтобы советовать ему принимать те или другие серьезные решения, которые, по-моему, здесь имеются в виду. Как правило, принятию решения всегда предшествовала подготовительная работа минимум в течение ряда недель, а иногда даже в течение ряда месяцев. В это время нужно было работать над тем, чтобы подобрать различные документы и материалы, но что касается главного момента, то-есть самого решения, то он не признавал ничьего совета. Всегда дело кончалось неизменно тем, что его последним ответом на все было: "Это мое решение, и оно неизменно".

Это было об"явление его решения.

НЕЛЬТЕ: Скажите, если на эти решения отвечали различные ведомства, то разве не имели место совместные совещания относительно этих вопросов?

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Я не помню такого случая, чтобы какое-либо действительно важное решение с 1938 года когда-либо было принято в результате совместного совещания, скажем, партийных и военных начальников или других каких-либо министров, ибо своеобразие Адольфа Гитлера заключалось именно в том, что, как правило, каждое ведомство и каждое лицо, отвечающее за данное ведомство, обсуждали интересующие Гитлера вопросы с ним с глазу на глаз. Он узнавал от них то, что его интересовало, и на основании этого он выискивал те элементы, при помощи которых он

7978

H1196-0272

H1196 – 0273

самостоятельно строил свои планы. Следовательно, дело обстояло не так, как это может показаться с первого взгляда при просмотре всех этих документов и протоколов различных собраний и совещаний с генералами или еще кем-либо с перечислением присутствовавших на этих заседаниях. Никогда такие встречи с Гитлером не носили характера совещания. Об этом вообще не могло быть речи. Наоборот, фюрер имел какую-то определенную мысль и по целому ряду соображений чувствовал, что мы не согласны с его мыслями, хотя и не выражали этого вслух. Поэтому он использовал это как повод к тому, чтобы изложить свой образ мыслей в более широком кругу, не допуская, однако, обсуждения его всеми. Таким образом, можно сказать, что совещания и собрания, о которых упоминается в этих документах, никогда не носили характера настоящих совещаний, на которых давались советы. Я должен добавить, что даже формальная сторона таких встреч была такова, что по военному образцу старший комендант устанавливал, что присутствует столько-то генералов, затем все садились, появлялся фюрер, выступал с речью и уходил. При такой ситуации никто вообще не мог даже найти момент, чтобы сказать что-либо. Для того, чтобы охарактеризовать все это двумя словами, и я действительно не преувеличиваю, можно сказать, что это были не совещания, а отдача приказов.

НЕЛЬТЕ: Теперь перейдем к другому вопросу. Обвинение утверждает, что Вы были членом имперского правительства. Что Вы можете сказать по этому поводу?

КЕЙТЕЛЬ: Я никогда не входил в состав имперского правительства, никогда не был членом имперского кабинета. Я должен также заявить, что я никогда не был мини-

стром. В приказе от 1938 г. говорится: "Он имеет ранг имперского министра", а не "Он является имперским министром". Выражение "министр" должно было просто означать ранг министра, и это имело свою причину. Мне следует сослаться лишь на то, что я сказал сегодня утром: между Гитлером и вооруженными силами и родами войск не должно было существовать должностного лица, имевшего полномочия министра. В ответ на неоднократно произносившуюся Обвинением фразу: "Ведь он имел ранг министра", я должен пояснить, что прежде чем был издан этот приказ, я поставил вопрос: с кем я буду иметь дело - со статс-секретарями или с министрами? Гитлер на это возразил: "Если Вы по моему поручению говорите с другими имперскими министрами, то Вы, конечно, можете это сделать только в ранге министра, а не статс-секретаря". Это и является об"яснением этих слов в декрете: "Он имеет ранг министра".

НЕЛЬТЕ: Скажите, Вы в главной ставке совещались с какими-либо авторитетными, влиятельными лицами, как, например, Риббентроп, Розенберг, Шпеер, Заукель и др.?

КЕЙТЕЛЬ: Приемы министров или уполномоченных в главной ставке проходили по плану и одновременное присутствие нескольких влиятельных лиц имело место очень редко. Для всех них, как правило, было предусмотрено специальное время. Я, конечно, как правило, узнавал о том, что в главную ставку прибыл министр иностранных дел, или министр Шпеер, или генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы Заукель и т.д. Но я вызывался на такие собеседования с этими господами, которые Гитлер проводил с ними с глазу на глаз, только по чисто военным вопросам. Я мог бы

7980

H1196 – 0274

H1196 – 0275

привести примеры. Но, как стало здесь известно из допроса статс-секретаря Штеенграхта, было бы неверно думать, что эти господа, которые приезжали в главную ставку, образовывали там нечто вроде небольшого согласованного в действиях кабинет. Гитлер с каждым из этих деятелей и должностных лиц беседовал наедине, давал им свои задания и затем отпускал их. Случалось, конечно, и так, что перед от"ездом эти господа беседовали со мной по каким-либо вопросам, которые я должен был для них разрешить в виде любезности, или они по заданию фюрера информировали меня о каком-либо принятом решении или о том, что я должен передать уже принятое решение военным инстанциям, которые должны были знать его.

ЯЛЬТЕ: В заключение я хотел бы узнать следующее: можно ли выражение, которое содержится в Обвинительном заключении - "интимные" - применить каким-либо образом к характеристике Ваших взаимоотношений с Гитлером, будь то личные взаимоотношения или служебные?

КЕЙТЕЛЬ: В Обвинительном заключении я нашел это слово и задумался над тем, откуда возникло это представление. Честно говоря, я могу ответить на этот вопрос только то, что никто от меня лично никогда не слышал о тех постоянных трудностях, которые в действительности имели место в моих взаимоотношениях с Гитлером. Я всегда умалчивал о них. Во всяком случае, эти отношения в том смысле как я понимаю это слово "интимные"-не были интимными отношениями. Я не знаю, обозначает ли в английском переводе слово "интимный" то, что мы обозначаем им, то-есть такое отношение доверия, при котором люди могут высказывать

H1196 – 0276

свои мысли абсолютно откровенно. Этого не было. Я уже охарактеризовал эти взаимоотношения. Да и не в характера Гитлера было относиться так к генералам, к пожилым генералам, к которым принадлежал и я.

Независимо от этого, часто длившегося целыми неделями, тесного общения чисто служебного и крайне формального характера, о котором не стоит подробно говорить, его отношение к подчиненным никогда не было таким, чтобы кого-либо из них можно было бы назвать его ближайшим советником или ближайшим сотрудником, которое мне было известно по моим многочисленным постам, которые я занимал в штабах по службе. Я должен сказать, что никогда не существовало искреннего взаимопонимания и взаимного доверия. Наши взаимоотношения оставались всегда корректными, но это были официально-военные взаимоотношения, они никогда не выходили за рамки таковых.

НЕЛЬТЕ: Приказом от 4 февраля 1942 года был создан тайный Совет министров. Согласно содержанию этого приказа, Вы должны были быть членом этого тайного Совета министров. В целях экономии времени, я спрошу Вас только следующее: подтверждаете ли Вы на основе того, что Вы знаете лично, показания рейхсмаршала Геринга в отношении того, что создание этого тайного Совета министров было только фиктивным и что в действительности этот тайный Совет министров не был учрежден и никогда не проводил заседаний?

КЕТЕЛЬ: Я могу на это ответить только утвердительно. Да, никогда.

НЕЛЬТЕ: Я перехожу сейчас к комплексу вопросов, касающихся Имперского Совета обороны. На заседании от 23 ноября господин обвинитель в качестве документального доказатель-

ства пункта обвинения о вооружении и активном участии вооруженных сил в планировании агрессивных войн, представил документ ПС-177, который был представлен, как запись заседания Совета от 22 мая 1933 года.

Я должен сказать, что я воспользовался переводом из стенограммы и не знаю, правильно ли переведено выражение: "имперский совет обороны". В записи говорится, что это заседание рабочего комитета. Чтобы правильно ориентировать Вас, я должен сказать, что имперский совет обороны должен был быть организацией министерского порядка и наряду с ним существовал еще рабочий исполнительный комитет.

В качестве второго документа был представлен документ ЕЦ-405, который являлся записью заседания того же совета от 7 мая 1934 года. Третий документ - 2261-ПС - имперский закон обороны от 1935 года с одновременным назначением господина Шахта генеральным уполномоченным по вопросам экономики. Вы бесспорно принимали участие в решении вопросов обороны страны. Эти документы были представлены также и в качестве доказательств обвинения по Вашему делу, и я прошу, чтобы вы высказались по следующему вопросу: занимались ли совещания, на которых Вы присутствовали и которые Вы проводили, вопросами подготовки войны и вооружения?

КЕЛЛЕЛЬ: С самого начала и до конца деятельности этой организации я лично принимал участие в работе комитета референтов и могу назвать себя инициатором этого комитета референтов. Я был одним из тех, которые стояли за совместную работу этого комитета с министерством

7983

H1196 - 0277

H1196 - 0278

обороны. Как начальник Организационного управления штаба сухопутных сил, я зимой 1929-1930 г.г., т.е. еще за три года до того, как к власти пришло правительство Гитлера, создал этот комитет референтов, сам подобрал членов этого комитета после того как рейхсканцлер Брюнинг и министр внутренних дел Пруссии Северинг дали на это свое согласие. Я должен заметить, что на всех заседаниях всегда присутствовал представитель тогдашнего министра Северинга, который должен был следить за тем, чтобы здесь не случилось ничего такого, что нарушило бы условия Версальского договора. Работа эта была чрезвычайно утомительной, ибо ни один министр и ни один начальник ведомства не был обязан исполнять желания армии и министерства обороны. Все это было создано по принципу добровольности. В результате этого работа подвигалась вперед чрезвычайно медленно. Комитет референтов заседал примерно два-три раза в год. Мы занимались в основном, выражаясь кратко, тем, какую помощь могут оказать гражданские ведомства тому, чтобы высвободить для выполнения чисто боевых задач 100-тысячную армию солдат. Конечно, только в рамках охраны наших границ, как об этом говорится в Версальском договоре: "Защита границ". Я руководил всеми заседаниями этого комитета, за исключением периода времени с 1933 по 1935 год. Я не был председателем, но я руководил обсуждениями и поэтому я могу сказать, о чем там говорилось.

Мы занимались только вопросами обеспечения охраны границ. Чтобы быть правильно понятым, я назову некоторые из них. Войска надо было освободить от охраны почты, железных дорог, радиостанций, трансформаторных станций, от гарнизонной службы на границах, это должна была взять на себя таможен-

7984

охрана. Надо было улучшить связи с Восточной Пруссией, проложить кабельную сеть.

Я не хочу вас утомлять этими перечислениями, все это были мероприятия оборонительного характера, которые имели своей целью высвобождение недостающего числа солдат для чисто военных функций, ибо я думаю, что не нужно будет доказывать, что можно сделать, имея 100-тысячную армию, для действительного использования ее в войне. Какие-либо иные вопросы, выходящие за эти рамки охраны границ, в этом комитете никогда не обсуждались. Путь деятельности комитета был таков: референты созывались мной для того, чтобы они докладывали соответствующим начальникам их ведомств или статс-секретарям ~~те~~ свои замечания и пожелания, а затем своими красноречивыми доводами они должны добиться того, чтобы начальники ведомств освободили бы нас от задач, так чтобы мы могли сказать: это сделают другие, об этом нам не надо беспокоиться.

Оперативные вопросы, стратегические вопросы, вопросы вооружения, вопросы обеспечения армии военным имуществом,- такого порядка вопросы никогда не обсуждались на этих совещаниях и я их могу поручиться в этом. Это были чисто организационные вопросы передачи тех функций, которые в общем являлись обязанностью солдата и которые мы хотели передать гражданским ведомствам.

Теперь о заседании от 22 мая 1933 года, о котором неоднократно уже говорилось. Уже в заглавии протокола, предъявленного здесь, сказано: До сих пор этим ведал имперский министр обороны, теперь имперский совет оборо-

7985

H1196 - 0279

H1196 – 0280

ны. Это я только что раз"яснил. До сих пор этими вопросами занимался имперский министр обороны, который был выше комитета министров других ведомств. Теперь эти функции были вменены в обязанность начальникам всех тех ведомств, которые имели непосредственное отношение к ним, т.е. министрам, которые именовались Советом обороны. Поясняю. Каждый член этого комитета был представителем определенного министерства. Министр, являвшийся начальником этого члена комитета вместе со своими коллегами-министрами, как это имело место тогда, входил в состав имперского совета обороны. Это был совет, а мы составляли комитет. Поэтому до сих пор эти задачи входили в круг обязанностей имперского военного министра, теперь можно было сказать, как я уже выразился: теперь эти задачи ложились на других министров. В разделе 3 особенное ударение делалось на рабочие планы. Эти планы, говоря кратко, являются предшественниками справочника о порядке проведения мобилизации. То-есть этот справочник является последней стадией работы, в то время как рабочие планы, относящиеся к 1933 году, были промежуточной стадией.

Затем о заседании от 22 мая 1933 года, о заключительных словах на этом заседании. На них Обвинение делало особое ударение, а именно в отношении секретности этого заседания, на котором, как явствует из протокола заседания, я заявил, что в письменных столах министерства не должно храниться никаких записей, которые могли бы повести к каким-либо недоразумениям на конференции по разоружению в Женеве. Верно, я это сказал, и потому, что референты сообщали мне, что они ничего не имели, кроме незакрывавшихся столов, в которых они могли бы хранить свои материалы, и потому, что бывший

7986

военный министр фон Бломберг, который почти два года находился в Женеве на конференции по разоружению, перед этим заседанием приказал мне принять это к сведению, так как Женева окружена агентами, шпионами, которые стремились отыскать какие-либо доказательства тому, что, несмотря на переговоры о разоружении, уже отмечаются факты, которые можно рассматривать, как нарушение Версальского договора.

НЕЛЬТЕ: Я передал справочник о порядке проведения мобилизации для гражданской администрации. Это - документ ЕЦ-1639. Этот документ был представлен для того, чтобы доказать, что речь шла о, якобы, о разработке планов агрессивной войны. Дайте, пожалуйста, свои пояснения к отношении этого документа, какую цель преследовал этот справочник.

КЕЙТЕЛЬ: Я уже говорил, что еще ранее, в 1932 и 1933 г.г. отдельные министерства имели так называемые рабочие планы, в которых указывалось, о чем они должны позаботиться, если какие-либо события потребуют их участия в обороне страны. В течение нескольких лет прибавились новые задачи, и все это привело, наконец, к созданию этой книги распоряжений по привлечению к выполнению военных задач гражданских ведомств и властей. Содержание ее не имеет никакого отношения к оперативным, стратегическим или другим военным приготовлениям.

С другой стороны, я не в состоянии доказать этим, что все то, что там написано, никогда не могло бы быть использовано на случай военных операций агрессивного характера,

7987

H1196 – 0281

H1196 – 0282

так как о многих, даже большинстве мероприятии нельзя сразу определить, каков характер носит это мероприятие: оборонительный или агрессивный, т.е. служит оно делу обороны или агрессии, или является предпосылкой к ней. Это нельзя увидеть. Но я полагаю, что могу сказать, хотя бы потому, что я занимался этой деятельностью больше, чем кто-либо другой, что не было никаких причин для того, чтобы использовать гражданских экспертов, которые были правительственными советниками/оберрегирунгсрате/, в качестве сотрудников, которые занимались бы планами военной стратегии и оперативными планами. Что этот круг вопросов не мог являться предметом их деятельности, это, пожалуй, и не требует/ся доказывать.

Эта книга у меня сейчас в руках. Я просмотрел ее сейчас и изучил ее в основном; я не хочу утруждать суд перечислением моментов чисто оборонительного характера. Я мог бы их назвать. Речь идет о заграждениях, усилении охраны границ, о восстановлении железных дорог и т.д. Вопросам эвакуации приграничных зон, насколько я помню, было посвящено 5 или 6 заседаний. Одним из важнейших вопросов на заседаниях было обсуждение именно вопросов эвакуации из пограничных областей материальных и человеческих ресурсов для войны, которые в случае военных действий с соседом не должны были попасть в руки врага. Вопросы эвакуации представляли собой очень сложную задачу, так как очень трудно было решить, какие средства надо было эвакуировать.

Но я хотел бы сказать еще о совете обороны империи

H1196 – 0283

следующее, в качестве дополнения к тому, что я уже сказал. До 1938 года никогда не было ни одного заседания имперского совета обороны, т.е. заседания министров, которые были выше рабочего комитета. Никогда, ни одного раза. Это я должен был бы знать, хотя на заседании кабинета в марте 1933 года было принято решение возложить на министров ответственность, которую должен был нести совет обороны за выполнение указанных выше задач, и обязать их взять на себя выполнение этих задач, как область их ответственности за оборону страны, а также финансировать их выполнение. На этом все закончилось. Заседания же никогда не было, – я еще раз повторяю.

НЕЛЬТЕ: Представленные протоколы заседаний за периоды с 1933 по 1938 г.г. являются фактически протоколами рабочего комитета. Но вы знаете, что восемь дней тому назад были представлены два документа, которые по внешнему виду являются протоколами заседания имперского совета обороны.

Одно такое заседание, якобы, имело место в ноябре 1938 года и второе – в марте 1939 года. К сожалению, эти документы не были мне переданы, но я просмотрел их, и вы тоже видели их. Об"ясните, пожалуйста, каким образом были созваны эти заседания и что они означают?

КЕЙТЕЛЬ: Я хотел бы сказать еще несколько слов в дополнение к тому, что уже заявил рейхсмаршал Геринг. В декабре 1938 года был издан имперский закон обороны, который существовал уже с 1935 года, но был негласным, и этот старый закон следовало изменить, так как закон от 1935 года был разработан имперским военным министром, главнокомандующим фон Бломбергом, которого в то время,

в 1938 году, уже не было. Я был тогда у рейхсмаршала Геринга, мы обсудили с ним и создали новую базу для закона, который до тех пор оставался неопубликованным. Этот закон, изданный осенью 1938 года, содержал ряд дополнений и изменений к старому закону. Позднее я, возможно, остановлюсь на деталях. Рейхсмаршал Геринг, как представитель фюрера и бывший военный министр, выполнял такие функции, которых я не мог выполнять. Это заседание в ноябре 1938 года было созвано рейхсмаршалом для того, чтобы этот неопубликованный закон, который должен был оставаться неопубликованным, довести до сведения более широкого круга министерств. Там присутствовало примерно более 70 человек. Рейхсмаршал выступил с речью, в которой раз"яснил цель и сущность положений этого закона. Обсуждение закона не имело место, и говорить об этом, как о заседании имперского совета обороны, было бы неверным. Вы мне показали и второй документ, который касался заседания имперского совета обороны, как там указывается, как это указано в протоколах, относящихся к лету 1939 года.

НЕЛЬТЕ: Нет, к марту 1939 года.

КЕТТЕЛЬ: Это было упомянуто здесь и я присоединяюсь к тому мнению, что это было второе заседание имперского совета обороны. Это я могу пояснить и, в частности, следующим образом. Я созвал заседание комитета референтов и, само собой разумеется, сообщил маршалу Герингу повестку дня этого совещания, а также передал ему список лиц, которые должны были присутствовать на нем. Рейхсмаршал Геринг известил меня, что он сам придет на заседание и несколько

7990

H1196 – 0284

H1196-0285

расширит круг присутствующих, так как он намерен обсудить и другие вопросы. Вследствие этого повесткой этого совещания включала в себя повестку, предусмотренную мной для комитета, а также дебаты по конкретным вопросам. Следует отметить, что из списка присутствующих лиц явствует, что члены имперского совета обороны почти не были представлены там или, во всяком случае, в очень небольшом количестве, хотя круг присутствовавших достигал 40-50 человек.

Имперский совет обороны был организацией из 12 лиц, и, пожалуй, не следует пояснять, что по тем формам, в которых протекали оба заседания, нельзя сказать, что это были заседания имперского совета обороны, на которых были приняты решения. этого совета на основе четко зафиксированной повестки дня, - можно заключить, что это были два заседания, причину созыва и значение которых я описал.

/Об"является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, Трибунал считает, что Вы можете несколько быстрее проводить допрос подсудимого. Трибунал припоминает, что несколько дней назад Вы просили о том, чтобы Вам разрешили представить письменные показания подсудимого Кейтеля, и в Вашей книге документов имеется такое письменное показание. Вы уже касались всех тех вопросов, которые содержатся в этом письменном показании, гораздо подробнее, чем если бы Вы это сделали, зачитав данное письменное показание. Мы надеемся, что в будущем Вы сможете быстрее проводить допрос.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, я старался свести вопросы к необходимому минимуму. Однако оценка, конечно,

H1196 – 0286

всегда бывает суб"ективной. Подсудимый, к сожалению, назывался здесь чаще всех других подсудимых и, естественно, для него очень важны все события, на которых он считает необходимым остановиться для того, чтобы ясно изобразить обстановку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, я не думаю, что есть необходимость далее обсуждать этот вопрос; но Трибунал высказал свое желание по этому поводу.

НЕЛЬТЕ: Я выполню это желание, насколько это мне представится возможным.

Подсудимый Кейтель, вы раз"яснили нам положение в отношении имперского совета обороны и имперского комитета обороны и вы, очевидно, ясно представляете себе, что не может быть важным то, что принимались ли какие-либо решения имперским советом обороны или имперским комитетом обороны. Что является важным в этом вопросе – это: что происходило и то, что происходило – оправдывает ли оно те обвинения, которые выдвигаются против вас? В этом смысле я прошу сказать мне, что то, что вы планировали на заседаниях имперского комитета обороны, оправдывает ли это то, что инкриминируется вам, т.е. что вы планировали агрессивные войны?

КЕЙТЕЛЬ: Я совершенно ясно отдаю себе отчет в том, что здесь не может итти речь о терминах, – идет ли речь о совете или комитете, – так как, само собой разумеется, что совет являлся коллегией министров, а комитет – коллегией референтов небольшого масштаба. Важно то, что происходило и что было сделано. И за исключением того, что я с 1934 года по осень 1935 года не присутствовал во время обсуждения вопросов на комитете, о чем здесь гово-

рилось, я потому не могу подтвердить и не могу отвечать за каждое произнесенное без меня слово. Я должен заявить, что какие-либо планы, которые касались планирования войн-, подготовки войн с оперативно-стратегической точки зрения или с точки зрения вооружения никогда не обсуждались на заседаниях.

НЕЛЬТЕ: Обвинение заявило, что оно считает вас членом коллегии, состоявшей из трех человек - триумвирата, и что таким образом вы имели особые права в составе немецкого правительства. Я пред"являю вам документ за № 2194-ПС. Там вы найдете в имперском законе об охране империи за 1938 год параграф 5-и, абзац 4-и, источник для этого заявления, который, правда, не является официальным.

КЕ.ТЕЛЬ: В законе об охране империи за 1935 год для сокращения числа руководящих лиц был предусмотрен уполномоченный по административным вопросам. Имперский министр внутренних дел должен был ведать этими вопросами. И далее, в параграфе 5, абзаце 4-м главному штабу вооруженных сил были предоставлены большие возможности для оказания постоянного влияния на железные дороги и почту, так как в случае войны, как и везде, эти средства должны быть предоставлены в распоряжение армии для целей транспортировки и связи.

Коллегия трех является понятием, которого я никогда не слышал до настоящего времени. Здесь имеется в виду генеральный уполномоченный по административным вопросам, генеральный уполномоченный по экономическим вопросам и начальник штаба вооруженных сил. Очевидно, имеются в виду эти трое. В этом отношении нет сомнени . И именно потому, что они, действуя на основе закона об охране империи, подготовляли

7993

H1196-0287

H1196 – 0288

целый ряд распоряжений, которые при опубликовании закона одновременно были также опубликованы и каждый из трех должен был подготавливать эти мероприятия для своей области. Таким образом, возникло понятие коллегия трех на основании тех полномочий, которые давали право на эти функции.

НЕЛЬТЕ: Далее обвинение выдвинуло утверждение о том, что документ Ф 2285 свидетельствует о том, что Вы являлись членом совета министров по обороне империи. Вследствие того, что вы были назначены членом совета министров по обороне империи, не стали ли вы тем самым министром?

КЕЙТЕЛЬ: Я хотел бы сказать несколько слов вначале о совете министров по обороне империи в том отношении, что имперский закон о защите империи, имперский совет обороны и имперский комитет референтов исчезли после того, как был издан закон о Совете министров по обороне империи. Таким образом, никакие решения этих комитетов не были опубликованы и никогда не вступали в силу. Совет министров по обороне империи, который был основан I сентября 1939 года, отменил все эти оставшиеся на бумаге постановления, которые были изданы комитетом обороны и другими органами раньше. Этот институт - совет министров по обороне империи - был с тех пор малым военным кабинетом, который после этого, по моим представлениям, должен был стать имперским советом обороны и имел ограниченное количество участников. Таким образом, на новой основе те распоряжения, которые были необходимы, вводились в силу советом министров по обороне после того, как они были изданы и утверждены. Я входил в состав этого совета министров. О причинах этого я не хотел бы здесь говорить, так как они не относятся к делу.

H1196 – 0289

Почвы для сопротивления этим распоряжениям...

Я не был активным деятелем в совете министров, но я был членом этого совета. Эта активность и не была необходимостью, так как в отношении тех вопросов, которые имели непосредственное отношение к армии, фюрер и без совета министров издавал необходимые распоряжения, которые он сам личной подписью вводил в действие. Таким образом, окольный путь через совет министров в Берлине был совсем не нужен. И на вопрос - стал ли я министром или получил функции министра, я, по моему мнению, должен ответить отрицательно. Это совершенно не было связано с правами или функциями министра, а я был только представителем армии в этом совете министров.

Однако

НЕЛЬТЕ: Однако, не подлежит сомнению, что Ваша фамилия стоит под различными законами и распоряжениями. Как вы об"ясняете Вашу подпись под этими законами?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я подписывал целый ряд законов совета министров, так как они передавались мне секретариатом или начальником имперской канцелярии Ламмерсом с просьбой подписать эти законы. И на вопрос - почему это было необходимо, он формально давал мне ответ - затем, чтобы и другие ведомства видели, что и армия не освобождена от выполнения этих распоряжений или законов. Поэтому рад есть и моя подпись, затем, чтобы армия также подчинялась этим распоряжением, этим законам. Поэтому я и не задумывался над тем, подписывать ли мне эти законы или нет.

НЕЛЬТЕ: Далее Обвинением Вам инкриминируется также, что Вы являлись политическим генералом. Вы, без сомнения, в различных случаях принимали определенное участие в событиях.

H1196 – 0290

Не можете ли Вы высказаться по поводу этой инкриминируемой Вам вины и не об"ясните ли Вы, как это произошло?

КЕЙТЕЛЬ: Я могу это понимать только в том смысле, что в действительности у меня были функции министерского порядка и вследствие этого я часто входил в соприкосновение с имперскими министрами, так как в течение войны целый ряд вопросов имел отношение к армии. Поэтому мысль, что я в этих событиях выполнял какие-то политические функции, близка к истине. Эта мысль могла возникнуть также и в связи с другими обстоятельствами. Так, например, как здесь неоднократно указывалось в документах, во время визитов государственных деятелей и подобных им я присутствовал при их приемах. В этом отношении можно было бы сказать, что эти функции являются политическими функциями или что я каким-либо образом привлекался к несению их. Однако, оба эти предположения неправильны. Ни в отношении участия во внутренней немецкой ведомственной жизни, ни в том, что находилось в связи с внешней политикой. Но в отношении специальных министерств, безусловно, имелся целый ряд случаев, когда я должен был урегулировать с ними те распоряжения, которые издавались гражданскими министерствами и имели отношение к армии. Этот контакт, безусловно, имел место в Берлине в то время, когда я был привязан к ставке фюрера и находился там в стороне от других. Это, безусловно, вызывало также то, что мои управления, ОКВ, не имели часто четкого руководства в отношении урегулирования этих вопросов с гражданскими ведомствами и их специалистами. Таким образом, естественно, что возникали распоряжения такого характера, по поводу которых мою точку зрения я согласовывал обычно с фюрером. И в этой связи я был

H1196 – 0291

человеком, который те различные мнения, которые существовали среди командующих частями вооруженных сил, должен был увязывать, согласовывать. Вследствие этих функций я, само собой разумеется, был втянут в общую технику решения этих вопросов. Однако, я не думаю, что это оправдывает ту точку зрения, что начальник штаба вооруженных сил фюрера являлся политическим генералом.

НЕЛЬТЕ: Как обстояло дело с внешне-политическим положением, в отношении внешне-политическим встреч?

КЕЙТЕЛЬ: В области внешней политики я хотел бы подчеркнуть лишь то, что сказал бывший министр иностранных дел Германии о связи министерства иностранных дел с армией. Если вообще два участника, играющие руководящую роль, действуют каждый по-своему, то никакой общей внешней политики не может быть, даже если учесть влияние самого фюрера, который не желал сотрудничества обоих деятелей и не стремился достичь средней линии в политике. Он держал нас абсолютно в разных лагерях, желал работать лично с каждым в отдельности и не давал возможности работать вместе. Я хотел бы это здесь особо подчеркнуть. И для того, чтобы закончить ответ на этот вопрос, я добавлю, что точно так же обстояло дело и с другими ведомствами. Все решения обсуждались и принимались отдельно для каждого ведомства. В области внешней политики я хотел бы в заключение сказать, что связь с министерством иностранных дел, о котором здесь уже говорил статс-секретарь фон Штеенграхт, имелась и в области вопросов международного права и в смежной с ней области вопросов обращения с военнопленными, которая является той областью, которую имел в виду Штеенграхт, когда он говорил:

H1196 – 0292

с армией связана деятельность военных атташе, так как все сообщения, которые военные атташе союзных или нейтральных государств направляли главнокомандующему вооруженных сил, проходили через каналы министерства иностранных дел. Туда они стекались и оттуда мы их и получали. Это, конечно, было вполне понятным, что во время войны особенно сильно интересовавшие нас известия послужили предметом известного соприкосновения армии с министерством иностранных дел, например, мы жаловались на то, что известия приходили слишком поздно из министерства иностранных дел и мы хотели получать эти сообщения непосредственно, а не через министерство иностранных дел. Однако, это было невозможно. В остальном я хотел бы подчеркнуть, что в других областях не имелось никакого взаимодействия или общности работы между военным ведомством и министерством иностранных дел.

НЕЛЬТЕ: Десять дней тому назад, примерно, здесь был пред"явлен документ Д-665. Он был пред"явлен Обвинением. Этот документ имеет заглавие "Мысли фюрера относительно войск СС" от 6 августа 1940 года. В этом документе имеется отношение главного командования сухопутных войск, в котором сказано следующее: "Начальник главного штаба вооруженных сил по этому поводу установил, что широкое распространение мыслей фюрера весьма желательно". Вы знаете этот документ?

КЕ-ТЕЛЬ: Да. Когда этот документ был пред"явлен, я читал его и вспоминаю о нем. Я хочу коротко остановиться на возникновении этого документа для правильного понимания вопроса. После войны во Франции Гитлер планировал и добился самостоятельности соединений войск СС. Он образовал из них самостоятельные войсковые соединения. До того это были общевойсковые соединения, которые ранее входили в состав

H1196 – 0293

различных соединений сухопутных войск. Теперь из них были организованы независимые соединения со всем необходимым; тем самым были созданы самостоятельные общевойсковые соединения. Это вызвало в армии очень большое беспокойство, большое недовольство среди генералов и говорили, что таким образом возникает конкуренция между сухопутными войсками и СС и положение-"В Германии имеется лишь одна организация, которая носит оружие, - это армия," - это положение было тем самым нарушено. Таков был итог. Тогда командующий сухопутными войсками просил главного ад"ютанта Гитлера сделать пояснение относительно этого приказа, который вызвал всеобщее возмущение. Генерал Шмундт с согласия Гитлера написал тогда это отношение, которое упомянуто в этом документе. Я сам беседовал с фюрером по этому вопросу и хотел ему ясно сказать, что это рассматривается армией как выпад. Он тогда принял рещение сделать это раз"яснение через своего главного ад"ютанта, так как главный штаб вооруженных сил не имел ничего общего с этим вопросом. Это раз"яснение для успокоения возбужденных умов было тогда распространено в армии и сообщением, которое исходило от меня, относительно того, что против широкого распространения этих мыслей не может быть никаких возражений, было удовлетворено желание генерал-фельдмаршала фон Браухича, который настоятельно просил меня раз"яснить этот вопрос для того, чтобы успокоить армию, так как здесь речь шла о полицейских войсках, которые должны были принять участие в войне, даже если на родине за ними на признают характера воинских соединений.

Таким образом возникло это отношение и, если меня спросят, как я отношусь сегодня ко всем этим событиям, то я хотел бы коротко добавить, что я уже тогда верил, что собы-

H1196 – 0294

тия будут иметь свои границы. Я полагаю, 10% из них уже были названы. После дальнейшего развития этих событий с 1942 года, когда вновь были сформированы и продолжали еще формироваться эти соединения, они потеряли тот характер, который вначале имелся в виду при их создании, то-есть характер отборных кадровых войск в отношении личных расовых данных. Можно было с точностью установить тенденцию и я сам испытывал большие опасения, что в один прекрасный день сильно выросшие войска СС, которые насчитывали уже более 20 дивизий, станут новой армией, основанной на новом мировоззрении Мы имели очень большие опасения по этому поводу, если учесть еще то, что эти войска уже не имели характера отборных войск и что офицеры, унтер-офицеры и солдаты из армии переводились в эти соединения и насильно туда направлялись. Таким образом, это не было уже отборное добровольное войско.

Больше я ничего не могу заявить по этому поводу.

НЕЛЬТЕ: Обвинение пред"явило документ Л-211. Он озаглавлен: "Ведение войны как проблема организаций"и содержит в себе полицию ОКВ по поводу меморандума командующего сухопутными войсками относительно организации командования вооруженными силами. Этот документ был пред"явлен для того, чтобы доказать, что ОКВ и Вы, как его начальник, имели агрессивные тенденции и изложили их в этом документе. Я полагаю, что Вы помните этот документ. Что Вы можете сказать по поводу тех обвинений, которые пред"являются Вам в связи с этим документом?

КЕ ТЕЛЬ: Эта работа была пред"явлена мне также во время предварительного следствия, и тем самым я вспомнил о ее существовании. По этому поводу я также должен сделать неболь

8000

шое предварительное замечание. Не будет преувеличением сказать, что уже в начале двадцатых годов, то-есть вскоре после окончания первой мировой войны, мне кажется, во всех государствах, которые участвовали в той войне, было опубликовано большое количество книг по вопросу о том, какая организация верховного командования является наиболее целесообразной. Я сам написал статью по этому вопросу. Я знал высказывания Соединенных Штатов, Англии, Франции по этому вопросу. Тогда занимались вопросом организации верховного командования армии в военное время, о котором Бломберг сказал, что его решение вопроса является восьмым, так как семь решений вопроса уже имелось.

В связи с этим вопросом главнокомандующий сухопутных войск и генеральный штаб сухопутных войск высказали свое мнение против идеи об"единенного верховного командования. Они предлагали, чтобы в большом генеральном штабе сухопутных войск было сосредоточено главное командование. После того как был создан ОКВ, то-есть главный штаб вооруженных сил, и Бломберга уже не было, командующий сухопутных войск считал, что наступил удобный момент для возобновления дебатов по этому вопросу. В итоге был составлен меморандум главнокомандующего сухопутными войсками, изданный генералом Беком, и то, что здесь представлено в качестве статьи, является ответом на этот вопрос. Поскольку я являлся одним из составителей этого ответа, я могу с полной ответственностью поставить под ним свою подпись. Генерал-полковник Йодль и я только вдвоем составляли этот меморандум. Я должен констатировать, что эта проблема тогда не была актуальной и не являлась подготовкой генерального штаба на случай войны. Не это побудило нас изложить эту точку зрения.

8001

H1196 - 0295

H1196 – 0296

Я хотел бы сказать, что из большого числа меморандумов и исследований по этому вопросу необходимо было найти наиболее целесообразное решение, которое было нами избрано. Таким образом, кратко – командование вооруженных сил...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте! Разве документ не говорит сам за себя? Он сказал, что он только сотрудничал, но не имел абсолютно никакого отношения к этому и поэтому это все, что необходимо сказать. Документ говорит сам за себя.

НЕЛЬТЕ: Однако, он может сделать раз"яснение относительно мыслей, которые изложены в этом документе. Кроме того господин председатель, я по этому вопросу позволил себе в книге документов № 2 представить аффидевит под названием "ОКВ и генеральный штаб", который подписан как подсудимым Кейтелем, так и генерал-полковником Йодлем. Это документ № 2 книги документов № 2.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это письменное показание было дано 8 марта?

НЕЛЬТЕ: От 29 марта, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это первый документ книги?

НЕЛЬТЕ: Нет, во второй части.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, но на какой странице?

НЕЛЬТЕ: Здесь нет общей нумерации страниц, господин председатель. Здесь имеется оглавление. В нем этот документ обозначен под № 2.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сейчас цитируете из документа Л-211 или Вы уже закончили с этим документом?

НЕЛЬТЕ: Этот аффидевит относится к документу Л-211.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думал, что свидетель сказал, что он участвовал в исследованиях, о чем и говорится в документе Л-211, и что это не имеет отношения к войне. Поэтому

Вы можете остановиться на этом.

НЕЛЬТЕ: Мне кажется, что на данном процессе важно услышать, что подсудимые могут сказать по поводу отдельных документов, которые пред"являются в качестве изобличающих документов. То, что подсудимый Кейтель сказал по поводу документа № Л-211, содержится в аффидевите, который помещен в моей книге документов под № 2, и я все же прошу...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, если то, что подсудимый хочет сказать, уже изложено в письменном показании, данном под присягой, то не следует вновь возвращаться к этому вопросу, а письменное показание следует зачитать.

НЕЛЬТЕ: Разница во времени между аффидевитом и устными показаниями находится приблизительно в отношении 1 : 10. Он сказал коротко то, что считал необходимым. Письменные показания длинны и я бы отказался от письменных показаний, если подсудимый коротко скажет о том, что содержится в этих письменных показаниях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы и я по разному понимаем значение слов краткое содержание.

НЕЛЬТЕ: Разрешите мне продолжать, господин председатель

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, пожалуйста, продолжайте.

НЕЛЬТЕ: Я перехожу теперь к комплексу вопросов, которые связаны с вооружением и различными вопросами относительно Чехословакии и Австрии.

Я хочу задать вам вопрос относительно обвинения, которое выдвигалось здесь и заключается в том, что Вы участвовали в подготовке и планировании агрессивных войн. Для того, чтобы мы могли правильно понимать Вас и Вы могли бы правильно дать ответы, нам следует выяснить, что следует понимать под термином "агрессивные войны". Не изложите ли вы свою

H1196 – 0297

H1196 – 0298

точку зрения по этому вопросу?

КЕЛТЕЛЬ: Как солдат, я должен сказать, что понятие "агрессивная война" для меня ничего не говорит в том смысле, в котором оно употребляется, так как мы употребляли только термин "наступательная операция", "оборонительная операция", "операция по отступлению, по отходу". Однако, согласно моим личным солдатским понятиям, термин "агрессивная война" является чисто политическим понятием, а не военно-солдатским. Мне кажется, что если армия и солдат являются инструментом политических деятелей, то они не призваны судить и решать, идет ли в данном случае речь об агрессивной войне во время военных операций или не об агрессивной войне. Мне кажется, что я этим коротко ответил на вопрос.

Я хотел бы в заключение сказать, что военные инстанции для этого не являлись решающими и не могли быть ими, и что решение этого вопроса не является задачей солдата, а является лишь задачей политического деятеля.

НЕЛЬТЕ: Таким образом, вы хотите сказать, - и это, очевидно, относится ко всем учреждениям и командующим, о которых здесь говорилось, - что вопрос, является ли война агрессивной войной, будет ли она агрессивной войной, или она будет служить для обороны страны, в конце концов, является ли война справедливой или несправедливой вообще, не входит в круг вопросов ваших профессиональных суждений и решений?

КЕЛТЕЛЬ: Нет, я хотел бы этим сказать...

НЕЛЬТЕ: Это - то об"яснение, которое Вы дали. Но Вы, в конце концов, не только солдат, но Вы также и личность, которая вела собственную жизнь. В этом отношении Вы не дума

H1196 – 0299

ли над тем, что эти факты, которые стали вашим достоянием в связи с вашей профессией, говорили о планировании операции, которые, по-вашему, являлись несправедливыми?

КЕЙТЕЛЬ: Мне кажется, что я могу сказать по этому поводу лишь то, что во время моей военной карьеры я придерживался лишь традиционных воззрений, в область которых не входил этот вопрос. Конечно, у меня были мои собственные мнения, моя собственная жизнь, свободная, говоря однако что касается моих профессиональных обязанностей, как солдата и офицера, то собственная жизнь, собственно говоря, забывается благодаря функциям солдата и офицера. Таким образом, я не чувствовал, да, собственно говоря, и не могу теперь, уже после событий с полной гарантией утверждать, что я задумывался над этими чисто политическими вопросами и что я придерживался такой точки зрения, что солдат может требовать, он может доверять своему государственному руководству, и в связи с этим он призван выполнять свои обязанности и повиноваться.

ЖЕЛЬТЕ: Давайте проследим отдельные комплексы. Вы знали планы Гитлера в отношении планирования, сначала в отношении вооружения и позже – в отношении той или иной, как выражается Обвинение, агрессии? Сначала я имею в виду период с февраля 1933 года по 1938 год.

Я хотел бы вначале обратиться к периоду: февраль 1933 - 1938 г.г.

КЕЙТЕЛЬ: Мне уже было ясно, что с приходом Гитлера к власти в качестве рейхсканцлера, безусловно, мы, солдаты, будем иметь дело с другим руководством империи и что военный фактор, безусловно, снова будет рассматриваться иначе – так же, как это имело место и раньше. И мы честно и открыто

приветствовали то, что во главе имперского правительства стал человек, который принял решение в военной области снова возвратить нас к тому периоду, в который мы покончили с жалкими условиями такого настоящего. В этом отношении я должен признать, что я знал планы и намерения относительно вооружения, насколько это тогда было возможно, и приветствовал все те мероприятия, которые проводились в этом направлении.

Уже в 1933 году, в конце лета, я прекратил деятельность в военном министерстве, был два года на фронте и вернулся лишь в тот момент, когда был восстановлен военный суверенитет Германии и вооружение проводилось уже открыто, таким образом, во время моего отсутствия я не мог знать об этих событиях. Во всяком случае, в период с 1935 по 1938 год, когда я был начальником штаба у Бломберга, я, конечно, видел и пережил все то, что имело отношение к вооружению и что предпринималось военным министерством в этой области для оказания помощи вооруженным силам.

ГЕЛЬТЕ: Знали ли вы о том, что оккупация Рейнской зоны, демилитаризованной зоны, введение военного суверенитета, введение всеобщей воинской повинности, создание авиации и увеличение контингентов армии являлись нарушениями Версальского договора?

КЕЙТЕЛЬ: Да. Текст Версальского договора до тех пор, пока мы считали его связывающим нас и действующим, безусловно, не допускал этих мероприятий и изучение Версальского договора/я могу утверждать/ проводилось нами очень интенсивно для того, чтобы узнать, где есть в нем такие пробелы, воспользовавшись которыми, благодаря правильному толкованию,

8006

H1196 – 0300

H1196 – 0301

не нарушая договора, мы могли проводить мероприятия, которые не считались бы нарушением этого договора.

Это было предметом обсуждения в имперском комитете обороны. С 1935 года, однако, обстановка совершенно изменилась и после моего возвращения и назначения меня на должность начальника штаба у Бломберга/я должен здесь честно заявить/ я не раздумывал над тем, является ли теперь актуальным вопрос о нарушении Версальского договора. Ибо то, что происходило, – происходило открыто. Насчитывалось 36 сформированных дивизий. Об этом заявлялось совершенно открыто, и я не видел в этом ничего, что в какой-либо степени являлось для нас, солдат, нарушением договора. Всем нам было ясно – и это было нашим желанием – сделать все, чтобы освободиться от этих территориальных и военных оков Версальского договора. Я должен честно заявить, что солдат или офицер, который не имел бы патриотических настроений в этом отношении, для меня вообще не был бы человеком, который бы чего-либо стоил.

НЕЛЬТЕ: На этом процессе был пред"явлен приказ Ц-194, под которым имеется Ваша подпись. Здесь речь идет о воздушной разведке и передвижениях подводных лодок во время занятия Рейнской зоны. Отсюда делался вывод относительно Вашего участия в занятии Рейнской зоны. В качестве кого Вы подписали этот приказ?

ЮДИТЕЛЬ: Приказ имеет в своем начале предложение: "Военный министр фон Бломберг приказал следующее". Тогда я получил задание от генерала фон Бломберга передать этот приказ командующему военно-морскими силами и командующему ВВС, и я вспоминаю, что здесь речь шла о проведении известных мер-

H1196 – 0302

приятий по охране, в то время когда три батальона вступали в демилитаризованную зону.

НЕЛЬТЕ: До вашего назначения начальником главного штаба вооруженных сил/ОКВ/ вы от самого Гитлера или из других источников знали о том, что имелись планы, которые, вопреки заверениям Гитлера о мире, должны были быть осуществлены применением силы, т.е. только путем войны?

КЕЙТЕЛЬ: В период до первых практических мероприятий в Австрии я не могу припомнить, какие-либо программы или программные высказывания или планы, рассчитанные на год или еще на более длительный срок, - я не помню, знал ли я тогда об этом. Я должен также сказать, что мы были так заняты переформированием этой небольшой армии, состоявшей из семи дивизий, и увеличением этих войск вдвое и втрое; кроме того, - созданием авиации в больших масштабах, которой вообще не имелось в стране, что в эти годы стоило только побыть в наших рабочих кабинетах, чтобы знать, что мы целиком поглощены этими, чисто организационными проблемами. Если учесть метод работы Гитлера, который я сегодня уже описал, станет совершенно ясно, что об этих событиях мы ничего не знали.

НЕЛЬТЕ: До 4-го февраля 1938 года вы находились в каком-либо личном контакте с Гитлером?

КЕЙТЕЛЬ: С 1935 до 1938 года, когда я был начальником штаба фон Бломберга, я всего три раза видел фюрера. Я никогда не говорил с ним. Таким образом, он меня не знал. Если он что-либо и знал обо мне, то, вероятно, только через господина фон Бломберга. Какого-либо контакта с самим фюрером или с выдающимися деятелями партии или политиками я не имел. Первый разговор со мной был в конце января, перед

H1196 – 0303

тем, как я был назначен на мою последнюю должность.

НЕЛЬТЕ: Вы ничего не знали о переговорах у Гитлера в ноябре 1937 года? Здесь речь идет о совещании, на котором Гитлер изложил свое так называемое "завещание".

КЕЙТЕЛЬ: Я уже на предварительном следствии под присягой заявил, что я ничего не знал об этом, что я впервые увидел здесь документ, протокол или запись относительного этого совещания. Это – документ Госбаха, если я имею в виду документ, о котором вы говорите, и я никак не могу вспомнить, чтобы фон Бломберг после этого совещания давал мне какие-либо указания по проведению каких-либо подготовительных мероприятий. Это не имело места.

НЕЛЬТЕ: Вы знали о намерениях Гитлера разрешать территориальные вопросы?

КЕЙТЕЛЬ: Да. На этот вопрос я должен ответить утвердительно, так как это мне было известно. Я знал об этом также из открытого политического заявления о том, что предстоял целый ряд территориальных изменений, целью которых была ревизия решений по территориальным проблемам, которые были записаны в Версальском договоре. Это правильно.

НЕЛЬТЕ: И что вы думали относительно разрешения территориальных вопросов, относительно пути разрешения их?

КЕЙТЕЛЬ: Я тогда рассматривал события с чисто военной точки зрения, с точки зрения того, что мы имели и что мы могли сделать. Я могу сказать, когда я в 1935 году ушел из армии, еще не было создано ни одно из 24 дивизий, которые должны были быть созданы. Я все время рассматривал это не с точки зрения политических целей, а с точки зрения трезвых размышлений: можно ли, с военной точки зрения, сделать что-либо путем наступления или ведения войны, если в нашем

распоряжении еще не было военных средств. Поэтому решение всех этих вопросов я ставил в зависимость от программ вооружения и осуществления их и они были рассчитаны на период до 1942-1945 г.г., для флота - до 1945 года. Таким образом, у нас было десять лет времени для того, чтобы создать сплоченную армию. Вследствие этого все эти проблемы, и в том случае, если они рассматривались с политической точки зрения, никогда не считались актуальными, так как считалось невозможным осуществить их другим путем, кроме как путем переговоров.

ЖЕЛЬТЕ: Как вы об"ясняете общую директиву от июня 1937 года относительно подготовки к мобилизации?

КЕЛЛЕЛЬ: Этот документ является действительно общей директивой относительно мобилизации, и он был связан с нашим традиционным воспитанием в генеральном штабе еще со времени до первой мировой войны, что мероприятия подобного рода должны быть основательно заранее подготовлены. Это, по моему мнению, не имеет ничего общего с какими-либо политическими планами Гитлера, так как в это время я был начальником штаба генерала фон Бломберга, и генерал-полковник Йодль был тогда начальником управления по обороне страны, возможно, это звучит смело, если я скажу, что мы были удовлетворены тем, что, наконец, армия снова получала указания относительно ее теоретического, идеологического воспитания на каждый год.

И ~~что~~, согласно тем знаниям, которые я получил в генеральном штабе до первой мировой войны, основной целью этих указаний являлось организация научных командировок офицеров генерального штаба для того, чтобы разрешить эти

8010

H1196 - 0304

H1196 – 0305

проблемы в теоретическом плане. Таковы были установки в большом генеральном штабе. Однако я не знаю, исходили ли эти первоначальные идеи относительно возможных осложнений или возможных военных конфликтов лично от Бломберга или он находился под влиянием Гитлера. Этот документ, безусловно, сам Гитлер никогда не видел. Это была работа генерального штаба вооруженных сил.

НЕЛЬТЕ: Но Вы найдете в ней указания относительно варианта "Отто" и Вы знаете, что здесь имелось в виду Австрия?

КЕЙТЕЛЬ: Я, конечно, вспоминаю относительно этого варианта "Отто", из названия которого явствует, что имеется в виду Отто фон Габсбург. Безусловно, имелись некоторые сведения относительно реставрации монархии в Австрии и при наличии этой предпосылки, безусловно, должна была произойти вооруженная интервенция. Гитлер хотел противиться тому, чтобы в Австрии была реставрирована монархия. Затем, уже позже, это было увязано с вариантом аншлюса. Я думаю, я могу сейчас это выпустить и дать раз"яснения позже, но, во всяком случае, дело обстояло так, что на основании этих соображений в армии велась подготовка на случай возникновения этого варианта "Отто" по паролю: "Вариант "Отто" вступает в силу".

НЕЛЬТЕ: То-есть Вы хотите сказать, что на основании этой общей директивы мобилизации не были даны какие-нибудь конкретные приказы относительно варианта "Отто".

КЕЙТЕЛЬ: Вы имеете в виду приказы относительно аншлюса в начале февраля? Я могу только показать здесь то, что я действительно пережил, когда я был послан Гитлером в армию,

H1196 – 0306

пришел в кабинет генерала фон Бека, заявил ему: "Фюрер требует, чтобы Вы немедленно явились к нему и доложили ему о подготовке, которая ведется на случай возможного вступления в Австрию", и тогда мне генерал Бек сказал: "Мы ничего не подготовили, ничего не сделано, ничего".

НЕЛЬТЕ: Обвинение утверждает далее, что Вы участвовали в планировании вступления войск в Австрию, которое было осуществлено в марте 1938 года. У меня имеется здесь директива относительно варианта "Отто"/Ц-102/.

Можете ли Вы после этого утверждать, что вся эта операция была импровизирована?

КЕЙТЕЛЬ: Я вспоминаю, что этот приказ был издан и направлен командующему сухопутными силами и другим главнокомандующим. И,в частности, он был издан уже после того, когда события уже были в полном разгаре. Не было проведено никакой подготовки, все было импровизировано, и этот приказ является лишь регистрацией совершившихся фактов. Приказы отдавались устно по отдельным вопросам относительно того, как должны развиваться события; 12 марта утром можно уже было только констатировать вступление войск в Австрию.

НЕЛЬТЕ: Я хотел бы еще обратиться к предистории этого варианта с Австрией. Вы знаете, что в дневнике генерал-полковника Йодля, который был здесь пред"явлен, имеется замечание, в котором говорится, что "Шушнигг подписал соглашение под большим военным и политическим давлением". В какой степени Вы принимали участие в этих переговорах с Шушниггом в Оберзальцберге?

КЕЙТЕЛЬ: Разрешите мне добавить к моему прежнему ответу то, что вступление в Австрию произошло утром 12 марта, а приказ этот был издан поздно вечером 11 марта. Поэтому

этот документ не мог оказать практического влияния на события. Между 10 часами вечера и 6 часами утра нельзя было разработать такой приказ.

Относительно моего участия в совещании в Оберзальцберге 10 или 11 февраля, я могу сказать следующее. Это было моим первым служебным поручением, которое мне довелось выполнить. Гитлер вечером 4 февраля уехал из Берлина и вызвал меня на 10 февраля в Оберзальцберг. В этот день австрийский канцлер Шушнигг приехал туда вскоре после меня. Я абсолютно не знал, для какой цели Гитлер вызвал меня туда. Вскоре после меня прибыл генерал Рейхенау из Мюнхена и генерал авиации Шперле. Таким образом, нас было три генерала, когда мы в 11.30 встретились в Оберзальцберге с г-ном Шушниггом и г-ном фон Папеном. Сначала я не знал, что я должен был делать, так как я до этого никогда не участвовал в конференции или в политическом совещании или в чем-либо подобном. Я должен об этом честно сказать, иначе я рискую быть непонятым: В течение дня мне стало ясно, что присутствие трех представителей армии является, по крайней мере, военной демонстрацией, в некотором отношении. Я вполне могу это так назвать. Во время предварительного следствия и затем позже мне был задан вопрос, как это можно об"яснить, что в полдень вдруг по дому раздался крик, что меня вызывает к себе фюрер. Я вошел к нему в кабинет. Может быть, это звучит комически, если я скажу, когда я вошел к нему в комнату и спросил, какие будут указания, он ответил "никаких". Он попросил меня сесть и сказал затем: "Да, австрийский канцлер и министр иностранных дел Шмидт будут вести с ним непродолжительные переговоры. Вот все, что я хотел сказать Вам". Я могу заверить, что

8043

H1196 – 0307

H1196 – 0308

мне не говорилось ни слова о политических событиях, кроме того, что г-н Шушнигг уедет лишь вечером и, следовательно, будет иметь место еще ряд переговоров. Мы, генералы, сидели в приемной, и когда я вечером, незадолго до моего от"езда, получил указание распространить слухи о том, что мы предприняли известные меры по мобилизации/ о них сказано в документе/, мне стало ясно, что в этот день благодаря присутствию военных представителей переговоры достигли цели. И указание - распространять такие сведения - действительно послужило оказанию того давления, о котором здесь говорилось. Затем в Берлине, по моему возвращению домой, в присутствии Геббельса и Канариса мы обсуждали, какие сведения следует распространить. Канарис передал эти сведения в Мюнхен. И затем, чтобы закончить, небезынтересно заметить, что бывший начальник информации австрийского министерства Лахузен, который здесь присутствовал, сказал нам, генералу Йодлю и мне, много позже, когда он перешел к нам в ОКВ: "Мы не попались на удочку". Я, безусловно, дал повод генерал-полковнику Йодлю сделать соответствующую заметку в дневнике, которая сформулирована довольно метко, ибо это первое переживание в политической области произвело на меня большое впечатление.

НЕЛЬТЕ: Как Вы оцениваете мероприятия против Австрии?

КЕЙТЕЛЬ: Относительно дальнейшего хода событий здесь уже достаточно подробно говорилось и уже нечто добавлять к этому. В день вступления войск в Австрию я полетел в числе сопровождающих Гитлера на фронт и затем мы поехали по шоссе через Браунау и Линц,с ночевкой по пути,и прибыли в Вену. Здраво рассуждая, совершенно верно то, что нас в каждом населенном пункте бурно приветствовали и что

австрийская армия шла по той же дороге, что и германская армия, в ногу с ней, по той дороге, по которой ехали и мы. Не раздалось ни одного выстрела. С другой стороны, имелось лишь одно соединение, которое имело известное военное значение, это - танковая часть, которая направлялась в Вену и прибыла туда лишь в составе нескольких машин. К параду на следующий день дивизия была уже в составе своего соединения. Это - об"ективная картина того, что я видел тогда.

ГЕЛЬТЕ: Теперь мы перейдем к вопросу о Чехословакии. Когда Гитлер в первый раз говорил с Вами по вопросу о Чехословакии и своих намерениях в отношении Чехословакии?

КЕЙТЕЛЬ: Мне кажется, это было примерно через шесть-восемь недель после вступления в Австрию и аншлюсса. Таким образом, примерно, в конце апреля. Это случилось так же, как и тогда, в середине марта, в такой же форме. Внезапно вечером меня вызвали в имперскую канцелярию, где фюрер изложил мне положение вещей, на основе которых возникла затем директива о варианте "Грюн", ставшая здесь известной во всех деталях из документов Шмундта, которые я признал достоверными на предварительном следствии. Тогда он с известной поспешностью дал мне первые директивы. Никакого обсуждения вообще не имело места, так как он немедленно после этого хотел уехать из Берлина. Это - основные моменты для освещения вопроса о том, при каких условиях могли возникнуть или возникли бы военные операции против Чехословакии.

ГЕЛЬТЕ: Имели ли Вы впечатление, что Гитлер хочет напасть на Чехословакию?

КЕЙТЕЛЬ: Те об"яснения, которые он мне дал вечером, во всяком случае, были такими, что имелась в виду подготов-

8028

H1196 – 0309

H1196 – 0310

ка к военным операциям, и генеральный штаб должен был принять соответствующие меры. По его точному выражению, подготовка должна быть начата, но момент начала операций еще неизвестен и что пока он не имеет еще намерения начать военные операции. Были сказаны именно эти слова: "Пока я не имею такого намерения".

НЕЛЬТЕ: При этом делалась ли какая-нибудь разница между Судетской областью и Чехословакией?

КЕЙТЕЛЬ: Мне кажется, что в тот вечер этот вопрос не обсуждался. Фюрер также не обсуждал этот вопрос со мной с политической точки зрения, а только говорил о тех мероприятиях, которые были необходимы с военной точки зрения, и поставил предо мной соответствующие задачи. Он не говорил о том, следует ли здесь удовольствоваться Судетской областью или совершить прорыв через оборонительный пояс на границе Чехословакии. Это не было тогда проблемой, которая обсуждалась, но, во всяком случае, необходимо было организовать военную подготовку. К войне следовало подготовиться так, чтобы, в случае военного столкновения с Чехословакией, армия была готова вести эту войну.

НЕЛЬТЕ: Вы знаете, что в протоколе относительно переговоров Гитлера с генералом Кейтелем от 21 апреля/протокол был составлен в двух различных вариантах/ речь шла о том, что необходимы молниеносные действия, которые произойдут на основании инцидента. В одном варианте за словом "инцидент" написано дальше: "например, убийство немецкого посла во время антигерманской демонстрации", а в другом варианте написано лишь после этого слова "пример": "Военные действия на основе инцидента". Не скажете ли Вы,

чем об"яснить эту запись, которая не является протоколом в полном смысле этого слова?

КЕЙТЕЛЬ: Я эти записи Шмундта увидел здесь первый раз. Для нас они не представлялись в качестве оснований для работы. Это не протокол, а записи ад"ютанта, которые были сделаны после совещания. Я не хочу оспаривать их правильность или достоверность. Моя память не позволяет мне сейчас судить точно о том, какие слова мы тогда употребляли. Относительно вопроса, который здесь рассматривается, как имеющий большое значение,- убийства немецкого посланника в Праге, - я должен сказать, что такая ситуация в то время никогда не приходила мне в голову,уж хотя бы потому, что никто не говорил об этом. Говорили только, что может иметь место убийство посланника . На это я возразил: "какого посланника" или что-то вроде этого. Мне кажется, Гитлер ответил на это, что в 1914 году война была вызвана также убийством посла в Сараево. Такие случаи ведь могут произойти. Какого-либо впечатления, что здесь хотят вызвать войну путем провокации у меня тогда там не создалось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас об"является перерыв.

/Об"является перерыв до 10 часов утра 4 апреля 1946г./

н.я.

Прочитано и внесена правка
Яковлева Носова
21/X-46 г.

8017

H1196 - 0311

H1196 – 0312

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 4 апреля 1946 года

/Утреннее заседание/.

Встать! Суд идет!

НЕЛЬТЕ: Мы вчера в конце заседания говорили о встрече между вами, Гитлером и ад"ютантом Шмундтом, состоявшейся 21 апреля. Я еще раз передаю вам документ 388-ПС и прошу вас ответить мне – не было ли это совещанием в том смысле, как вы вчера говорили, т.е. что вообще никакого совещания не было?

КЕЙТЕЛЬ: В известной степени это правильно, меня вызвали и, к моему великому удивлению, мне были изложены соображения о военных приготовлениях против Чехословакии. Это было очень незадолго до от"езда Гитлера в Берхтесгаден. Я вообще не помню, чтобы я сказал хоть слово во время этой краткой встречи. Я задал какой-то вопрос и затем с этими крайне поразившими меня директивами отправился домой.

НЕЛЬТЕ: Что вы сделали потом?

КЕЙТЕЛЬ: В первый момент я подумал, что с военной точки зрения, т.е. при учете соотношения сил, известного мне тогда, это вообще невыполнимо. Я успокаивал себя тем, что сам факт созыва совещания означает, что на ближайшее время никакого плана не существовало. На следующий день я обсудил это дело с начальником штаба оперативного руководства генералом Йодлем; записи или протокола этой беседы я никогда не получал. Вывод, к которому мы пришли, был таков: пустить дело на самотек, время терпит, сейчас об этом не приходится и говорить по соображениям военного порядка. Я об"яснил Йодлю, что вступительные слова гласили: "Я не намерен в ближайшее время предпринять военные действия против Чехословакии".

H1196 – 0313

В последующие недели мы начали разрабатывать эти вопросы теоретически, правда, без участия командования частей вооруженных сил, так как я не считал, что у меня есть полномочия на привлечение его к этому.

Следует отметить, как это видно из записей Шмундта, что в последующее за тем время через ад"ютантов, военную ад"ютантуру беспрерывно поступали многочисленные запросы, отдельные вопросы, касавшиеся состава дивизий и т.п., на которые штаб оперативного руководства отвечал как мог.

НЕЛЬТЕ: Я думаю, г-н фельдмаршал, что мы можем значительно сократить все дело, хотя то, что вы говорите, очень важно. Решающим является... Посмотрите на документ, который я вам дал. Сравните проект, который вы составили в конце-концов по настоянию Оберзальцберга. Скажите, что произошло затем?

КЕЙТЕЛЬ: Недели через четыре после получения своего задания я послал проект директив относительно подготовительных мероприятий в Оберзальцберг. В качестве ответа мне было сообщено, что Гитлер сам приедет в Берлин и будет говорить с главнокомандующим. В конце мая он приехал в Берлин, я присутствовал на его беседе с генерал-полковником фон Браухичем. Во время этой беседы основная мысль была совершенно изменена, а именно, Гитлер высказал намерение в ближайшее же время начать военные действия против Чехословакии. Он обосновывал это, т.е. изменение своего решения, тем, мне кажется, это было 20 или 21 мая, – что Чехословакия об"явила всеобщую мобилизацию. Гитлер заявил тогда, что данное мероприятие это может быть направлено только против нас. Но со стороны Германии никаких военных приготовлений не проведено. Это, мол, послужило поводом полного изменения его намерений, которые он в устной форме и сообщил главнокомандующему сухопутными силами. Он приказал ему немедленно начать соответствующие приготове-

ния. Этим об"ясняются изменения в основных приказах, т.е. те директивы, которые должны были быть изданы и которые содержали следующую основную мысль: "Моим неизменным решением является начать в ближайшее время военные действия против Чехословакии".

НЕЛЬТЕ: Однако до войны с Чехословакией дело не дошло, так как было заключено соглашение в Мюнхене. Как вы и генералы оцениваете это соглашение?

КЕЙТЕЛЬ: Мы были чрезвычайно счастливы тем, что дело не дошло до военных операций, ибо и в период подготовки мы никогда не изменили своей принципиальной точки зрения, заключавшейся в том, что наши военные средства нападения недостаточны для прорыва пограничных укреплений Чехословакии т.е., рассматривая дело с чисто военной точки зрения, для наступления и для прорыва укреплений у нас не было сил. Поэтому мы были чрезвычайно удовлетворены тем, что решение было найдено мирным политическим путем.

НЕЛЬТЕ: Какое значение имело это соглашение, я имею в виду отношение генералов к Гитлеру?

КЕЙТЕЛЬ: Я думаю, что могу сказать, что оно действительно значительно повысило авторитет Гитлера среди генералов. Все видели, что без военных средств и без военных приготовлений нельзя было справиться с поставленной задачей, но что, с другой стороны, найдено решение, которого никто не ожидал и за которое все были чрезвычайно благодарны.

НЕЛЬТЕ: Разве не удивительно то, что через три недели после соглашения в Мюнхене, которое так приветствовали все, в том числе и генералы, Гитлер приступил к оккупации остальной части Чехии?

КЕЙТЕЛЬ: Я думаю, что рейхсмаршал Геринг во время своих показаний уже детально изложил все это.

У меня создалось впечатление, мне помнится, что Гитлер

H1196 – 0314

H1196 – 0315

сказал мне тогда, он не думает, что Чехия справится с утратой Судетской области, кроме того он опасается тех тесных связей, которые существуют между Советским Союзом и Чехословакией и что Чехословакия как с военной, так и со стратегической точек зрения может стать серьезной угрозой для Германии и, наверное, станет ею. Это соображение и было тем обоснованием, которое я получил.

НЕЛЬТЕ: Никто не обратил внимание Гитлера на возможность возникновения серьезной? опасности, состоящей в том, что, разрешив насильственным путем проблему относительно оставшейся части Чехии, он должен был очень резко обойтись? с другими странами, т.е. с Англией и Францией?

КЕЙТЕЛЬ: Я не знал о последней беседе, которая состоялась в Мюнхене между английским премьер-министром Чемберленом и фюрером, я считал, что дальнейшее решение этой проблемы является делом политики и потому не высказывал никаких сомнений, если можно так сказать, тем более, что был дан приказ значительно сократить военные приготовления, которые проводились до встречи в Мюнхене. Обсуждение политических вопросов было делом, которое Гитлер обычно не допускал.

НЕЛЬТЕ: В связи с вопросом о Чехии я хотел бы указать на подполковника Кехлинга, который был упомянут Обвинением, как связующее звено с Геринлейном. Какое отношение к этому имело ОКВ?

КЕЙТЕЛЬ: Задания, которые давались Кехлингу, мне совершенно неизвестны. Но назначение его произошло по моей инициативе. Гитлер спросил у меня, нет ли такого офицера, который мог бы выполнять особые поручения. Я представил ему тогда подполковника Кехлинга. После отъезда последнего из Берлина к месту нового назначения, я его больше не видел и никогда с ним не говорил. Но я знал, что он

H1196 – 0316

у Генлейна был чем-то вроде военного советника.

НЕЛЬТЕ: Обвинение указывало на тот факт, что вы присутствовали как во время посещения министра Тисо в марте 1939 года, так и во время посещения министра Гаха. На основании этого оно сделало вывод, что вы участвовали в состоявшихся при этом политических переговорах. Какую роль вы играли при этом на самом деле?

КЕЙТЕЛЬ: Правильно, во время визитов иностранных государственных деятелей я присутствовал. Мне кажется, они состоялись почти каждый раз в имперской канцелярии. Однако в совещаниях по конкретным политическим вопросам я никогда не принимал участия. Я присутствовал только во время приветствия, я должен был присутствовать в качестве представителя командования вооруженных сил, но в каждом отдельном случае, который я сейчас припоминаю, я вскоре прощался и ждал в других комнатах, не буду ли я нужен. Я могу сказать совершенно определенно, что ни с Тисо, ни с президентом Гаха я никогда не говорил ни слова, не участвовал в непосредственных беседах Гитлера с этими господами.

Я хотел бы еще добавить, что в ночь, когда с визитом приезжал президент Гаха, я был в имперской канцелярии, потому что как раз в эту ночь командование сухопутных сил должно было получить указание, в какой форме будет произведено подготовленное выступление.

НЕЛЬТЕ: В связи со сказанным я хочу установить только следующее; ибо я предполагаю, что этот вопрос вполне поясне рейхсмаршалом Герингом в его показаниях. Вы никогда ничего не говорили с президентом Гаха о возможной бомбардировке Праги в случае, если он не согласится подписать известное условие?

КЕЙТЕЛЬ: Нет.

НЕЛЬТЕ: Перейдем к вопросу о Польше. Обвинение инкрими-

нирует вам, что вы участвовали в планировании, подготовке и проведении этой военной операции. Не можете ли вы кратко изложить вашу принципиальную точку зрения по восточному вопросу.

КРЕТЕЛЬ: Вопросы, которые имеют отношение к проблеме Данцига и Коридора, были мне известны. Мне было также известно, что по этим вопросам намечались политические обсуждения и переговоры. Операция наступления на Польшу, разрабатывавшаяся и разработанная в течение времени, была, конечно, тесно связана с этими вопросами.

Не занимаясь политикой, я лично придерживался той точки зрения, что как во время Мюнхенского соглашения, так и в событиях, предшествовавших ему, все военные приготовления играли роль военного давления. Такую роль они должны были играть и в этом случае. Я не думал, что без военных приготовлений, играющих такую роль, события могли бы принять правильный оборот.

НЕЛЬТЕ: Могло быть найдено решение путем непосредственных предшествующих переговоров?

КРЕТЕЛЬ: Мне очень трудно дать оценку этому, хотя я знаю, что вопрос о Данциге обсуждался неоднократно. То же и в отношении вопроса о Коридоре. Я помню одно высказывание Гитлера, которое тогда произвело на меня очень сильное впечатление и состоящее в том, что он очень сожалеет о смерти маршала Пилсудского. Он был уверен, что он нашел бы возможность договориться с этим человеком. Это было сказано мне.

НЕЛЬТЕ: Обвинение заявило, что Гитлер уже осенью 1938 года планировал войну с Польшей. Каково было ваше участие в этом?

КРЕТЕЛЬ: Нет, этого я не помню. Насколько я помню, я думаю, что тогда никаких признаков этого не было. Я тогда сопровождал Гитлера во время его поездки с целью тщатель-

H1196 - 0317

H1196 – 0318

ной проверки укреплени на восточной границе. Мы об"ездили весь фронт от Померании до Вреславля, чтобы ознакомиться с отдельными пограничными укреплениями на границе с Польшей. Тогда очень много говорили об укреплениях в Восточной Пруссии. Если я сегодня сопоставлю все это с тем, что вы спрашиваете, то я могу сказать, что это могло состоять в какой-то связи с соображениями Гитлера, касавшимися Данцига и Коридора. Я думаю, Гитлер хотел убедиться в том, что эти восточные укрепления являются достаточно сильными на случай обороны, т.е. на тот случай, если из-за Данцига и Коридора возникнет война с Польшей.

НЕЛЬТЕ: Когда начались приготовления к оккупации Данцига?

КЕЙТЕЛЬ: Мне кажется, это было поздней осенью 1938 года. Были даны указания, действуя внезапно из направления Восточной Пруссии в наиболее благоприятный момент, занять Данциг. Больше ничего я об этом не знаю.

НЕЛЬТЕ: Скажите, при этом ничего не говорилось о возможности возникновения войны с Польшей?

КЕЙТЕЛЬ: Да. Повидимому, что-то говорилось в связи с осмотром восточных укреплений на границе. Но каких-то приготовлени... не считая внезапного налета из направления Восточной Пруссии... о военных приготовлениях уже тогда я ничего не помню и их не было.

НЕЛЬТЕ: Мне кажется, что как-то при обсуждении этого вопроса вы говорили мне, что Данциг только тогда должен был подвергнуться оккупации, если в результате ее не могла бы возникнуть война с Польшей.

КЕЙТЕЛЬ: Верно. Неоднократно говорилось, что оккупация Данцига или внезапное нападение на него может быть предпринято только тогда, если с этим не будет связана опасность возникновения войны.

НЕЛЬТЕ: Когда эта точка зрения изменилась?

КЕЙТЕЛЬ: Мне кажется, что отказ Польши от всяких попыток разрешить вопрос путем переговоров послужил поводом к созданию новых планов и совершению новых шагов.

НЕЛЬТЕ: Обвинение располагает указанием от 3 апреля 1939 года.

КЕЙТЕЛЬ: Позвольте, я хочу добавить, что после Мюнхена вся обстановка на Востоке и вся восточная проблема подверглась совершенно иной оценке, а именно: чешский вопрос был удовлетворительно разрешен без единого выстрела; думали, может быть то же окажется возможным и в отношении других проблем Германии на Востоке. Я вспоминаю по этому поводу, что он не думает, что западные державы, и в частности, Англия, были бы заинтересованы в том же, что составляет восточную проблему Германии, и скорее выступят в качестве ее посредников, чем будут протестовать против ее действий.

НЕЛЬТЕ: Вот документ С120 "операция Вайсс". Согласно этому документу "Указание" было издано 3 апреля 1939 года.

КЕЙТЕЛЬ: Сначала о самом документе. В первых фразах его говорится о том, что он является заменой ежегодно отдаваемых указаний по вооруженным силам относительно подготовки на случай мобилизации, т.е. новая разработка того, что нам известно уже из указаний за 1937-38 годы. Конкретно дело обстояло так, что Гитлер в моем присутствии в то время или, может быть, несколько ~~позднее~~ раньше отдал непосредственно главнокомандующему сухопутными силами устное указание о проведении мероприятий стратегического и оперативного порядка по подготовке наступления на Польшу, т.е. о подготовке войны с Польшей. Затем я сформулировал эти первые положения в этом изданном мною документе, где говорится: "Фюрер распорядился о следующем: разработку этих вопросов закончить к 1 октября 1939 года, по окончании разработки в штабе сухопутных сил составить Zettel . Этот документ я подписал.

8025

H1196-0319

H1196 – 0320

НЕЛЬТЕ: Как вы и прочие генералы относились к этой войне?

КЕЙТЕЛЬ: Я должен сказать, что так же как и в период разработки и подготовки операции против Чехословакии, главнокомандующий сухопутными силами, генералы, с которыми я говорил, и я сам относились отрицательно к мысли о войне с Польшей. Мы не хотели войны, но, само собой разумеется, мы немедленно приступили к обработке полученных приказов, по крайней мере в самом штабе. Мы основывались на том, что мы знали, что военных средств, т.е. дивизий, их вооружения, оснащения и, главное, боеприпасов у нас недостаточно. Мы, солдаты, понимали, что мы не готовы к такой войне.

НЕЛЬТЕ: Вы хотите сказать, что в Вашем отрицательном отношении к войне только соображения военного порядка играли роль?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я должен это подтвердить. Я никогда не занимался политическими проблемами. Но меня волновал вопрос, можем мы вести такую войну или нет.

НЕЛЬТЕ: Я только это и хотел установить.

23 марта 1939 года состоялась встреча Гитлера с генералами, во время которой Гитлер произнес речь. Вы знаете ее? Какова была причина произнесения такой речи?

Запись этой речи

КЕЙТЕЛЬ: Я увидел впервые во время предварительного допроса и следствия. Она напомнила мне ту ситуацию, которая тогда существовала. Речь эта сводилась к тому, чтобы сказать генералам, что все, что делается, обосновано, что их опасения напрасны, что непосредственных предпосылок к войне еще нет, что политические переговоры еще могут изменить ситуацию и, наверное, изменят ее. Это была речь, которая своей единственной целью имела ободрить генералов.

НЕЛЬТЕ: Вы в то время придерживались той точки зрения, что все-таки дело дойдет до войны?

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Тогда я верил, – может быть, это было

довольно необоснованно, - что дело до войны все-таки не дойдет. Я имел в виду, что повторится уже имевшая место ранее практика переговоров, которые приводили к положительному разрешению проблемы. Мы, генералы, выдвигали военные соображения на передний план. Мы думали, что Франция, а может быть и Англия, действуя в соответствии с пактом о взаимопомощи, который они заключили с Польшей, непременно вступят в войну, а средств обороны против них у нас вообще нет. Эта причина всегда казалась мне лично убедительной. Я думал, что дело до войны не дойдет, ибо мы не сможем вести войну против Польши, если французы нападут на нас с Запада.

ГИЛЬТЕ: Как вы оценивали положение вещей после речи от 22 августа 1939 года?

КЕЙТЕЛЬ: Эта речь была произнесена в Оберзальцбурге, когда Гитлер собрал генералов, которые командовали войсками, готовившимися на востоке к наступлению. Когда Гитлер в конце этой речи заявил, что заключен пакт с Советским Союзом, я был твердо убежден в том, что теперь уже, наверно, дело не дойдет до войны, ибо я думал, что при таких предпосылках создана основа для ведения успешных переговоров и что Польша не подвергнется нападению. Я думал, что создана база для ведения подобных переговоров, хотя в речи, которую я также впервые прочел здесь, было сказано, что приготовления должны вестись самым интенсивным образом и что намеченные планы должны быть проведены в жизнь.

ГИЛЬТЕ: Знали Вы, что Англия в самом деле пыталась выступить в качестве посредницы?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я ничего не знал об этом. Первое, что меня чрезвычайно поразило, было то, что в эти дни, о которых здесь несколько раз говорили, 24-е или 25-е, т.е. несколько дней спустя после совещания в Оберзальцбурге, я был неожиданно вызван к Гитлеру в имперскую канцелярию.

H1196 – 0321

H1196 – 0322

Он сказал мне: "Немедленно все приостановить, вызовите Браухича, мне нужно время для переговоров". С этими словами он отпустил меня.

НЕЛЬТЕ: Что последовало после этого?

КЕЙТЕЛЬ: Я немедленно позвонил главнокомандующему сухопутными силами, передал ему приказ, и Браухич был вызван к фюреру. Все было приостановлено, решение о возможном военном выступлении было принято ориентировочно, назавтра должна была быть установлена дата начала операции, которая, как можно думать по сегодняшним подсчетам, намечалась через пять дней.

НЕЛЬТЕ: Вам известны были те минимальные требования, которые пред"являлись Польше?

КЕЙТЕЛЬ: Мне кажется, что я читал их тогда в имперско канцелярии. Кажется, Гитлер сам показал мне их и я получил копию.

НЕЛЬТЕ: Так как вы их видели, я хочу спросить вас, считали вы эти требования серьезными?

КЕЙТЕЛЬ: В то время я обычно заходил в имперскую канцелярию всего лишь на несколько минут и как солдат думал, что эти требования, конечно, честные.

НЕЛЬТЕ: Шла речь тогда о каких-либо инцидентах на границе?

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Этот вопрос детально выясняли со мной на предварительном следствии. На тех немногих совещаниях, которые состоялись у нас тогда в имперской канцелярии, об этом вообще не было речи.

НЕЛЬТЕ: Я передаю документ 795-ПС. Это запись, которая касается польских мундиров, нужных тогда для Гейдриха.

КЕЙТЕЛЬ: Я хотел бы еще добавить...

НЕЛЬТЕ: Пожалуйста.

КЕЙТЕЛЬ: Я хотел сказать следующее. 30 августе день начала нападения был отложен на 24 часа, т.е. назначен на

I сентября. Браухича и меня снова вызвали в имперскую канцелярию и сообщили, что причиной отсрочки нападения является то обстоятельство, что ожидают какого-то уполномоченного от польского правительства. После этого никаких изменений ранее отданных приказов не поступало. Этот документ касается польских мундиров, необходимых для проведения пограничных инцидентов, вернее, для каких-то секретных операций. Я знаю этот документ. Это запись, которая была сделана впоследствии адмиралом Канарисом и которая относится к его беседе со мной. Он сказал мне тогда, что ему нужно представить несколько польских мундиров. Таково распоряжение фюрера, переданное ему через ад"ютанту последнего. Я спросил - для чего? Мы решили, что эти мундиры предназначались для како -то секретно операции. Если я правильно помню, я тогда сказал ему, что я вообще ничего хорошего не ожидаю от таких вещей и пусть он лучше не касается этого дела. Затем мы поговорили о Диршау, который также должен был быть взят в результате внезапного налета, операция, порученная войсковым частям. Больше ничего по этому вопросу тогда я не знал. Я думаю, я сказал тогда Канарису, что это распоряжение Гитлера можно обойти - скажите, что у вас нет польских мундиров, и тем самым дело будет наконец окончено.

НЕЛЬТЕ: Вы знаете, что это было связано с состоявшимся потом налетом на радиостанцию в Глейвице. Вообще вам известно что-нибудь об этом инциденте?

КЕЙТЕЛЬ: Об этом инциденте я впервые узнал здесь из показаний свидетелей. Я не знаю, кому было поручено выполнение подобного задания, и до показаний здесь в зале я ничего о нем не знал. Я не вспоминаю, чтобы что-либо подобное имело место.

8029

H1196 - 0323

H1196 – 0324

НЕЛЬТЕ. Знали Вы об усилиях Америки и Италии после 1 сентября 1939 года каким бы то ни было образом закончить войну ?

КЕЙТЕЛЬ. Я вообще ничего не знал о политических переговорах, которые велись с 24 по 30 и 31 августа и в начале сентября. Я ничего не знал о посещениях господина Далеруса, я ничего не знал о переговорах, которые велись из Лондона. Я только помню, что я встретил Гитлера в имперской канцелярии, и он сказал мне: "Не мешайте мне, я пишу письмо Далацье". Это было, кажется, в первые дни сентября. О тех вещах, которые я узнал здесь, и о тех действиях, которые были предприняты после 1 сентября, я ничего не знал и, думаю, что ни один из генералов тогда об этом тоже ничего не знал.

НЕЛЬТЕ. Что вы сказали Канарису и Лахузену 14 сентября, то-есть незадолго до наступления на Варшаву, в поезде фюрера ? Что вы сказали им в отношении той чистки, которая должна быть предпринята ?

КЕЙТЕЛЬ. Меня об этом спрашивали уже на предварительном следствии. Я вообще не помню этого случая, но из показаний Лахузена следует, что я как будто бы повторил то, что говорил Гитлер по этому вопросу, и, как он выразился, передал дальше. Я знаю, что во время ежедневных встреч с главнокомандующим сухопутными силами, который командовал тогда операциями в Польше, от него уже поступили жалобы на действия полиции в оккупированных польских областях. Я могу только сказать, что я повторил то, что в моем присутствии говорили между собою Гитлер и Браухич. Деталей я не могу сообщить.

Я должен еще добавить, что главнокомандующий сухопут-

ными силами неоднократно жаловался и говорил, что пока он пользовался исполнительной властью в оккупированных областях, он ни при каких условиях не хотел терпеть других исполнительных органов и что в октябре по его настоянию с него сняли эту ответственность. Мне кажется, что то, что говорил по памяти или по запискам Лахузен, не совсем правильно.

НЕЛЬТЕ. Перейдем к вопросу о Норвегии.

Знали Вы, что в октябре 1939 г. Германская империя заявила Дании и Норвегии о своем нейтралитете по отношению к ним ?

КЕЙТЕЛЬ. Да, об этом я знал.

НЕЛЬТЕ. Вы и ОКВ привлекались к участию в совещаниях, на которых обсуждались вопросы о нейтралитете ?

КЕЙТЕЛЬ. Нет.

НЕЛЬТЕ. Сообщали Вам об этом ?

КЕЙТЕЛЬ. И это нет. Это были вопросы внешне-политического порядка, о которых нас, солдат, не информировали.

НЕЛЬТЕ. Вы имеете в виду, что Вас не информировали официально. Но как человек, который вообще читает газеты, Вы знали, конечно, об этом ?

КЕЙТЕЛЬ. Да.

НЕЛЬТЕ. Еще по разбора проблемы, связанной с агрессивными войнами, я задавал Вам вопрос и в интересах сокращения времени не хотел бы повторяться. Но мне кажется, что вопрос, который я задавал, вопрос о Вашем отношении к агрессивным войнам, в этом случае все-таки должен быть еще раз задан, так как факт нападения на нейтральную страну, страну, которой дана гарантия, должен вызвать особые сомнения у людей, имеющих какое-то отношение к этим вещам

8031

H1196 – 0325

H1196 – 0326

к ведению войны. Итак, я еще раз спрашиваю Вас и еще раз прошу Вашего об"яснения: каково было Ваше отношение к агрессивным войнам и каково было отношение к ним со стороны солдат.

КЕЙТЕЛЬ. Я должен сказать, что мы уже находились в состоянии войны. Между Англией, Францией и Германией велась война. Было бы нечестно утверждать, что я вмешивался в эти дела. Я рассматривал их как дела политического характера. Как солдат, я придерживался той точки зрения, что приготовления к военным действиям, направленным против Норвегии и Дании, ни в коем случае не решают проблемы и что они должны занять несколько месяцев, в которые могут произойти перемены, нарушающие предпосылки к ведению войны.

Именно таков был ход моих мыслей, когда я, понимая невозможность приобретения выгодного стратегического положения, не предпринимал никаких шагов, чтобы приостановить вторжение в Норвегию и Данию. Я предоставил решение вопроса политикам. Иначе я не могу выразить это.

НЕЛЬТЕ. Когда были начаты приготовления к этим действиям ?

КЕЙТЕЛЬ. Первые соображения по этому вопросу были высказаны уже в октябре 1939 года. Первые распоряжения были даны только в январе, то-есть несколькими месяцами позднее. В связи с тем, что было сказано здесь, а также в связи с теми показаниями, которые дал по этому вопросу маршал Геринг, я вспоминаю, что я однажды получил поручение вызвать к фюреру гросс-адмирала Редера, Гитлер хотел обсудить с ним вопрос ведения морской войны, в частности, в Атлантическом океане, а также и то, какие опасности угрожают нам в этом районе.

8032

Предоставленные мне документы напомнили мне, что Гитлер приказал создать специальный штаб, который должен был заниматься изучением всей этой проблемы с точки зрения морской, воздушной и сухопутной войны. Я лично никакого участия в его работе не принимал. Гитлер заявил тогда, что он сам будет давать этому штабу задания. Таково было положение в конце 1939, в начале 1940 года.

НЕЛЬТЕ. В связи со всем этим комплексом вопросов я хотел бы еще знать, имели ли Вы какую-нибудь беседу с Квислингом на этой стадии подготовки ?

КЕЙТЕЛЬ. Нет. До операции в Норвегии я никогда Квислинга не видел. Я встретил его впервые год или два спустя после этой операции. Никакой связи, даже в виде обмена информациями, между нами не существовало. На предварительном следствии я уже говорил, что по приказанию Гитлера я выделил офицера, полковника Пикенброка, и послал его в Копенгаген, этот офицер должен был вести там переговоры. Квислинга я не знал.

НЕЛЬТЕ. Ко времени начала войны на Западе на первом плане стоит вопрос о нарушении нейтралитета по отношению к Люксембургу, Бельгии и Голландии. Знали Вы, что этим странам были сделаны заверения о соблюдении нейтралитета по отношению к ним ?

КЕЙТЕЛЬ. Да, это я знал тогда.

НЕЛЬТЕ. Я не хочу задавать те же вопросы, которые я задал Вам в связи с разбором операций в Норвегии и Дании Но я все же хотел бы спросить: считали Вы эти заверения Гитлера частными ?

КЕЙТЕЛЬ. Переносясь в ту обстановку, я могу сказать: тогда я верил, что фактически существовало намерение не вовлекать другие государства в войну. Во всяком слу-

8033

H1196 – 0327

H1196 – 0328

чае у меня не было никаких оснований предполагать, что это был обман.

ЖЕЛЬТЕ. Думали Вы после окончания войны с Польшей, что это окончание войны вообще, или Вы полагали, что это некоторая стабилизация положения ?

КЕЙТЕЛЬ. Да, я верил этому. Мою веру подкрепила речь, которая была произнесена в рейхстаге после польской кампании и в которой делались намеки, убедившие меня в том, что в первую очередь по этому вопросу будут вестись переговоры с Англией. Я верил еще потому, что Гитлер неоднократно говорил мне: "Весь в восточных проблемах Германии Запад, собственно, не заинтересован". Это положение, т.-е. что Запад не интересуется этими проблемами, действовало всегда успокаивающе.

Но рассматривая обстановку с чисто военной точки зрения, во время польской кампании мы, солдаты, само собой разумеется, всегда считались с возможностью выступления западных держав, т.-е. Франции. Мы были чрезвычайно поражены тем, что на Западе, кроме известных боев в предполье, как мы их называли, боев, которые велись на участке между линией Мажино и западным валом, ничего не произошло, в то время как у нас /и я это очень хорошо знаю/ на всем Западном фронте, начиная с голландской границы и до Базеля, было только пять дивизий и слабые гарнизоны в укреплениях западного вала. Таким образом, смотря на дело с военно-оперативной точки зрения, наступление Франции во время польской кампании встретило бы завесу, но не настоящую оборону. А так как этого выступления Франции не последовало,- нам, солдатам, естественно, казалось, что, очевидно, намерения западных держав несерьезны, если они упускают такую благоприятную стратегическую и оперативную возможность,

ничего не предпринимая против нас в течение четырех недель, когда все действующие германские соединения были заняты на Востоке, по крайней мере ничего, что могло представлять нам угрозу. Все это еще раз подкрепило наше мнение относительно предполагаемой позиции западных держав в будущем.

НЕЛЬТЕ. Каковы были планы Гитлера в отношении Запада?

КЕЙТЕЛЬ. Я не понял вопроса.

НЕЛЬТЕ. Каковы были планы Гитлера в отношении Запада?

КЕЙТЕЛЬ. На последнем этапе войны с Польшей он перебросил все войска, без которых можно было там обойтись, считаясь с тем, что в любой момент еще что-то может произойти. В последние дни войны с Польшей он говорил мне, что он намерен в кратчайший срок перебросить войска с Востока на запад и, если будет возможно, зимой 1939-1940 года начать там наступление.

НЕЛЬТЕ. Этими планами предусматривалось нападение на Бельгию, Голландию и Люксембург и проведение германских войск через территории этих стран?

КЕЙТЕЛЬ. Первоначально -нет. Первоначально наступление на Западе должно было представлять собой действия, служащие целям безопасности, т.-е. усилению границы в самых широких размерах и в первую очередь там, где ничего не было, кроме пограничных постов. В конце сентября - начале октября началась переброска войск с Востока на запад с целью обеспечения всей границы.

НЕЛЬТЕ. Что знало военное командование о позиции Голландии и Бельгии?

КЕЙТЕЛЬ. В течение зимы их позиция менялась несколько раз. Я могу говорить только о себе лично. Может быть существовали и другие точки зрения по этому вопросу. Осенью

8035

H1196 - 0329

H1196 – 0330

1939 г. я был убежден, что Бельгия во всяком случае не вступит в войну и сделает все, чтобы сохранить свой нейтралитет. С другой стороны, благодаря тесной связи, существовавшей между бельгийским и итальянским королевскими домами, мы получали сведения, которые звучали угрожающе. Я не имел возможности проверять, насколько правильны были эти сведения. Согласно им, на Бельгию оказывалось сильное давление в том смысле, что она должна была отказаться от своего нейтралитета.

В отношении Голландии мы тогда знали только то, что между генеральными штабами Голландии и Англии существовала связь.

С течением времени - с октября 1939 г. по май 1940 г. обстановка менялась самым различным образом, то усиливаясь в одном направлении, то ослабевая в другом. По части военной линии мы знали одно, а именно, что все мотомеханизированные войска Франции были подтянуты к франко-бельгийской границе. Расценивая это явление с военной точки зрения, мы считали, что оно представляет собою, по крайней мере, подготовку к тому, чтобы своими мотомеханизированными войсками пройти через Бельгию и остановиться на границе Рурской области. Деталей, я думаю, мне не следует здесь упоминать, так как они несущественны. Они имеют чисто оперативный, стратегический характер.

НЕЛЬТЕ. Существовали разногласия между Гитлером и генералитетом в отношении этого наступления на запад, для осуществления которого следовало провести войска через нейтральные страны ?

КЕЙТЕЛЬ. Я должен сказать, что тогда мы переживали один из наиболее острых кризисов войны, состоящий в том, что целый ряд генералов, в том числе и главнокомандующий

сухопутными силами Браухич, его начальник штаба, а также
и я - мы при всех условиях хотели предотвратить это вы-
ступление на запад, которое Гитлер намечал на зиму. Мы
хотели этого по разным мотивам: трудность переброски
войск с Востока на запад, далее, еще один момент - я
должен буду это сказать,- мы тогда верили, может быть,
рассматривая вещи с политической точки зрения, мы вери-
ли, что если мы не осуществим это наступление, то у
нас еще будет возможность мирного решения, что такое мир-
ное решение не явится для нас невозможным. Мы считали
вероятным, что до весны многое в политическом отношении
изменится. Во-вторых, мы, как солдаты, самым решительным
образом возражали против войны в зимнее время, когда
короткие дни и длинные ночи, которые всегда представляют
большое препятствие для осуществления военных операций.
На возражения Гитлера, что французские мото-механизи-
рованные войска в любой момент могут пройти через Баль-
гию, мы говорили, что при такой ситуации в подвижной
войне мы будем превосходить противника, что справимся
с этой ситуацией. Такова была наша точка зрения.

Я хочу еще добавить, что дело дошло до очень серьез-
ных разногласий между Гитлером, с одной стороны, и глав-
нокомандующим сухопутными силами и мной, с другой, так
как я защищал вышеизложенную точку зрения, а Гитлер осуж-
дал ее самым резким образом, считая ее стратегически
неправильной, как он выражался. Он обвинял меня в том,
что я якобы вместе с генералами сухопутных войск состою
в заговоре против него и только поощряю их сопротив-
ление.

Я должен сообщить, что я тогда просил о немедленном
уходе в отставку или об использовании меня в другом мес-

8037

H1196 - 0331

H1196 – 0332

ть, так как я считал, что наши отношения взаимного доверия навсегда нарушены, я чувствовал себя оскорбленным. Я хочу еще добавить, что отношение Гитлера к главнокомандующему сухопутными войсками также сильно ухудшилось. Моя отставка не была принята. В перевоце меня на другую работу мне было отказано, мне сказали, что я не имею на это права. Я уже говорил здесь об этом, больше говорить не стоит. Но я никогда потом не мог восстановить утраченного доверия у Гитлера. В войне с Норвегией возник аналогичный конфликт, квалифицированный в дневнике генерала Йодля как "серьезный кризис", потому то я ушел. На подробностях этого я не хотел бы останавливаться.

НЕЛЬТЕ. Что послужило поводом к выступлению Гитлера с речью, произнесенной им 23 ноября 1939 года в имперской канцелярии и обращенной к командующим войск ?

КЕЙТЕЛЬ. Я могу сказать, что факт произнесения этой речи находится в тесной связи с кризисом, совпавшимся в отношениях между Гитлером и генералитетом. Он созвал тогда генералитет для того, чтобы изложить свою точку зрения и обосновать ее; и если знать, что при этом он ставил себе целью изменить мнения генералитета, то, читая протокол этого собрания, можно понять, почему поверглись таким резким нападкам отдельные лица, выступавшие против осуществления нападения на запад. Кроме того, он хотел еще раз об"явить о своей непреклонной воле уже зимой начать наступления на запад, так как он считал, что это - единственно правильное решение, что любая потеря во времени послужит на пользу противнику. Тогда он уже не видел никакого другого пути к решению проблемы, как только пути при помощи оружия.

НЕЛЬТЕ. Когда было принято решение провести войска через Бельгию и Голландию ?

КЕЙТЕЛЬ. Приготовления к проведению войск через Бельгию и Голландию и к осуществлению наступления были полностью закончены. Принятие же решения о том, следует ли практически осуществить подобное крупное наступление и нарушить нейтралитет этих стран, Гитлер оставлял за собой, не сообщая его до весны 1940 г., исходя при этом, очевидно, из всякого рода политических соображений, сводящихся к тому, что, может быть, проблема разрешится как-нибудь автоматически, если противник вторгнется в Бельгию, или французские мото-механизированные войска войдут в нее или что-либо подобное. Я могу сказать только, что принятие решения откладывалось до последней минуты. Приказ был дан непосредственно перед самым выступлением. Я думаю, что еще один момент играл в этом деле определенную роль, это - упомянутые уже мною взаимоотношения между бельгийским и итальянским королевскими домами, Гитлер окутывал свое решение тайной, потому что он боялся, что таким путем она может стать известной.

/Перерыв на 10 минут/

8039

H1196 – 0333

H1196 – 0334

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, Трибунал был бы рад, если бы вы, ссылаясь на Чехословакию или какое-нибудь другое государство, называли бы эти государства их собственными именами и желательно, чтобы это делали как вы, так и подсудимый, и свидетели.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, подсудимый Кейтель хочет сделать небольшую поправку в своих показаниях, сделанных им сегодня утром в ответ на мой вопрос о численности войск на западе во время войны с Польшей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

КЕЙТЕЛЬ: Я ранее сказал, что во время войны с Польшей на западе находилось пять дивизий. Я должен это исправить. Я спутал с положением, которое было в 1938 г. В 1939 году, включая войска, дислоцировавшиеся в Рейнской области, и резервные войска в тыловых западных районах, их было около 20 дивизий. Так что данные, которые я указал ранее, были ошибкой, я спутал года.

НЕЛЬТЕ: Теперь мы перейдем к войнам на Балканах. И в отношении войны с Грецией и Югославией, Обвинение инкриминирует вам содействие в подготовке, планировании и, прежде всего, в осуществлении их. Каково ваше отношение к этому?

КЕЙТЕЛЬ: В войну против Греции и весной 1941 г. против Югославии мы были втянуты совершенно неожиданно, без всяких предварительных планов. Сначала коснусь Греции. Я сопровождал Гитлера в его поездке по Франции с целью встречи с маршалом Петэном и Франко на испанской границе. Во время этой поездки мы получили первые сведения о намерениях Италии начать войну против Греции. Мы тотчас же решили поехать во Флоренцию. По прибытии во Флоренцию мы получили от Муссолини сообщение, как уже об этом говорил рейхсмаршал Геринг, что война против Греции уже началась.

По своим личным впечатлениям и переживаниям, я могу

сказать лишь, что Гитлер был крайне возмущен таким оборотом дела:т.е. вовлечением балканских стран в войну, что только факт наличия союза с Италией воспрепятствовал разрыву с Муссолини.

О каких-либо намерениях в отношении войны против Греции мне не было известно.

НЕЛЬТЕ: Было ли необходимостью для германской империи-вступление в войну с Грецией или чем об'ясняется этот факт?

КЕЙТЕЛЬ: Сначала никакой необходимости не было,но уже в первые месяцы этой кампании итальянцев, т.е. в октябре - ноябре, стало ясно,что положение Италии в этой войне крайне опасно. Таким образом, уже в ноябре или декабре Муссолини должен был воззвать о помощи в любой форме,просить выступить на его стороне.

Кроме того,с военной точки зрения положение,конечно, было таково,что поражение Италии на Балканах могло иметь большие и серьезные последствия для хода всей войны.Таким образом,мы пришли итальянцам на помощь без предварительной подготовки. Мы подбросили,кажется, одну горно-стрелковую дивизию,что технически было нелегким делом,так как не было подходящих мест для высадки войск и пришлось прибегнуть к средствам воздушного транспорта и другим.

НЕЛЬТЕ: Когда эти действия без предварительной подготовки, эта импровизация закончилась, был создан представленный обвинением план "Марита". Когда это было?

КЕЙТЕЛЬ: Да, в условиях зимы, война в Греции и в Албании подошла к известной стадии приостановления военных действий.В это время обсуждался вопрос о том,как предотвратить катастрофу Италии.Намечалось подтянуть определенные силы с севера и ввести их в действие против Греции,с целью отвлечь силы противника,как следует это назвать,что,

H1196 – 0335

H1196 – 0336

конечно, длилось бы месяцами и должно было столько длиться. Разрешите об'яснить, что тогда не предполагалось наступать через Югославию и что даже предложение о проводе войск через Югославию, т.е. ближайшим путем в этих целях категорически отвергалось Гитлером, хотя именно командование сухопутных сил предложило эту возможность, как самую удобную форму для подброски войск.

О плане "Марита" может быть нечего сказать, кроме того, что им предусматривалось проведение войск через Болгарию, план, который был подготовлен и обсужден с Болгарией дипломатическим путем.

НЕЛЬТЕ: Я хотел бы по этому поводу задать вам еще только один вопрос. Обвинение говорило, что еще до свержения югославского правительства, т.е. в конце марта 1941 года, имели место переговоры с Венгрией на случай нападения на Югославию. Информировали ли ОКВ и вас об этом и участвовали ли вы в этих переговорах?

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Я ничего не помню о переговорах, которые бы велись ОКВ с Венгрией о возможных военных действиях против Югославии. Мне это совершенно неизвестно. Наоборот, все что потом произошло, еще придется сказать несколько слов об Югославии, было полной импровизацией. Ничего не было подготовлено, во всяком случае ничего с ведома ОКВ.

НЕЛЬТЕ: Вам, однако, известно, что в это время имели место переговоры с Венгрией по военным вопросам. Я полагаю, вы хотите только сказать, что эти переговоры не касались Югославии?

КЕЙТЕЛЬ: Само собой разумеется, мне было известно о том, что с Венгрией неоднократно велись переговоры по военным вопросам.

НЕЛЬТЕ: Вы сказали, что вы хотите еще что-то сказать об операции в Югославии. Рейхсмаршал Геринг говорил здесь об этом. Можете ли вы добавить что-нибудь новое? У меня лишь

8042

лично нет больше вопросов в связи с этим комплексом.

КЕЙТЕЛЬ: Я хотел только еще раз подтвердить,что решение начать военные действия против Югославии вызвало полный переворот во всех предусмотренных до этого военных планах и намерениях. План "Марита" должен был быть полностью отброшен, надо было подтянуть новые силы с севере через Венгрию.Все это было полнейшей импровизацией.

НЕЛЬТЕ: Теперь перейдем к плану "Барбаросса". Советское обвинение особо подчеркивало то обстоятельство,что ОКВ и вы,как начальник ОКВ, уже летом 1940 года разрабатывали план нападения на Советский Союз. Когда Гитлер в первый раз говорил с вами о возможности вооруженного конфликта с Советским Союзом?

КЕЙТЕЛЬ: Как мне помнится,это было в начале августа 1940 года по случаю обсуждения обстановки,состоявшегося в Берхтесгадене или у него дома в Берггофе.Тогда в первый раз говорили о возможности военного конфликта с Советским Союзом.

НЕЛЬТЕ: На что указал тогда Гитлер,как на причины,которые могли бы привести к военному конфликту?

КЕЙТЕЛЬ: Я думаю,я могу сослаться на то,что сказал по этому поводу рейхсмаршал Геринг.

По нашим сведениям в Бессарабии,Северной Буковине были сосредоточены крупные войска. Министр иностранных дел называл цифры, я теперь не помню их. Опасения,которые Гитлер неоднократно тогда выражал,заключались в том,что, может быть, из этого возникнут какие-нибудь осложнения в Румынии и тем самым создастся угроза снабжению нефтью и горючим всей войны. Снабжение,которое большей частью основывалось на румынских поставках нефти. Кроме того, он говорил,о крупной,или бросающейся в глаза концентрации войск в прибалтийских странах.

НЕЛЬТЕ: Были тогда уже даны вами или командованием со-

8043

H1196-0337

H1196-0338

ответствующей части вооруженных сил какие-нибудь указания?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, как я помню, они ограничивались во-первых, активизацией службы информации и шпионажа в отношении России и, во-вторых, известным рассмотрением возможностей быстрой переброски войск с Запада из Франции; на юго-восток или в Восточную Пруссию. Переброски войск восточных военных округов снова на восток начались уже в конце июля.

Кроме этого в то время никаких других распоряжений издано не было.

НЕЛЬТЕ: Какие силы находились тогда на демаркационной линии?

КЕЙТЕЛЬ: С демаркационной или пограничной линии систематически поступали сведения о пограничных инцидентах, перестрелках и особенно часто о перелетах советских самолетов через демаркационную линию, что привело к соответствующим нотам, насколько я помню. Особенно на юге имели место постоянные мелкие пограничные бои и перестрелки. Наши пограничные гарнизоны сообщали, что систематически, или через определенные промежутки времени они замечали против себя новые русские соединения. Это было, пожалуй, все.

НЕЛЬТЕ: Знаете ли вы, сколько немецких дивизий находилось там?

КЕЙТЕЛЬ: Во время западной кампании /на этот раз, я думаю, я не ошибаюсь/ там было семь дивизий. Семь дивизий на участке от Восточной Пруссии до Карпат, из которых две даже были временно переброшены на запад, а затем были возвращены обратно.

НЕЛЬТЕ: Обвинение заявило, что в конце июля 1940 года генерал-полковник Иодль в Рейхенхалле дал общие указания некоторым офицерам штаба оперативного руководства заняться проблемой России, и, прежде всего, изучить проблему железнодорожного транспорта. Так как вы ранее сказали, что вы лишь в августе в первый раз узнали об этом от Гитлера,

H1196 - 0339

я спрашиваю вас,знали ли вы об этом совещании у генерал-полковника Иодля?

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Мне кажется, лишь здесь я узнал о том, что в конце июля - в начале августа в Берхтесгадене состоялись такие совещания. Это связано с моим отсутствием в Берхтесгадене.Я не знал о них, и я думаю,что генерал Иодль наверное,забыл мне сказать. Мне это было неизвестно.

НЕЛЬТЕ: Как лично вы относились в то время к проблеме, которая вскрывалась в разговорах с Гитлером?

КЕЙТЕЛЬ: Когда мне стало ясно,что речь идет о серьезных намерениях,я был крайне поражен и считал их большим несчастьем. Я серьезно обдумывал,что можно сделать,чтобы приведя Гитлеру все соображения военного порядка, воздействовать на него. Как кратко рассказал здесь министр иностранных дел,я лично написал служебную записку,в которой изложил свои мысли и независимо от соответствующих специалистов генерального штаба и штаба оперативного руководства собирался представить ее на рассмотрение Гитлеру. Я прибег к этому методу,так как обычно в подобных случаях дальше второго предложения никто ничего сказать не мог, потому что Гитлер начинал говорить сам, и уже нельзя было продолжать то,что хотел сказать. В этой связи,разрешите мне также заметить, что обдумав все, я в первый - и это был единственный раз - зашел к министру иностранных дел просить его,чтобы он поддержал меня в этом вопросе с политической стороны. Это было в уже упомянутый здесь мой визит в Фушле, который министр иностранных дел фон Риббентроп уже подтвердил недавно во время допроса его.

НЕЛЬТЕ: То-есть, вы подтверждаете то,что сказал г-н фон Риббентроп, так что мне не следует больше повторяться ?

КЕЙТЕЛЬ: Я подтверждаю,что я был в Фушле. Насколько я помню,моя записка была у меня с собой.Она была написана от руки,так как я не хотел никому показывать ее.Я покинул Фушле

с сознанием, что он в том же смысле попытается воздействовать на Гитлера. Он обещал мне это.

НЕЛЬТЕ: Передали вы Гитлеру эту памятную записку?

КЕЙТЕЛЬ: Да, через некоторое время,оставшись с ним наедине,после одного из докладов об обстановке в Бергофе,я передал ему ее. Он мне тогда,кажется,сказал,что он посмотрит ее,забрал, но не вызывал меня,чтобы выслушать об'яснения.

НЕЛЬТЕ: Позже возвращались вы еще раз к этому вопросу, учитывая его важность?

КЕЙТЕЛЬ: Да,сперва он ничего не говорил, так что через некоторое время я напомнил ему об этом и просил все-таки поговорить со мной.Разговор состоялся.Он был короткий,потому что то,что я подчеркивал,как важное с военной или стратегической точки зрения,оказалось для Гитлера совершенно неубедительным. Он должен был отклонить мои предложения,как неверные.

В этой связи,разрешите мне коротко заметить,что это меня очень задело. Снова создался кризис в наших отношениях, я просил снять меня с моего поста, поставить на мое место другого человека,а меня послать на фронт. Это,в свою очередь, повело к острым разногласиям, о которых,как известно,уже говорил рейхсмаршал. Гитлер заявил,что он не разрешает,чтобы генерал,взгляды которого он не одобряет,на этом основании ходатайствовал об уходе со своего поста.Кажется он заявил мне: это его полное право отбрасывать подобные предложения и мысль,если он не считает их правильными. Я не имею права делать из этого выводы.

НЕЛЬТЕ: Вернул он вам эту памятную записку?

КЕЙТЕЛЬ: Нет,мне кажется, что я не получил ее обратно. До сих пор я думал,что она найдена в делах Шмундта,что, повидимому, не так. Я не получил ее назад. Она осталась у него.

8046

H1196 – 0340

H1196 – 0341

НЕЛЬТЕ: Я не хочу больше занимать время суда по этому вопросу и предоставляю решить вам, излагать ли содержание этой памятной записки. Для меня важны здесь не соображения военного порядка,которые можно себе представить, а вопрос, ссылались ли вы при этом на пакт о ненападении от 1939 года

КЕЙТЕЛЬ: Да, но я должен заметить,что основным содержанием моей записки являлись военные соображения.Военные соображения о численности и составе войск,о потребностях в них, о распылении сил,что действительно наблюдалось у нас тогда,так как войска были во Франции,в Норвегии,военно-воздушные силы - в Италии и на западе.Но я,без сомнения,указал в этой записке на факт существования пакта о ненападении. Все остальное-были военные соображения.

НЕЛЬТЕ: В это время были изданы какие-либо военные распоряжения?

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Тогда еще не было издано никаких распоряжений,за исключением,пожалуй,распоряжений относительно улучшения коммуникационных линий с запада на восток с целью быстрейшей переброски войск,главным образом на юго-восток, т.е. в район севернее Карпат и в Восточной Пруссии. Никаких других распоряжений в то время отдано не было.

НЕЛЬТЕ: К тому времени уже состоялась беседа с г-ном министром иностранных дел Молотовым?

КЕЙТЕЛЬ: Нет,наоборот. Тогда в октябре еще только намечались переговоры с русскими. Об этом мне тогда говорил также и Гитлер,причем он всегда подчеркивал,что пока эти переговоры не состоятся,он не хочет издавать никаких распоряжений.Он говорил это после того,как,кажется, генерал Йодль доказал ему,что так или иначе технически невозможно перебросить крупные войска на восток в угрожающие области, которые я уже называл. Так что ничего не делалось.Подготавливались к приему,к переговорам с русской делегацией,причем разрешите заметить,что я предложил,чтобы Гитлер говорил лично с господином Сталиным.Это все,что я тогда сделал в этой связи.

8047

НЕЛЬТЕ: Обсуждались на этой беседе также и военные дела?

КЕЙТЕЛЬ: В этой беседе с г-ном Молотовым я вообще не принимал никакого участия, хотя этот раз,как и всегда я присутствовал при приветствии и на официальных приемах. Я вспоминаю,два раза я был соседом г-на Молотова по столу. На каких-либо политических беседах я не присутствовал и не обсуждал их лично со своим соседом по столу.

НЕЛЬТЕ: Что говорил Гитлер после окончания переговоров?

КЕЙТЕЛЬ: После от'езда мы были проинформированы им, собственно,очень кратко. Он сказал,примерно,что он разочарован этими переговорами. Он упомянул,как мне помнится, коротко,что во время беседы в общем обсуждались проблемы Прибалтики и Черного моря,в которых он,однако, не мог занять желательной или положительной позиции. О подробностях он ничего не говорил. Я спросил его о военных делах,которые имели тогда некоторое значение, о крупных силах в Бессарабии. Я думаю,Гитлер уклонился от ответа и сказал,что это,конечно, связано со всем остальным, он не углубил этого вопроса. Приблизительно дело было так, я уже не помню точно. Во всяком случае,ничего нового или окончательного не было.

НЕЛЬТЕ: Были изданы военные приказы после этих переговоров?

КЕЙТЕЛЬ: Я думаю,что и тогда все еще нет. Гитлер сказал нам тогда,что он хочет еще подождать результатов этих переговоров на Востоке, когда делегация вернется туда. В этой связи были даны соответствующие указания послам.Во всяком случае приказы были даны не непосредственно после посещения Молотова.

НЕЛЬТЕ: Тогда я прошу вас назвать момент,когда были изданы первые конкретные приказы.

8048

H1196 – 0342

H1196 – 0343

КЕЙТЕЛЬ: Я могу восстановить это лишь на основании представленной мне директивы "Барбаросса", которая была издана в декабре. Таким образом, кажется, в первой половине декабря были даны приказы и известная директива "Барбаросса". Точнее говоря, в начале декабря были даны указания разработать стратегический план.

НЕЛЬТЕ: Было Вам известно о совещаниях, состоявшихся в декабре в Цоссене и упомянутых здесь обвинением? Разрешите Вам напомнить, что на этих совещаниях присутствовал финский генерал Хайнрихс.

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я ничего не знал о совещаниях в Цоссене. Я думаю, что, судя по показаниям генерала Бушенгагена, которые он дал здесь, он был на этих совещаниях, я ничего не знал о финском генерале Хайнрихс, пребывающем в Цоссене, я первый раз об этом услышал здесь. Это можно об"яснить только тем, что штаб сухопутных сил хотел иметь определенные документы и поэтому вел переговоры с соответствующими лицами. С генералом Хайнрихсом я познакомился лишь в мае 1941 года. Тогда у меня с ними- и с генералом Иодлем было совещание в Зальцбурге. До этого я никогда его не видел и не говорил с ним.

НЕЛЬТЕ: Имеет значение то обстоятельство, что в директиве № 21 сказано, что за восемь недель до возможного начала операций Гитлер даст приказ о начале и осуществлении действительного сосредоточения и развертывания войск.

КЕЙТЕЛЬ: Да, это имело колоссальное значение. Об этом меня уже допрашивала советская делегация. В директиве так было сказано, потому что по вычислениям командования сухопутных сил переброска войск по железн. дор. должна была длиться около 8 недель, переброска из Империи на исходные позиции. При многократных переработках Гитлер подчеркивал, что

дату начала операций установит он лично. Иными словами, все передвижения войск должны были совершаться только с его указания. Такова была цель данного указания.

НЕЛЬТЕ: Когда Вам стало ясно, что Гитлер решил напасть на Советский Союз?

КЕЙТЕЛЬ: Насколько я помню - это было в начале марта, в середине мая предполагалось начать наступление, следовательно, в середине марта было принято решение о переброске войск по железной дороге. Поэтому в первой половине марта состоялось совещание генералов, где они получили от Гитлера указания, которые преследовали единственную цель - сказать генералам, что он принял решение относительно проведения наступления. Хотя приказа еще не было, он дал различные указания по тем вопросам, которые содержатся в директивах особым разделом плана "Барбаросса". Это документ № 447-ПС. Директивы эти затем подписаны мною. О положениях, содержащихся в них, он изложил генералам раньше, так что последние уже были информированы о них, что и побудило меня подтвердить их в письменной форме. Таким образом, ни для кого из участвовавших они ничего нового не содержали.

НЕЛЬТЕ: Мне кажется, новым было то, что Гитлер сказал генералам, мне кажется также, что Вам, т.к. Вы имели отношение к этим вещам, то-есть, к разработке этого плана, стало ясно или должно было стать ясно, что теперь будет применяться совершенно необычный метод ведения войны, по крайней мере с Вашей солдатской традиционной точки зрения?

КЕЙТЕЛЬ: Правильно. Новыми были мысли об администрации и экономической эксплоатации областей, которые мы должны были завоевать или оккупировать. Была выражена совершенно новая идея об учреждении имперских комиссариатов и граждан-

8050

H1196 – 0344

H1196 – 0345

ской администрации. Было четко заявлено о решении предоставить все руководство экономическими вопросами уполномоченному по 4-летнему плану,и, что для меня самое главное, что меня больше всего задело, наряду с главноначальствующими, осуществляющими через оккупационные учреждения, свое право на исполнительную власть в оккупированных областях передать широкие полномочия рейхсфюреру СС Гиммлеру в отношении всех полицейских мероприятий, о которых потом стало известно.

Я очень резко выступил против этого, так как мне казалось невозможным ставить рядом друг с другом две власти. В этих директивах имеются слова: "Права главнокомандующего сухопутными силами настоящим не затрагиваются".

Это был полный обман и самообман. На деле получилось как раз наоборот. Так долго, как это было совместимо с моим постом, я противился этому. Я думаю, что могу сказать, что у меня нет другого свидетеля по этому вопросу, кроме генерала Йодля, который пережил все это вместе со мной. В конце концов,Гитлер разработал эти директивы в большей или меньшей степени сам и придал им такой смысл, какой хотел. Так возникли эти директивы.

Я не мог приказать то, что написано в них. Это явствует уже из того, что в них говорится "рейхсмаршалу поручается...", "рейхсфюреру СС поручается..." и т.д. Я не мог давать им поручений.

НЕЛЬТЕ:Не вставал тогда вопрос о том, что если хотят напасть на Советский Союз, то предварительно надо поставить его об этом в известность, действуя дипломатическим путем, об"явив войну или направив ультиматум?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я поднимал этот вопрос. Уже зимой 1940-41 года, каждый раз, когда отмечались крупные силы русских на демаркационной линии, то есть в декабре - январе месяцах, я просил Гитлера послать Советскому Союзу ноту, чтобы, я бы сказал, иметь некоторое оправдание. Но я могу тут же добавить, что в первый раз он мне ничего не сказал, а второй раз ответил, что он отрицательно относится к моей просьбе потому, что это, мол, бесполезно, на это мы получим лишь ответ, что это - внутренние дела, которые нас не касаются или что-то в этом духе. Во всяком случае, мое предложение было отклонено. Потом, на более поздней стадии, я еще раз сделал попытку, т.е., высказал просьбу до начала операций пред"явить ультиматум, чтобы получить какое-то основание для начала превентивной войны, как мы назвали войну, начавшуюся в случае угрозы агрессии.

НЕЛЬТЕ. Вы говорите - превентивная война. Какова была военная обстановка, когда были приняты основные решения?

КЕЙТЕЛЬ: О военной обстановке, как мы оценивали ее, или как ее оценивало командование сухопутных сил, мне лучше всего напомнило исследование или запись... кажется, это документ ПС-872, да, ПС-872, датированный концом января или началом февраля, - доклад начальника штаба сухопутных сил Гитлеру о стратегических и оперативных приготовлениях. В этом документе я нашел наши сведения о численности сосредоточенных войск Красной Армии и другие имевшиеся и ставшие известными данные, которые подробно разбираются в этом документе. Во всяком случае, я должен сказать, что я получал очень мало сведений от службы информации ОКВ и ее начальника адмирала Канариса и не мог предоставить их командованию сухопутных сил, так как

H1196 – 0346

H1196 – 0347

советская территория была хорошо ограждена от германского наблюдения. Таким образом, наши сведения были до известной степени неполными. Было известно только то, что содержится в документе ПС-872.

НЕЛЬТЕ: Скажите коротко, что содержится в нем, чтобы оправдать Ваши решения?

КЕЙТЕЛЬ: Да, это... Гальдер сообщал, что 150 дивизий Советского Союза подтянуты к демаркационной линии, к границе, затем у нас были аэрофотоснимки с большого количества аэродромов, коротко говоря, - налицо была известная степень готовности Советского Союза, которая в любой момент могла повести к началу военных действий. Лишь фактические операции действительно показали, до какой степени уже была проведена подготовка со стороны противника. Во всяком случае, я должен сказать, что об этой степени мы узнали лишь в ходе самого наступления.

НЕЛЬТЕ. Вы присутствовали на последней речи Гитлера, обращенной к командующим на востоке и произнесенной им 14 июня 1941 года в имперской канцелярии? Я прошу вас, не повторяясь, коротко сообщить, что сказал тогда Гитлер и как генералы восприняли то, что он сказал?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется ли какой-нибудь документ относительно этого? Все это должно иметься в документе. Не так ли?

НЕЛЬТЕ. Я [redacted] хотел задать один вопрос и затем передать документ, или, если Суд хочет, я не буду зачитывать весь документ и лишь зачитаю краткие выводы, находящиеся в конце документа. Удобно ли это суду?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы спросили подсудимого, о чем идет речь в этом документе?

НЕЛЬТЕ: В документе написано, коротко говоря, следующее:

Развитие ~~[illegible]~~ чуждых вооруженным силам организаций и рост их влияния на ход военных действий. Доказательство того, что в этой войне, которая должна быть названа необычной, уродливой войной, ОКВ стремилось, насколько это было возможно, удержаться в границах международных правил и что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я хотел лишь знать, в чем заключается Ваш вопрос.

НЕЛЬТЕ: Я просил фельдмаршала Кейтеля рассказать мне о речи Гитлера от 14 июня 1941 года, о том, что Гитлер приказал генералам и как они на это реагировали. Этим я хотел закончить рассмотрение вопроса о приготовлениях к кампании против России.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он может сказать о том, какое впечатление произвела эта речь на него, но не знаю, как он может сказать о том, какое впечатление она произвела на других генералов.

НЕЛЬТЕ: Он, конечно, может это только предполагать, но ведь он мог видеть, реагировали ли другие и как именно. Можно говорить, можно протестовать, и я хотел только знать, имело это место или нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть будет лучше, если вы спросите его о том, что было в этот день на этом совещании? Если Вы хотите знать, что делалось на совещании, то почему Вы не спросите его об этом?

НЕЛЬТЕ /обращается к подсудимому Кейтелю/: Прошу Вас.

КЕЙТЕЛЬ: Изложив кратко оперативные задачи отдельных командующих, Гитлер произнес обобщающую речь, которую следует назвать ярко выраженной политической речью. Во главу угла было поставлено то положение, что предстоящая война будет войной двух мировоззрений, что этот факт делает невозможным применение в ней тех методов, которые известны нам, солдатам,

8054

H1196-0348

H1196 – 0349

и которые мы считали правильными с точки зрения международных правил, и что ко всему нужно подходить с совершенно другими масштабами. С этими средствами нельзя вести войну. Это совершенно новая война, на совершенно иных предпосылках. Одновременно с вышеизложенным были даны различные распоряжения об отмене в неспокойных областях юрисдикции, о подавлении жестокими мерами проявлений сопротивления и о том, что все эти местные проявления рассматривать в свете коренных разногласий между двумя мировоззрениями. Это была совершенно новая и ясно выраженная идея, произведшая на нас исключительно сильное впечатление и исключительно сильно затронувшая нас.

НЕЛЬТЕ: Вы или кто-либо из генералов протестовали или возражали против этих указаний и приказов?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я лично никаких протестов, кроме тех, которые предшествовали этому совещанию, не заявлял и никакого сопротивления, кро ме того, которое оказывал раньше, не оказывал. Мне неизвестно, обращались ли генералы к фюреру и кто именно. Во всяком случае, сразу после этого совещания ничего подобного не было.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, я думаю, что сейчас время решить, можете ли вы принять в качестве доказательств аффидевиты подсудимого Кейтеля, находящиеся в моей книге документов № 2, как документы под номерами 3 и 5. Может быть, по этому вопросу выскажется Обвинение.

До сих пор мы разбирали собственно, предисторию войны с Россией. Останавливаясь только на подсудимом Кейтеле и ОКВ, я хотел бы сократить допрос, представив два аффидевита. В аффидевите № 3 речь идет о системе подчиненности, существовавше на Востоке. Вследствие того, что мы заняли большую территорию, на которой действовали многочисленные организации, возникли самые запутанные отношения. Чтобы дать вам возможность уста-

новить, кто же несет ответственность: Кейтель, ОКВ или какая-либо другая инстанция и написан этот аффидевит, в котором подробно изложена вся система подчиненности на Востоке. Я думаю, что мы с"экономим много времени, если этот документ будет принят Вами в качестве доказательства.

/К микрофону подходит сэр Дэвид Файф/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, сэр Дэвид.

СЭР ДЭВИД ФАЙФ: Милорд, г-н Додд и я не возражаем против такого порядка представления документов, которого придерживалось Обвинение, и я надеюсь, что работа Трибунала будет обеспечена, если перед ним будут находиться отпечатанные списки документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, Вы собираетесь зачитывать или кратко излагать содержание письменных показаний, данных под присягой?

НЕЛЬТЕ: Я намерен передать их Вам после того, как я спрошу подсудимого, написано и подписано ли им то, что содержится в этих письменных показаниях, данных им под присягой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У Обвинения, конечно, имелись эти письменные показания подсудимого, данные под присягой?

СЭР ДЭВИД ФАЙФ: Да, сэр.

НЕЛЬТЕ: То же самое относится, если я правильно понимаю сэра Дэвида и к письменному показанию № 5.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо. Доктор Нельте, было бы удобно, если бы Вы присвоили номера этим письменным показаниям в соответствии с номерами Ваших доказательств, а также, чтобы Вы указали даты этих письменных показаний с тем, чтобы мы могли их найти. Можете ли Вы указать нам даты этих письменных показаний, данных под присягой.

НЕЛЬТЕ: Разрешите мне во время обеденного перерыва привести их в порядок в Секретариате?

8056

H1196 – 0350

H1196 - 0351

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, один - от 8 марта 1946 г. Это правильная дата? Другой - от 18. Не так ли?

/Пауза/. Доктор Нельте, Вы сможете сделать это во время перерыва и дать номера этим документам?

Уже 1 ч. дня. Мы сейчас сделаем перерыв и Вы сможете пронумеровать эти документы. На этом заканчивается Ваш допрос?

НЕЛЬТЕ: Теперь я / перехожу к отдельным вопросам, которые я думаю закончить в течение вечернего заседания. К сожалению, г-н Председатель, я должен говорить о военнопленных и об отдельных вещах. Я думаю, что для этого мне необходимо все вечернее заседание. Я думаю, что учитывая интересы подсудимого Кейтеля, я очень сокращаю свои выступления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотите Вы задать ему Ваши вопросы сейчас?

НЕЛЬТЕ: Я не знаю, что думает об этом г-н Председатель, но мне кажется, что целесообразнее сейчас сделать перерыв, во время которого я мог бы привести в порядок все аффидевиты. Я еще не кончил этот комплекс вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы сделаем перерыв.

/Об"является перерыв до 14.00/.

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 4 апреля 1946 года

Вечернее заседание.

Встать. Суд идет.

НЕЛЬТЕ: Господин председатель, упомянутые сегодня утром документы, это,во-первых, документ № 3 из книги документов № 2, который озаглавлен "Порядок подчиненности на Востоке". Этот документ получает № IO в книге документов Кейтеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он датирован I4-м марта I946 г. ?

НЕЛЬТЕ: Да, I4 марта I946 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В начале документа, который я получил, стоит дата - 28 февраля I946 г., а в конце - I4 марта I946г Этот ли это документ?

НЕЛЬТЕ: Этот документ был сначала составлен, а позднее он был удостоверен под присягой. Этим и об"ясняется разница, которая существует между датами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я только хотел бы установить, какой это документ.

НЕЛЬТЕ: Это документ от I4 марта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

НЕЛЬТЕ: Этот документ был заверен под присягой I4 марта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Под каким номером Вы представляете этот документ?

НЕЛЬТЕ: Я даю этому документу № IO. К-IO.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо.

8058

H1196 - 0352

H1196 – 0353

НЕЛЬТЕ: Второй документ, который содержится в той же книге документов и приводится в качестве пятого документа в этой книге, имеет вверху дату 18 марта 1946 г., а внизу удостоверение, данное подсудимым под присягой, которое датировано 29 марта 1946 г. Этот документ получает № К-12.

Разрешите, господин председатель, зачитать некоторые пункты из этого документа на страницах 11-й и 12-й немецкого текста. Это, как мне кажется, очень важный момент для данного процесса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На какой документ Вы ссылаетесь?

НЕЛЬТЕ: На документ № 12.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

НЕЛЬТЕ: Постановка вопроса в этом документе...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подождите одну минуту. Я думаю, что переводчики еще не нашли этого документа. Он идет после документа, заверенного Катериной Бедфорд, я думаю, что это находится, примерно,в середине книги документов и хотя не все страницы последовательно пронумерованы, но на этой странице стоит цифра 51.

НЕЛЬТЕ: Я начну там, где говорится: "В заключение можно установить следующее". Это три последние страницы этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

НЕЛЬТЕ: Во-первых, наряду с вооруженными силами, представляющими собой закономерную охрану империи как внутри страны, так и для защиты от нападения извне /как и в любом другом государстве/, возник - и прибавлю, в организациях СС - новый, совершенно независимый фактор власти, который

был легализован и который с политической, биологической, полицейской и административно-правовой точки зрения фактически взял в свои руки государственную власть. Во-вторых, уже в начале военных конфликтов и операций СС стала авангардом и знаменосцем захватнической и тоталитарной политики. В третьих, после начала военных операций на арене появился рейхсфюрер СС в той форме, которая в каждом отдельном случае являлась наиболее удобной, вначале скрытой, по крайней мере внешне мало заметной, для того, чтобы охранять присоединенные или оккупированные области от политических противников, в действительности же для установления своей власти. В-четвертых, с момента занятия Судетской области, начиная с организации политических беспорядков, то -есть так называемых освободительных акций и инцидентов, прямая дорога ведет через Польшу и захваченные западные области и по кривой на русскую территорию.

В-пятых, - изданием инструкции к плану "Барбаросса" относительно управления и использования захваченных восточных областей вооруженные силы, хотя и против их намерений и не зная предпосылок, были втянуты во все возрастающей степени в последующие события и действия.

В-шестых, я /Кейтель/ и мои сотрудники не имели возможности подробно ознакомиться с тем, какова была сфера действий и полномочий Гиммлера, и не имели также представления о том, какие последствия могут быть в результате осуществления этих полномочий. Я предполагав, что то же самое можно сказать и в отношении командования сухопутными силами, которое, в соответствии с приказом фюрера, достиг-

8060

H1196 – 0354

H1196 - 0355

гало соглашения с органами Гиммлера и передавало соответствующие приказы подчиненным ему командующим сухопутных войск.

В седьмых, в действительности не главнокомандующий сухопутными силами пользовался переданной ему исполнительной властью устанавливать и соблюдать правовой порядок в вверенных ему оккупированных областях, а Гиммлер и Гейдрих единовластно вершили судьбы населения и заключенных, включая военнопленных в лагерях где они имели исполнительную власть.

В-восьмых, - Традиционное воспитание германского офицера и понимание им долга безусловного повиновения и ответственность вышестоящих начальников привели к положению /как оказалось теперь, крайне печальному/ при котором, несмотря на понимание незаконности действия и несмотря на внутреннее отрицание, его, все-же, существовал страх перед проявлением протеста против этих методов и приказов.

В девятых, - Фюрер по отношению к нам самим безответственным образом злоупотреблял своим авторитетом и своим основным приказом № I. Приказ № I гласил примерно следующее:

I.Никто не должен знать о секретных вещах, которые не входят в круг его задач;

2.Никто не должен знать больше того, что необходимо ему для выполнения поставленных перед ним задач;

3.Никто не должен узнать что-либо раньше, чем это необходимо для выполнения порученного ему дела.

4.Никто не должен передавать требующие секретности поручения нижестоящим органам раньше и в большей мере, чем это необходимо для достижения цели.

8061

В десятых, - если"бы о всем комплексе вопросов, которые вытекали из полномочий Гиммлера на востоке, было что-либо известно ранее; то в таком случае руководящий генералитет безусловно заявил-бы резкий протест. В этом я убежден.

"Весь ход развития этих ужасов, постепенно вытекавших один из другого, без предварительного осознания последствий, привел к трагическому стечению обстоятельств со всеми их роковыми последствиями".

Подсудимый Кейтель, Вы сами писали, т.е. диктовали это заявление в таком виде, как я сейчас зачитал. Знаете ли Вы точно содержание этого документа и дали ли Вы эти показания под присягой.

КЕЙТЕЛЬ: Да.

НЕЛЬТЕ: Я передам этот документ в оригинале Суду.

Мы остановились на документе Ц-50, который касается отмены подсудности военным судам в районе "Барбаросса". Я не знаю, хотите ли Вы, после того, что уже зачитано, еще высказаться по этому вопросу, или это уже излишне.

КЕЙТЕЛЬ: Я хотел-бы добавить еще то, что эти документы С50 и 884-ПС, начиная с 4-го листа, являлись записью директив, которые 14 июня были даны на том совещании генерального штаба, о котором Вы говорили. Все эти директивы, согласно принятому порядку, были изложены в письменной форме и переданы соответствующим инстанциям армии.

8062

H1196 – 0356

H1196 – 0357

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы правильно назвали дату? Вы сказали "I5 июля". Какая дата?

КЕЙТЕЛЬ: I4 июня состоялось это совещание, I4 июня.

НЕЛЬТЕ: У меня есть ещё несколько небольших вопросов, касающихся войны с Америкой. Обвинение утверждает, что Германия вдохновляла Японию на ведение войны против Америки и в своих выступлениях оно обвиняет Вас в содействии этому. Можете ли вы что-либо сказать по этому поводу?

КЕЙТЕЛЬ: Документ С-I75 является директивой верховного командования вооруженными силами, которая предусматривает сотрудничество с Японией. Само собой разумеется, что я принимал участие в составлении этой директивы и подписал ее по поручению Гитлера.

Другой документ № I88I-ПС, касающийся собеседования Гитлера с Мацуока, мне неизвестен. Я ничего не знал о существовании этого документа. Что касается нас, солдат, то я могу сказать только следующее. Два установки в течение всего времени до момента вступления Японии в войну против союзников служили нам директивами или,так сказать, теми принципами, которые Гитлер считал для нас важными. Первая: при всех обстоятельствах следует воспрепятствовать вступлению Америки в войну. В соответствии с этим следовало воздерживаться от военных операций в соответствующих морях, и второй мысль, которая была у нас, солдат, была надежда на то, что Япония вступит в войну против России. Я помню, что

в период ноябр - начала декабря 1941 года, когда наступление немецких войск было приостановлено на западных подступах к Москве, во время моего пребывания на фронте, когда я сопровождал Гитлера, генералы неоднократно задавали мне вопрос: "Когда Япония вступит в войну"? Генералитет обосновывал этот вопрос тем, что под Москвой постоянно бросались в бой дальневосточные дивизии, т.е. постоянно приходили свежие подкрепления с Дальнего Востока. Если я не ошибаюсь, то речь идет о 18 или 20 дивизиях. Приказ г-на Мацуока имел место в то время, когда я был в Берлине. Я также видел его на одном из приемов, однако, я не беседовал с ним. Исходя из тех соображений, которые основывались на директивах № 24 и С-75, как я это понял из предварительного следствия, при моем допросе, мы солдаты, должны были знать без каких-либо документов и без какого-либо права на это, что в то время господствовала мысль, содействовать войне между Японией и Америкой или предпринять что-либо другое в этом духе.

В заключение я бы хотел сказать, что этот приказ был необходим, поскольку части вооруженных сил тогда противились тому, чтобы давать Японии известные секретные военные сведения, касающиеся вооружения, если она не вступит в войну.

ИЕЛЬТЕ: Обвинение предоставило еще одно письмо, письмо майора фон Фалькенштейна штабу оперативного

8064

H1196 - 0358

H1196 – 0359

руководства ВВС. Рейхсмаршал Геринг уже говорил по этому вопросу во время дачи своих показаний. Я хотел спросить Вас, знали ли вы о существовании этого письма или имеете ли вы добавить еще что-либо к тому, что сказал Геринг?

КЕЙТЕЛЬ: Я ничего не могу добавить, так как я никогда не видел этого письма майора фон Фалькенштейна и впервые увидел его здесь на суде.

НЕЛЬТЕ: Теперь мы переходим к отдельным преступлениям, которые инкриминируются Вам или ОКВ представителями Обвинения. Учитывая весь обширный об"ем этих обвинений, я, конечно, могу остановиться только на отдельных пунктах, а именно на тех, которые являются наиболее тяжким обвинением для Вас, и попытаюсь установить на основании этого материала, в какой степени вы принимали действительное участие в этих действиях и каким образом вы относились к тем последствиям, которые возникали в результате этих действий. В большинстве случаев речь идет о приказах Адольфа Гитлера; но вы в своих показаниях уже признали известное участие в составлении и выполнении этих приказов, так что мы должны обсудить эти вопросы.

Одним из наиболее тяжких обвинений является вопрос о заложниках. По всему этому комплексу вопросов я хочу пред"явить вам документ № Ц-128. В этом документе речь идет о директивах, касающихся операций на Востоке.

Предварительно я хотел бы спросить Вас еще о следующем. Что является основанием для захвата заложников, которое должно было практиковаться германскими вооруженными силами?

КЕЙТЕЛЬ: Секретный устав "Г-2". Он называется согласно приказа - "Служебная инструкция для воинских частей действующей армии".

НЕЛЬТЕ: Господин председатель. Я прошу вас в книге документов № I под № 7, т.е. на странице 65 моей книги документов установить, что здесь речь идет о копии упомянутого устава, а именно о параграфе 9-м, который специально разбирает вопрос о заложниках.

Это документ № К-7. Текст его таков:

"Заложников разрешается брать только по приказу командира полка, отдельного батальона или командиров, имеющих такие же права. При размещении и продовольственном снабжении заложников следует, несмотря на строгую охрану, учесть то обстоятельство, что они не являются пленными. В дальнейшем судьбу заложников решают только начальники, занимающие должность не ниже командира дивизии". Это и есть закон о заложниках, принятый в германской армии.

КЕЙТЕЛЬ: Я хотел бы еще сказать, что в документе Ц-I28, который является предварительным оперативным приказом сухопутным силам для войны на западе, об этом специально говорится в абзаце 3а "Мероприятия по обеспечению безопасности в отношении местного населения" а) Заложники.

8066.

H1196 – 0360

H1196 - 0361

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, Вы предоставляете этот документ за № К-7 ?

НЕЛЬТЕ: Я прошу вас принять документ К-7 в качестве доказательства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Будьте любезны, каждый раз, когда предоставляете документ, называйте номера, за которым Вы его предоставляете в качестве доказательства, чтобы избежать недоразумения, которое может возникнуть, если Вы просто скажете "семь".

НЕЛЬТЕ: Да, К-7. Документ П-128, таким образом, является распоряжением верховного командования сухопутной армии на случай вступления войск во Францию?

КЕЙТЕЛЬ: Да, да.

НЕЛЬТЕ: У меня есть еще один документ 1585-ПС, который содержит соображения Верховного командования вооруженными силами. Это письмо имперскому министру авиации и командующему воздушными силами и в этом письме, как я предполагаю, высказаны соображения того учреждения, которое вы возглавляли?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

НЕЛЬТЕ: Что вы можете сегодня сказать в отношении этого письма?

КЕЙТЕЛЬ: Я только могу сказать, что это была та точка зрения, которая является действительной для меня и поныне, так как там имеется особый абзац со ссылкой на упомянутый устав, который начинается словами: "Для обеспечения безопасности от всяких злоупотреблений и т.д." и затем идет ссылка на устав.

ХЕЛЬТЕ: На устав ГВ-2 и далее, что решать судьбу заложников...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КЕЙТЕЛЬ: Там написано: "После чего право решать судьбу заложников предоставляется начальникам, занимающим должность не ниже командира дивизии".

ХЕЛЬТЕ: Правильно ли,если я скажу, что это письмо было написано в юридическом отделе ОКВ и было послано после проверки всех сомнительных мест с точки зрения международного права?

КЕЙТЕЛЬ: Да, это вытекает из самого письма, то есть то, что имела место проверка именно с такой точки зрения.

ХЕЛЬТЕ. Вы, как начальник ОКВ, издавали какое-либо общее распоряжение в отношении заложников, кроме того, что имелось до тех пор?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, кроме участия ОКВ в составлении проекта устава больше вообще не издавалось никаких принципиальных директив или приказов по этому вопросу.

ХЕЛЬТЕ: Вы в отдельных случаях занимались все-таки вопросом о заложниках? Согласно утверждению Обвинения, Вы или ОКВ высказывались по этому вопросу при переговорах с Штюльпнагелем и Фалькенгаузеном. Я передаю документ ПС-1594.

КЕЙТЕЛЬ: Этот документ ПС-1594 является письмом командующего войсками в Бельгии Фалькенгаузена и направлен генерал-квартирмейстеру при верховном командовании

H1196 – 0362

H1196 – 0363

сухопутных сил и далее командующему Западным фронтом и для ознакомления командующему войсками в Нидерландах и командующему воздушным округом в Бельгии. Я этого письма не знаю и не могу знать, так как оно предназначено для сухопутных войск и то предположение, которое было высказано здесь представителем французского обвинения в отношении того, что я получил письмо от Фалькенгаузена, является неправильным. Я не знаю этого письма, да это письмо и не было направлено мне.

Служебная переписка существовала только между командующими войсками в Бельгии и Франции и командованием сухопутными силами, которому они подчинялись. ОКВ или мне эти командующие вообще не подчинялись.

НЕЛЬТЕ: Французское Обвинение пред"явило документ УК 25, утверждая при этом, что этот документ являлся основой для издания закона о заложниках во Франции и что, следовательно, существует фактическая связь между подписанным Вами приказом от I6 сентября I94I г. и обращением с заложниками во Франции. Я передаю Вам связанные с этим вопросом, документы, кроме документов УК-25, ПС-I588 и ПС-I587 и прошу вас высказаться.

КЕЙТЕЛЬ: Я должен, вероятно, ответить еще на вопрос, беседовал ли я с обеими командующими по отдельным пунктам вопроса о заложниках? Мне кажется, что Вы задали именно такой вопрос.

НЕЛЬТЕ: Относительно Штюльпнагеля и Фалькенгаузена?

КЕЙТЕЛЬ: Да, относительно Штюльпнагеля и Фалькенгаузена. Вполне вероятно, я даже помню один случай, когда Штюльпнагель по одному такому вопросу позвонил мне из Парижа, так как он получил приказ от командования сухопутными силами расстрелять определенное количество заложников за произведенные убийства германских солдат. Он хотел получить подтверждение от меня. Это произошло и, как мне кажется, запечатлено в одной телеграмме, которая также была предоставлена мне во время предварительного следствия.

Тогда же я встретился со Штюльпнагелем в Берлине. В остальном связь между мной и обоими командующими ограничивалась только специальными вопросами, когда они хотели получить мою помощь и поддержку при решении вопросов, которые были им не под силу. Дело в основном касалось использования рабочей силы, т.е. рабочих, привезенных в Германию из Бельгии и Франции, или конфликтов, которые имели место между командующими и полицейскими инстанциями, в таких случаях они прямо звонили мне и просили меня быть посредником.

Разрешите мне сначала ознакомиться с документами.

НЕЛЬТЕ: Вы должны начать с документа, датированного I6.IX.I94I г., т.е. документа УК-25.

КЕЙТЕЛЬ: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Нельте, Трибунал не может помнить номера всех этих документов и кроме того мы не имеем этих документов перед собой. Мы не знаем, какие документы Вы сейчас рассматриваете.

H1196 - 0364

H1196 – 0365

НЕЛЬТЕ: Г-н председатель, исходя из этого я до начала допроса позволил себе представить суду список этих документов. Если этот список не был передан, то я очень сожалею об этом. У меня не было возможности лично передать документы суду. Вы найдете в этом списке, с левой стороны, перечень номеров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я это понимаю, но я вижу здесь только документ ПС-I587. Очевидно, это не тот документ, на который Вы ссылаетесь и он представляется здесь как доклад Верховного Командования и Армии. Это, однако, почти не указывает нам на содержание этого документа. Следующий документ это ПС-I594 - письмо, адресованное ОКХ. Это описание также не говорит нам многого о содержании этого документа, за исключением того, что там упоминается о заложниках.

НЕЛЬТЕ: Этот документ имеет отношение к тому вопросу, на который будет сейчас отвечать подсудимый Кейтель. Вы не имеете также и приказа № С-I28? .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, у меня имеется этот документ. Он озаглавлен: "Директивы касательно операции на западе".

НЕЛЬТЕ: И документ УК-25?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

НЕЛЬТЕ: И ПС-I588 ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У нас они все имеются. Я только хотел Вам указать на то, что описания этих документов, не являются достаточными для того, чтобы мы получили представление о содержании этих документов. Возможно Вы, в нескольких словах поясните о чем идет речь в этом документе, когда Вы перейдете к его рассмотрению.

ПЕЛЬТЕ: Документ УК-25, в отношении которого дает показания подсудимый Кейтель, является приказом от I6.IX.I94I г., который был подписан подсудимым и который касается "коммунистического повстанческого движения в оккупированных областях". Кроме всего прочего, там содержится фраза, в которой говорится, что "Фюрер приказал отныне, что повсюду следует принимать самые строгие меры для того, чтобы в наикратчайший срок подавить это повстанческое движение".

Французский обвинитель заявил, что на основании этого приказа во Франции был опубликован закон о заложниках, который содержится в документе Ф588-ПС. Если Вы имеете документ I588-ПС, Вы найдете на 3-й странице свод законов, который касается захвата заложников и обращения с заложниками.

Подсудимый должен об"яснить, существует ли первопричинная связь между этими приказом и законодательством

8072

H1196-0366

H1196 – 0367

и в какой степени ОКВ и он, Кейтель, занимались этими вопросами?

КЕЙТЕЛЬ: Документ УК-25 является приказом фюрера от 16.IX 1941 г. касается, как уже говорилось, коммунистического, повстанческого движения в оккупированных областях, а о том, что здесь идет речь о приказе фюрера, было сейчас сказано.

Я должен буду подчеркнуть, что этот приказ по своему содержанию распространяется исключительно на Восток и особенно на Балканы. Я думаю доказать это тем, что к этому документу приложен список распределения, т.е. перечень адресов, который начинается словами: "Командующему войсками на Юго-Востоке, в Сербии, Южной Греции и на Крите", другим командующим, а также командованию сухопутными силами; учитывая возможность дальнейшей передачи этого документа подчиненным ему инстанциям. Мне кажется, что этот документ, который не следует зачитывать из-за экономии времени, содержит в себе достаточно подтверждений тому, что предположение французского обвинения относительно того, что это является основой закона о заложниках /документ 1588-ПС/, являет

неправильным и что такой причинной связи между приказом и законом не существовало. Дата издания закона о заложниках относится к сентябрю между месяцу, число установить очень трудно, но по содержанию оба эти документа, по моему мнению, не имеют никакой связи и, кроме того, обоим командующим, как во Франции, так и в Бельгии, эти приказы никогда не были посланы из ОКВ, а они были посланы через командование сухопутными силами, этого проверить я не могу, так как не знаю, как обстояло дело.

В отношении приказа от 16/IX-1941 года, я хотел бы сказать только то, что его суровость об"ясняется личным влиянием Фюрера, а тот факт, что его касается только Востока, совершенно очевиден из предисловия, а также из всего содержания документа и, мне кажется, что этого не следует доказывать. Правильным является то, что этот приказ от 16.IX.1941 года подписан мной.

8074

H1196-0368

H1196 – 0369

НЕЛЬТЕ. Мы переходим ко второму преступлению, а именно, к приказу "Мрак и туман". Обвинение инкриминирует вам изданный Адольфом Гитлером приказ "Мрак и туман" от 12 сентября 1941 г., документ № Л-90...

КЕЙТЕЛЬ. Разрешите мне добавить несколько слов к только что сказанному.

НЕЛЬТЕ. Пожалуйста, если это Вам кажется необходимым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Простите, нам перевели, что этот приказ датирован 12 декабря 1941 г. Это правильно?

НЕЛЬТЕ. Да, это правильно. В приписке от 2 февраля 1942 г. говорится, что в приложении помещен 1/ приказ фюрера от 7-го декабря 1941 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прошу прощения.

НЕЛЬТЕ /обращается к подсудимому Кейтелю/. Вы, как будто еще что-то хотели сказать, если вы считаете это важным, то пожалуйста. У вас есть документ Л-90? /Пауза./

Кейтель: Л-90. Да.

НЕЛЬТЕ. Что послужило поводом к изданию такого приказа, который имел столь ужасные последствия?

КЕЙТЕЛЬ. Я должен заявить, что мне совершенно ясно то, что мое имя также связывается с ~~этим~~ приказом "Мрак и туман" и что эта связь является тяжким обвинением для меня, хотя из этого документа явствует, что это - приказ самого фюрера. Я все-таки, поэтому, хотел иметь возможность сказать, каким образом был издан этот приказ. С самого начала восточного похода, всю осень 1941 года, зимой и вплоть до весны 1942 года имели место чрезвычайно интенсивные повстанческие движения, а также диверсионные акты во всех оккупированных областях. Эти действия крайне связывали войска, которые должны были обеспечить безопасность в этих районах. Так я рассматривал это с военной точки зрения. Только благодаря ежедневным докладам я мог создать себе представление о том, что делается в

H1196 – 0370

каждой оккупированной области и было невозможно суммарно рассматривать эти вопросы, а Гитлер требовал, чтобы о каждом отдельном случае подобного рода докладывалось ему и был чрезвычайно недоволен, когда военные инстанции при докладах умалчивали о таких случаях. В этой связи он сказал мне, что ему самому крайне неприятно и сильно вредит установлению мира, то обстоятельство, что в оккупированных областях учащаются случаи вынесения смертных приговоров в отношении лиц, проводивших диверсионные акты и помогавших партизанам, [illegible] и он хотел, чтобы это не имело место, так как он считал, что это ни в коем случае не содействует умиротворению страны и улучшению взаимоотношений с местным населением. Он сказал тогда, что все это может быть достигнуто лишь путем ограничения подобных мероприятий и что вместо смертных приговоров для того, чтобы не возникало продолжительных процессов в военных судах с привлечением многих свидетелей, поэтому, люди, на которых падало подобное подозрение, должны быть переведены в Германию, причем таким образом, чтобы близкие и окружающие их лица об этом ничего не узнали. Я высказал очень большие сомнения по этому поводу и сказал ему, что я очень опасаюсь, что подобные действия вызовут как раз обратное тому, чего он добивается установлением подобного порядка. Я имел продолжительное совещание с юридическим консультантом вооруженных сил, который высказал аналогичные опасения, так как таким образом исключалась возможность законного судебного разбирательства, и я стоял против того, чтобы воспрепятствовать принятию подобного решения.

Однако, все мои старания были безуспешны. Мне даже угрожали, что в таком случае составление такого приказа будет поручено министру Юстиции, если этого не могут сделать вооруженные силы. Я хотел бы указать еще на несколько деталей постольку, поскольку в этом приказе Л-90 содер-

H1196 – 0371

матся возможности, которые должны были воспрепятствовать произволу в действиях и, в первую очередь, это было следующее: В этом приказе, вернее директиве, приказывалось, что подобная депортация или отправка таких лиц в Германию, должна производиться только в том случае, если до этого имело место предварительное следствие военного суда, соответствующее установленному порядку. И носитель верховной судебной власти, которым являлся дивизионный командир, вместе со своим юридическим консультантом должны принять правильное решение на основании предпринятого предварительного судебного следствия. Мне казалось, что этим самым можно предупредить всякие произвольные действия, а также и перегибы в применении на практике этих директив, и этой цели служат слова: "Это хорошо обдуманное, взвешенное решение фюрера". Мне возможно скажут, что это сказано не без оговорки и не без надежды на то, что командующие, которые должны получить этот приказ, должны понять, что мы не одобряем его метод и считаем его неправильным. Наконец, мы внесли в этот приказ еще порядок дополнительного следствия, которое проводилось верховным командованием сухопутных сил и командующим войсками во Франции, который тем самым получал возможность проводить следствие и принимать решения правового порядка в духе этого приказа. Однако, ужасная трагедия, о которой я узнал только здесь, заключается в том, что этот приказ, который предназначался только для использования в вооруженных силах, совершенно очевидно, и по показаниям свидетеля, которые я здесь слышал, и по тем утверждениям обвинения, которые я здесь тоже слышал, принял всеобщий характер, очевидно, вследствие действий органов полиции и в конце концов привел к тому ужасному положению, когда был создан целый ряд лагерей заключенных, вывезенных по приказу "мрак и туман". Во всяком случае вооруженные силы, по крайней мере и командующие войсками

в оккупированных областях, которые участвовали в составлении этого приказа, не имели, по-моему, никакого представления об этом. Мне во всяком случае об этом никогда не доносили. Таким образом, этот приказ, который сам по себе, вне всякого сомнения, был чрезвычайно опасным и в известной степени изменил некоторые элементы правового порядка, привел к таким ужасающим последствиям, о которых говорило Обвинение. Вывод подозреваемых лиц должен был производиться потому, что Гитлер считал заключение в исправительный дом во время войны не обеспечивающим как в том случае, если бы речь шла о действиях так называемых патриотов, их рассматривали как кратковременное заключение, которое отменялся сразу же после окончания войны.

КЕЛЬТЕ. Уже говорилось, что в директивах к этому приказу "мрак и туман" шла речь о том, что Гестапо должно было руководить перевозкой подозреваемых лиц в Германию. Вы говорили, что люди, которые прибывали в Германию, должны были быть переданы в ведение министра Юстиции, т.е. они должны находиться под надзором полиции. Вы поймете, что эта ссылка на Гестапо наводит на мысль, что уже с самого начала знали, что может произойти с этими людьми. Можете ли вы мне несколько раз"яснить этот вопрос?

КЕЙТЕЛЬ. Да. Распоряжение, которое было тогда дано, заключалось в том, что эти лица должны были быть переданы юридическим органам в Германии, и насколько мне известно из моей служебной корреспонденции, эти инструкции были изданы отделом разведки и контрразведки через 8 недель после издания приказа. Это характеризует договоренность или соглашение, которые тогда должны были быть достигнуты относительно перевозки вышеупомянутых лиц из оккупированных территорий в пределы империи; тогда эти перевозки производил этот отдел, он назначил в качестве конвойных

8078

H1196 – 0372

H1196 – 0373

команд – полицейские отряды. Это вытекает из вышеозначенного. Я могу еще сказать, что мне тогда казалось невозможным оспаривать законность этих действий, так как я не мог и не должен был считать, что здесь была задумана передача людей в руки Гестапо в смысле ликвидации, если говорить открыто. Я просто считал эти команды транспортными командами, которые должны были перевозить людей в Германию. Я хотел бы это особенно подчеркнуть для того, чтобы не возникло никакого сомнения в отношении того, что здесь не имело место намерение организовать ликвидацию людей в такой форме, как это имело место в этом лагере "Мрака и тумана".

НЕЛЬТЕ. Сейчас мы перейдем с вами к комплексу вопросов о парашютистах, диверсионных и десантных группах. Французское обвинение очень подробно остановилось на возникновении и последствиях обоих приказов фюрера от 18 октября 1942 г., которые касались обращения с командос. Господин председатель, имеется ли у вас приказ фюрера № 498?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У нас нет копии этого приказа. Вы имеете в виду документ № 553-ПС или 498?

НЕЛЬТЕ. Второй документ 553-ПС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У нас нет так же и этого документа, озаглавленного "Борьба против отдельных парашютистов противника", декрет от 4.8.1942 г.

НЕЛЬТЕ. Я попрошу вас повторить то, что вы только что сказали, так как мне не был переведен ваш вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Документ 553-ПС "Борьба против парашютистов противника". Декрет от 4.8.1942 г. Это единственный документ, который мы имеем.

НЕЛЬТЕ. Документ ПС-553 – это памятка, которая была подписана подсудимым Кейтелем. Французское Обвинение

справедливо предполагало, что существует известная связь между документом 553-ПС и приказом фюрера от 8.X.1942 г. Подсудимый должен сказать нам, каковы причины, которые привели к составлению этой памятки и к изданию этого приказа фюрера.

ЖЕНТЕЛЬ. Сначала я остановлюсь на документе 553-ПС. Эта памятка была написана мною в августе 1942 года после того, как в аналогичной форме, как я это уже описывал в отношении приказа "Ночи и туман", имели место и все более участились диверсионные акты, а также забрасывание отдельных агентов, сбрасывание с самолетов оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, радиостанций и небольших диверсионных отрядов в наш тыл. Все это производилось ночью обычно в безлюдных районах. Это распространялось по всей территории, находящейся под властью Германии, начиная с запада и кончая Чехословакией, Польшей и с Востока, вплоть до Берлина. Конечно, нами было пойманно большое количество подобных лиц. Эта памятка должна была мобилизовать все инстанции, даже те, которые и не входили в состав вооруженных сил, включая сюда полицию и гражданские власти на борьбу против этих новых нелегальных методов ведения войны нашим противником, так называемой войны во мраке, которая велась в тылу. Эта памятка еще сегодня, если ее просмотреть, - мне ее сейчас передали, - является неоспоримой в том отношении, что она совершенно определенно указывает на то, что лица, принадлежащие к войскам противника, т.е. солдаты армии противника, если они будут пойманы полицией, должны после установления их личности направляться в ближайшие военные инстанции. Я знаю, что в этой деятельности, т.е. в опознании и выявлении подобных лиц, на французской территории, французская полиция принимала активное участие. Она способствовала пресечению подобных диверсионных актов.

8080

H1196 – 0374

H1196 – 0375

Я могу сказать, что об"ем этих диверсионных актов был столь велик, что мы, например, в один день имели свыше 100 взрывов на железных дорогах. Об этом написано в памятке.

Теперь перейдем к приказам фюрера от 18 октября 1942 г. Эти приказы очень часто упоминались здесь, на суда. Я рассматриваю эти приказы как дальнейшее развитие тех распоряжений, которые содержатся в памятке, постольку, поскольку они рассматривают эти методы нелегального ведения войны по мере того, как эти методы все более и более распространялись . Из отдельных парашютистов постепенно составлялись целые диверсионные отряды, которые высаживались на больших самолетах или приземлялись с парашютами. Эти диверсанты уже систематически высаживались не для того только, чтобы взрывать те или иные об"екты, а для разрушения жизненно-важных об"ектов, необходимых для ведения войны, как это имело место в Норвегии – в одном случае я помню хорошо – разрушение алюминиевого завода. В это же время, пусть это звучит странно, не было такого положения, чтобы ежедневно в течение получаса или четверти часа в докладах, которые представлялись командующим, не уделялось внимания таким случаям во всех областях.

Все это привело к тому, что фюрер потребовал применения новых методов, суровых методов, которые должны были пресечь эти факты. Он определил все эти действия, как террор, и сказал, что этому террору нужно противопоставить самые решительные контрмеры.

Мне помнится, что в ответ на наши упреки, были произнесе слова: "Пока отдельные парашютисты или диверсионные отряды только подвергаются опасности попасть в плен, они ничем не рискуют, в нормальной обстановке они не рискуют ничем. Проти этого надо что-то предпринять". Это были обоснованные мысли. Меня неоднократно просили высказаться по этому поводу и дать какое-нибудь предложение. Генерал Йодль, вероятно, тоже помнит это обстоятельство. И мы, в конце концов, как

солдаты, не знали, что же нам делать и не могли сделать никакого предложения.

Если сказать это в нескольких словах, то мы ежедневно выслушивали темпераментные заявления Гитлера по этому поводу, но мы ничего не предпринимали, так как не знали, что же нам теперь делать.Он говорил, что все эти действия противоречат положениям Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны и поэтому они нелегальны. Этот метод не предусмотрен и не мог быть предусмотрен конвенцией. Он говорил, что это новая война, требующая новых методов, с которыми мы имеем сейчас дело. Короче говоря, дело обстояло так, как я уже говорил на предварительном следствии, а именно: эти приказы и об"яснение, которое содержали инструкции к этому приказу, в которых говорилось о суровом наказании для тех, кто не будет выполнять этого приказа, были продиктованы лично Гитлером и затем, мне кажется, были разосланы начальником штаба Йодлем.

Я хотел бы еще добавить, что командующие, которые получали этот приказ, неоднократно ставили нам вопросы в отношении того, в какой форме, каким образом можно будет применять, вернее, проводить в жизнь этот приказ в отношении этих строгих мер. Но нам не оставалось ничего другого, как отвечать им: "Вы же знаете, что там стоит в приказах". Изменить эти подписанные приказы мы, конечно, не могли.

НИЗИТЗ. Обвинение вам лично инкриминирует то, что вы якобы дали приказ в отношении расстрела английских солдат, а именно солдат из английских диверсионных отрядов, которые были пойманы при выполнении своих задач под Ставангером. Я передаю документы № 527-ПС и № 508-ПС. /Пауза, Кейтель передает документы./

8082

H1196 – 0376

H1196 – 0377

Речь, г-н Председатель, здесь идет о действиях английских командос под Ставангером. Норвежский гарнизон, попавший в руки немцев, должен был, в соответствии с приказом фюрера, быть расстрелян. Существовала возможность допросить этих лиц, если бы это представилось необходимым с военной точки зрения. В этом случае этим делом занялся командующий войсками в Норвегии генерал фон Фальькенгорст. Он обратился к ОКВ с запросом, как это и записано в протоколе его допроса. Хотите ли вы высказаться по этому вопросу?

КЕЙТЕЛЬ. Меня уже допрашивали по этому вопросу и во время допроса я имел очную ставку с генералом фон Фальькенгорстом. Я не помню этого случая, или вернее факта, чтобы он ставил передо мной этот вопрос. Я не знал этого. Я даже забыл о том, что это событие вообще имело место, только по документам я вспомнил об этом случае. Во время допроса я сказал допрашивавшему меня следователю, что я не имел права изменить этот приказ и не мог дать соответствующему командующему только такие указания.

Я хочу сказать в отношении очной ставки с Фальькенгорстом только то, что уже занесено в протокол. "Он явно уклонялся от ответов и изменял свои прежние показания, но, в конце концов, он не отказался от них.

НЕЛЬТЕ. Я могу только сказать, господин председатель, что это протокол допроса генерала фон Фальькенгорст, – документ, который был пред"явлен Обвинением. Этот документ не имеет номера. Вы кончили свое об"яснение?

КЕЙТЕЛЬ. Мне кажется, что этого вполне достаточно бы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Нельте, я не думаю, что Обвинение представляло этот документ в качестве документального доказательства. Не так ли?

НЕЛЬТЕ. Я полагаю, что так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я думаю, что этот документ должен был быть пред"явлен подсудимому Кейтелю во время одного из его допросов, не так ли? Это не означает, что этот документ был представлен в качестве документального доказательства, потому что, как Вам известно, нет необходимости представлять в качестве доказательств сам протокол допроса. Если же Вы хотите подробно остановиться на этом документе, то вы обязаны сейчас представить его в качестве документального доказательства.

НЕЛЬТЕ. Г-н председатель, это недоразумение. Этот документ Обвинение представило здесь в качестве обоснования того утверждения, что подсудимый Кейтель издал приказ, касающийся расстрела парашютистов. Я сам получил этот документ здесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, Обвинение сообщит мне так ли это, но я не могу припомнить, чтобы какой-либо из представленных в качестве доказательства документов не имел соответствующего номера.

Г-н ДОДД. Милорд, мы не понимаем, чтобы мы представляли этот документ в качестве доказательства. Многие протоколы допросов не имеют номеров, но если они были представлены в качестве доказательства, то безусловно им присваивался соответствующий номер либо США, либо ВБ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повидимому, будет лучше, если Обвинение установит, был этот документ оглашен на суде или нет.

Г-н ДОДД. Для этого мне понадобится несколько минут, Ваша честь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как Вам угодно. Не будет ли удобно сейчас об"явить перерыв на 10 минут.

НЕЛЬТЕ. Да.

/Перерыв на 10 минут./

8084

H1196 – 0378

H1196 – 0379

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Открытое заседание Трибунала сегодня закончится в 16 часов 45 минут, а затем состоится закрытое заседание в зале Суда и очень желательно, чтобы обвинители и защитники присутствовали на этом заседании Трибунала с тем, чтобы обсудить, как можно наилучшим образом избежать перевода ненужных документов.

Как Вам известно, было представлено весьма большое количество документов и, таким образом, бюро переводчиков предстоит очень большая работа. Поэтому возникла проблема, которую Трибунал хочет обсудить на закрытом заседании совместно с представителями обвинения и защиты. Поэтому, как я сказал, сегодня в 17 часов состоится закрытое заседание Трибунала в этом помещении, где имеется достаточно места для всех.

/ Продолжение прямого допроса подсудимого Кейтеля./

ИЛЬЬТЕ. Помните ли вы запрос командующего Западным фронтом в июне 1944 года относительно обращения с диверсионными отрядами в тылу оккупационных войск? Создалось новое положение вследствие вторжения, и тем самым встал вопрос о диверсионных отрядах.

КЕЙТЕЛЬ. Да, я помню, так как и эти документы были мне предъявлены здесь, а именно несколько документов. Верно, что командующий западным фронтом после высадки англо-американских сил в Северной Франции увидел, что создалось новое положение в отношении приказа фюрера от 18 октября 1942 г., направленного против парашютистов. Запрос был, как обычно, представлен фюреру и я и генерал Йодль защищали мнение командующего Западным фронтом, т.е. что этот приказ неприменим в этом районе. Гитлер отклонил эту точку зрения, дал известные инструкции для ответа, которые по документам имели, по крайней мере, две версии - одна была перечеркнута, как неподходящая, а документ 551-ПС является окончательной редакцией директивы, как она была одобрена фюрером при докладе.

Я вспоминаю об этом потому так точно, что при представлении этого ответа относительно оценки положения генералом Йодлем была написана отдельная приписка относительно применения приказа также на Итальянском театре военных действий. С этим дополнением этот приказ, одобренный лично Гитлером и отданный по его инициативе был отправлен командующему Западным фронтом.

ИЕЛЬТЕ. Обсуждался ли при этом также вопрос, как следовало относиться с точки зрения международного права к активной поддержке этих диверсионных актов со стороны населения?

КЕЙТЕЛЬ. Этот вопрос обсуждался неоднократно в связи с приказом от 18 октября 1942 года, а также в связи с той памяткой, которая уже обсуждалась здесь, и я считаю, что Гаагская конвенция о порядке ведения сухопутной войны исключает всякую поддержку подобных диверсионных действий агентов и иных органов противника. Всякая такая поддержка является нарушением Гаагской конвенции о правилах ведения войны на суше. Если население участвует в таких действиях, содействует им, поддерживает их и, наконец, укрывает преступников, прячет их и помогает им любыми способами, то о таком случаев в Гаагской конвенции, по-моему, ясно сказано, что необходимо обеспечить, чтобы население не совершало подобных действий.

8086

H1196 – 0380

H1196 - 0381

НЕЛЬТЕ. Французское Обвинение пред"явило также письмо от 30 мая 1944 г. - документ № 537-ПС, в котором говорится об обращении с захваченными у партизан членами военных иностранных миссий. Знакомо ли вам это распоряжение?

КЕЙТЕЛЬ. Конечно. Да, относительно этого документа 537-ПС я был также допрошен на предварительном следствии и дал показания по этому поводу. Я могу это повторить здесь: Было доложено, что при штабах партизанских банд, особенно у руководителей сербско-югославских партизанских банд, находятся военные миссии, которые, как мы считали, являлись известными агентами и группами агентов для установления связи с ведущими против нас войну державами. Мне доложили об этом и запрашивали, что делать с подобными миссиями, если они будут взяты в плен, или, если их можно будет взять в плен. При рассмотрении этого вопроса фюрер решил, что предложение определенных военных инстанций рассматривать их как военнопленных, он отклоняет, а в соответствии с приказом от 18 октября 1942 г. их следует рассматривать как диверсантов и обращаться с ними соответствующим образом. Этот документ является изложением этого приказа. Он подписан мной.

НЕЛЬТЕ. Теперь что касается вопроса о летчиках-террористах и суде Линча, о них уже говорилось при допросе рейхсмаршала Геринга. Поэтому я могу ограничиться лишь несколькими вопросами, касающимися лично Вас.

Знаете ли вы о чем здесь идет речь относительно "летчиков-террористов" и обращения с ними? Каково было ваше отношение к этому вопросу?

КЕЙТЕЛЬ: Тот факт, что начиная с определенного периода времени летом 1944 года увеличилось количество налетов авиации на мирное население, как об этом уже говорилось, в отдельные дни потери составляли 30-40 человек. Гитлер категорически потребовал соответствующего урегулирования этого вопроса. Мы - солдаты - были того мнения, что существующих уставов было вполне достаточно и что нет необходимости в новых указаниях.

Однако в этот комплекс вопросов был включен также вопрос о суде Линча и также вопрос, что представляет собой летчик - террорист. По этому комплексу вопросов имеется значительное количество известных всем документов, в которых рассматриваются эти проблемы.

НЕЛЬТЕ: Мне кажется, что не следует повторять тех деталей, о которых уже говорилось. В этой связи с вопросом об ответственности меня интересуют слова, которые вы написали в этом документе. Об'ясните, пожалуйста, эти слова.

КЕЙТЕЛЬ: Я хотел только заранее заявить, что я предложил, основываясь на опыте, который у нас имелся в связи с захватом немецких военнопленных, при операции в Дьеппе, и в этом случае послать соответствующую ноту с предупреждением, что мы применим репрессалии, если командование противника не прекратит таких налетов. Это предложение было отклонено и мне заявили, что это неподходящее предложение.

А теперь относительно документов, которые имеют значение для меня....

НЕЛЬТЕ: ПС-735?

КЕЙТЕЛЬ: Имеются некоторые заметки к докладу, написанные от руки. Эти заметки сделаны мной и Йодлем и это

8088

H1196 – 0382

H1196 – 0383

та заметка к докладу, на полях которой я написал: "С военными судами ничего не получится". Во всяком случае, таково было содержание. Это я написал потому, что тогда обсуждался вопрос о действиях с помощью военных судов по той причине, что как раз этот документ впервые уточнял, кого следует называть летчиком-террористом, и потому, что в нем было установлено, что террористическим налетом считается такой налет, который производится на бреющем полете путем обстрела из пулеметов и бортового оружия. И, так как мои рассуждения привели меня к тому, что экипажи, участвовавшие в этих налетах, как правило, на 99% не попадали живыми в наши руки, если они были сбиты, так как невозможно спрыгнуть с парашютом с бреющего полета, вследствие этого нельзя произвести судебное разбирательство по отношению к такому летчику. И, во-вторых, никакой процесс не приведет к успеху или выяснению обстоятельств дела, если налет производился на большой высоте, так как по моему мнению, судебное следствие не в состоянии доказать, что этот человек намеренно атаковал те цели, на которые упали его бомбы и, наконец, была еще мысль, что согласно постановлениям военно-судебного производства над военнопленными, об этом нужно было через державу, представляющую интересы государства, ведущего с нами войну, сообщить этому государству и должен быть выдержан трехмесячный срок, в течение которого это государство может опротестовать приговор. Таким образом было невозможно таким путем в наикратчайший срок достичь необходимого устрашающего действия. Но я написал еще одно замечание, которое относится к суду Линча. Оно гласит: "Если утвердить суд Линча, то будет трудно создать для него правила".

Я не могу много сказать по этому вопросу, так как я убежден, что нет возможности сказать, при каких обстоятельствах такой метод может быть оправдан и регламентирован

народной юстицией.Я еще и сегодня считаю,что не может быть никаких правил,если допускаются подобные действия.

НЕЛЬТЕ: Однако, какое было ваше отношение к вопросу о суде Линча?

КЕЙТЕЛЬ: Я был того мнения,что для нас,солдат, это совершенно неприемлемый способ.Рейхсмаршал доложил об одном случае,когда не имело место наказание солдата,который сумел помешать этому.Я не знаю ни одного случая,чтобы солдаты,выполняя свой солдатский долг по отношению к военнопленным,не держали себя так,как это предписывалось общими положениями и чтобы эти положения нарушались.Это мне неизвестно.

Разрешите мне еще заметить,что до сих пор еще не говорилось о том,что я обсуждал этот вопрос в Бергхофе с рейхсмаршалом Герингом,который тогда был совершенно согласен со мной в том,что мы,солдаты, не должны признавать суд Линча.И я просил его,в очень неприятном положении,в котором мы тогда находились,лично от своего имени еще раз попытаться заставить Гитлера отказаться от этой мысли и возложить на нас обязанность издать соответствующие приказы или дать нам такой приказ.Таково было положение.

НЕЛЬТЕ: Теперь перейдем к вопросу о военнопленных.

КЕЙТЕЛЬ: В заключение разрешите мне заметить,что подобный приказ главнокомандующего вооруженных сил не был никогда составлен и никогда не издавался.

НЕЛЬТЕ: Пожалуй,нет ни одной области военных судов, в которой все народы мира были бы так кровно заинтересованы, как в вопросе о военнопленных.Поэтому здесь Обвинение особо указывало на те случаи,где имело место нарушение прав военнопленных - по Женевской конвенции или по общему

8090

H1196-0384

H1196 – 0385

международному праву.

ОКВ и вы, как начальник ОКВ, были ответственны за военнопленных в Германии. В связи с этим я хотел бы задать вам следующий вопрос. Что было сделано в Германии для того, чтобы ознакомить все учреждения и отделы Вооруженных сил с международными соглашениями, которые касаются военнопленных?

КЕЙТЕЛЬ: По этому вопросу существовал устав, который здесь, кажется, имеется и в котором содержатся все эти положения и инструкции, которые были сформулированы на основе существующих международных соглашений. Это устав № 38, он имел одинаковую силу как для сухопутных сил, так и для военно-воздушных сил и военно-морского флота. Это был основной принципиальный приказ.

НЕЛЬТЕ: Как осуществлялось это на практике? – Люди, которые на практике сталкивались с этим вопросом, – были ли они осведомлены об этих правилах, или было достаточно ссылок на уставы сухопутных сил?

КЕЙТЕЛЬ: Каждое учреждение, включая самые мелкие подразделения, имело этот устав и каждый солдат был в известных рамках осведомлен о нем. Больше с начала войны не было издано никаких дополнительных раз'яснений и уставов.

НЕЛЬТЕ: Я имею в виду Венские курсы, которые были созданы для подготовки в этой области. Известно ли вам, что это имело место в Вене?

КЕЙТЕЛЬ: Мне известно, что имелись курсы, которые специально занимались делами военнопленных и где обучались люди, которые на практике сталкивались с этими вопросами.

НЕЛЬТЕ: Правильно ли, что каждый солдат имел памятку в своей солдатской книжке?

КЕЙТЕЛЬ: Да, это было подтверждено генерал-фельдмаршалом Мильхом, который имел ее при себе.

НЕЛЬТЕ: Когда были в данном случае изданы первые указания о военнопленных ?

КЕЙТЕЛЬ: Насколько я знаю, первые распоряжения были изданы в начале похода против Польши на Востоке, так как всякие, я бы сказал, подготовительные меры, которые относились к подготовке к приему военнопленных, отклонялись Гитлером. Это было им запрещено. А затем все это пришлось импровизировать в очень короткий срок.

НЕЛЬТЕ: Что было приказано ?

КЕЙТЕЛЬ: Было приказано, чтобы части вооруженных сил, сухопутные силы, ВМС, ВВС, а последние могли расчитывать лишь на ограниченные масштабы, особенно сухопутные силы подготовили соответствующие лагери, охрану и все, что необходимо для этой цели и ее выполнения.

НЕЛЬТЕ: Скажите, каковы были функции главного командования вооруженных сил в отношении обращения с военнопленными ?

КЕЙТЕЛЬ: Принципиальной инструкцией предусматривалось обращение, согласно уставу № 38, которое основывалось на международных соглашениях и, по моему мнению, в нем полностью содержалось все, что должны были знать указанные лица. Кроме этого не издавалось никаких дополнительных распоряжений в то время, а действовали соответственно этому уставу.

НЕЛЬТЕ: Сначала я хочу знать, в чем ОКВ было вообще компетентно в отношении обращения с военнопленными?

КЕЙТЕЛЬ: Главное командование вооруженных сил являлось, я бы сказал, подобно министерству, руководящей инстанцией, которая имела право подготавливать и издавать приказы и директивы по этим вопросам. Оно имело право путем

8092

H1196 – 0386

H1196 – 0387

путем инспектирования проверять правильность исполнения этих приказов, то-есть это была административно-руководящая инстанция, с правом инспектирования, но без исполнительной власти в самих лагерях.

НЕЛЬТЕ: Не следует ли к этому добавить еще связь с министерством иностранных дел?

КЕЙТЕЛЬ: Да, конечно. Я забыл об этом. Одной из важных задач всех вооруженных сил, в том числе и ВМС и ВВС, была связь через министерство иностранных дел с державами, представлявшими интересы воюющих держав, связь с Международным Красным Крестом и всеми теми инстанциями, которые ведали военнопленными. Я забыл об этом.

НЕЛЬТЕ: ОКВ было, таким образом, законодательной инстанцией, говоря вообще, и контрольной инстанцией.

КЕЙТЕЛЬ: Правильно.

НЕЛЬТЕ: Каково было положение в частях вооруженных сил?

КЕЙТЕЛЬ: ВМС и ВВС в ограниченных масштабах имели в своем ведении небольшое количество лагерей военнопленных своего рода войск так же, как и сухопутные силы . Только при большом количестве лагерей, находившихся в ведении сухопутных сил, заместители командующих военными округами в тылу, т.е. начальники корпусных округов, были командной инстанцией, которым подчинялись в их округе лагери военнопленных.

НЕЛЬТЕ: Если мы возьмем лагерь военнопленных – кто стоял во главе такого лагеря ?

КЕЙТЕЛЬ: При штабе военного округа имелся офицер или генерал, который занимался делами военнопленных в данном округе, а во главе лагеря стоял начальник лагеря с небольшим штабом из офицеров, в том числе офицера контрразведки и иных лиц, которые были необходимы для этого.

НЕЛЬТЕ: Кому подчинялся генерал, ведавший делами военнопленных в военном округе?

КЕЙТЕЛЬ Командующий военным округом был начальником

офицера, ведавшего делами военнопленных в округе.

НЕЛЬТЕ: А кому подчинялся командующий округом?

КЕЙТЕЛЬ: Командующий округом подчинялся командующему армией резерва, а он, в свою очередь, - командующему сухопутными силами.

НЕЛЬТЕ: Я спросил это для того, чтобы.....

(Перерыв до 10.00 ч.5-го апреля).

8094

H1196 - 0388

H1196 – 0389

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО Т Р И Б У Н А Л А

от 5 апреля 1946 года

/утреннее заседание/.

-Встать! Суд идет!

НЕЛЬТЕ: Я вчера допрашивал Вас о субординации в органах, занимавшихся вопросами военнопленных. Согласно Вашему ответу путь движения приказов вел от начальника лагеря через командующего округа, через главнокомандующего запасной армии к главному командованию сухопутных сил.

Я теперь хочу знать, кто нес ответственность за то, если в концлагерях происходило что-нибудь, что являлось нарушением Женевской конвенции или общепризнанных положений международного права? Несли Вы за это ответственность, несло ли ответственность ОКВ?

КЕЙТЕЛЬ: ОКВ несло ответственность в тех случаях, когда имели место происшествия, нарушавшие общие распоряжения, т.е. принципиальные положения, изданные самим ОКВ, или, если эти происшествия объяснялись тем, что ОКВ не пользовалось своим правом инспектирования. При этих условиях я считаю ОКВ ответственным.

НЕЛЬТЕ: Как ОКВ осуществляло контроль над этими лагерями, как оно осуществляло свое право инспектирования лагерей?

КЕЙТЕЛЬ: Сперва и в начале войны контроль проводился специальным инспектором, который являлся одновременно начальником управления или отдела по делам военнопленных в Управлении общих дел вооруженных сил, т.е. он выполнял две функции. Позднее, примерно, с 1942 г., введена должность генерального инспектора, который не имел ничего общего со всей перепиской и с вопросами министерского порядка.

НЕЛЬТЕ: Как обстояло дело с контролем со стороны стран-посредниц и Международного Красного Креста?

КЕЙТЕЛЬ: Если какая-нибудь страна-посредница хотела, чтобы ее делегация осмотрела лагери - вопрос разрешался в отделе по делам военнопленных или инспектором по делам военнопленных, который сопровождал эту делегацию. Пожалуй, следует отметить, что от французов этим делом занимался сам посол Скопини и потому никаких специальных делегаций Франция не высылала.

НЕЛЬТЕ: Могли представители стран-посредниц и представители Красного Креста свободно говорить с военнопленными или только в присутствии немецких офицеров?

КЕЙТЕЛЬ: Я не знаю, делалось ли во всех лагерях так, как это предписывалось, т.е. было разрешено разговаривать непосредственно с военнопленными. Как правило, так оно и было.

НЕЛЬТЕ: Вы, как начальник ОКВ, сами занимались изданием распоряжений по вопросам о военнопленных?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я занимался изданием общих распоряжений. Впрочем, ввиду того, что я был связан с фюрером и главной ставкой, я, естественно, не мог постоянно и непосредственно входит в соприкосновение с моими учреждениями. Для этого были учреждения по делам военнопленных, инспектор и, наконец, начальник управления общих дел вооруженных сил, который нес передо мной ответственность по этим вопросам. Эти три инстанции проводили текущую практическую работу, а я принимал участие только в том случае, если нужно было принять особые решения, и если фюрер, как это часто случалось, сам вмешивался в эти дела и давал соответствующие указания.

НЕЛЬТЕ: Из документов, которые здесь были представлены, следует, что с русскими военнопленными обращались иначе, чем с другими. Что вы можете сказать по этому поводу?

8096

H1196 – 0390

H1196 – 0391

КЕЙТЕЛЬ: Правильно. Обращение было различное. Это различие основывалось на точке зрения фюрера, которую он все время выдвигал на первый план, а именно, что Советский Союз не ратифицировал Женевскую конвенцию. Это различие основывалось ~~основывалось~~ также на том, что определенную роль играл весь комплекс вопросов различного "понимания правил ведения войны, связанного с различной идеологией". Фюрер подчеркивал, что в этой области у нас руки свободны.

НЕЛЬТЕ: Я предоставляю вам документ ПС-388 - СССР-356. Этот документ датирован 15 сентября 1941 года.

Часть первая - представляет собой запись доклада начальника отдела заграничной разведки ОКВ. Вторая часть - распоряжение ОКВ от 8 сентября 1941 года об обращении с советскими военнопленными. Часть третья является памяткой об охране советских военнопленных. В качестве последнего документа приложена копия указа Совета Народных Комиссаров о военнопленных от 1.УП.1941 года.

КЕЙТЕЛЬ: Я хотел бы сказать, что эти распоряжения были изданы лишь в сентябре, потому что сначала существовало указание Гитлера, согласно которому русские военнопленные не должны направляться в Германию и которое потом было отменено. Относительно распоряжения от 8.IX.1941 г., которое лежит вот передо мной, следует сказать, что основой всех этих распоряжений является все та же точка зрения, состоящая в том, что настоящая война - это борьба за существование народа. Первая фраза начинается словами: "Большевизм - это смертельный враг национал-социалистской Германии".

По моему, эти слова сразу говорят об основе, на которой зиждятся эти распоряжения, о мировоззрении авторов и мотивах издания этих распоряжений.

Дело в том, что, как я говорил уже вчера, Гитлер рассматривал эту борьбу и эту войну не как борьбу между двумя государствами, ведущуюся на основе норм международного права, а как борьбу мировоззрений. В этом распоряжении говорится о многом: об изоляции таких людей, которые казались для нас не опасными и таких, как политических активистов и фанатиков, особенно опасных для национал-социализма.

8097

Теперь я перехожу к вводной части документа, которая здесь была предъявлена г-ном представителем Обвинения от Советского Союза. Это - отношение адмирала Канариса, начальника загранразведки, в котором он еще раз оповещает меня о том основном приказе, о котором я только что говорил здесь, причем сопровождает этот приказ некоторыми комментариями и, главным образом, подчеркивает свои сомнения и возражения относительно этого приказа. Одновременно приложена памятка, на которой не стоит останавливаться, и указ Советского Союза, кажется от 1 июля, об обращении с немецкими военнопленными. Я получил это 15.IX, в то время, как другой приказ был издан за неделю до этого. Изучив документы Канариса, я должен сказать, что я разделил его сомнения. Поэтому я со всеми документами направился к Гитлеру, попросив его рассмотреть их и еще раз высказать свою точку зрения. Фюрер ответил мне на это, что мы не можем ожидать того, чтобы с немецкими военнопленными противник обращался соответственно нормам международных правил, например, Женевской конвенции. Мы не можем даже проверить это, и он не видит повода изменять по этой причине свои директивы, он, в конце концов, просто отказался от этого, и я вернул адмиралу Канарису записи со своими заметками на полях.

Таким образом приказ остался в силе.

НЕЛЬТЕ: Каково было обращение с советскими военнопленными на практике? Придерживались ли этих предписаний, или на практике с ними обращались по другому?

КЕЙТЕЛЬ: По моим личным наблюдениям и докладам, которые я получал, практика была, если можно так выразиться, значительно лучше и благоприятнее, чем эти суровые положения, изданные в качестве первого выражения воли после получения согласия на перевод военнопленных в Германию. Во всяком случае, я видел много сообщений о том, что условия работы, в особенности в сельском хозяйстве, а также и в военной промышленности, на железных дорогах, на строительстве шоссе и т.п. были значительно лучшими, чем они казались на основании тех суровых слов, которые употреблены в этом приказе.

8098

H1196 – 0392

H1196 – 0393

НЕЛЬТЕ: Г-н председатель, я хочу здесь сослаться на документ № 6 в книге документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какая книга документов?

НЕЛЬТЕ: Это документ № 6 в книге документов № 1. Это "Условия использования восточных рабочих, а также советских военнопленных". В эту книгу я включил только те документы, которые я Вам передал и которые касаются условий использования советских военнопленных. Я передав эту книгу, как доказательство № К6 и прошу принять его без зачтения. Здесь указано точно на пункты, содержащие распоряжения, из которых следует, что позднее с советскими военнопленными обращались согласно указаниям ОКВ, т.е. в соответствии с Женевской конвенцией. /Пауза/. Можно мне продолжать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, очень хорошо. Вы не желаете, наверное, зачитать отрывки из этих документов?

НЕЛЬТЕ: Нет, я не хотел бы.

Я прошу Вас сказать мне, каковы были отношения между полицией, т.е. Гиммлером, с одной стороны, и всем аппаратом, занимающимся вопросами о военнопленных?

КЕЙТЕЛЬ: Мне бы с самого начала хотелось отметить, что в этом вопросе между Гиммлером и соответствующими полицейскими органами, с одной стороны, и военными учреждениями, с другой, непрерывно и постоянно происходили трения. С самого начала было очевидно, что Гиммлер хотел оставить руководство этим делом в своих руках и не упустил ни одной возможности добиться влияния на органы, занимавшиеся вопросами военнопленных. Естественные обстоятельства побега, поимка бежавших благодаря полицейским преследованиям и выслеживанию, жалобы на недостаточную охрану лагерей, недостаточные меры охраны, нехватка людей для караула - все это использовалось им при встречах с Гитлером в целях ~~его,~~ или я бы сказал, чтобы нанести удар в спину военным органам и возбудить у Гитлера подозрение в их неумении работать, показать недостатки их работы. Следствием этого было постоянное вмешательство Гитлера, причины чего мне были совершенно непонятны. Он от-

H1196-0394

носил эти недостатки за свой счет и неукоснительно вмешивался во все вопросы, так что учреждения вооруженных сил находились в постоянном напряжении. Я был вынужден просто передавать распоряжения своим управлениям в ОКВ, так как я сам не мог проверить обстоятельств дела.

НЕЛЬТЕ: Что же являлось основной причиной и целью, которую Гиммлер хотел достичь?

КЕЙТЕЛЬ: Он хотел не только распространить свое влияние, но, будучи начальником полиции в Германии, он хотел подчинить себе все органы по делам военнопленных, т.е. хотел один царствовать в этой области, если можно так выразиться.

НЕЛЬТЕ: Не играло ли в этом вопросе роль получение рабочей силы?

КЕЙТЕЛЬ: Позднее это стало заметно. Мне кажется, что я должен вернуться к этому вопросу.

Здесь я могу сказать, что по наблюдениям было безошибочно установлено, что после розысков бежавших лиц, происходивших в Германии через определенные интервалы времени, большинство бежавших военнопленных не возвращались в лагери, из которых они бежали, т.е., очевидно, они задерживались полицейскими инстанциями и использовались на работах у Гиммлера. Количество побегов увеличивалось из года в год. Причины этого были совершенно понятными.

НЕЛЬТЕ: Вопрос о военнопленных довольно тесно связан с проблемой рабочей силы. Какие инстанции занимались вопросом распределения на работу военнопленных?

КЕЙТЕЛЬ: Этими инстанциями были так называемые областные биржи труда в рамках так называемого имперского управления по использованию рабочей силы, первоначально подчинявшегося министру труда, позднее - генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы. На практике эти областные биржи труда запрашивали рабочую силу в военных округах, которым подчинялись лагери, и эта рабочая сила им предоставлялась, поскольку это

было допустимой на основании общих директив.

НЕЛЬТЕ: Какое отношение имело ОКВ к проблеме использования рабочей силы?

КЕЙТЕЛЬ: В общем, естественно, был контроль высших над тем, чтобы распределение рабочей силы проходило по основным, принципиальным директивам. Конечно, было совершенно невозможно контролировать каждый частный случай использования рабочей силы; инспектор также не был в состоянии осуществлять такой контроль; за это были ответственны командующие военными округами и назначенные ими генералы по делам военнопленных, а также соответствующие работники. Мне хотелось бы подчеркнуть, что борьба, как таковая, за получение рабочей силы за счет военнопленных началась приблизительно в 1942 году. До того времени главной областью использования рабочих были сельское хозяйство, имперская железная дорога и ряд общих строительств; причем там использовалась основная масса рабочей силы, а не в промышленности, в частности там не использовались советские военнопленные, которые в своей массе происходили из крестьян.

НЕЛЬТЕ: Каковы были действительные причины этой потребности в рабочей силе?

КЕЙТЕЛЬ: Зимой 1941/42 г. возникла проблема замены солдат, которые пали на полях сражения на Востоке. Нужно было направить новые силы на фронт. Если это выразить в цифрах, то только сухопутным силам следовало предоставить 2 - 2,5 миллиона человек. Если при этом один миллион мы получали путем обычной мобилизации и полмиллиона из числа выздоравливавших раненых, то оставалось еще 1 1/2 миллиона, которые мы должны были возмещать ежегодно. Следовательно, мы должны были брать этих людей из нашего военного хозяйства и направлять их на военную службу. Из этого вытекала связь между фактом изъятия этих людей из военного хозяйства и фактом замены их новыми рабочими. С одной стороны, мы пытались проводить эту замену за счет военнопленных. С другой стороны, генеральный упол-

H1196 – 0395

H1196 – 0396

номоченный Заукель делал все возможное для получения рабочей силы. Эта взаимосвязь заставляла и меня вмешиваться в этот вопрос, т.к. я возглавлял дело комплектования всех вооруженных сил: сухопутной армии, ВВС, военно-морского флота, т.е. занимался вопросами мобилизации; эта связь давала мне повод участвовать в совещаниях фюрера с Заукелем по вопросам возмещения потерь в армии и получения рабочей силы.

НЕЛЬТЕ: Что вы можете сказать об использовании военнопленных в промышленности и, в частности, промышленности вооружения?

КЕЙТЕЛЬ: До 1942 г. мы не использовали военнопленных на промышленных предприятиях, которые хотя бы косвенно работали на вооружение, причем это делалось на основании категорического запрещения Гитлера, который опасался диверсий, как-то: поломки машин, уничтожения средств производства и т.д. Подобные вещи он считал возможными и опасными. Только тогда, когда нужда заставила нас привлечь любую рабочую силу к производственному процессу, мы отказались от этого принципа и больше не возвращались к нему. Естественно, военнопленные также стали работать в военной промышленности, причем, с моей точки зрения и согласно издаваемым мною, т.е. ОКВ, распоряжениям, было запрещено брать военнопленных в промышленность вооружения, т.е. на заводы, изготовлявшие военную аппаратуру, оружие и боеприпасы. Для полноты картины я должен, во всяком случае, добавить, что позднее приказом фюрера были допущены некоторые послабления в этой области. Мне кажется, что здесь Обвинение уже упомянуло, что министр Шпеер говорил о нескольких тысячах военнопленных, которые были заняты в военной промышленности. Я должен заметить, что и в промышленности вооружения есть много работ, которые не связаны непосредственно с производством оружия и боеприпасов.

НЕЛЬТЕ: Обвинение неоднократно указывало на то, что военнопленные охранялись полицией и даже находились в концлагерях. Можете ли Вы объяснить такое положение?

H1196 – 0397

КЕЙТЕЛЬ: Я объясняю это обстоятельство тем, что выделение и изоляция военнопленных, как здесь уже сегодня говорилось, происходили в конц.лагерях, и, что, как известно по документам, отобранные военнопленные, по отношению к которым у начальников лагерей не было дальнейших полномочий, передавались гестапо. Наконец, я упомянул также о бежавших и вновь пойманных, которые большей частью уже не возвращались в свои лагери. Приказы ОКВ или начальника отдела по делам военнопленных по вопросу передачи их обратно в лагери, мне не известны, и такие приказы не издавались. Показаниями свидетелей и документами установлено, что путь передачи военнопленных полиции во многих случаях заканчивался в концлагерях. Вот, как я это объясняю.

НЕЛЬТЕ: Французское обвинение представило документ № 1650-ПС. Это, якобы,—приказ ОКВ, который говорит о передаче бежавших, неработавших военнопленных СД. После того, что Вы только-что сказали, Вы должны объяснить и это. Я дал Вам также документ №ПС-1514. Это приказ командующего VI военным округом, из которого Вы можете уяснить себе методы, применявшиеся ОКВ при передаче военнопленных гестапо.

КЕЙТЕЛЬ: Сначала я хочу обратиться к документу № 1650-ПС. Должен заявить, что я не знал этого приказа, что он никогда не попадался мне и что мне до сих пор не представлялось возможности выяснить происхождение этого приказа.

НЕЛЬТЕ: Может быть, Вы сначала скажете, является ли этот документ, как таковой, документом ОКВ?

КЕЙТЕЛЬ: Я дойду до этого.

НЕЛЬТЕ. Пожалуйста, начните с этого, чтобы внести ясность в этот вопрос.

КЕЙТЕЛЬ: Документ начинается, как документ полиции, следующими словами: "ОКВ приказало следующее". Затем идут пункты 1,2,3 и далее: "В связи с этим я приказываю /я, т.е. начальник полиции/главного управления имперской безопасности/.. Подпись - "Мюллер"; не Кальтенбруннер, а Мюллер. Совершенно определенно, я не подписывал этого

приказа с пункта 1 по пункт 3, не видел его; в этом нет никакого сомнения. Это подтверждается еще и тем, что там говорится о каких то специальных выражениях "степень 3в" и тому подобном, - непонятных мне полицейских терминах. Итак, я должен констатировать, что я совершенно не могу понять происхождения этого документа. До сих пор я не могу этого выяснить. Имеются предположения, возможности, я хочу их вкратце упомянуть, так как я очень много думал об этом.

Во-первых, я не думаю, что какая-либо инстанция ОКВ, т.е. начальник отдела по делам военнопленных или начальник управления общих дел вооруженных сил самостоятельно, без указания свыше, могли бы издать этот приказ; это совершенно исключено, так как он противоречит нашей общей тенденции. Я не могу припомнить, чтобы Гитлер давал мне какие-нибудь указания в этом направлении, чтобы я их передавал дальше. И, наконец, /даже, если это похоже на отговорку/, имелись окольные пути, которыми иногда пользовался фюрер, не взирая на компетенции. Например, был путь передачи приказов через ад'ютантов, благодаря чему я не узнавал о некоторых приказах.

Я подчеркиваю, что это только мои догадки и они не могут послужить мне в оправдание. Я хочу только заметить, что документ № 1514-PC является приказом, захваченным в VI военном округе в Мюнстере. Он датирован 27 июля 1944 г., т.е. летом 1944 года, и рассматривает вопросы о бежавших военнопленных и о том, как следует с ними поступать. Под "Основанием" приводятся 7 различных приказов, относящихся к периоду с 1942 до начала июля 1944 г. Этот приказ, который по сути дела /ведь в нем говорится об обращении с бежавшими военнопленными/ должен был бы относиться к этому документу, если бы управление VI военного округа имело на руках такой приказ ОКВ, заставляет притти к выводу, что письменного приказа определенно не было и что управление округа вообще не получало такого приказа. Больше я ничего не могу сказать в свое оправдание, т.к. я не могу доказать этого.

8104

H1196 – 0398

H1196 – 0399

НЕЛЬТЕ: Вам известно, что Обвинение предоставило приказ, из которого следует, что советские военнопленные подвергались определенной операции: им на коже вырезали отличительные знаки. Можете Вы что-либо рассказать по этому вопросу?

КЕЙТЕЛЬ: Дело обстояло следующим образом: летом 1942г. фюрер вызвал к себе в ставку генерал-квартирмейстера сухопутных сил с докладом о положении дел в тылу армии на Востоке. Я неожиданно был привлечен к этому докладу, мне было сказано, что генерал-квартирмейстер сообщил о ежемесячных массовых бегствах военнопленных в России, о том, что бежавшие скрывались среди населения, тотчас же обрасывали военную форму и одевали гражданское платье, так что их больше нельзя было распознать. Мне приказали проверить это и подготовить проект предложения, как помечать военнопленных, чтобы их можно было распознать, когда они снимут свое гражданское платье. Я дал соответствующее указание в Берлин о подготовке такого приказа, однако, указал на необходимость проверки возможности издания такого приказа через отдел международного права министерства иностранных дел и на необходимость установления всех технических вопросов, связанных с этим делом.

Мне хотелось бы отметить, что имелась ввиду татуировка, которую в Германии носили многие строительные рабочие и моряки. Я больше ничего не слышал об этом. В главной квартире я встретил однажды министра иностранных дел и завел с ним разговор по этому вопросу. Фон Риббентроп знал о нашем запросе в министерство иностранных дел и считал это предприятие довольно сомнительным. Это было первое сообщение, полученное мной по этому вопросу. Я сейчас же дал распоряжение /лично я или через ад'ютанта - уже не помню/, чтобы этот приказ не издавался. Мне ничего на подпись не предъявлялось, ни проекта приказа, ни чего-либо подобного. Я ничего не подписывал. Во всяком случае, я приказал: "Приказа ни в коем случае не издавать." О подробностях я ничего не узнал и ничего не слышал; я был убежден, что этот приказ не был издан. Таким же об-

разом я показал и на предварительном следствии. Теперь мне стало известно через моего защитника, что секретарь начальника управления по делам военнопленных по собственной инициативе изъявила согласие дать показания о том, что этот приказ был отменен. Правда, в своих показаниях она заявила, что он был отменен несколько дней спустя после его издания и, очевидно, поэтому приказ был найден в полиции.

КЕЛЬТЕ: Г-н председатель, в надлежащее время я предоставлю эти письменные показания свидетельницы.

Теперь мы переходим к случаю в лагере Заган. Обвинение первоначально ставило Вам в вину, что Вы отдали приказ о расстреле 50 английских летчиков, которые бежали из стационарного лагеря ВВС № 3 в Загане.

Мне не ясно, поддерживается ли это обвинение и сейчас, после того, как рейхсмаршал Геринг и свидетель Вестгоф допрошены вне суда. Я получил от Обвинения протокол допроса Вестгофа и предоставил его Вам. Теперь я хочу попросить Вас в дополнение к тому, что сказал свидетель Вестгоф на предварительном следствии, сообщить то, что Вам самим известно об этом чрезвычайно важном случае. Прошу.

КЕЛЬТЕЛЬ: Дело обстояло следующим образом. Однажды утром я получил донесение о побеге. Одновременно я получил сведения о том, что 15 из бежавших офицеров пойманы вблизи лагеря. Во время доклада обстановки в полдень в Берхтесгадене, вернее в Бергхофе, я не хотел говорить об этом очень неприятном, третьем за небольшой промежуток времени, массовом побеге в надежде, что в течение дня большинство этих военнопленных будут пойманы, так как прошло только 10 или 12 часов после их ~~пяти~~ бегства, и, таким образом, инцидент будет исчерпан.

К концу доклада появился Гиммлер и при мне доложил об этом случае, так как он уже принял все меры к розыску этих беглецов.

Дело дошло до очень тяжелого столкновения и взволнованного объяснения между Гитлером и мной, так как он сейчас же сделал мне самые возмутительные упреки по поводу всего случившегося.

H1196-0400

H1196 –0401

В сообщении Вестгофа вещи частью предоставлены неправильно. Поэтому я еще подробнее останавливаюсь на этом. Фюрер заявил мне в большом волнении: "Эти военнопленные не будут переданы военным органам; они останутся у полиции!"

Я решительно протестовал против такой недопустимой постановки вопроса. Напряженность ситуации привела к тому, что Гитлер вновь настойчиво заявил: "Я приказывал оставить их у Вас, Гиммлер. Не отдавайте их!". Я боролся за возвращенных, которые по первому приказу должны были быть переданы из лагеря полиции. Этого я добился. После такого серьезного выступления я покинул...

ЯЛЬТЕ: Скажите, кто присутствовал при этом выступлении?

КЕЙТЕЛЬ: Насколько я помню, присутствовал генерал-полковник Йодль, который слышал если не каждое слово, то большую часть говорившегося, так как вначале он находился в соседней комнате. Во всяком случае, мы с Йодлем вместе отправились обратно, еще раз обсуждая исключительно неприятные последствия этого события. Я тотчас же вызвал к себе генерала фон Гревенитц, который на следующее утро должен был доложить мне о случившемся.

Я должен здесь уточнить, что рейхсмаршал Геринг тогда не присутствовал. Если я был немного неуверен в своих показаниях, относительно этого, то это потому, что мне было сказано, что свидетель показал, что Геринг тогда присутствовал. Я считал это с самого начала невозможным и сомнительным. Поэтому исключается, чтобы я тогда получил какие-либо замечания от Геринга. В Берлине также не было никакого совещания. Это-ошибки, которые, я думаю, объясняются тем, что присутствовавший во время доклада Вестгофа Гревенитц (которого генерал Вестгоф тогда привел с собой и который видел меня впервые) пережил сцену, которая нелегко дается в военной жизни... так сурово я говорил тогда об этом происшествии!

Должен ли я еще что-либо показать о беседе с Гревенитцем?

8107

H1196 – 0402

НЕЛЬТЕ: Меня интересует следующее: передавая приказ Гитлера Гревенитцу, Вы изложили его в такой форме, что у последнего, а также у присутствовавшего при этом Вестгофа могло создаться впечатление, что Вы лично отдаете приказ о расстреле бежавших офицеров?

КЭЙТЕЛЬ: Это можно, я думаю, выяснить из протокола показаний Вестгофа, который я видел. Во-первых, я сам очень возмущался, я был крайне взволнован, так как должен сказать, что сам приказ об оставлении военнопленных в полиции заставлял меня очень беспокоиться о их судьбе. Я должен сказать честно, что подсознательно я чувствовал, конечно, возможность расстрела при побеге. Тогда я говорил безусловно в чрезвычайном волнении и, конечно, не взвешивая каждое слово на золотых весах. Может быть я повторил слова Гитлера: "это будет служить примером", так как я боялся, что теперь еще больше будут вмешиваться в работу отдела по делам военнопленных, что эти вмешательства будут еще худшего рода, чем в данном случае, когда военнопленные не были возвращены в распоряжение военных органов. Прочитав в протоколе утверждение фон Гревенитца и в особенности Вестгофа, я теперь думаю, что, может быть, я сказал: "Они будут расстреляны, большинство из них, наверное, уже мертвы". Я также сказал нечто вроде: "Вы увидите, какое несчастье это означает; вероятно, уже многие расстреляны".

О том, что расстрелы являются уже совершившимся фактом, я ничего не знал и должен здесь признать, что в моем присутствии Гитлер не говорил ни слова о расстреле. Он сказал лишь Гиммлеру: "этих Вы задержите, не отдавайте их!" О факте расстрела я узнал значительно позже. Кроме других документов по этому делу я видел также доклад английского правительства, из которого видно, что расстреляли их лишь 31-го, побег был совершен 25...

Вестгоф заблуждается, если он считает, что тогда уже был издан приказ об извещении о происшедшем в лагере и вывешивании списков расстрелянных или не возвратившихся. Приказ этот

8/08

появился значительно позже; я припоминаю следующее:

В один из ближайших дней около 31-го,перед началом обсуждения обстановки, один из ад'ютантов сказал мне, что есть сведения о произведенном расстреле. Я просил Гитлера в беседе с ним с глазу на глаз, заявив ему, что я получил сведения о произведенном полицией расстреле. Он ответил лишь, что он также получил такие сведения.

Я говорил с величайшим негодованием. Тогда он сказал, что в лагерь уже известили для устранения. На самом деле, приказание известить в лагере было дано после нашего разговора.

Во всяком случае, показания, данные Вестгофом под присягой, отчасти не правильны, хотя некоторые слова, которые он приводил и которые я здесь объяснил, были мною действительно сказаны. Об этом мы еще услышим от него лично.

ЭЛЬТЕ: Говорил Вам когда-либо Гитлер, что он приказал расстрелять этих людей?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, он этого никогда не говорил, я не слышал об этом от него, я узнал об этом значительно позже, насколько я помню, от г-на рейхсмаршала Геринга, с которым, естественно, этот вопрос обсуждался, тем более, что речь шла о лагере ВВС.

ЭЛЬТЕ: Из Вашего заявления, данного здесь под присягой, я заключаю, что Вы не только лично никогда не издавали приказа об убийстве офицеров королевских воздушных сил, но что Вы не получали и не передавали такового для исполнения и даже не знали, кто издал его?

КЕЙТЕЛЬ: Правильно. Я не только не получал такого приказа, но не знал о нем и не передавал его. Это я вновь могу подтвердить здесь под присягой.

ЭЛЬТЕ: Коснемся вопроса о депортации. Под депортацией рабочей силы, как Вы здесь слышали, Обвинение подразумевает угон граждан оккупированных стран в Германию или в другие окку-

8109

H1196-0403

H1196 – 0404

нированные области для использования их как рабов на оборонных заводах или для других военных нужд или связанных с ними работах. Это–пункт обвинения, который я Вам зачитал.

Обвинение вновь связывает Вале имя с этим преступлением в том смысле, что Вы участвовали в поставке рабочей силы для военной экономики Германии, т.е.ОКВ. Вы знаете, что подсудимый Заукель являлся генеральным уполномоченным по этому сектору. Я хотел бы спросить Вас: прибывала ли в Германию рабочая сила на оккупированных областей еще до назначения Заукеля генеральным уполномоченным?

КЕЙТЕЛЬ: Насколько я помню, рабочая сила еще раньше прибывала в Германию из оккупированных областей, в особенности с Запада – из Бельгии, Голландии,–о Голландии я не знаю, но из Франции, как мне тогда было известно,–путем добровольной вербовки. Я вспоминаю, что однажды в Берлине при встрече с главнокомандующим в Париже г-ном генералом Штюльпнагелем, он сказал мне, что уже набралось 200.000 добровольцев. Когда это было, я сейчас не помню.

ЯЕЛЬТЕ: Занимался ли этим вопросом ОКВ?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, ОКВ этим совершенно не занималось. Это шло по линии главного командования сухопутными силами, главнокомандующих во Франции, Бельгии и Северной Франции и соответствующих центральных учреждений империи. ОКВ никогда ничего общего с этим делом не имело.

ЯЕЛЬТЕ: Как была организована гражданская администрация в оккупированных областях?

КЕЙТЕЛЬ: Военные инстанции вообще были отстранены от всяких административных исполнительных функций в оккупированных областях, так что они совсем не занимались этим. Лишь в областях, которые еще являлись непосредственными прифронтовыми районами, власть имели воинские части, старшие начальники, командующие армиями и т.д. Но и здесь ОКВ полностью не включалось во все дела.

НЕЛЬТЕ: Из предъявленного здесь протокола допроса подсудимого Заукеля видно, что в функции ОКВ входило давать военным комендантам оккупированных областей соответствующие указания и что он, Заукель, проводя кампанию по вербовке рабочей силы, пользовался их поддержкой. Что Вы скажете по этому поводу?

КЕЙТЕЛЬ: это предоставление генерального уполномоченного Заукеля объясняется, повидимому, тем, что ему не были известны ни функции, ни организация военных учреждений, занимавшихся этими вопросами, а также и тем, что один или два раза (ОКХ) видел меня на совещаниях по вопросу рабочей силы и был несколько раз у меня, по заданию Гитлера, как последний имел обыкновение делать. Он отсылал Заукеля ко мне, говоря: "Идите к начальнику ОКВ. Он сделает все остальное". Но ОКВ никогда не давало никаких приказов и не могло давать. Я взялся информировать соответствующие управления штаба сухопутных сил по этому вопросу, но никаких указаний главноначальствующим или другим военным организациям в оккупированных областях я не давал, и это не входило в круг задач ОКВ.

НЕЛЬТЕ: Здесь был предоставлен документ, из которого следует, что генералы Штапф и Нагель решили обратиться к Вам за разрешением во время проведения кампании по вербовке рабочей силы применять методы насилия и принуждения. Таково утверждение Обвинения. Знаете Вы что-либо об этом?

КЕЙТЕЛЬ: Я вспоминаю об этом, смотря на этот документ. Это была, очевидно, попытка Штапфа, моего долголетнего сотрудника по штабу сухопутных сил, получить поддержку или помощь непосредственно от самого фюрера, минуя меня. И поэтому Штапф, руководитель экономического штаба на Востоке, и генерал Нагель - руководитель экономической инспекции на

H1196 – 0405

H1196 – 0406

Востоке-хотели включить меня в разрешение этих вопросов. Я, как здесь сказано в документе, хотели осуществлять нами сверху. Я не вообще ничего не предпринимал, так как эти вещи меня не касались.

НЕЛЬТЕ: Я перехожу теперь к разделу "Разграбление художественных культурных ценностей".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы, может быть, сделаем перерыв.

/Объявляется перерыв на 10 минут/.

-Встать! Суд идет !

НЕЛЬТЕ: Французское обвинение инкриминировало Вам, что Вы давали указания в отношении конфискации и взятия под свою охрану художественных ценностей, библиотек и т.п. Имелись ли до похода на Запад или Восток какие-либо военные приказы, директивы, инструкции, указания, которые говорили бы об обращении с произведениями искусства или библиотеками в случае оккупации новых областей?

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Насколько мне известно, на этот счет никаких указаний не имелось, несмотря на довольно детальное продумывание всех вопросов, которые могут возникнуть во время войны. Мне ничего неизвестно о том, что в этом отношении заранее давались какие-либо указания.

8112

НЕЛЬТЕ: Я передам Вам три документа, которые были в свое время предъявлены французским обвинением и в которых Вас связывают с оперативным штабом Розенберга, неоднократно упоминавшимся здесь. Это документы № ПС-137, ПС-138 и ПС-140. Все эти три документа - отношения начальника главного штаба вооруженных сил к командующим сухопутными войсками во Франции и Голландии.

КЕЙТЕЛЬ: Первые два документа - ПС-137 и ПС-138 предоставляют собой документы, направленные из главной ставки, или частично продиктованные мной отношения к инстанциям сухопутных войск. Тут говорится: "Главнокомандующему сухопутными силами", в другом документе: "Командующему сухопутными войсками в оккупированной части Франции и командующему вооруженными силами в Голландии". Эти документы возникли частично в результате запросов военных частей и учреждений, которые считали себя ответственными за охрану или обеспечение того, что находилось в оккупированных областях, и запросов частей, которые, очевидно, должны были проверять и регистрировать эти художественные ценности, библиотеки и т.д. на предмет конфискации. В одном случае мне позвонил, кажется, командующий сухопутными войсками, который выразил по этому поводу протест. В других случаях иногда со мной беседовал рейхслейтер Розенберг. Фюрер дал мне директиву о том, чтобы я дал указание военным инстанциям спокойно выполнять те указания, которые он сам дал и которые он санкционировал. Даже с чисто формальной точки зрения совершенно очевидно, что эти документы подписывались не каким-либо органом ОКВ, а моим адъютантом. Я сам диктовал их по приказу фюрера и затем рассылал. Возможно, эти вопросы возникали как раз в результате того, что заранее ничего не было предусмотрено и не было никаких распоряжений. Что надо было делать с художественными ценностями и т.д., - я не знал. Но я, естественно, занял ту точку зрения, что их необходимо охранять. Относительно эвакуации, отчуждения или конфискации их не было речи. Тогда я даже не задавал себе такого вопроса. Я дал лишь очень краткие указания и затем уже больше не занимался

H1196 – 0407

H1196-0408

этими вопросами. Я рассматривал эти мероприятия как превентивные и поэтому не считал их несправедливыми.

НЕЛЬТЕ: Таким образом, вы хотите сказать, что ОКВ по своим функциям ничего не имело общего с этим вопросом?

КЕЙТЕЛЬ: Н е т.

НЕЛЬТЕ: Ваши функции сводились к передаче писем военным инстанциям для их ознакомления с волей Гитлера, заключавшейся в том, что они должны оказывать оперативному штабу Розенберга поддержку при выполнении им своих задач?

КЕЙТЕЛЬ: это правильно.

НЕЛЬТЕ: В этой связи я хотел бы поставить личный вопрос: Вы когда-либо присваивали себе что-нибудь из тех предметов искусств, которые были захвачены в оккупированных странах, будь-то предметы государственной или частной собственности, или какая-либо инстанция присылала Вам какие-нибудь художественные произведения?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я никогда не занимался этим вопросом и ничего не имел с этим общего.

НЕЛЬТЕ: Теперь мы переходим к так называемой экономической эксплоатации оккупированных областей. В связи с Вашим постом начальника главного штаба вооруженных сил Вам было предъявлено обвинение, что Вы участвовали в экономическом использовании восточных и западных оккупированных областей. Этот вопрос уже ставился в связи с допросом рейхсмаршала Геринга. Поэтому я хочу, чтобы Вы остановились на этом комплексе вопросов только кратко. Однако, необходимо, чтобы Вы, со своей стороны, тоже показали, в какой степени ОКВ и Вы лично вообще сталкивались с этими вопросами, так как Ваша фамилия, как и наименование ОКВ, часто упоминалась в этой связи. Далее упоминалось управление военной экономики и вооружения, которое являлось одним из управлений ОКВ и которым руководил генерал Томас, написавший работу по этому вопросу, предъявленную здесь Обвинением. Что Вы можете сказать по этому вопросу, если я Вам предъявлю документы ПС-1137 и СССР-80?

8114

КЕЙТЕЛЬ: ПС-1157 рассматривает план "Барбаросса-Ольденбург". Дополнительно я могу сообщить следующее:

Военно-экономическое Управление, которое к тому времени уже не было управлением военной экономики и вооружения, под руководством генерала Томаса провело некоторую организационную подготовку сначала для похода на Запад, затем для кампании "Барбаросса" на Восток, выделив из тыловой, находившейся в империи и имевшей свои отделы во всех военных округах военно-экономической организации экспертов-специалистов по военно-экономическим вопросам и вопросам снабжения и небольшие команды, так называемые "полевые экономические команды", и направив их в распоряжение высших командных инстанций, командований армий.

Эти лица, вошедшие в штабы квартирмейстеров армий, были обязаны в оккупированных или завоеванных областях брать на учет все предметы снабжения, горючее, продовольствие и ~~все~~ другие вещи, годные к немедленному употреблению в войсках, обеспечивать хранение и их сохранность и затем вместе с оберквартирмейстером, обеспечивавшим снабжение армии, и интендантом, ведавшим вопросами подвоза продовольствия, предоставлять эти вещи в распоряжение действующей армии.

Поскольку в значительной части Франции и Бельгии мы приобрели некоторый опыт в отношении руководства военной экономикой, ~~то~~ поскольку мы использовали его позднее и соответствующим образом для других целей. На востоке же - мне кажется, об этом уже подробно говорил рейхсмаршал Геринг - дело было поставлено на совершенно иной основе, т.е. не только на основе снабжения войск, но и на основе использования этих оккупированных областей. Была создана новая организация, которая называлась Экономическим штабом "Ост Ольденбург".

Связь с ОКВ состояла именно в том, что он вместе с министерством хозяйства, Управлением по 4-х летнему плану и министерством продовольствия провел подготовительную работу по созданию необходимого специального экономического органа: экономическая организация Ольденбург. Этим не ограничивалась связь с ОКВ.

8115

H1196 – 0409

H1196 – 0410

ОКВ и его начальник, т.е. я, не имели права давать приказы и вмешиваться в ее работу; эта организация была предоставлена в распоряжение тех, в чьи функции входило использование ее, постановка перед ней определенных задач и работа с ней. Таким образом, если генерал Томас в своей толстой книге, которая здесь предъявлена в качестве документа, писал о ...

НЕЛЬТЕ: Это-документ 2353-ПС, стр.386. Может быть Вы огласите часть этого документа и таким образом подведете итог всему сказанному.

КЕЙТЕЛЬ: Да. Это - выдержка из книги генерала Томаса, в которой он описывает свою работу и деятельность организации, которой он в свое время руководил в ОКВ; в частности, он подробно останавливается на возникновении этой организации и ее работе во время войны. Он говорит: "Деятельность Управления военной экономики и вооружения в период восточной кампании состояла в организационном руководстве и обслуживании того аппарата, который использовался для этой цели, и в консультациях, которые он давал Военно-экономическому Управлению ОСТ".

НЕЛЬТЕ: Для подведения итога Вам следует прочитать только параграф 4-й.

КЕЙТЕЛЬ: За руководство экономикой на всей восточной территории ответственность нес Экономический штаб ОСТ, входивший в Управление 4-летнего плана под названием "Барбаросса-Ольденбург". За специальные указания отвечали статс-секретари этого Экономического штаба, за деятельность Управления военной экономики и вооружения - Томас, за проведение всех мероприятий - Экономический штаб ОСТ под руководством рейхсмаршала.

НЕЛЬТЕ: Какова была обстановка на Западе?

КЕЙТЕЛЬ: Я кратко обрисовал небольшой аппарат экспертов, который имелся на Западе и при отделах квартирмейстеров в штабах соединений.

Когда на более поздней стадии мероприятия, проводимые в оккупированных областях, вышли за рамки текущего снабжения войск

предметами ежедневного потребления /горючим и другим/, в начале июня, как я уже говорил, особым указанием, о котором упоминал рейхсмаршал, общее руководство экономикой было передано Управлению и уполномоченным по 4-летнему плану. На то был приказ фюрера

НЕЛЬТЕ: Об этом сказано в вышеупомянутом документе № 2353-ПС генералом Томасом, стр.304. Нет необходимости оглашать это место. Прошу Трибунал разрешить мне, во избежание дальнейших вопросов в этой области, предъявить в качестве доказательства афидевит подсудимого, находящийся во второй книге документов под № К-II и озаглавленный "Управление военной экономикой и вооружения в ОКВ". Прошу Суд приобщить этот документ к делу. Я предполагаю, что Обвинение будет согласно с этим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Под каким номером этот документ вошел в книгу № 2?

НЕЛЬТЕ: № 4 в книге документов № 2. Страница 27-я и следующие в предъявленной Вам книге документов № 2. Эта книга документов датирована 29 марта 1946 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какую дату Вы назвали?

НЕЛЬТЕ: 29 марта 1946 г. Мне кажется, что в книге документов даты нет. Я имею на руках оригинал, который я предъявляю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как озаглавлен этот документ? У нас здесь имеется документ от 4 марта 1946 г., озаглавленный "Управление военной экономики и вооружения в ОКВ". Это правильно?

НЕЛЬТЕ: Документ написан 4 марта 1946 г., а письменные показания были приложены к нему 29 марта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но, по-моему, этот документ имеет дату - 8-ое марта. Это-тот самый документ, который Вы имеете в виду?

НЕЛЬТЕ: "Управление военной экономики и вооружения в ОКВ". Возможно, господин председатель. Во всяком случае нет сомнения, что это именно этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

/Продолжение допроса д-ром Нельте/.

8117

H1196-0411

НЕЛЬТЕ: Я перехожу теперь к теме, которая здесь неоднократно обсуждалась и которая довольно затруднительна именно потому, что очень часто высказывались сомнения по поводу того, почему эти вопросы вообще ставятся.

Вам предъявляли здесь обвинение в том, что Вы, занимая свой пост и являясь членом правительства, как утверждает Обвинение, знали или должны были знать о событиях, которые происходили в концентрационных лагерях. Поэтому я должен поставить Вам этот вопрос: что Вы знали о существовании концентрационных лагерей, в какой степени Вы знали о них и каким образом Вы соприкасались с ними? Знали Вы, что существуют концентрационные лагери?

КЕЙТЕЛЬ: Да, о существовании концентрационных лагерей я знал еще перед войной, хотя тогда по названию мне были известны только два лагеря. Я предполагал, что, кроме этих двух известных мне лагерей, имеются еще другие концентрационные лагери. Подробностей их существования я не знал. Относительно заключенных в таких лагерях мне было известно, что это так называемые обычные преступники и политические противники. Это было, как здесь уже говорил рейхсмаршал Геринг, базисом этого института.

НЕЛЬТЕ: Слышали ли Вы что-либо об обращении с этими людьми в концентрационных лагерях?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, подробно я об этом ничего не знал. Я предполагал, что, очевидно, это было строгое заключение или заключение, которое при известных условиях должно привести к принятию более строгих мер. О тех условиях, которые были вскрыты, и, в частности, об избиении заключенных, пытках и т.п. я ничего не знал.

В двух случаях я делал попытки помочь освобождению некоторых лиц из концлагерей. В одном случае я действовал вместе с гроссадмиралом Редером. Я имел в виду священника Нимёллер. С помощью Канариса, по желанию гроссадмирала Редера, я пытался освободить Нимёллера из лагеря. Однако попытка потерпела неудачу. Следующая попытка была предпринята по просьбе одной семьи из деревни, из которой я происхожу, и касалась она одного крестьянина, который сидел в лагере по политическим причинам. В этом случае мне посчаст-

8/18

H1196-0412

ливилось: крестьянин был освобожден. Это было осенью 1940 года. Я разговаривал с ним, и на мой вопрос, как живется в лагере, он дал мне ничего незначащий ответ, что он ни в чем не нуждался. Подробностей я от него никаких не узнал.

НЕЛЬТЕ: Во время беседы с этим человеком у Вас не создалось впечатления, что с ним ничего плохого не произошло?

КЕЙТЕЛЬ: Несомненно, этот человек не производил впечатления, что с ним сделали что-то плохое. Правда, я видел его непосредственно после его возвращения из лагеря, а позже, когда я приехал на родину. Я беседовал с ним тогда, потому что он пришел поблагодарить меня. Он ничего не говорил о том, что с ним плохо обращались или что-либо в этом духе.

НЕЛЬТЕ: Здесь говорилось, что от времени до времени такие лагери посещали военнослужащие, офицеры и высшие офицеры. Чем Вы это объясняете?

КЕЙТЕЛЬ: Я убежден, что такие посещения происходили по приглашению со стороны Гиммлера, так как однажды он приглашал меня лично из Мюнхена осмотреть лагерь Дахау и я охотно согласился. Мне известно, что офицеры и комиссии производили подробные и поверхностные осмотры концлагерей. Однако, я думаю, что здесь излишне говорить о том, как это проводилось, что именно показывалось им. В дополнение я хочу сказать, что дело обстояло не так, что нельзя было услышать что-нибудь вроде:-в концлагере тебе конец, или:-там случаются разные вещи. Я также знаю, что, если кто-либо приходил ко мне и рассказывал подобные слухи, я спрашивал, что вы знаете, откуда вы это знаете и от кого вы знаете, - тот никогда не настаивал на своих словах, а говорил, что он не знает. Сам я тоже только слышал. Таким образом, можно было задуматься над этим, но я никогда не имел реальных сведений, и я не мог ничего реального узнать.

НЕЛЬТЕ: Вы слышали, что над заключенными в концлагерях производились медицинские эксперименты и что это проводилось с согласия высших органов. Знали Вы об этом лично или Вы узнавали об этом официально через ОКВ?

H1196 – 0413

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я не знал об этом ни по служебной линии, ни иначе. О медицинских экспериментах над заключенными здесь говорилось подробно, но раньше я о них ничего не знал, ничего.

НЕЛЬТЕ: Я перехожу теперь к последнему комплексу вопросов, которые связаны с утверждением Обвинения относительно того, что Вы имели намерение или, во всяком случае, участвовали в попытках убить генерала Вейгана и генерала Жиро. Вы знаете, что свидетель Лахузен 30 ноября 1945 г. показал здесь: "Генерал Канарис с некоторого времени /с ноября-декабря 1940 года/ неоднократно получал (с Вашей стороны) указания о необходимости устранить генерала Вейгана - начальника французского генерального штаба".

Лахузен показал, что Канарис после переговоров с Вами сообщил об этом своим начальникам отделов. Вы говорили с Канарисом относительно генерала Вейгана?

КЕЙТЕЛЬ: Это, очевидно, действительно имело место. Причиной тому было то обстоятельство, что поступили сведения, что генерал Вейган находится в Северной Африке, производит смотр военным частям, инспектирует северо-африканские колониальные войска. Я считал само собой разумеющимся, что я говорил начальнику информационной службы Канарису о необходимости установить, каковы намерения генерала Вейгана, где он в Северной Африке останавливается и имеет ли это какое-либо военное значение в смысле активизации колониальных войск в Северной Африке, или что-либо подобное. Таким образом, задание, которое я ему давал, состояло в получении необходимых сведений с помощью службы информации.

НЕЛЬТЕ: Вы давали ему также поручение наблюдать?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

НЕЛЬТЕ: Могло ли Управление контрразведки заграницей посылать своих людей в Северную Африку?

КЕЙТЕЛЬ: Да, мне кажется, что это так. Через Испанское Марокко имелся канал информационной службы. Канарис, как мне известно, имел связь с Марокко через Испанию.

НЕЛЬТЕ: Мой вопрос состоит в том, имелась ли официальная возможность въезда в Северную Африку на основании соглашения с Францией?

8/120

H1196 – 0414

КЕЙТЕЛЬ: Безусловно, после перемирия были созданы комиссии по разоружению как во Франции, так и в Северной Африке. У нас имелся целый ряд инстанций сухопутных войск, которые занимались контролем вооружения северо-африканских войск.

НЕЛЬТЕ: В чем состоял смысл устранения генерала Вейгана и вообще могли ли существовать такой смысл? Он был ярым противником Германии с точки зрения той политики, которую он преследовал? По каким соображениям?

КЕЙТЕЛЬ: С точки зрения оценки этих условий не было никакого повода считать генерала Вейгана, скажем, неудобным для нас. Учитывая связь с маршалом Петеном, установившуюся в конце сентября - начале октября того же года, и коллаборационистскую политику, достигшую своего кульминационного пункта зимой 1940-1941 года, было абсурдным думать об устранении начальника генерального штаба, маршала, да это и не соответствовало всему нашему подходу к северо-африканской проблеме. Мы передали командованию французской армии большое количество офицеров, кадровых солдат французской колониальной армии, которых мы освободили из плена зимой 1940-1941 года, для службы в колониальных войсках. Среди них были и генералы. Я, в частности, вспоминаю генерала Жюэн, который, по нашим сведениям, несколько лет подряд был начальником штаба в Северной Африке. По моему предложению, он был передан Гитлером маршалу Петену, очевидно, также для использования на службе в колониях. Таким образом, желать зла генералу Вейгану или для каких-нибудь планов в этом отношении не было ни малейшего повода.

НЕЛЬТЕ: Правильно, что даже происходили переговоры с французским генеральным штабом и Лавалем относительно совместных операций в Африке и об усилении войск в Западной Африке?

КЕЙТЕЛЬ: Да. Среди документов французской делегации по перемирию, очевидно, имеются документы, в которых содержатся просьбы относительно предоставления Северной Африке различных гарантий и, в частности, также в отношении Центральной и Западной Африки, если учесть тот факт, что уже зимой 1940-1941 года во французской Центральной Африке имели место восстания, против которых

8121

H1196 – 0415

французское правительство намеревалось принять меры. И тогда, весной 1941 года, в Париже несколько дней велось совещание с французским генеральным штабом относительно подготовки к операциям, в которых должны были участвовать немецкие войска, находившиеся уже в Триполи.

НЕЛЬТЕ: Таким образом, нельзя установить мотивов этих планов?

КЕЙТЕЛЬ: Нельзя.

НЕЛЬТЕ: Но на совещании с Канарисом, видимо, обсуждался какой-то вопрос, приведший к этому недоразумению. Не можете ли Вы сказать, что именно могло вызвать это недоразумение?

КЕЙТЕЛЬ: Согласно очень подробным показаниям Лахузена во время его допроса, это может быть связано только с тем, что позднее во время доклада я спросил, как обстоит дело с Вейганом /так показал Лахузен/, и генерал Лахузен сделал вывод, что, очевидно, я спрашивал, как он здесь показал /он все время говорил - "в том смысле"/, - об устранении Вейгана.

На вопрос о том, что это значит, он ответил: "устранить" - это "убить"; только так можно объяснить все это. Я должен заметить, что Канарис часто присутствовал у меня на беседах один, иногда приводил с собой своих начальников отделов. Во время бесед наедине он совершенно открыто излагал свои взгляды. Если бы он меня неправильно понял, то мы с ним обсудили бы это. Однако, он мне ничего никогда не говорил.

НЕЛЬТЕ: Вы представляете себе, что, если вообще подумать об устранении Вейгана,—это, безусловно, было бы очень важным политическим актом?

КЕЙТЕЛЬ: Да, само собой разумеется. В тогдашнем содружестве фюрера Адольфа Гитлера и маршала Петена это было бы самым крупным политическим актом, который только можно себе представить.

НЕЛЬТЕ: Таким образом, Вы еще считаете, что если бы это произошло, то оно означало бы провал политики, которую преследовал Гитлер?

8122

H1196 – 0416

H1196 – 0417

КЕЙТЕЛЬ: Безусловно, с этим нужно было считаться.

НЕЛЬТЕ: Учитывая только большое значение личности генерала Вейгана?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

НЕЛЬТЕ: Вы можете дать какое-либо разъяснение или привести какое-либо обоснование тому, что то, что здесь вменяется Вам в вину и что, слава богу, никогда не было осуществлено, не соответствует действительности?

КЕЙТЕЛЬ: Хотя факт перевода генерала Вейгана в Германию в связи с оккупацией не-оккупированной части Южной Франции относится к более позднему времени, - я знаю от самого фюрера, что он отдал распоряжение об интернировании генерала в его собственном доме, не беспокоя его охраной, т.е. речь шла об аресте без лишения всех почестей, а не о военном плене. Это было в 1942 году.

НЕЛЬТЕ: Таким образом под присягой Вы отрицаете, что Вы когда-либо отдавали приказ или говорили что-либо такое, из чего можно было сделать заключение о Ваших намерениях или желаниях устранить генерала Вейгана?

КЕЙТЕЛЬ: Да, это я могу еще раз категорически подтвердить.

НЕЛЬТЕ: Здесь свидетель Лахузен говорил также о генерале Жиро и изобразил события так, как и в случае с Вейганом. В обоих случаях он не мог говорить это, т.е., что Вы отдали подобный приказ, на основании того, что он знал сам; он передавал лишь то, что слышал от Канариса, иллюстрируя это только более поздними запросами. Я прошу Вас остановиться на случае с Жиро, который в свое время, да и сейчас, привлекает общее внимание, и обрисовать его так, как Вы его знаете, а также сообщить о том, какое Вы принимали участие в разговорах, относившихся к Жиро.

КЕЙТЕЛЬ: Удавшийся побег генерала Жиро из крепости Кенигштейн, под Дрезденом, состоявшийся 19 апреля 1942 года, произвел исключительно большое впечатление и принес мне много тягчайших упреков в том, что этот генеральский лагерь, эта военная крепость плохо охранялась. Побег удался, несмотря на все усилия

схватить генерала на его пути во Францию, усилия как по линии полиции, так и по линии армии. Канарис получил от меня указание на тех участках границы, где ее можно было перейти во Францию и Эльзасс-Лотарингию, выставить усиленную охрану с тем, чтобы задержать бежавшего генерала. Полиция также принимала участие в этом мероприятии. Спустя 8-10 дней после побега стало известно, что генерал невредимым прибыл во Францию. В тот период, когда мы пытались поймать бежавшего генерала и когда я давал соответствующие распоряжения, очень может быть, как я говорил уже раньше при моем допросе, мной были произнесены слова: "мы должны поймать этого генерала живым или мертвым". Возможно, я это сказал. Но он уже убежал и был во Франции.

Вторая фаза. Старания имперского министра иностранных дел Риббентропа через посла Абеца побудить генерала добровольно вернуться в плен не казались безрезультатными или невозможными, так как генерал заявил, что он готов поехать в оккупированную область и вести переговоры по этому вопросу. Я считал вполне вероятным, что генерал так и сделает, принимая во внимание все уступки, которые мы делали маршалу Петену, и наше согласие отпустить французских генералов из плена. Встреча с генералом Жиро состоялась в оккупированной области, в штабе одного немецкого армейского корпуса. Начались переговоры относительно его возвращения. Главнокомандующий сообщил мне по телефону, что генерал находится в оккупированной области, в отеле, где живут немецкие офицеры.

Предложение главнокомандующего было таково: "Если генерал не вернется добровольно в плен, ничего не будет стоить арестовать его, и он просил моей санкции.

Я категорически отказал в этом ввиду того, что считал это нарушением доверия к нам, и так как генерал приехал для того, чтобы вести переговоры. Он вернулся невредимым без всяких затруднений обратно.

8124

H1196 – 0418

H1196 – 0419

Третья фаза: попытка, желание, каким-либо способом еще раз побудить генерала вернуться в плен, выявилось в том, что Канарис доложил мне, что семья генерала проживает в оккупированной немецкими войсками области и,само собой разумеется, генерал будет пытаться навестить ее, спустя некоторое время,когда наступит более спокойная обстановка. Канарис предложил во время приезда генерала к своей семье в оккупированную область при случае снова схватить его в плен, для чего заранее провести подготовительные мероприятия, которые он собирался организовать лично через свои парижские органы контрразведки и другие соответствующие органы.

В последующий период ничего не произошло и, естественно, что я неоднократно запрашивал, независимо от того, кто сопровождал Канариса, - Лахузен или кто-либо другой, - как же обстоит дело с Хиро. На эти запросы г-н Лахузен ответил: "Очень трудно, но мы сделаем все, что в наших силах". Канарис совсем не ответил на мой запрос, на что я только теперь обратил внимание, тогда я этого даже не заметил.

Третья фаза. Позднее.... должен ли я продолжать?

НЕЛЬТЕ: 4-ая стадия?

КЕЙТЕЛЬ: четвертая фаза наступила в результате того,что Гитлер сказал мне: "Все это ничего не стоит, не приведет ни к чему. Контрразведка не в состоянии проводить такие вещи. Я поручу это дело Гиммлеру, а контрразведка не должна больше вмешиваться в него. Ей никогда не поймать генерала". Адмирал Канарис, во всяком случае, в свое время тоже сказал, что он рассчитывает на то, что, если генерал Хиро прибудет в оккупированную область, он предпримет необходимые меры для его ареста, что французская тайная полиция уже провела соответствующие мероприятия; что, может быть, дойдет до столкновения, так как знали, что генерал очень воинственный солдат. Если в 60-летнем возрасте он бежал из крепости Кёнигштейн,спустившись на веревке

8125

H1196 – 0420

по скалистой стене, длиной в 45 метров...

Пятая стадия. По показаниям Лахузена в Берлине Канарис выразил пожелание перепоручить это дело гестапо, /как утверждает Лахузен, это делалось по представлению начальников отделов/, т.к. я снова спросил его относительно генерала Жиро, а ему хотелось отделаться от этого щекотливого поручения. Канарис был у меня и спрашивал, можно ли передать дело полиции или управлению безопасности. Я ответил ему утвердительно потому, что фюрер неоднократно говорил мне, что он передаст это Гиммлеру.

Следующая стадия. Спустя некоторое время я хотел предостеречь Канариса, но ко мне пришел Гиммлер и подтвердил, что у него есть приказ Гитлера о взятии Жиро и его семьи под негласный надзор и что я должен предупредить Канариса, чтобы он больше не занимался этим вопросом, так как он, Гиммлер, имеет сведения, что Канарис выполняет такое же поручение. Я тотчас же согласился. Затем следует та стадия, на которой подробно остановился г-н Лахузен: я осведомлялся о "Густаве" и тому подобном. Я собирался немедленно дать указание Канарису о том, чтобы он прекратил свою деятельность в этой области, после того, как имелся приказ Гитлера. То, что, согласно показаниям Лахузена, затем происходило в Париже, т.е. что искали отговорок, что все дело рассматривали ~~звучит~~ как-то мистически, что слово "Густав" стало применяться как условное название Жиро /Жиро пишется .Giraud....., т.е., начинается с буквы "Г" -прим.перев./ и т.п., все это более фантазия чем действительность.

Я немедленно вызвал к себе Канариса, так как он находился не в Берлине, а в Париже. Он ничего не сделал, с самого начала вообще ничего не делал в этом отношении. Поэтому он очутился передо мной в очень неловком положении, так как он обманул меня. Когда он явился ко мне, я сказал ему лишь: "Вы не должны больше заниматься этим вопросом, больше не касайтесь его". Нае

Наступила следующая стадия. Без всяких трудностей удавшийся побег генерала на самолете в Северную Африку, о котором нам внезапно сообщили, по-моему мнению, это происходило перед окку-

8126

пацией Северной Африки англо-американскими войсками. Тем дело окончилось. Ни контрразведка, которая должна была бы наблюдать, ни органы полиции к делу еще не приступали. Я никогда не произносил слов о том, что генерала нужно устранить. Никогда!

Последняя стадия во всем этом звучит несколько похожей на сказку, но тем не менее это правда. Она состоит в следующем: примерно, в феврале или в марте месяце 1944 г. генерал послал из Северной Африки в Южную Францию, в район Лиона, самолет со своим офицером связи, который явился в органы контрразведки заграницей и поставил вопрос о том, не мог бы вернуться генерал во Францию и что будет с ним, если он высадится во Франции. Этот вопрос задали мне. Генерал-полковник Йодль, свидетель тому, что это было именно так. При этом присутствовал начальник информационной службы. Ответом было: "С ним будут обращаться так же, как с генералом Вейганом, который находится уже в Германии. Несомненно, что фюрер будет согласен с этим". Больше ничего не происходило, и я больше ничего об этом не знал. Но этот случай действительно имел место.

Я должен задать еще несколько вопросов.

НЕЛЬТЕ: Французское обвинение говорило, что на одной из последних стадий семья генерала Жиро подвергалась каким-то притеснениям и имела солидные неприятности. Причиняли Вы какие-либо трудности семье Жиро, которая находилась в оккупированной части Франции? Давали Вы какие-либо распоряжения, которые привели бы к ухудшению условий жизни этой семьи, ставили ее в неблагоприятное положение, или что-либо подобное?

КЕЙТЕЛЬ: Нет. Я предусмотрел лишь негласный надзор за тем местом, где тогда жила семья, чтобы в случае его приезда, я мог ~~бы~~ узнать об этом. В отношении самой семьи никогда ничего не предпринималось. Да это было бы и глупо.

НЕЛЬТЕ: С Вашей стороны?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

НЕЛЬТЕ: Чтобы уточнить этот вопрос, скажите, Вы не знали о более поздних событиях?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, ничего. 8127

H1196-0421

H1196 – 0422

НЕЛЬТЕ: Генерал Хьпро еще жив, и, напоминая Вам о данной Вами присяге, я хочу еще раз спросить - можете Вы подтвердить, что Вы никогда не давали никакого приказа или распоряжения, которые могли бы быть истолкованы так, что генерал Хьпро должен быть убит?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, такого приказа я никогда не давал, если только слова, "Мы должны его поймать живым или мертвым" имеют в одном отношении какой-нибудь вес. Я никогда не давал распоряжения устранить генерала, или убить его, или еще что-либо подобное, никогда.

НЕЛЬТЕ: Я закончил допрос подсудимого Кейтеля. Я хотел лишь просить Вас разрешить мне представить последний аффидевит, находящийся в книге документов № 2, док.№ 6. Разрешите передать этот документ в качестве доказательства,- это в книге документов, стр.51.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы разве не представляли это вчера за номером К-12?

НЕЛЬТЕ: Я сегодня представил документ К-13... Нет, этот документ еще не предъявлялся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где находится аффидевит, который Вы хотите сейчас представить и каким числом он датирован?

НЕЛЬТЕ: На стр.51 и следующая. Датировано 9 марта 1946 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, я нашел.

НЕЛЬТЕ: Эти показания даны генерал-полковником Йодлем под присягой. Я прошу, когда он сам будет выступать в качестве свидетеля, задать ему по этому поводу вопросы и предъявить ему этот документ, чтобы он подтвердил его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Очень хорошо.

ДОДД: С разрешения Трибунала мы ознакомились с так называемым допросом генерала фон Фалькенхорст, о котором вчера говорил д-р Нельте. Насколько мы смогли установить, этот документ не был представлен в качестве доказательства никем из членов обвинения. Он был упомянут г-ном Дюбост, и имея ввиду, что он был включен в судебные выдержки г-на Дюбоста. Я не ссылался на него и не предъявлял его в качестве документального доказательства. Вот каким образом он попал в руки д-ра Нельте, но он не был предоставлен в качестве доказательства. 8128

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Нельте, желаете ли Вы предоставить это сейчас в качестве документального доказательства?

НЕЛЬТЕ: Я прошу приобщить его к делу в качестве документа под № К-14.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеется ли это в серии документов ПС или документ имеет какой-либо другой номер?

НЕЛЬТЕ: Нет, у него нет другого номера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Благодарю Вас. Кто еще из защитников хочет задать вопросы?

/К микрофону подходит доктор Штамер/.

ШТАМЕР /защитник подсудимого Геринга/: Господин свидетель, после того,как Вы, поправляя Ваши прежние показания, в ответ на вопрос Вашего защитника заявили, что рейхсмаршал Геринг не присутствовал на обуждении обстановки, когда Гитлер распорядился, что летники, бежавшие из лагеря Заган, после их поимки, останутся в распоряжении полиции, и после того, как Вы утверждали, что никакого обсуждения этого вопроса с рехсмаршалом Герингом в Берлине не было, я хотел бы спросить Вас следующее:

Через несколько недель после побега, получали Вы из штаба ВВС, точнее от генерал-квартирмейстера, отношение, в котором говорилось, что командование военно-воздушних сил намерено передать свои лагери военнопленных в распоряжение ОКВ? Так ли это?

КЕЙТЕЛЬ: Да, это верно. Такое отношение я получал, и, доложив о нем Гитлеру, отклонил содержащееся в нем предложение.

ШТАМЕР: У меня больше нет вопросов.

/К микрофону подходит доктор Зайдель, защитник подсудимого Франка/.

ЗАЙДЕЛЬ: Господин свидетель, в начале войны подсудимый доктор Франк был лейтенантом 9-го пехотного полка. Правильно это?

КЕЙТЕЛЬ: Это правильно.

ЗАЙДЕЛЬ: Не припомните ли Вы, что в 1942 г. Вы получили письмо тогдашнего генерал-губернатора Польши доктора Франка, в котором он просил Вас, чтобы его снова призвали в армию? Целью

8129

H1196 – 0423

H1196 – 0424

этого письма было, естественно, освободиться от своих обязанностей генерал-губернатора. Это правильно?

КЕЙТЕЛЬ: Да, такое письмо я получил. Я доложил о нем Фюреру, но он, махнув рукой, сказал: "Об этом не может быть и речи". Это я сообщил генерал-губернатору Франку через офицера, который находился при нем.

ЗЕЙДЛЬ: Это все.

/К микрофону подходит доктор Дикс, защитник подсудимого Шахта/.

ДИКС: Милорд, сейчас без трех минут час. У меня небольшой вопрос, однако, он займет времени несколько больше, чем до часу. Не лучше ли сейчас сделать перерыв, а вечернее заседание начнем с моих вопросов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Объявляется перерыв до I4 часов.

/Объявляется перерыв до I4.00/.

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 5 апреля 1946 года

/Вечернее заседание/.

Встать ! Суд идет !

ДИКС /защитник подсудимого Шахта/: Господа судьи, этот свидетель компетентен и может сообщить сведения относительно расходов империи на вооружение. Но свидетель не может знать этих цифр наизусть. Мой созащитник профессор Краус в то время, когда я отсутствовал , был столь любезен, что обсудил эти цифры со свидетелем и изложил их в письменном виде. Этот письменный документ тогда, во избежание всяких недоразумений, был подписан свидетелем. Для того, чтобы освежить эти цифры в его памяти я прошу разрешения представить свидетелю этот подписанный им документ. Я заготовил переводы этого документа на все три языка и передаю Суду 8 экземпляров. Кроме того, я располагаю 4 экземплярами для 4-х делегаций обвинения и немецкими экземплярами, предназначенными для господ защитников Кейтеля, Иодля, Редера, Деница и ОКВ. Я прошу минуту подождать, чтобы свидетель мог спокойно прочесть этот документ. /Обращаясь к свидетелю/. Господин свидетель, просмотрите только первый столбец с заголовком "Общие итоги расходов". Во втором и третьем столбце указано раздельно распределение этих сумм между рейхсбанком, с одной стороны, и другими учреждениями - с другой. Это цифры, которые я установил при допросе Шахта, так как это вычисления Шахта и данный свидетель не может дать сведения об этих цифрах.

Итак, разрешите мне спросить Вас относительно этих общих итогов расходов империи на вооружение с 1935 бюджетного года. /Бюджетный год считается с 1 апреля до 31 марта/. Здесь указано: пять миллиардов в 1935 г.; 7 миллиардов в 1936г.; 9 миллиар-

H1196 – 0425

H1196 – 0426

дов в 1937г.; 11 миллиардов в 1938г.; 20 с половиной миллиардов в 1939г. Являются ли эти цифры правильными?

КЕЙТЕЛЬ: По моему убеждению, эти цифры правильны. Разрешите мне добавить, что я также имел возможность в первые дни своего ареста говорить с имперским министром финансов относительно этих цифр и установить тождественность наших взглядов.

ДИКС: Теперь еще один вопрос - о состоянии вооружения империи на 1 апреля 1938г.

Верно ли, что тогда существовали: 24 пехотных дивизии, 1 бронетанковая дивизия, 1 горно-стрелковая, 1 кавалерийская и ни одной механизированной дивизии, и что затем в состоянии формирования находились: 10 пехотных и 1 бронетанковая дивизии. Я разрешу себе еще заметить, что из трех дивизий резерва на 1 апреля 1938 года не было сформировано ни одной и что формировались 7-8 дивизий, которые должны были быть готовы к 1 октября 1938 года?

КЕЙТЕЛЬ: Я считаю указанные цифры правильными и вследствие этого я подтвердил их в этом аффидевиде.

ДИКС: Я хотел бы задать этому свидетелю еще два вопроса, которые еще не обсуждались, и относительно которых я не знаю, помнит ли он наизусть требуемые цифры. Я предполагаю, что Трибунал интересует соотношение сил между империей, с одной стороны, и Чехословакией, с другой стороны, ко времени вступления Гитлера в Чехословакию, т.е. соотношение сил: а/ в области военной и б/ в области гражданской.

КЕЙТЕЛЬ: Этих точных цифр я не помню. На предварительном допросе меня уже спрашивали об этом. Я думаю, что

я назову верные цифры, если я укажу, что осенью 1938 года в цифрах, соединений, дивизий...

ДИКС: Я имел в виду момент вступления Гитлера в Чехословакию, весну 1939г.?

КЕЙТЕЛЬ: Это было в том же мобилизационном году, т.е. тогда у нас в численном отношении было меньше дивизий, чем в распоряжении Чехословакии. Осенью 1938 года, мне кажется, было одинаковое количество соединений дивизий, а весной 1939г., при вступлении в Чехословакию, силы, которые были использованы, были меньшими, чем те, которые держались наготове осенью 1938 г. Точные цифры, если они предстаавляют интерес для Суда, целесообразнее узнать у генерала Йодля.

ДИКС: О количестве дивизий, которое имелось в распоряжении Чехословакии в марте 1938 года, вы ничего не можете сказать?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, об этом у меня нет точных сведений.

ДИКС: Тогда этот вопрос я позже, при случае, задам Йодлю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Быть может, вы предоставите этот документ в качестве доказательства тогда, когда Шахт будет давать показания. Вы намерены это сделать?

ДИКС: Я предоставлю это еще как документ доказательства, он будет включен в мою книгу документов. Сейчас не обязательно, чтобы господа сохранили его, т.к. при допросе Шахта я вернусь к нему и Вы найдете его в моей книге документов. Но я прошу, чтобы тот экземпляр, который я передал свидетелю, был включен в протокол. Будет очень целесообразно, если эта запись будет частью протокола.

H1196 - 0427

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если это вы хотите,- чтобы он вошел в протокол, лучше дать сейчас номер этому документу: лучше, если он будет иметь № С-1.

ДИКС: Милорд, разрешите мне предложить обозначить его К-1.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

ШТАМЕР /вместо адвоката Сервациуса, защитника Заукеля/: Господин свидетель, 4 января 1944 г. состоялось совещание у фюрера с Заукелем по вопросу о выявлении рабочей силы. Вы присутствовали на этом совещании?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

ШТАМЕР: Сказал ли Заукель при этом, что то число рабочих, которое было затребовано потребителями, не могли быть предоставлено?

КЕЙТЕЛЬ: Да, это он подробно разъяснил и также обосновал.

ШТАМЕР: Какие причины были приведены при этом?

КЕЙТЕЛЬ: Он доложил о больших трудностях, которые имеются в тех областях, в которых он должен мобилизовать или рекрутировать рабочую силу, о сильной бандитской и партизанской деятельности в этих районах, о больших затруднениях при получении необходимых полицейских сил для обеспечения безопасности и о аналогичных проблемах. Подробностей я уже не помню.

ШТАМЕР: У меня больше вопросов нет.

КРАНЦБЮЛЕР /защитник подсудимого гросс-адмирала Деница/: Фельдмаршал, вы были руководителем германской делегации, которая подписала капитуляцию, положившую конец войне в Европе?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

КРАНЦБЮЛЕР: Когда и где это было?

H1196 – 0428

H1196 – 0429

КЕЙТЕЛЬ: В Берлине 8 мая или в ночь с 8 на 9 мая 1945 года.

КРАНЦБЮЛЕР: От Вас потребовали полномочий, которые давали Вам право быть руководителем делегации для ведения переговоров о капитуляции?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я взял с собой в Берлин документ, удостоверяющий мои полномочия. Этот документ был составлен гросс-адмиралом Деницем, как главой государства и верховным командующим вооруженных сил,и там было в краткой форме сказано, что он дает мне полномочия и поручает мне вести переговоры и подписать капитуляцию.

КРАНЦБЮЛЕР: Эти полномочия проверялись и были признаны союзниками?

КЕЙТЕЛЬ: 8 мая, вечером, от меня потребовали эти полномочия, они, повидимому, были затем проверены и через несколько часов были возвращены мне высоким офицером Красной Армии со словами, что эти полномочия я должен предъявить при подписании.

КРАНЦБЮЛЕР: Вы предъявили эти полномочия?

КЕЙТЕЛЬ: Эти полномочия при подписании капитуляции были у меня и я приложил их к делам.

Профессор ЯРРАЙС /защитник подсудимого Иодля/: Господин свидетель, вы во время вашего допроса дали сведения об организации ОКВ. Эта организация основывалась на указе фюрера и рейхсканцлера от 4 февраля 1938 года и в этом указе ОКВ называлось военным штабом высшего командующего вооруженными силами. Значит Вы сами, в соответствии с этим, были начальником штаба. Однако, обвинение неоднократно называло Иодля начальником вашего штаба. Правильно это?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, генерал Йодль никогда не был начальником моего штаба, он был начальником штаба оперативного руководства вооруженных сил, то-есть одним из начальников управлений ОКВ, как я уже говорил, хотя и главным среди них.

Профессор ЯРРАЙС: Это значит, что он был начальником нескольких параллельных и координирующих свою работу управлений?

КЕЙТЕЛЬ: У меня никогда не было никакого начальника штаба.

Профессор ЯРРАЙС: Здесь упоминалось о переговорах между Гитлером и Шушниггом в Оберзальцберге 12 февраля 1938 г. Вы помните? В связи с этими переговорами Трибуналу была предъявлена запись Йодля в дневнике. Разве Йодль присутствовал на этом совещании?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, он не присутствовал и его сведения основываются на описанном мною совещании, которое состоялось с моим участием, с участием его и Канариса по вопросу о сообщениях, которые нужно было обсудить в связи с известными военными приготовлениями через несколько дней после встречи с Шушниггом. Таким образом, эти впечатления, вынесенные генералом Йодлем из моего изложения событий.

Профессор ЯРРАЙС: В приготовлениях по разрешению чехословацко-немецкого вопроса, судетского вопроса играл роль инцидент, который был, якобы, спровоцирован. Давали ли Вы "2-му отделу контрразведки", подчинявшемуся Канарису, поручение организовать инцидент в Чехословакии или на границе с Чехословакией.

КЕЙТЕЛЬ: Нет, такие поручения никогда не давались отделу контрразведки, во всяком случае я их не давал.

Профессор ЯРРАЙС: После Мюнхена, следовательно, в октябре 1938 года, господин фельдмаршал, тогдашний начальник отдела обороны страны, т.е. подсудимый Йодль, ушел с своего поста.

8136

H1196 – 0430

H1196 – 0431

Он был переведен в Вену. Кто был его преемником?

— КЕЙТЕЛЬ: Йодль был послан на фронт, стал начальником артиллерии одной дивизии в Вене, а его преемником был Варлимонт, тогда полковник Варлимонт.

ПРОФЕССОР ЯРРАЙС: Следовательно преемником?

КЕЙТЕЛЬ: Так точно.

ПРОФЕССОР ЯРРАЙС: ...если я Вас верно понял, то это значит, что Йодль был не просто в отпуску, а он ушел с этого поста?

КЕЙТЕЛЬ: Йодль ушел из ОКВ и стал войсковым офицером в дивизии и Варлимонт был не заместителем, а преемником на этом посту.

ПРОФЕССОР ЯРРАЙС: Да, однако, Обвинение заявило, что на том знаменитом совещании 23 мая 1938 года, нет 1939г., господин Варлимонт присутствовал как более поздний заместитель Йодля. Имел ли Йодль какое-либо отношение к этому совещанию?

КЕЙТЕЛЬ: Никакого, он тогда был фронтовым офицером и военным начальником в Вене.

ПРОФЕССОР ЯРРАЙС: Почему Вы предложили назначить Йодля начальником штаба оперативного руководства вооруженных сил?

КЕЙТЕЛЬ: Это было результатом сотрудничества в период с 1935г. по 1938г. Я считал, что нельзя было найти более подходящего человека для этого поста.

ПРОФЕССОР ЯРРАЙС: Как рисовал себе Йодль свою военную карьеру после того, как он перестал бы быть начальником артиллерии в Вене или Вроне?

КЕЙТЕЛЬ: Мне была известная его страсть, я знал его желание стать командиром горно-стрелковой дивизии. Об этом он мне часто говорил.

ПРОФЕССОР ЯРРАЙС: Были ли шанс получить такой пост?

КЕЙТЕЛЬ: Да об этом я просил главнокомандующего сухопутными силами, и я припоминаю также, что летом 1939 года я

писал ему, что его желание, стать командиром горно-стрелковой дивизии в Рейхенхалле, будет выполнено. Я был рад, что мог сообщить ему это.

ПРОФЕССОР ЯРРАЙС: Решение зависело от Вас или от ОКХ?

КЕЙТЕЛЬ: Я просил об этом главнокомандующего сухопутными силами и он так распорядился.

ЯРРАЙС: И если я Вас верно понимаю, Вы сами сообщили об этом Йодлю?

КЕЙТЕЛЬ: Я написал ему письмо, так как я знал, что тем самым я доставлю ему большую радость.

ЯРРАЙС: Разрешите спросить Вас, фельдмаршал, была ли у Вас регулярная переписка с Йодлем?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, мне кажется, что это было единственное письмо, которое я написал ему в тот год.

ЯРРАЙС: Я спрашиваю об этом с определенной целью. Итак, Йодль ушел из ОКВ. Он знал, что в случае необходимости он будет начальником так называемого штаба оперативного руководства, то-есть он все-таки получит довольно важный пост. Затем он отправляется на фронт, как Вы говорите. Можно полагать, что тогда он получал от Вас не только личные письма, а постоянно информировался Вами о всех событиях?

КЕЙТЕЛЬ: Я этого не делал, и, по моему личному восприятию, каждый офицер генерального штаба, уезжавший на фронт, был доволен, если ему не надоедали такими вещами.

ЯРРАЙС: Да, но судьба не дарует всего того, что необходимо для счастья человека. Возможно, что по служебной линии было дано поручение, гласившее: проинформируйте данного господина?

КЕЙТЕЛЬ: Я этого определенно не делал. И я не думаю, что это имело место. Но я не знаю, может быть кто-либо и попытался сделать это.

8138

H1196 – 0432

H1196 – 0433

ЯРРАЙС: В то время, когда Йодль был в Вене или в Вене, то-есть отсутствовал в Берлине, ездил ли он часто в Берлин, чтобы получать там информацию?

КЕЙТЕЛЬ: Я его не видел, он у меня не был. Я считаю это маловероятным. Иначе он посетил бы меня.

ЯРРАЙС: Тогда я должен это истолковать таким образом, что незадолго до начала войны, когда он был вызван телеграммой в Берлин, он должен был сначала получить информацию о том, что вообще происходило?

КЕЙТЕЛЬ: Так точно, наша первая встреча заключалась именно в этом.

ЯРРАЙС: Вы ввели его в курс дела?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

ЯРРАЙС: Теперь о другом, господин фельдмаршал, Вы вспоминаете несколько бурное утро в рейхсканцелярии после путча Симовича, т.е. 27 марта 1941 г.

КЕЙТЕЛЬ: Да, в Югославии.

ЯРРАЙС: Думая о политике и истории войн последних 200 лет в Европе, спрашиваешь себя, неужели тогда на совещании в имперской канцелярии не нашлось никого, кто бы сказал, что вместо того, чтобы сейчас же выступать, не следует ли на всякий случай придвинуть войска к границам государства, позиция которого была полностью неясна, и затем с помощью ультиматума выяснить положение?

КЕЙТЕЛЬ: Да, при всем запутанном тревожном положении, которое было в то утром, насколько мне известно, именно Йодль лично во время дебатов сделал предложение: подвести войска и поставить ультиматум. Так оно приблизительно гласило.

ЯРРАЙС: Если я правильно информирован, то в октябре 1941 года Вы инспектировали или просто посетили группу армий Норд на востоке? Верно это?

КЕЙТЕЛЬ: Да, осенью 1941 г. я неоднократно летал на самолете в расположение армий группы "Норд" /"Север"/, чтобы получать там информацию от фюрера.

ЯРРАЙС: Группой армий "Норд" /"Север"/ командовал фельдмаршал Лееб?

КЕЙТЕЛЬ: Да, фон Лееб командовал группой армий "Норд" /"Север"/.

ЯРРАЙС: Говорил ли Вам фон Лееб об особых заботах, которые у него были тогда?

КЕЙТЕЛЬ: Я думаю, что это было мое последнее или предпоследнее посещение фон Леeба, когда большую роль играл вопрос о капитуляции и населении Ленинграда, доставлявший ему много забот. Уже были установлены определенные признаки рассеивания населения города в зоне действий группы армий. Я вспоминаю, что он тогда просил меня все-таки предложить фюреру /так как он никак не мог принять в зону операций его группы армий миллион человек населения/, чтобы в восточном направлении, т.е. к русским, устроить своего рода шлюзы, чтобы пропустить через них население. Я тогда доложил об этом фюреру.

ЯРРАЙС: Уходило ли население в другом направлении?

КЕЙТЕЛЬ: Особенно на юг, в лесные районы на юг. Тогда, по словам фон Леeба, наблюдалось опеределенное стремление населения просочиться через линию фронта.

ЯРРАЙС: И это препятствовало ведению боевых действий?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

ЯРРАЙС: Господин фельдмаршал, Вы, после того, как сегодня утром об этом шла речь, припоминаете приказ фюрера, как верховного главнокомандующего, о командос от 18 октября 1942 года, следовательно документ ПС-498, который был здесь предъявлен. То, что будет издан приказ подобно-

H1196 – 0434

H1196 -0435

го рода, было уже заранее объявлено общественно. Известно Вам это?

КЕЙТЕЛЬ: Да. В ежедневной военной сводке верховного командования появился соответствующий параграф.

ЯРРАЙС: Речь идет о сводке верховного командования от 7 сентября 1942г. После обычных сообщений там сказано о том, что произошло: "Главное командование вооруженных сил считает себя вынужденным издать следующий приказ". Затем идет первый пункт, не представляющий тут интереса, а потом в качестве второго пункта имеется следующее предложение: "В будущем все диверсионные и террористические отряды британцев и их помощники, которые ведут себя не как солдаты, а как бандиты, будут подвергаться со стороны немецких войск соответствующему обращению. Они будут беспощадно уничтожаться в борьбе, где бы они не появились".

Фельдмаршал, кто автор этих слов?

КЕЙТЕЛЬ: Лично фюрер. Я присутствовал, когда он продиктовал их и проверил.

/К микрофону подходит защитник Латернзер/.

ЛАТЕРНЗЕР /защитник генерального штаба и ОКВ/: Господин свидетель, я хотел бы начать с того пункта, на котором кончил профессор Яррайс. Речь шла о приказе о командос, о документе ПС-498. В этом приказе, в пункте 6, Гитлер угрожал, что он будет привлекать к военному суду всех командиров, если они не будут выполнять этого приказа. Знаете ли Вы соображения, которые побудили фюрера включить этот параграф в приказ?

КЕЙТЕЛЬ: Да, они, собственно, довольно ясны, а именно, этот параграф соответствует тому требованию, чтобы приказ действительно был проведен в жизнь, так как генералами и всеми теми, кто должен был его исполнять, он рассматривался, не-

сомненно, как очень суровый, чтобы тем самым придать вес этому приказу и угрожал наказанием, чтобы было можно добиться выполнения его.

ЛАТЕРНЗЕР: Я хотел бы Вам поставить несколько вопросов, которые касаются характера так называемой группы ОКВ и генштаба. Что Вы понимаете под германским генеральным штабом?

КЕЙТЕЛЬ: Под генеральным штабом я понимаю тех офицеров, которые, имея особое образование, могут быть помощниками высшего военного руководства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Латернзер. Подсудимый уже потратил очень много времени на объяснение разницы между ОКВ и штабами различных округов, и обвинение уже имеет конкретное и ясное представление о том, чем является эта группа, которую они просят Трибунал объявить преступной. И поэтому, я не понимаю, какое отношение к делу могут иметь дополнительные объяснения по этому вопросу? Что Вы пытаетесь доказать, задавая вопрос о том, что он понимает под генеральным штабом?

ЛАТЕРНЗЕР: Этот вопрос имеет чисто подготовительный характер. Вслед за этим вопросом я хотел задать другой вопрос, и затем, на основании ответа на вопрос, доказать, что данная группа обвиняется под неверным названием.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не понимаю, какое значение имеет неправильное название, если группа достаточно точно определена. Во всяком случае, подсудимый уже сказал нам, что он понимает под словом - "генеральный штаб". /Пауза/.

Можете задать Ваш второй вопрос.

8142

H1196 - 0436

H1196 – 0437

ЛАТЕРНЗЕР: Господин свидетель, считаете ли Вы не вводящим в заблуждение и правильным то, каким образом высшие военные руководители объединены в так называемую группу и то, что эта группа обозначается как генеральный штаб и ОКВ?

КЕЙТЕЛЬ: По нашим военным германским понятиям это обозначение ошибочно и именно потому, что для нас генеральный штаб всегда представляет собой лишь вспомогательный аппарат, тогда как командующие армиями, группами армий, корпусов представляют собой корпус командиров.

ЛАТЕРНЗЕР: Военная иерархия уже достаточно обсуждалась на этом процессе. Я хотел бы узнать от Вас лишь следующее: соотношение этих ступеней было ли соотношением военного подчинения, или, кроме того, в этих инстанциях имелась другая организация, которая выходила за рамки чисто солдатского долга?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, генштаб, т.е. офицера генштаба, как помощников командующих можно было с внешней стороны узнать по форме. Командиры, так называемые командующие на своих постах не были ни косвенно связаны друг с другом, ни рамками какого-либо организационного учреждения.

ЛАТЕРНЗЕР: Вчера Вам был предъявлен аффидевит, составленный генерал-полковником Гальдером. Я хотел бы обратить внимание лишь на последнюю фразу этого аффидевита. Я зачитываю Вам это предложение: "Это был фактически генштаб и высшее руководство вооруженных сил". Верно ли данное показание в этом предложении или не верно?

КЕЙТЕЛЬ: Я понимаю его так, что Гальдер хотел этим сказать, что те немногие офицеры на постах в генштабе были теми, кто, собственно, занимался основной работой в генштабе сухопутных сил, тогда как остальные, более сотни офицеров

генштаба, не участвовали в работе ОКХ. Я думаю, что он именно это хочет выразить своей фразой, т.е. он имел в виду небольшую группу, которая занималась этими проблемами.

ЛАТЕРНЗЕР: Знаете ли Вы какой-либо случай, когда Гитлер спрашивал совета у военного руководителя по политическому вопросу?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, такого случая не было.

ЛАТЕРНЗЕР: Как я могу ~~понять~~ полагать, вы обычно присутствовали на совещаниях у Гитлера, на которых обсуждалась обстановка. Можете ли Вы сказать что-нибудь о возражениях, с которыми успешно или безуспешно выступали приехавшие с фронта и присутствовавшие при этом командующие?

КЕЙТЕЛЬ: Как правило, это происходило таким образом, что фронтовые командующие присутствовали как немые слушатели на общем совещании по вопросу об обстановке и, смотря по обстоятельствам, лишь в заключение данный командующий делал особый доклад Гитлеру о своем участке работы, а затем, как мне кажется, об этом уже говорил Кессельринг, имелась возможность лично обмениваться мнениями друг с другом и высказывать свою точку зрения. А вообще при других обстоятельствах никто не смел сказать ни слова об этих вещах.

ЛАТЕРНЗЕР: Были ли Вы когда-либо очевидцем особо энергичных протестов кого-либо из командующих перед Гитлером?

КЕЙТЕЛЬ: На совещании об обстановке?

ЛАТЕРНЗЕР: Нет, также и в других случаях.

КЕЙТЕЛЬ: Я, конечно, не присутствовал на каждом совещании, которое было у Гитлера с высшими и высокими начальниками в его кабинете. Мне не известны такие случаи. Те случаи, которые играли роль в этой войне, сопротивление генералитета

H1196-0438

H1196 – 0439

по вопросу о Западе, перед началом войны я думаю уже достаточно здесь обрисовали. Я понял Ваш вопрос таким образом, что я должен был ответить, какие случаи мне известны помимо вышеупомянутого.

ЛАТЕРНЗЕР: Так точно.

КЕЙТЕЛЬ: Все остальное я уже изложил и я должен еще раз подчеркнуть, что главнокомандующий сухопутными силами тогда дошел до границы того, что вообще можно было оправдать в военном отношении.

ЛАТЕРНЗЕР: Каково было отношение Гитлера к генштабу сухопутных сил?

КЕЙТЕЛЬ: Оно было не очень хорошим. Можно даже сказать, что он внутренне испытывал предубеждение к генштабу, он считал, что генштаб превышает свои обязанности. Я думаю, этого достаточно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал однажды уже все это слушал, даже, возможно, не однажды, а много раз.

ЛАТЕРЗНЕР: Г-н председатель, я не думаю, чтобы свидетеля уже спрашивали об этом. Насколько я припоминаю, этот свидетель по данному вопросу еще не допрашивался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что его уже допрашивали по этому поводу.

ЛАТЕРНЗЕР: Я обратил бы на этот пункт особое внимание. И я вычеркнул бы вопрос, если- бы он был бы уже задан этому свидетелб кем-нибудь, выступавшим до меня. Гитлер, вследствие ходатайства об отставке нескольких или одного командующего на фронте, согласился бы на то, чтобы отменить уже изданный приказ?

8145

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Латернзер, почти все офицеры, которые давали показания Трибуналу, говорили об этом, во всяком случае, многие из них.

ЛАТЕРНЗЕР: Г-н председатель, это возражение относится к поставленному мной сейчас вопросу?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почти все офицеры, которые давали показания в этом Суде, говорили, что не было возможности подать в отставку. Вы об этом спрашиваете? Не так ли?

ЛАТЕРНЗЕР: Я охотно откажусь от этого вопроса, если я смогу из этого заключить, что Суд признает правильность того, что я хочу доказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал считает, что это повторяющееся показание. Вопрос о том, верят ли они этому или нет - это другой вопрос.

ЛАТЕРНЗЕР: Г-н председатель, я прошу разрешить мне еще сказать кое-что по этому вопросу. Я не считаю, что его можно рассматривать, как кумулятивный вопрос, ибо, как уже говорил мой коллега д-р Дикс, один и тот же вопрос, заданный различным свидетелям, в зависимости от обстоятельств является уже другим вопросом, во всяком случае я желаю знать субъективное мнение именно этого свидетеля и именно по этому вопросу. Но я отказываюсь от этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У Вас еще есть какие-либо другие вопросы?

ЛАТЕРНЗЕР: Да, у меня есть еще несколько вопросов.

Г-н свидетель, насколько главная ставка фюрера во время войны была защищена от военных нападений?

8146

H1196 – 0440

H1196 – 0441

КЕЙТЕЛЬ. При ней имелись особая армейская караульная команда и, кажется, рота войск СС. Были приняты очень детальные меры безопасности материального и иного охранного характера, сооружены заборы, препятствия и т.д. Она была хорошо защищена против всякого нападения.

ЛАТЕРНЗЕР. Имелось несколько зон?

КЕЙТЕЛЬ. Да, была внутренняя зона и внешняя зона и еще различные помещения, которые снова разграничивались друг от друга.

ЛАТЕРНЗЕР. Да. Вы уже показали, что главнокомандующие группами армий и командующие армиями на востоке за пределами их района операций не имели никаких полномочий. Имелась ли тенденция создавать возможно меньшие или большие оперативные районы армий?

КЕЙТЕЛЬ. Первоначально была тенденция иметь возможно большие районы операций, чтобы располагать возможностью свободы передвижения в тылу армии и групп армий. Только фюрер затем с помощью очень энергичных средств повлиял на ограничение этих зон операции, т.е. сделал их возможно более незначительными по размерам.

ЛАТЕРНЗЕР. По какой причине?

КЕЙТЕЛЬ. Чтобы отстранить военных, как он говорил, от административных задач и заставить их отказаться от той основательности, с которой они создавали свои учреждения.

ЛАТЕРНЗЕР. Вы говорили во время Вашего допроса о соединениях войск СС, которые тактически, т.е. на случай боев подчинялись армии. Я хотел бы это особо выяснить, так как, по моему мнению, здесь все еще господствует неясность: имели ли оперативные группы СС какое-либо отношение к соединениям войск СС, которые подчинялись

армейским соединениям для выполнения тактических задач?

КЕЙТЕЛЬ. Нет. Соединения войск СС в размере дивизий, как таковые, включались в армейские соединения и не имели никакого отношения к другим делам, это были просто части сухопутных сил.

ЛАТЕРНЗЕР. Мог ли командующий наказать какого-либо эсэсовца за какое-нибудь преступление.

КЕЙТЕЛЬ. При поимке с поличным, я думаю, ни один командующий не побоялся бы это сделать. В остальном дисциплинарные вопросы и юрисдикция были сосредоточены в руках ~~главного~~ рейхсфюрера СС Гиммлера, а не главнокомандующего сухопутных сил.

ЛАТЕРНЗЕР. Должны ли были органы оперативных групп СД информировать командующих армиями о том, что они делали по поручению Гиммлера.

КЕЙТЕЛЬ. Вопрос очень подробно обсуждался здесь свидетелем Олендорфом, а я не осведомлен о связях, существовавших между командующими и оперативными группами и оперативными командами. Я не имел к этому отношения и не принимал участия в этом.

ЛАТЕРНЗЕР. Учитывая, что вы знаете общий порядок, я хотел бы узнать от вас, были ли органы СД или оперативные группы обязаны давать сведения тем военным начальникам, в тылу которых они работали.

КЕЙТЕЛЬ. Я этого не думаю, я не знаю соответствующих приказов , я не видел их.

ЛАТЕРНЗЕР. Знали ли вы о том, что высшие военные командиры когда-либо информировались о намерениях Гитлера или Гиммлера уничтожить евреев?

8148

H1196 – 0442

H1196 – 0443

КЕЙТЕЛЬ. По моему мнению, это не имело место, я лично также не был осведомлен об этом.

ЛАТЕРНЗЕР. У меня еще один вопрос относительно военнопленных. Уже во время войны стало известно, что в области снабжения русских военнопленных, захваченных в начале восточного похода, создалось прискорбное положение. Какова была причина этого положения, которое возникло в первое время в этой области?

КЕЙТЕЛЬ. Я могу лишь сослаться на то, что сообщал главнокомандующий сухопутными силами на совещаниях по вопросу об обстановке. Тогда, насколько я помню, он нам неоднократно докладывал, что речь идет о ярко-выраженной массовой проблеме, которую очень трудно разрешить в отношении питания, размещения и охраны военнопленных.

ЛАТЕРНЗЕР. Это хаотическое положение, несомненно, действительно длилось некоторое время. Я думаю, при этом об одной особой причине, которая имела место, господин свидетель. А для того, чтобы освежить вашу память, я хочу вам рассказать следующее: сухопутные силы в глубоком тылу подготовили уже лагери для будущих военнопленных, так как первоначально предполагалось, что захваченные военнопленные будут транспортироваться в глубокий тыл. И, несмотря на эти приготовления, неожиданно, как здесь уже говорилось, был издан приказ Гитлера, запрещавший отправлять в глубокий тыл взятых в плен русских солдат.

КЕЙТЕЛЬ. Я уже говорил об этом сегодня утром, и сказал, что некоторое время, до сентября, была запрещена всякая отправка советских военнопленных на территорию империи. И лишь потом была дана возможность перевозить военнопленных в глубокий тыл для использования их на работах.

ЛАТЕРНЗЕР. Можно ли было устранить возникшие в первое время трудности теми средствами, которые имелись в распоряжении самих войск?

КЕЙТЕЛЬ. Этого я не знаю, об этом я не информирован. Это могло знать само ОКХ, которое само несло ответственность.

ЛАТЕРНЗЕР. У меня лишь несколько мелких вопросов о положении заместителя начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил. Когда был создан этот пост?

КЕЙТЕЛЬ. Мне кажется в 1942 году.

ЛАТЕРНЗЕР. 1942 году. Какой ранг имело лицо, занимающее этот пост?

КЕЙТЕЛЬ. Он мог быть полковником или генералом.

ЛАТЕРНЗЕР. Я имею в виду ~~ранг~~, приравнивалась ли эта должность к должности командира дивизии?

КЕЙТЕЛЬ. Я сказал бы, что эта должность приблизительно приравнивалась к должности командира бригады или дивизии, или начальника отдела.

ЛАТЕРНЗЕР. Сколько руководителей отделов имелось в ОКВ?

КЕЙТЕЛЬ. Я не могу сейчас по памяти сказать. Имелось приблизительно восемь управлений, в каждом 1,2,3 или 4 отдела, значит, примерно, было 30-35 начальников отделов.

ЛАТЕРНЗЕР. Заместитель начальника штаба оперативного руководства был, значит, одним из 30 или 35 начальников отделов?

КЕЙТЕЛЬ. Я не хочу именно так сказать, но, кроме начальников управлений, у нас имелись так называемые начальники групп, т.е. групп, об"единявших несколько отделов. Я бы поставил его на такое место.

8150.

H1196 – 0444

H1196 – 0445

ЛАТЕРНЗЕР. Какие служебные задачи были связаны с этим постом?

КЕЙТЕЛЬ. Само собой разумеется, руководство и наблюдение за всей работой, которая производилась в той части штаба оперативного руководства, которая находилась при главной ставке фюрера. Задача заключалась в том, чтобы руководить этой работой по указаниям начальника оперативного руководства Йодля.

ЛАТЕРНЗЕР. Отвечал ли заместитель начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил в особой мере за стратегические планы, как утверждает Обвинение?

КЕЙТЕЛЬ. Ответственным за это он не был, конечно, судя по его положению, но, само собой разумеется, он принадлежал, как подтвердил Гальдер, к небольшому числу хороших офицеров генерального штаба, которые занимались этими вопросами.

ЛАТЕРНЗЕР. Теперь у меня последний вопрос. Должность заместителя начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил, таким образом, по значению не соответствовала остальным инстанциям, об"единенным в этой условной группе генерального штаба или ОКВ?

КЕЙТЕЛЬ. Я сказал, что он был приравнен к начальнику группы в штабе оперативного руководства и был сотрудником той тесной группы людей, которые должны были заниматься оперативными и стратегическими вопросами, но он был подчинен генералу Йодлю и руководил деятельностью рабочего штаба.

ЛАТЕРНЗЕР. Господин фельдмаршал, мне кажется, что вы не совсем ответили на заданный мною вопрос. Я спросил вас, имел ли этот пост такое же значение, или хотя бы приблизительно такое же, что и другие посты, об"единенные в группе генерального штаба и ОКВ.

КЕЙТЕЛЬ. Конечно, нет. В группе генерального штаба и ОКВ находятся командующие, высшие командиры и начальники в генштабе. Он, конечно, не приравнивался к ним.

ЛАТЕРНЕР. Спасибо.

/К микрофону подходит адвокат Бабель./

Д-р БАБЕЛЬ./защитник СС/. Господин свидетель, в своем письменном показании, К-12, вы заявили, что организации СС с началом войны стала собственно передовым отрядом и знаменосцем политики силы и завоеваний. Чтобы предотвратить недоразумения, я хотел бы выяснить следующее: Что вы понимали при этом под СС?

КЕЙТЕЛЬ. Я могу сказать по этому поводу, что то, что было здесь зачитано моим защитником, является кратким изложением подробного аффидевита. Если вы его прочтете, то вы сами получите ответ на этот вопрос. Я хочу еще кратко уточнить, речь шла об имперском руководстве СС, во главе с Гиммлером, и тех органах его сферы компетенции, о полиции и СС, которые действовали в оккупированных областях, где велись военные действия. К понятию так называемых общих СС на родине это не имеет никакого отношения.

Д-р БАБЕЛЬ. Хорошо. Благодарю вас.

ВЕРГОЛЬД /защитник подсудимого Бормана/. Господин свидетель, Обвинение в своих судебных выдержках инкриминирует Борману также его участие в так называемом "фольксштурме". Я хотел бы в этой связи задать вам несколько вопросов. Для "фольксштурма" в том виде, как он был создан на основе указа фюрера от 18 октября 1944 года, была предусмотрена наступательная или оборонительная деятельность?

8152

H1196 – 0446

H1196 – 0447

КЕЙТЕЛЬ. По этому вопросу я должен вам сказать, что рейхслейтер Борман отказал военным учреждениям во всякой информации обмена мнениями и в сотрудничестве .

БЕРГОЛЬД. Вы хотите сказать, что вы ничего не знаете о назначении фольксштурма?

КЕЙТЕЛЬ. Я сам составил себе представление о "фольксштурме", как о последней попытке мужчин защитить свои родные места.

БЕРГОЛЬД. Таким образом, в рамках вооруженных сил "фольксштурм" не был предназначен для целей наступления?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, все инстанции вооруженных сил, обнаружившие в своих областях части фольксштурма, либо включали их в свой состав, либо отправляли их домой.

БЕРГОЛЬД. Если я верно вас понял, то вы хотите сказать, что формирование "фольксштурм" было создано по идее Бормана, или же идея исходила от Гитлера?

КЕЙТЕЛЬ. Этого я не знаю. Может быть от обоих.

БЕРГОЛЬД. Также и Гитлера никогда вам ничего об этом не говорил?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, он говорил только о фольксштурме и т.п., но военные инстанции не имели отношения к этому.

БЕРГОЛЬД. Делал ли Борман еще другие военные доклады фюреру, кроме этих странных докладов о фольксштурме?

КЕЙТЕЛЬ. Он часто обвинял вооруженные силы во всевозможных вещах. Я могу это заключить из того, что мне потом рассказывали, и могу полагать, что эти обвинения исходили от Бормана. Точно я не знаю.

БЕРГОЛЬД. Благодарю вас.

ДОКТОР ЖОРН /защитник подсудимого фон Риббентропа/. Верно ли, что подсудимый фон Риббентроп после своего

возвращения из Москвы в августе 1939 г. на основании изменившегося внешнеполитического положения, - был ратифицирован пакт о гарантии между Польшей и Англией,- предложили Гитлеру приостановить начатые военные приготовления?

КЕЙТЕЛЬ. У меня было тогда такое впечатление, что данные мне приказы Гитлера основывались на его беседе с его министром иностранных дел. Но я при этом не присутствовал.

ХОРН. Верно ли, что фон Риббентроп, как и другие специальные министры, в принципе не информировался о стратегических планах?

КЕЙТЕЛЬ. Я могу сказать лишь о себе и о начальнике штаба оперативного руководства, что мы не имели права это делать и не делали этого. Если министр иностранных дел был информирован о таких вопросах, то это мог сделать только сам Гитлер. Я сомневаюсь, чтобы в данном случае он сделал исключение.

ХОРН. Обвинение представило ~~письмо~~ письмо от 3 апреля 1940 г. относительно предстоявшей оккупации Норвегии и Дании, которое было написано вами тогдашнему министру иностранных дел. В этом письме вы сообщаете министру иностранных дел о предстоящей оккупации и просите его принять необходимые внешнеполитические меры. До этого вы сообщали Риббентропу о запланированной оккупации Норвегии и Дании?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, да я и не имел права это делать на основании тех методов, руководствуясь которыми работал с нами фюрер, и это письмо - необычная форма, в которой

H1196 – 0448

H1196 – 0449

министр иностранных дел по приказу Гитлера получил об этом сведения. Мне было поручено написать ему об этом.

ХОРН. В связи с показанием генерала Лахузена я хотел бы задать вам один вопрос?

Во время польского похода существовало ли указание или приказ Гитлера о том, чтобы уничтожить евреев в польской Украине?

КЕЙТЕЛЬ. Я не могу вспомнить ничего подобного, но только знаю, что после оккупации Польши приобрела значение проблема польских евреев. И в этой связи я однажды задал вопросу Гитлеру, насколько я помню, он ответил мне, что это пространство подходит для того, чтобы населить его евреями. Другие вещи мне неизвестны и я ничего другого не помню.

ХОРН. Намечалось ли в связи с польским походом спровоцировать в тылу у поляков, в польской Украине, восстание?

КЕЙТЕЛЬ. Я не могу ответить вам на это, хотя я слышал об этом от Лахузена, я это не знаю и не могу вспомнить.

ХОРН. Спасибо.

ВЭМ /защитник СА/. Господин фельдмаршал, вы были начальником ОКВ и тем самым начальником отдела по делам военнопленных. Издавали ли вы когда-либо приказ или вы распорядились, чтобы кто-либо другой издал приказ о том, чтобы члены СС или подразделения СА использовались для охраны лагерей военнопленных?

КЕЙТЕЛЬ. Я не могу вспомнить, чтобы ОКВ издало подобное распоряжение. Я думаю, что этого не было.

ВЭМ. Было ли вам вообще в этой связи сделано какое-либо донесение, на основании которого можно полагать, что существовала такая охрана?

КЕЙТЕЛЬ. Я этого не помню, хотя я не хочу этим исключить ту возможность, что инстанции сухопутных сил в каком-либо месте временно использовали членов СА для охраны. Об этом я не знаю.

ВЭМ. Благодарю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть сейчас лучше об"явить перерыв на 10 минут.

/Перерыв на 10 минут./

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Завтра состоится открытое заседание Трибунала, начиная с 10 часов. В 12.30 будут заслушаны дополнительные ходатайства о вызове свидетелей и о представлении документов, а без четверти час будет об"явлен перерыв, после чего начнется закрытое заседание. Начинается перекрестный допрос.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Подсудимый Кейтель, я прошу вас уточнить, когда вы получили первый офицерский чин?

КЕЙТЕЛЬ. 18 августа 1902 года.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Какое вы получили военное образование?

КЕЙТЕЛЬ. Я вступил в армию в качестве кандидата в офицеры и служил, сначала в качестве простого солдата и, пройдя затем все последующие чины: ефрейтора, унтер-офицера, фенриха, стал лейтенантом.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я спросил о военном образовании?

H1196-0450

H1196 – 0451

КЕЙТЕЛЬ. Я был армейским офицером до 1909 г., затем около 6 лет полковым адъютантом, во время первой мировой войны я был командиром батареи, а с весны 1915 г. находился на службе в генеральном штабе.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Очевидно, вам не точно перевели. Вы окончили военную или другую академию, прошли образовательную подготовку?

КЕЙТЕЛЬ. Я никогда не учился в военной академии. Два раза я в качестве полкового адъютанта принимал участие в так называемых больших командировках генерального штаба, летом 1914 г. был откомандирован в генеральный штаб и в начале войны 1914 г. возвратился в свой полк.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Какую военную подготовку и военный чин имел Гитлер?

КЕЙТЕЛЬ. Лишь немного лет тому назад я узнал от самого Гитлера, что он после окончания первой мировой войны был лейтенантом в одном из баварских пехотных полков. Во время войны он был простым солдатом, затем он получил чин ефрейтора, очень может быть, что в последнее время он получил чин унтер-офицера.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Не следует ли сделать вывод, что вы, обладая солидной военной подготовкой и большим опытом, имели возможность оказывать существенное влияние на Гитлера при решении военно-стратегических и других вопросов, касающихся вооруженных сил?

КЕЙТЕЛЬ. Нет, я должен в этой связи сделать следующее заявление. Очень трудно обычному кадровому офицеру не специалисту представить себе, в каком огромном количестве Гитлер сам изучал труды генеральных штабов, военную

литературу, тактические, оперативные и стратегические труды и как велики были его знания в военной области, вызывавшие удивление. Я разрешу себе показать это на примере , и все остальные офицеры вооруженных сил могут подтвердить, что он был осведомлен об организации, вооружении, руководстве и снаряжении всех армий и что удивительнее всего - о флотах всех стран, так что было невозможно заметить, что он в чем-либо ошибается.

Я должен также добавить, что и во время войны, когда мне часто приходилось бывать в главной ставке, Гитлер ночи напролет штудировал великие труды Шлиффена, Мольтке и Клаузевица, из которых он черпал свои автодидактические знания. Поэтому у нас сложилось представление, что он гений.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы не станете отрицать, что в силу своего опыта и военной подготовки вы являлись советником Гитлера в ряде важнейших вопросов?

КЕЙТЕЛЬ. Я относился к его ближайшему военному окружению и очень многое слышал от него самого. Уже вчера, отвечая на вопрос моего защитника, я подчеркнул, что даже в более простых повседневных вопросах организации и вооружения армии, не я, откровенно говоря, поучал его, а он меня.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. С какого времени, вы считаете, началось ваше сотрудничество с Гитлером?

КЕЙТЕЛЬ. Как раз в тот день, когда я был призван на должность, 4 февраля 1938 года.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Итак, вы работали в контакте с Гитлером весь период подготовки и осуществления агрессивной войны?

8158

H1196 – 0452

H1196 – 0453

КЕЙТЕЛЬ. Да, мне кажется, что я уже дал все нужные раз"яснения относительно того, как для меня, оказавшегося в этой ситуации, развивались события, уготавливавшие мне много неожиданного.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Кто, кроме вас, из руководящих военных работников ОКВ и ОКХ был приравнен к рангу министра рейха.

КЕЙТЕЛЬ. Ранг имперского министра имели три главнокомандующих составными частями вооруженных сил, причем главнокомандующий военно-воздушным флотом рейхсмаршал Геринг, был кроме того, имперским министром авиации, точно так же и я, как я уже показал вчера, приравнивался по рангу к рейхсминистру, но я не имел полномочий министра и не назывался министром.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Кто, кроме вас, из руководящих работников ОКВ и ОКХ подписывал законы вместе с Гитлером и другими министрами?

КЕЙТЕЛЬ. В министерских сферах имперского правительства такие документы подписывались фюрером и рейхсканцлером а также министрами, которых это касалось, и, наконец, начальником имперской канцелярии. Что же касается военной сферы, то там дело обстояло иначе, по установившимся порядкам в германской армии, в вооруженных силах приказы подписывались сотрудником, обрабатывавшим документ, начальником штаба и тем, кто отдал приказ или, по крайней мере, составил его, проставив инициалы на. полях документа.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Вы уже вчера сказали, что такие декреты вы подписывали вместе с другими имперскими министрами?

КЕЙТЕЛЬ. Да, я вчера как раз говорил об отдельных декретах и об"яснял, почему эти декреты были подписаны мной, что я не был рейхсминистром и не исполнял служебных обязанностей такового.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Какой орган, начиная с февраля 1938 года, выполнял функции военного министерства?

КЕЙТЕЛЬ. До последних дней января или первых дней февраля тогдашний имперский военный министр фон Бломберг. После 4-го февраля, как известно, не существовало больше ни военного министерства, ни военного министра.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я поэтому вас и спрашиваю, какой орган заменял и выполнял функции военного министерства, зная, что этого министерства не было?

КЕЙТЕЛЬ. Я вместе с управлением вооруженных сил, тогдашним штабом военного министерства, во главе которого я стоял, вел дела дальше, распределив их, как я вчера указал, т.е. передав все высшие полномочия главнокомандующим составными частями вооруженных сил. Но это был не мой приказ, а приказ Гитлера.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Из представленной вами суду схемы видно, что ОКВ являлось центральным об"единяющим и высшим военным звеном в рейхе, непосредственно подчиненным Гитлеру. Правильно сделать такой вывод?

КЕЙТЕЛЬ. Да. Это был штаб, военный штаб Гитлера.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Кто непосредственно в ОКВ руководил разработкой военно-стратегических планов? Я имею в виду планы нападения на Австрию, Чехословакию, Польшу, Бельгию

8160

H1196-0454

H1196 – 0455

Голландию, Францию, Норвегию, Югославию и Советский Союз.

КЕЙТЕЛЬ. Мне кажется, что уже вчера я совершенно точно установил, что все оперативные, стратегические планы разрабатывались по поручению Гитлера, главнокомандующими составных частей вооруженных сил, т.е., например, в сухопутных войсках ОКХ и генеральным штабом сухопутных сил. После чего об этих планах докладывалось Гитлеру и затем принимались соответствующие решения.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я хочу вас спросить в связи с Югославией о следующем. Признаете ли вы, что изданная за вашей подписью директива о предварительном разделении Югославии, является документом большого политического и международного значения, которым предусмотрено фактическое уничтожение Югославии как государства?

КЕЙТЕЛЬ. Я не сделал ничего, помимо оформления письменного распоряжения Гитлера и препроводил его в инстанции, которых это интересовало и касалось. Я не мог оказать ни личного, ни политического влияния на решение этого вопроса.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. За своей подписью?

КЕЙТЕЛЬ. Мне кажется, что вчера я подробно об"яснил, как возникли мои подписи и какое значение они имеют.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Об этом вы говорили, да, мы слышали и об этом я еще буду спрашивать. Я сейчас хотел уточнить вашу позицию в вопросе о Югославии. Согласны ли вы, что при прямом участии ОКВ организовывали провокационные акции для создания повода для германской агрессии и оправдания этой агрессии в глазах общественного мнения?

8161

КЕЙТЕЛЬ. Я сегодня утром на вопросы защитника других подсудимых уже ясно ответил, что я не принимал участия в подготовке каких-либо инцидентов и что военные инстанции по желанию Гитлера, никогда не принимали участия в обсуждении, подготовке, разработке или проведении такого рода инцидентов. Под инцидентом я подразумевается провокация.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Безусловно. Какое участие принимало ОКВ в обеспечении вооружения фрайкорпуса в Судетах?

КЕЙТЕЛЬ. Господин генерал, какого фрайкорпуса? Я не знаю, какой фрайкорпус вы имеете в виду?

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. В Судетах?

КЕЙТЕЛЬ. Я не осведомлен о том, что какая-либо военная инстанция, если можно так выразиться, поставляла или направляла туда тайным образом оружие. Я об этом не знаю. Приказ такого рода не издавался, во всяком случае не прошел через мои руки. Я не могу вспомнить об этом.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Кто и почему издал приказ об оккупации Моравской Остравы и Витковиц германскими военными частями 14 марта 1939 года, после полудня, когда президент Гаха еще находился в пути в Берлин с целью переговоров с Гитлером?

КЕЙТЕЛЬ. Под конец фюрер решил издать этот приказ. Были сделаны приготовления, с тем чтобы внезапно до планировавшегося ранее вступления в Чехословакию, занять этот район, где находился известный крупный современный сталелитейный завод, расположенный в Моравской Остраве, я не могу сейчас вспомнить, как он называется.

8162

H1196 – 0456

H1196 – 0457

Гитлер мне сказал, что причина такого решения заключается в том, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы поляки внезапно не напали с севера и чтобы, кроме того, на всякий случай завладеть наиболее модернизированным прокатным заводом. Это он привел мне в качестве причины и операция, т.е. оккупация этого района состоялась действительно поздним вечером 14-го марта.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Да, но в это же время президент Гаха ехал в Берлин, чтобы вести переговоры с Гитлером?

КЕЙТЕЛЬ. Да, это правильно.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Это вероломство.

КЕЙТЕЛЬ. Мне не кажется, что я должен давать свою оценку этих событий. Правильно то, что эта оккупация состоялась в указанный вечер. Причины я уже указал и президент Гаха узнал об этом лишь тогда, когда он приехал в Берлин. Теперь я вспомнил, как назывался этот завод: Сталелитейный завод Витковиц.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО. Я имею к вам несколько вопросов в связи с грассией против Советского Союза. Вы вчера давали уже Трибуналу по этому поводу показания. Вы изложили свою позицию по поводу нападения на Советский Союз. Но вы заявили Трибуналу, что распоряжение о подготовке варианта "Барбаросса" последовало в начале декабря 1940 года?

КЕЙТЕЛЬ. Да.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы точно это припоминаете и утверждаете?

КЕЙТЕЛЬ: Я не знаю, точнее сказать, я не вспоминаю о каком-то определенном приказе главного командования вооруженных сил, которое издало бы соответствующие распоряжения о плане, названном просто "Барбаросса". Я уже вчера сказал, что, правда, в сентябре было издано указание, в котором говорилось о транспорте и железных дорогах и тому подобных вещах. Подписал ли я такое указание - я сейчас не помню, но я вчера заметил, что тогда действительно было издано такое подготовительное указание, которое ставило своей целью улучшение средств сообщения между западом и востоком.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: В сентябре?

КЕЙТЕЛЬ: Это было или в сентябре или в октябре - точно сказать не могу.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я хочу узнать точно.

КЕЙТЕЛЬ: Может быть генерал Йодль на более поздней стадии процесса даст более точные сведения, он, вероятно, знает это лучше меня.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Конечно, когда он будет допрашиваться, мы его спросим по этому вопросу. Я хочу, чтобы вы кратко вспомнили все обстоятельства. Впервые вы узнали о замыслах Гитлера о нападении на Советский Союз летом 1940 г.?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, этот записанный в дневнике Йодля разговор относится к лету 1940 г. Вы, очевидно, имеете сейчас в виду тот разговор, который записан в дневнике Йодля, я не присутствовал на этой, очевидно, очень краткой и беглой беседе. Размышления, которые у меня были в то время, подтверждают то обстоятельство, что я не слышал этого разговора, потому что я в то время постоянно находился в раз"ездах, летал на самолете и не присутствовал на совещаниях, где обсуждалось военное положение.

8164

H1196 - 0458

H1196-0459

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: А когда у вас происходила беседа с Риббентропом?

КЕЙТЕЛЬ: Это было, очевидно, в последние дни августа или в начале сентября. Точной даты я, однако, сообщить не могу. Я восстанавливая этот период в моей памяти, исходя из того, что приблизительно 10 августа я вновь прибыл в Берхтесгаден и в последующее время составил тот меморандум, о котором я вчера говорил.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Итак, вы утверждаете Трибуналу, что впервые о замыслах Гитлера напасть на Советский Союз вы узнали из беседы с Риббентропом?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, нет, дело в том, что после того, как я 14 дней отсутствовал в Берхтесгадене, находясь частично в отпуску, частично при исполнении служебных обязанностей в Берлине, я возвратился в главную ставку и затем в один из последующих за моим прибытием дней, приблизительно в середине августа, я услышал впервые об этих планах Гитлера. После этого мной был составлен меморандум.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Таким образом, правильно я вам ставлю вопрос, что вы летом 1940 года узнали о замыслах Гитлера?

КЕЙТЕЛЬ: Да, конечно, ведь середина августа, как ни как еще лето.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Дальше. Я хотел бы напомнить вам показания свидетеля Паулюса, которые он дал здесь, перед Трибуналом, 11 февраля сего года. Паулюс, как вы припоминаете, очевидно, сообщил Трибуналу, что при поступлении на службу в ОКХ 3 сентября 1940 года, он среди прочих планировок застал там еще незаконченный предварительный оперативный план нападения на Советский Союз, известный под названием "Барбаросса". Вы припоминаете это свидетельство Паулюса?

8165

КЕЙТЕЛЬ: Я помню лишь то, что - он сказал, что там имелся план проведения маневров, что когда он был переведен на должность в ОКХ в генеральный штаб, он обнаружил там соответствующий документ. Этот документ мне неизвестен и не мог быть известным, так как документы и материалы генерального штаба никогда не находились в моем распоряжении и я никогда не видел их.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Стало быть, я хочу установить одно обстоятельство - вы отрицаете, что в сентябре 1940 года в ОКХ уже велись разработки в связи с вариантом "Барбаросса"?

КЕЙТЕЛЬ: Если имеется свидетельство генерала фельдмаршала Паулюса, то я не могу сказать, что оно неправильно, потому что я не могу знать, было ли это так в действительности. Я не могу это ни оспаривать, ни утверждать.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Так, вы заявили здесь Трибуналу, что вы были противником войны с Советским Союзом?

КЕЙТЕЛЬ: Да.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы заявили, что вы специально входили с предложением к Гитлеру, чтобы он изменил свои замыслы в отношении Советского Союза?

КЕЙТЕЛЬ: Да, не только изменить этот план, но вообще отказаться от этого плана и не вести войны против Советского Союза. В этом заключался смысл моего меморандума.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я так вас и спрашивал. Сейчас я хочу вас спросить об известном вам, очевидно, совещании, которое произошло через три недели после нападения Германии на Советский Союз, о совещании от 16 июля 1941 г. Вы припоминаете это совещание, которое было посвящено вопросу о

H1196 - 0460

H1196 – 0461

задачах войны против Советского Союза?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я сейчас не понимаю, что Вы имеете ввиду. Я не знаю.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я не намерен Вам сейчас пред"являть этот документ. Если вспоминаете, я его пред"являл подсудимому Герингу, когда речь шла о расчленении Советского Союза, о присоединении, вспоминаете?

КЕЙТЕЛЬ: Да, этот документ я знаю. Мне кажется, что вверху было обозначение "БО-ФУ". Я уже здесь, во время моего допроса охарактеризовал этот документ как запись рейхслейтера Бормана.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Правильно.

КЕЙТЕЛЬ: Я тогда также показал, что меня пригласили участвовать лишь во второй половине этого совещания, я не присутствовал на первой половине совещания. Я также показал что этот документ не является протоколом, а свободной (продиктованной) записью рейхслейтера Бормана.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Но Вы припоминаете, что уже тогда, 16 июля ставился вопрос о присоединении к Германии Крыма, Прибалтики, волжских районов, Украины, Белоруссии и других территорий.

КЕЙТЕЛЬ: Нет, мне кажется, что об этом говорилось на первой половине совещания. Я помню о той части совещания, когда обсуждался вопрос о кадрах, об определенных лицах, которые должны были быть (назначены). Это я припоминаю. Эту запись я увидел только здесь, раньше я не знал о ней, на первой половине этого совещания я не присутствовал.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Тогда позвольте спросить Вас иначе. Какие же конечные цели ставил Гитлер и его окружение в то время против Советского Союза?

8167

КЕЙТЕЛЬ: Я считал,основываясь на тех заявлениях, которые мне сделал Гитлер, что более глубокие причины этой войны заключались в том, что он был убежден, что в течение ближайших лет между великой славянской коммунистической империей и великой германской империей национал-социализма так или иначе, вспыхнет война и причины войны, какие были указаны мне, были те, что, если я убежден в том, что столкновение между этими двумя народами неизбежно, то гораздо лучше, чтобы оно произошло сейчас, а не позже. Вот, как я могу приблизительно все это сформулировать. Вопросов, записанных в этом документе и связанных с расчленением территорий, я не помню и мне кажется, что это был вынесен.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: И Вы утверждаете Трибуналу под присягой, что Вам было неизвестно о гитлеровских планах захватить территории Советского Союза и колоннизировать их?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, в такой форме это не говорилось. Я, конечно, осознавал, что предполагалось сделать прибалтийские провинции зависимыми от Германии, установить между Украиной и Германией тесные экономические отношения в области снабжения продуктами питания, но мне не были известны конкретные об"екты, которые должны были быть завоеваны и если эти вопросы когда нибудь и затрагивались, то я к ним не относился серьезно. Так относился я к этим проблемам прежде. Как известно, я не должен излагать вещи так, как я отношусь к ним сегодня.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Известно ли Вам было, что на этом совещании 16 июля Гитлер заявил о необходимости стереть с лица земли город Ленинград?

H1196 – 0462

H1196 – 0463

КЕЙТЕЛЬ: Мне кажется, что на этом совещании.. Я еще раз читал этот документ здесь; то, что такая фраза имеется в документе, я не помню, но я держал документ в руках, прочитал его в присутствии обвинителя от Американской делегации и если такая фраза, действительно, содержится в документе, то можно установить, слышал ли я ее или нет по тому, когда меня пригласили на это совещание.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я не намерен его пред"являть Вам сейчас, этот документ уже неоднократно пред"являлся. Но в записях, которые цитировались здесь уже подсудимому Герингу, и который сам их читал, говорится: "На Ленинградскую области претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам".

КЕЙТЕЛЬ: Я могу лишь заметить, что нужно просто установить, с какого момента я присутствовал на совещании. Я не знаю о том, что говорилось до меня. Какие-либо об"яснения я смогу дать лишь тогда, когда мне дадут возможность ознакомиться с этим документом или извлекут материалы предварительного следствия. Я уже тогда заявил это допрашивавшему судье.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Хорошо, мы сейчас Вам дадим этот протокол совещания от 16 июля.

Пока ищут это место, я поставлю Вам еще несколько вопросов, а тем временем найдут это место.

О разрушении Ленинграда из других документов Вам не было известно?

КЕЙТЕЛЬ: Меня уже спрашивали об этом представители русской делегации и тот генерал, который находится сейчас в зале. Он обращал мое внимание на один документ.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Это было на предварительном следствии, это правильно?

КЕЙТЕЛЬ: Я действительно знаю документ, изданный военно-морскими силами, неким адмиралом. Мне также известен 2-й документ, который содержал краткую директиву, мне кажется, по поручению Йодля, относительно Ленинграда. Меня уже допрашивали по этим двум документам. Я могу по этому поводу лишь констатировать, что ни действия германской авиации, ни обстрел осадной артиллерией, не произвели тех разрушений, какие имели место позже в других местах. До этого дело не дошло, этого в действительности не было. Насколько мне известно, систематического обстрела Ленинграда не было. Поэтому можно констатировать лишь то, что я сказал тогда под присягой представителям советской делегации.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вам известно, что Ленинград никогда не обстреливался?

КЕЙТЕЛЬ: Конечно, артиллерия действовала в районе Ленинграда. Но обстрел не ставил своей целью разрушение города, до этого дело не дошло. Это могло бы произойти, господин генерал, если бы дело дошло до атаки Ленинграда.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы ознакомьтесь с этим документом, а я Вам поставлю потом еще дополнительные вопросы.

КЕЙТЕЛЬ: Все очень просто. Я пришел именно после того, как это замечание было уже сделано. Я во время предварительного допроса американцами дал занесенные в протокол показания относительно того, что когда я вошел в зал совещания, то я услышал, как говорили об использовании господина гаулейтера Лозе, но предыдущих замечаний я не слышал.

8170

H1196 – 0464

H1196 – 0465

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы ознакомились с этим местом протокола совещания от 16 июля относительно Ленинграда?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я прочитал это место.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы увидели, что такая запись в протоколе совещания имеется? Вы появились на этом совещании именно сразу, как закончили говорить о Ленинграде?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я пришел в тот момент, когда говорили о гаулейтере Лозе, о том, насколько он подходит для административной должности.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Там совершенно четко записано: "Стереть Ленинград с лица земли"?

КЕЙТЕЛЬ: Да, я прочел это место.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Это ведь записано и в приказе?

КЕЙТЕЛЬ: Да, но для меня этот приказ не имеет причинной связи. Вы имеете в виду приказ, который исходил от военно-морских инстанций, приказ, найденный в архивах военно-морских сил.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вам известно, что были два приказа: один по линии военно-морских инстанций, а другой по линии ОКВ за подписью Йодля? Вам это известно?

КЕЙТЕЛЬ: Оба эти документа я видел здесь, их пред"являла русская делегация.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: И Вам известно, что в приказе за подписью подсудимого Йодля говорится о разрушении города Москвы также?

КЕЙТЕЛЬ: Сейчас я этого точно не знаю, т.к. тогда, как я сам видел, речь шла только о Ленинграде. Если это имеется в протоколе, то я не хочу оспаривать.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я Вас спрашивал: приказы по линии ОКВ издаются для того, чтобы их исполняли?

КЕЙТЕЛЬ: Во-первых, директива или указание, изданное военно-морскими силами, не является приказом, исходящим от ОКВ и его происхождение мне неизвестно, а короткий приказ Йодля "И.А.Йодль", исходящий от ОКВ, был составлен когда я отсутствовал, как я уже вчера говорил, если бы я в тот момент находился там, то я, вероятно, подписал бы его, но меня тогда не было и я не знаю предпосылок и обсуждений, обусловивших это указание.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы не ответили на мой вопрос. Я спрашивал: приказы издаются для того, чтобы их исполняли? Кратко Вы можете ответить?

КЕЙТЕЛЬ: То, о чем мы сейчас говорим, указание, а не приказ. Приказ может быть издан только руководящей на данном участке, инстанцией сухопутных сил. Это была директива, где излагалась цель и намерение.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: А указания, исходящие из ОКВ, подлежат исполнению?

КЕЙТЕЛЬ: Конечно, они должны выполняться.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Что касается Вашего заявления по поводу того, что никто не обстреливал Ленинград, то оно не нуждается в опровержении, ибо разрушения Ленинграда - общеизвестный факт.

КЕЙТЕЛЬ: Я разрешу себе заметить, что я не издавал этого приказа. Поэтому я и не знаю этого.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я перехожу дальше. Вам известно, что до начала войны с Советским Союзом подсудимым Герингом была издана, так называемая, "Зеленая папка", содержащая директивы по руководству экономикой подлежащих оккупации районов СССР?

8172

H1196 – 0466

H1196 – 0467

КЕЙТЕЛЬ: Да, это мне известно.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы утверждаете, что своим распоряжением от 16 июня 1941 г. Вы дали указание всем германским вооруженным силам о неуклонном выполнении этих директив?

КЕЙТЕЛЬ: Да, имеется указание, которое доводит до сведения всех войсковых частей, какие организации используются для осуществления больших задач и какого рода ответственность при этом существует. Далее говорилось, что все военные инстанции сухопутных сил должны действовать в полном соответствии с указанием. Я препроводил это указание всем соответствующим инстанциям, не издал его, а препроводил другим инстанциям.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Это было Ваше указание или Вы только исполняли указание фюрера?

КЕЙТЕЛЬ: Я лишь передавал данные мне фюрером поручения. Я вообще не мог, давать приказов рейхсмаршалу Герингу в этом направлении.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы не дали приказ рейхсмаршалу Герингу, а приказ вооруженным силам?

КЕЙТЕЛЬ: Я ему и не мог давать приказов, я мог лишь повеление фюрера довести до сведения главнокомандующего сухопутными силами, который в свою очередь должен был сообщить о нем дальше своим войскам.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы не расходились с этим желанием фюрера?

КЕЙТЕЛЬ: Я не возражал, поскольку здесь речь шла о задачах ОКВ.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы подтверждаете, что в этом распоряжении вами была поставлена задача немедленной и полной эксплоатации оккупированных областей Советского Союза в интересах военной экономики Германии?

КЕЙТЕЛЬ: Такого рода приказ где говорилось о целях и задачах, которые должны были осуществляться экономической организацией "Олденбург", я не издавал. Я передал лишь основное содержание "Зеленой Папки", представляющей собой известное понятие с тем, чтобы потом были даны дальнейшие распоряжения.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы признаете, что директивы, содержащиеся в "Зеленой папке" Геринга были направлены на разграбление материальных ценностей Советского Союза и его граждан?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, по моему мнению, об уничтожении в "Зеленой Папке" ничего не говорилось. Вместо уничтожения, следует сказать использование лишних продуктов, главным образом в области питания, а сырье должно было использоваться для военной экономики Германии, а не уничтожаться.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я прошу вас повторить.

КЕЙТЕЛЬ: Я сказал, в "Зеленой папке" излагались основные мысли об использовании запасов, которые, как ожидается будут найдены и которые должны рассматриваться как излишки, поступавшие в пользу империи. Но в "Зеленой папке" никогда не говорилось об уничтожении. Кроме того ~~основные идеи вовсе~~ не предусматривалось заставить голодать советское население. Я видел сам, будучи на оккупированных нами территориях, как там обстояли дела, поэтому я сам также могу кое-что рассказать по этому поводу.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Это вы не считаете грабежом?

КЕЙТЕЛЬ: Спорные слова, как-то: военные трофеи, использование запасов, обнаруженных во время военных действий, грабеж и тому подобное являются понятиями, которые, как мне кажется, не должны здесь дефинироваться; каждый употребляет при этом свои выражения.

8174

H1196 – 0468

H1196-0469

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Хорошо, не будем спорить.

Я имею к вам последний вопрос в связи с нападением на Советский Союз. Согласны ли вы с тем, что способы ведения германской армией войны на Востоке самым резким образом расходились с элементарным представлением о воинской чести армии и с понятием военной необходимости и целесообразности?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я не могу признать этого в такой форме. То, что действительно имело место вырождение /я уже употреблял это слово/ вырождение методов ведения войны против Советского Союза и на Востоке, нужно приписать не германской армии, а тому обстоятельству, о котором я говорил в аффидевите, пред"явленном моим защитником Трибуналу. Я попросил бы представителя русского обвинения прочитать этот документ, чтобы он узнал мое мнение по этому вопросу.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Хорошо. Чтобы закончить с вопросами агрессии и перейти к вопросам о зверствах, я имею к вам следующий вопрос и, я надеюсь, что вы сообщите Трибуналу те сведения, которыми вы располагаете, как ближайший человек Гитлера в вопросах военных планов.

Мой вопрос следующий. Какие задачи ставились немецким верховным главнокомандованием перед германскими вооруженными силами в случае успешного для Германии окончания войны против Советского Союза?

КЕЙТЕЛЬ: Я не знаю, что вы, собственно, имеете в виду, задавая мне вопрос: какие требования были поставлены перед военным руководством на тот случай, если война будет выиграна. Я попрошу Вас задать мне вопрос по другому. Я не понял Вашего вопроса.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я имел в виду задачи дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании.

КЕЙТЕЛЬ: Могло произойти то, что собственно и было на практике: высадка англо-американских войск на территории Франции, Дании или Германии и т.д. Война могла еще вступить в различные фазы, которые вовсе нельзя было предвидеть.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я вам ставил не вообще этот вопрос. Вы, очевидно, знакомы с документом "Руководство морской войной", который был уже запроектирован 8 августа 1941 г. по вопросу задач дальнейшего ведения войны после окончания Восточной кампании. Речь идет о разработке планов вторжения в Ирак, Сирию, Египет. Вы знаете этот документ?

КЕЙТЕЛЬ: Мне до сих пор не пред"являли этого документа. Для меня этот документ является неожиданностью. Я не могу вспомнить сейчас о нем.

РУДЕНКО: Вы не знаете этот документ? Этот документ, г-да судьи, № С-57, он пред"явлен Трибуналу под № СССР-336. Я вам покажу сейчас этот документ. Дайте подсудимому этот документ. /Пауза, Кейтелю подносят документ/.

КЕЙТЕЛЬ: Этот документ я вижу в первый раз, конечно, здесь на процессе. Он начинается предложением: "У штаба военно-морских сил имеется проект директивы относительно дальнейших планов после окончания восточной кампании". Это указание или этот приказ военно-морских сил я никогда не видел и не мог его видеть. Этот проект директивы должен был, очевидно, исходить из ОКВ, в штабе оперативного руководства имелись офицеры армии, флота и авиации. Очень может быть, что здесь в форме проектов директивы изложены мысли, которые в свое время были доведены до сведения офицеров штаба оперативного руководства. Я сейчас не помню такой директивы штаба оперативного руководства. Может быть генерал-полковник Йодль даст сведения об этом. Я сам не помню.

8176

H1196 – 0470

H1196 – 0471

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Не помните вы об этом. Я не буду вас подробно допрашивать, но вы видели, что этот документ планирует захват Гибралтара при активном участии Испании, он планирует нападение на Сирию, Палестину в направлении на Египет и т.д. Вы говорите, что об этом документе вы не имеете предоставления?

КЕЙТЕЛЬ: Я охотно дам об"яснение по этому поводу, а именно - захват Гибралтара, который является входом в Средиземное море, был планировал уже на предыдущую зиму 1939-40 года, но этот план не был реализован. Мне кажется, что в этом не было ничего нового. Но остальное, что упоминалось в проекте, было лишь выражением идей, которые возникали в связи с той обстановкой, которая возникала в ходе операции севернее Кавказа. Я отнюдь не собираюсь утверждать, что это были идеи, которые не занимали умы. Но я просто этого не помню, я не читал всех документов и бумажек, которые исходили из оперативного штаба в виде проектов.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Если такие документы, как вопрос о захвате стран, считаются бумажками, тогда что же у вас считается важными документами?

КЕЙТЕЛЬ: Я могу сказать лишь следующее, что является вполне искренним и соответствует действительности. Во время войны составляются некоторые планы, обдумываются различные возможности, которые не реализуются в суровой действительности, да и подчас не могут быть реализованы и поэтому уже потом с исторической точки зрения нельзя рассматривать эти бумажки как выражение воли всего оперативного и стратегического военного командования.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Согласен, что с исторической точки зрения этот документ сейчас значения не имеет. Но в плане германского генерального штаба, который полагал, что он победит Советский Союз, этот документ тогда приобретал другое значение. Я вас сейчас больше не буду допрашивать по этому документу.

Перехожу к вопросам зверств и вашего отношения к этим преступлениям. Ваш защитник, доктор Нельте, пред"явил вам основные документы обвинения по вопросам злодеяний. Поэтому я не намерен их пред"являть и подробно останавливаться на них. Я только спрошу об основах этих документов, которые были предоставлены во время допроса вашим защитником.

Прежде всего, я обращаюсь к документу "Распоряжение о применении военной подсудности в районе "Барбаросс" и об особых мероприятиях войск". Вы помните этот документ? Он был составлен 13 мая 1941 года. Это больше чем за месяц до начала войны с Советским Союзом? Вы помните, в этом документе, составленном до начала войны, указывалось, что заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру и последний решает вопрос, должны ли они быть расстреляны. Вы помните это положение? Вы подписывали этот документ?

КЕЙТЕЛЬ: Да. Я никогда и не оспаривал этого. Но мне кажется, что я уже дал нужные раз"яснения относительно этого документа, а именно, как возник этот документ и кто является автором.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Неправильно была переведена дата. Вы сказали 13 мая?

H1196 – 0472

H1196 – 0473

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: 13 мая, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А какой номер документа?

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Документ С-50 от 13 мая 1941 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, продолжайте.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Хотя вы заявляете, что вы уже об"яснили своему защитнику по этому вопросу, тем не менее я обязан вам поставить вопрос и несколько в иной форме.

Вы считали, что право офицера расстреливать людей - недопустимо без суда и следствия?

КЕЙТЕЛЬ: В германской армии уже издавна как для своих солдат, так и для солдат противника имелись военно-полевые суды /штандгерихт/, состоявшие всегда из одного офицера и одного-двух солдат, которые втроем выступали в качестве судей. Это мы называем военно-полевым судом /штандгерихт/. В этом суде должен всегда присутствовать в качестве старшего офицер. Но я должен повторить здесь еще раз в принципе то, что я вчера заявил...

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Один момент, я прошу ответить на вопрос: этим документом устранялось судебное разбирательство дел в отношении лиц, заподозренных, как говорится, и право расстрела предоставлялось офицеру германской армии? Правильно это?

КЕЙТЕЛЬ: Да. В случае, если были заподозрены германские солдаты, это было так и это допускалось. Имеется военный суд, который состоит из судейских чиновников и имеется военно-полевой суд, который состоит из солдат. Последние имеют право в результате слушания дела в военно-полевом суде выносить приговор против каждого солдата германской армии и приводить его в исполнение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не отвечаете на вопрос. Вопрос был задан: какое право дает этот документ, а не каковы приказы в германской армии?

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы можете ответить мне на этот вопрос: Этот документ устранял судебное разбирательство и предоставлял право расстреливать заподозренных, как здесь говорится, офицеру германской армии?

КЕЙТЕЛЬ: Это был приказ, который был дан мне Гитлером. Гитлер отдал этот приказ мне и я поставил свою подпись. А какое значение это имеет, я об"яснил подробно вчера.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Вы, фельдмаршал, подписываете этот приказ? Вы считаете, что это неправильный приказ, Вы понимаете, каковы последствия этого приказа? Почему же Вы подписываете этот приказ?

КЕЙТЕЛЬ: Я не могу Вам сказать больше того, что я подписал этот приказ и что тем самым я взял на себя определенную долю ответственности.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: И еще один вопрос. 13 мая 1941г. датирован этот приказ, почти за месяц до войны. Таким образом, Вами заранее планировалось убийство людей?

КЕЙТЕЛЬ: Не понимаю. Правильно то, что этот приказ действительно был издан за 4 недели до начала похода по плану "Барбаросса" и что за 4 недели до этого о нем сообщили генералам в заявлении Гитлера. Они знали об этом уже за несколько недель до начала.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: О том, как этот приказ был в действии, - Вы знаете?

H1196 – 0474

H1196 – 0475

КЕЙТЕЛЬ: Уже во время предварительного следствия я высказал свою точку зрения допрашивавшему меня генералу советской армии.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я Вас...

КЕЙТЕЛЬ: Не упоминалось о том, говорили ли генералы со мной по поводу этого приказа, но я указывал на то, что в этом приказе также ясно сказано, что высшие военные начальники в праве приостановить действие этого приказа о подсудности, если в их районе достигнуто умиротворение.

Это я отвечал на все вопросы любого генерала относительно причин и последствий этого приказа и говорил ему, что в приказе ясно сказано, что генералы могут приостанавливать действие приказа, как только они будут считать, что в их области достигнуто умиротворение. Там сказано, что это суб"ективный вопрос, зависящий в каждом конкретном случае от отдельного командующего.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: И последний вопрос в связи с этим приказом или распоряжением. Этим распоряжением фактически устанавливалась обстановка безнаказанности для германских солдат и офицеров за произвол и беззаконня?

КЕЙТЕЛЬ: В определенных границах, дам в определенных границах, а граница устанавливалась в устных приказах, предназначенных для генералов и требовавших от своих собственных частей самой строгой дисциплины.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я думаю, Вы, подсудимый Кейтель, эти "определенные границы" видели из предоставленных документов здесь на суде и из киносокументов? Я ставлю следующий вопрос. 12 мая 1941 г. разработан был вопрос об обращении с пленными русскими политическими и военными работниками. Вы помните этот документ?

КЕЙТЕЛЬ: Я в настоящий момент не могу знать, какой документ Вы имеете в виду. Я сейчас не понимаю, что Вы имеете в виду.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Я имею в виду документ от 12 мая 1941 г., которым устанавливалось, что бы политических руководителей Красной Армии не признавать военнопленными, а уничтожать.

КЕЙТЕЛЬ: Я видел лишь предварительные замечания по этому поводу. Я не помню сейчас документа. Обстоятельства дела мне известны. О содержании документа я не могу в данный момент вспомнить. Может быть мне разрешат ознакомиться с ним?

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Пожалуйста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой номер этого документа?

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: 780-ПС. Это - документ от 12 мая 1941 г. Он озаглавлен "По вопросу обращения с пленными русскими политическими и военными работниками.

КЕЙТЕЛЬ: Это не приказ. Это - просто докладная записка из отдела обороны страны с замечанием о том, что не достает еще соответствующих решений фюрера. Докладная записка основана на предложении, сделанном в одном приказе. Я сейчас вспоминаю об этом. Я тогда видел эту докладную записку, но результаты доклада не зафиксированы, здесь только говорится о предложении, относительно урегулирования данного вопроса. Мне кажется, что об урегулировании вопроса в духе упомянутого предложения сообщили затем сухопутным силам, ОКХ, когда фюрер одобрил его или, обсудив с главнокомандующим сухопутными силами, разрешил этот вопрос.

8182

H1196-0476

H1196-0477

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Что вы имеете в виду, когда говорите "урегулирование", потому что мы знаем столько терминов из германской армии: "урегулирование", "особый режим", "эквекуция" - все это в переводе на прямой язык называлось "убийство".

КЕЙТЕЛЬ: Я не сказал "урегулирование", я не знаю, какое слово было понято как "урегулирование". Я сказал, насколько я помню, что, как я помню, в духе докладной записки Гитлер тогда издал распоряжения для армии, т.е. согласился с тем предложением, которое содержится в докладной записке.

ГЕНЕРАЛ РУДЕНКО: Значит вы не отрицаете, что еще в мае, более чем за месяц до войны, уже был запроектирован документ об уничтожении русских политических и военных работников? Вы не отрицаете это?

КЕЙТЕЛЬ: Нет, я не отрицаю этого, это было результатом тех распоряжений, которые были доведены до сведения и письменно разработаны генералами в данном документе.

/Об"является перерыв до 10.00 6 апреля 1946г.

8183

H1196 – 0478

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Т о м XVШ-й

Экз. 2-ой

С о д е р ж и т :

I апреля - утреннее и вечернее заседания,

2 апреля - утреннее и вечернее заседания,

3 апреля - утреннее и вечернее заседания,

4 апреля - утреннее и вечернее заседания,

5 апреля - утреннее и вечернее заседания.

Страницы: с 7710-й по
8183-ю включительно.